АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
И
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

К сведению авторов:
Рукописи редакцией не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, тел. Б 8-81-42.

Подписано к печати 24/I 1959 г. Т-00263. Формат бумаги 70×108 1/16. Бум л. 7 1/2
Печ. л. 20,55+2 вкл. Зак. 1142 Уч.-изд. листов 23,3 Тираж 3950 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (от XX до XXI съезда КПСС)

Съезды Коммунистической партии всегда играли огромную роль в жизни советского народа. Каждый съезд нашей партии являлся важным событием в жизни нашей страны, знаменовал собою новый этап в развитии советского общества по пути к коммунизму. Подводя итоги проделанной работы, опираясь на достигнутые успехи в развитии производительных сил, каждый съезд выдвигал назревшие вопросы дальнейшего роста, ставил перед страной новые грандиозные задачи социалистического строительства.

XX съезд КПСС вошел в историю как один из самых важных съездов нашей партии: он занимает выдающееся место в развитии теории марксизма-ленинизма, в ускорении темпов коммунистического строительства в СССР. Выполняя исторические решения XX съезда, советский народ под руководством своей Коммунистической партии добился громадных успехов в области экономики, науки и культуры, сделал новый крупный шаг в строительстве коммунизма.

В период между XX и XXI съездами партия разработала и успешно осуществляет такие крупнейшие мероприятия, как перестройка на основе ленинского принципа демократического централизма управления промышленностью и строительством, дальнейшее развитие колхозного строя и реорганизация машинно-тракторных станций, программа ускоренного развития химической промышленности и т. п. Все эти мероприятия направлены на решение великой задачи построения коммунистического общества. Высшая фаза коммунизма уже не отдаленная цель: осуществление постепенного перехода от социализма к коммунизму — основное содержание современного этапа развития советского общества.

Решая практические задачи коммунистического строительства, партия одновременно решает и теоретические вопросы. Н. С. Хрущев, выступая на VII съезде Болгарской коммунистической партии, говорил: «Здесь выступают две стороны одного целого — теория и практика. Своими успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры мы наглядно показываем преимущества нашей теоретической мысли, силу и жизненность теории марксизма-ленинизма, на основе которой строится социалистическое общество» [1].

Коммунистическая партия добилась всемирно-исторических побед прежде всего потому, что в своей внутренней и внешней политике она

---

[1] «Правда», № 155, 4 июня 1958 г.

руководствуется всепобеждающим учением марксизма-ленинизма и опирается на единодушную поддержку советского народа.

В решении грандиозной программы коммунистического строительства большая роль отводится советской науке, которая призвана способствовать успешному строительству коммунизма в нашей стране. Историческая наука, являясь составной частью советской науки, должна служить делу коммунистического воспитания трудящихся. На XX съезде КПСС отмечалось отставание исторической науки, особенно неудовлетворительное состояние разработки истории нашей партии и советского общества. Это был один из самых отсталых участков идеологической работы.

За время, истекшее после XX съезда, и в этой области произошли серьезные изменения. Деятельность гуманитарных научных учреждений значительно оживилась. В последнее время появился ряд обобщающих работ по истории партии и советского общества: опубликовано десять глав из новой книги «История Коммунистической партии Советского Союза» [1], учебное пособие для высших учебных заведений по истории советского общества [2], коллективные работы «История гражданской войны в СССР» (т. 3) [3], «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» [4], «История Москвы» (т. VI) [5], «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР» [6] и др.

В связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции издано большое количество книг, сборников статей, воспоминаний и т. п. Проблематика советского периода стала все больше привлекать внимание историков.

В последние годы значительно улучшили свою деятельность и архивные учреждения нашей страны, широко развернув работу по использованию документальных материалов Государственного архивного фонда СССР в интересах развития науки и народного хозяйства. Расширились и укрепились деловые связи архивов с научными, хозяйственными и плановыми учреждениями и организациями: только в течение 1956—1957 гг. было подготовлено около 3000 информаций заинтересованным учреждениям о наиболее важных документах, хранящихся в государственных архивах (о развитии химической промышленности, деятельности совнархозов и т. п.).

В результате использования документальных материалов были сэкономлены многие миллионы государственных средств.

Все больший размах приобретает использование исследователями документальных материалов партийных, государственных и ведомственных архивов. Если в течение 1953—1955 гг. в читальном зале Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС занималось около 2,5 тыс. исследователей, которым было выдано 45 тыс. единиц хранения, то в 1956—1958 гг. число исследователей возросло до 7,5 тыс., а количество выданных единиц хранения составило почти 150 тыс. Возросло и число исследователей, работающих в читальных залах государственных архивов СССР, с 23 тыс. чел. в 1954—1955 гг. до 36 тыс. чел. в 1956—1957 гг., расширилась тематика исследований, особенно по истории советского общества.

---

[1] См. журн. «В помощь политическому самообразованию», 1958, №№ 9—11, 1959, № 1.

[2] «История СССР. Эпоха социализма», М., Госполитиздат, 1957.

[3] «История гражданской войны в СССР», т. 3, М., Госполитиздат, 1957.

[4] «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.», М., Госполитиздат, 1957.

[5] «История Москвы», т. VI, кн. 1, Изд. АН СССР, 1957.

[6] «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР», М., Изд. АН СССР, 1958.

Одной из наиболее важных и эффективных форм использования архивных материалов в политических и научных целях является издание документальных сборников. Особенно широкий размах получила деятельность архивных и научных учреждений страны по изданию документов и материалов по истории партии и истории советского общества.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1957—1958 гг. выпустил дополнительно к четвертому изданию Сочинений В. И. Ленина три тома (36—38), включающие произведения В. И. Ленина за 1893—1923 гг. По постановлению ЦК КПСС начато издание полного собрания Сочинений В. И. Ленина: два тома уже вышли в 1958 г.

Большую ценность представляют подготовленные и изданные Институтом марксизма-ленинизма документы и материалы о Первом съезде партии. Переизданы протоколы VI съезда и VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), протоколы ЦК РСДРП(б) за август 1917 — февраль 1918 г., которые являются одним из основных источников для изучения деятельности Коммунистической партии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. К этим изданиям тесно примыкают по своему содержанию сборники документов «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия» и «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции», а также «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (тт. I, II).

Исключительный интерес для изучения деятельности Советской власти в первые месяцы ее существования представляют «Декреты Советской власти» т. I (25 октября 1917 г.— 16 марта 1918 г.), подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с Институтом истории Академии наук СССР. В этих документах отражена политика партии и правительства, направленная на уничтожение буржуазно-помещичьего строя и создание нового, советского государственного и общественного строя.

В связи с 40-летним юбилеем Октябрьской революции как в центре, так и на местах были изданы многочисленные сборники документальных материалов по истории Октября. Из числа этих сборников прежде всего следует назвать такие публикации, как 10-томная серия «Великая Октябрьская социалистическая революция», издающаяся Институтом истории Академии наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Главным архивным управлением МВД СССР [1], сборники документов «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», «Большевистские Военно-революционные комитеты», «Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета» и другие.

Большую и полезную работу по изданию документальных сборников проделали историки и историки-архивисты Российской федерации, Украины, Молдавии, Белоруссии, Закавказья, Средней Азии и Прибалтики [2]. Всего по истории Октябрьской революции в течение 1957—1958 гг. было опубликовано свыше 100 сборников, т. е. больше, чем за все предыдущие 40 лет развития советской исторической науки. В научный оборот были введены тысячи новых документов. В большинстве сборников яркое осве-

---

[1] В настоящее время вышли в свет три тома этой серии: «Революционное движение в России после свержения самодержавия», М., 1957; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», М., 1957; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис», М., 1958.

[2] См. обзоры и рецензии на эти сборники, опубликованные в журналах «Коммунист», 1958, № 5; «Вопросы истории КПСС», 1958, № 4; «Вопросы истории», 1958, № 7; «Исторический архив», 1958, №№ 2—6 и др.

щение получила руководящая роль Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической революции, борьба партии за создание и укрепление союза рабочего класса и трудящегося крестьянства — решающей силы, обеспечившей победу Октября. В юбилейных сборниках значительно лучше, чем в предыдущих, показана творческая активность народных масс, деятельность массовых организаций (Советов, фабрично-заводских и военно-революционных комитетов и т. п.). Положительным явлением следует также считать издание и переиздание воспоминаний старых большевиков, активных участников революционного движения. Все это свидетельствует о том, что после XX съезда КПСС проделана серьезная работа в области издания источников по истории Октябрьской революции.

Наряду с юбилейными публикациями проведена также подготовка и осуществлено издание сборников документов и по другим проблемам. Наибольший интерес представляет изданный Госполитиздатом в 1957—1958 гг. четырехтомник документов «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», в котором содержатся важнейшие документы о хозяйственной деятельности партии и правительства за период 1917—1957 гг. Материалы сборника показывают руководящую роль партии, громадный опыт, накопленный ею по мобилизации всех сил советского народа на создание социалистического способа производства, на осуществление программы коммунистического строительства. Ценным источником для изучения деятельности КПСС в области руководства сельским хозяйством в последние годы является сборник документов «Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР (1953—1958 гг.)» и др.

Несколько улучшилось положение с публикацией документальных материалов по истории строительства советской экономики: в течение 1956—1958 гг. вышли в свет «Развитие электрификации в Советской стране (1921—1925 гг.)», «Первые шаги индустриализации (1926—1927 гг.)», «Политический и трудовой подъем рабочего класса СССР (1928—1929 гг.)», «Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917—1932 гг.)», «Рабочий контроль и национализация промышленности на Украине», «Социалистическая индустриализация Азербайджана», «Советская Армения в период восстановления народного хозяйства (1921—1928 гг.)» и другие.

Ряд сборников посвящен вопросам истории советского строительства [1], культурного строительства [2], образование союзных республик [3], деятельности комбедов [4] и некоторым другим.

Большое значение для изучения миролюбивой внешней политики СССР и разоблачения фальсификаций за рубежом имеют документальные материалы внешнеполитического характера, к систематической публикации которых приступила Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР. Первый том «Документов внешней политики СССР», включающий материалы за период с 7 ноября 1917 г. по 31 декабря 1918 г., вышел в 1957 г. В 1958 г. издан второй том этой серии, охватывающий период с 1 января 1919 г. по 30 июня 1920 г. Документы тома освещают советскую внешнюю политику, направленную в этот период на прекращение иностранной вооруженной интервенции и блокады, проводившихся Антантой и США, на достижение мира и мирного сосуществова-

---

[1] «История Советской Конституции 1917—1956 гг.», М., 1957; «Советское строительство на Украине в годы гражданской войны (1919—1920 гг.)», Харьков, 1958.

[2] «Культурное строительство в Киргизии (1918—1929 гг.)», Фрунзе, 1957.

[3] «Образование Казахской ССР», Алма-Ата, 1957.

[4] «Комитеты бедноты Белоруссии (1918—1920)», Минск, 1958.

вания с иностранными государствами, на установление с ними взаимовыгодных экономических связей.

Следует отметить также как положительный факт издание сборников документов, характеризующих международную пролетарскую солидарность. В настоящее время изданы первые два сборника: «Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922)» и «Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир (1917—1924)». Одним из достоинств названных изданий является то, что наряду с материалами, хранящимися в архивах СССР, в сборники включены документы зарубежных архивов — Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Китая, Кореи, Польши, Румынии и Чехословакии.

Таким образом, даже далеко неполный перечень основных изданий документальных материалов по истории партии и истории советского общества показывает, что после XX съезда КПСС научные учреждения нашей страны, занимающиеся публикацией источников, в значительной мере перестроили свою работу, пересмотрели планы издания исторических источников с точки зрения расширения публикаций по истории СССР эпохи социализма.

Однако наряду с несомненными успехами в работе государственных архивов и других научных учреждений, в области публикации документальных материалов имеют место и серьезные недостатки. Хотя хронологические рамки публикуемых материалов в последнее время несколько расширились, по-прежнему основное внимание публикаторов привлекают первые годы существования Советской власти. В известной мере это закономерно, так как период между XX и XXI съездами КПСС совпал с празднованием 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, и это, естественно, должно было найти отражение в археографической деятельности научных учреждений. Тем не менее нельзя считать нормальным положение, когда отсутствуют сборники документов, обобщающие опыт социалистического строительства в СССР. Не издано ни одного сборника архивных материалов по истории колхозного движения в СССР, о ведущей роли города в социалистическом переустройстве сельского хозяйства.

Подготовка сборников по истории коллективизации очень затянулась. До сих пор не опубликованы сборники документов по истории коллективизации сельского хозяйства на Украине, в Грузии, Татарии и т. д., хотя работа над ними ведется давно. Слабо организована работа по подготовке сборников серии «Коллективизация сельского хозяйства СССР», осуществляемая ЦГАОР совместно с Институтом истории и Институтом экономики Академии наук СССР. Необходимо быстрее завершить решение организационных вопросов (укомплектование редколлегии, разработка проспекта издания и т. п.) и сосредоточить все внимание на непосредственной работе по выпуску в свет первых томов этой серии.

Не получила документального отражения и история героического рабочего класса СССР. Только в последнее время возобновилась работа по истории фабрик и заводов, начата подготовка документальных сборников по истории советского рабочего класса.

Большие и ответственные задачи в области издания документов стоят перед советскими археографами в свете исторических решений XXI съезда КПСС. Одной из важнейших задач является публикация документальных материалов, освещающих богатейший опыт Коммунистической партии по созданию социалистической экономики СССР. В сборниках документов должны найти отражение вопросы перспективного планирования развития народного хозяйства, материалы о выполнении пятилетних планов, о перестройке управления промышленностью и сельским хозяйством и т. п.

Это тем более важно, что экономическая сторона деятельности Коммунистической партии слабо разработана в исторической литературе.

Публикации документов призваны сыграть важную роль также в борьбе с современным ревизионизмом и фальсификацией истории. Советская археография должна носить боевой, наступательный характер по отношению к различного рода ревизионистским и фальсификаторским выступлениям за рубежом. Известно, что после второй мировой войны на Западе появились многочисленные документальные издания, фальсифицирующие историю подготовки и ход второй мировой войны и искажающие позицию СССР в годы войны.

Поэтому первостепенной задачей советских археографов является разоблачение зарубежных фальсификаций и восстановление исторической правды. Опубликованные в 1957—1958 гг. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и «Новые документы по истории Мюнхена» нанесли серьезный удар по фальсификаторам истории.

В публикациях внешнеполитического характера большое внимание должно быть обращено на издания документов, характеризующих экономические и культурные связи нашей страны со странами народной демократии, странами Азии и Востока. В этой связи большой научный и политический интерес представляют подготавливаемые Главным архивным управлением и ЦГАОР СССР сборники документов по истории дружественных связей между народами Китая и СССР и народами Индии и Советского Союза. Однако подготовка документальных сборников внешнеполитического характера идет все еще медленными темпами. Необходимо добиться более оперативной работы научных учреждений в деле подготовки и издания документов по истории внешней политики СССР.

Мало еще издается документальных материалов по истории культурного строительства в СССР. Создание источниковедческой базы даст возможность более глубоко разрабатывать вопросы истории народного просвещения в СССР, истории формирования и развития советской литературы, театра, кино. В настоящее время Главное архивное управление совместно с Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией педагогических наук РСФСР, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького и другими научно-исследовательскими учреждениями приступило к подготовке серии сборников «Из истории культурного строительства в СССР (1917—1957 гг.)». Это начинание заслуживает одобрения и должно получить всемерную поддержку.

Опыт издания серийных публикаций усилиями ряда заинтересованных научных учреждений полностью себя оправдал. Следует и в дальнейшем широко практиковать совместные издания документальных материалов.

В целях поднятия научного уровня публикации документов необходимо обобщить практику советской археографии. Публикаторская деятельность научных учреждений нашей страны, особенно за последние годы дает богатый материал для теоретических обобщений и выводов.

Разработка теоретических вопросов советской археографии должна занять важнейшее место в работе Сектора публикации источников по истории советского общества Института истории АН СССР, Научно-издательского отдела Главного архивного управления и Московского государственного историко-архивного института. В этом сейчас особенно нуждаются публикаторы по истории советского общества. Нет ясности, например, в определении характера серийных, тематических и др. изданий, не разработаны правила публикации источников советского периода,

специальной документации (экономико-статистического характера и др.), вопрос о сокращенной передаче содержания источников (использование документов в примечаниях, приложениях и т. п.). Неясен также вопрос о соотношении в сборниках опубликованных и архивных материалов, поэтому неудивительно, что даже в серии «Великая Октябрьская социалистическая революция» почти половина включенных в нее источников уже была опубликована. В местных изданиях удельный вес опубликованных материалов еще более значителен. Вряд ли целесообразно включать в научные издания в таком объеме опубликованные источники, многие из которых не являются библиографической редкостью.

От правильного решения этих и некоторых других теоретических и методических вопросов советской археографии в значительной степени зависит качество публикаций, поэтому научные учреждения, издающие документальные материалы, и в первую очередь Главное архивное управление, Институт истории и Московский историко-архивный институт должны серьезно заняться обобщением опыта изданий исторических источников.

Широкое развертывание публикаторской работы немыслимо без тесного содружества научных учреждений с издательствами. Следует отметить, что в 1956—1958 гг. Госполитиздат, Издательство Академии наук СССР и другие центральные и местные издательства улучшили свою деятельность и проделали серьезную работу по изданию сборников документов и материалов по истории партии и истории советского общества. Однако многие издательства и до настоящего времени скептически относятся к документальным публикациям, руководствуются прежде всего коммерческой стороной дела. Конечно, вопросы хозрасчета и рентабельности сборников документов должны быть в поле зрения издательств, но главным критерием при решении вопроса о целесообразности включения документальных публикаций в издательские планы должны быть их научная и политическая ценность. Между тем сборник документов «Борьба советского народа против иностранной военной интервенции и белогвардейщины на Советском Севере в 1918—1920 гг.», подготовленный Центральным государственным архивом Советской Армии, был принят Воениздатом и прошел издательское редактирование, а затем возвращен обратно под предлогом перегрузки плана. Подобная участь постигла и другие сборники документов.

Главное архивное управление и архивные учреждения на местах должны добиваться неуклонного выполнения постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств», которое обязывает центральные и местные издательства обеспечивать в плановом порядке издание сборников документов и научно-справочной литературы.

Размах публикаторской деятельности научных учреждений, особенно в области издания документальных источников и научно-справочной литературы (обзоры, описи и т. п.) по истории советского общества, не должен ослабевать и в дальнейшем. Нужно только выше поднять научный уровень издаваемых сборников и правильно использовать имеющиеся материально-технические возможности.

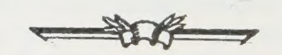
Новое Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР, утвержденное Советом Министров СССР 13 августа 1958 г., не только подводит итоги архивного строительства в нашей стране, основы которого были заложены ленинским декретом от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела РСФСР», но и ставит новые задачи, особенно в обла-

сти использования документальных материалов. Положение о Государственном архивном фонде СССР предоставляет широкие права Главному архивному управлению в этой области.

На Главное архивное управление возлагаются задачи координации научно-издательской деятельностью республиканских и местных архивных органов и государственных архивов, а также планирования издания архивоведческой литературы и публикации документальных источников совместно с Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Московским государственным историко-архивным институтом и другими учреждениями и организациями, ведущими эту работу.

Новое Положение будет способствовать дальнейшему совершенствованию архивного дела в нашей стране, более широкому использованию документальных материалов.

Грандиозная программа развернутого строительства коммунистического общества, намеченная в «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», вдохновляет советских людей на новые трудовые подвиги. Все трудящиеся нашей страны одобряют решения декабрьского Пленума ЦК КПСС, направленные на дальнейшее увеличение производства сельскохозяйственных продуктов, а также принятые Верховным Советом СССР законы о Государственном бюджете СССР на 1959 год, об укреплении связи школы с жизнью и другие законы. Эти решения и законы являются важнейшим вкладом в дело осуществления величественной программы коммунистического строительства. Советские историки и историки-архивисты приложат все силы, чтобы поставить документальные богатства Государственного архивного фонда на службу великому советскому народу, народу — строителю коммунистического общества.



Документы

АДРЕСНАЯ КНИГА ЦК РСДРП

(1912 — 1914 гг.)

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА Н. К. КРУПСКОЙ С РУССКИМИ АДРЕСАМИ

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемая ниже книжка с записью конспиративных адресов, служивших для связи Центрального Комитета РСДРП с большевистскими организациями в России, является ценным источником для изучения огромной работы, которая была проведена в этот период большевистским Центральным Комитетом по сплочению и укреплению партии. Вместе с тем адресная книга наглядно свидетельствует о большом и самоотверженном труде, вложенном Н. К. Крупской в налаживание связей между ЦК и местными организациями. Книжка эта была передана в Центральный партийный архив в 1954 г. в числе других материалов Краковско-Поронинского архива В. И. Ленина и до сих пор не была известна исследователям.

После длительного периода реакции большевистская партия находилась в чрезвычайно тяжелом положении. В течение ряда лет не функционировал разваленный ликвидаторами Центральный Комитет РСДРП. Царской охранкой были разгромлены многие областные партийные комитеты. Массовые репрессии тяжело отразились на состоянии почти всех основных большевистских организаций. Многие местные большевистские группы потеряли своих руководителей и самых активных передовых рабочих. Уйдя в глубокое подполье, организации оказались оторванными от заграничного партийного центра, а зачастую и друг от друга.

В этой обстановке, после большой предварительной работы, проведенной под руководством В. И. Ленина, в январе 1912 г. была созвана Пражская конференция РСДРП, которая изгнала из партийных рядов меньшевиков-ликвидаторов и оформила самостоятельное существование большевистской партии; был выбран большевистский Центральный Комитет. С этого времени деятельность большевистских комитетов в Петербурге, Москве, на Урале, Юге и в других местах значительно оживляется. Большая работа проводится по налаживанию связей между ЦК и местными партийными организациями. «Работа теперь,— писал Н. К. Крупской делегат конференции Е. П. Онуфриев,— главным образом идет в отыскании связей повсюду, бегать и бегать приходится» [1].

---

[1] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 8.

Вопрос о связях с местными организациями приобретает в это время решающее значение, так как без них Центральному Комитету практически невозможно было осуществлять руководство деятельностью партии. «В Питере надо найти,— писала по этому поводу в одном из писем Н. К. Крупская,— 5—10 адресов по районам. Мы могли бы еженедельно посылать гектографированные листки, письма к организациям, проекты резолюций, партийные сообщения. Иначе ПК — мертвец. Ведь это скандал. Нельзя двинуть дела, не наладив аккуратной пересылки» [1]. Необходимость установления связей с ЦК сознавалась и большевиками, работавшими на местах.

Подъем рабочего движения и инициатива передовых рабочих-большевиков приводили к восстановлению все большего числа большевистских организаций и групп. Однако их разобщенность, недостаточная осведомленность о партийных решениях, определяющих конкретные задачи и направление работы в целом, иной раз придавали деятельности партийных организаций узко местный характер. «Чем дальше,— писали по этому поводу уральские большевики осенью 1913 г. в ЦК РСДРП,— тем больше чувствуется оторванность от партии как от целого, нет необходимой для этого литературы, известий, связей... Для создания более прочных связей и знакомства можем послать товарища, который подробнее ознакомит вас с положением дел» [2]. О необходимости установления прочных связей писали в ЦК и другие местные организации.

ЦК РСДРП стремится максимально расширить свои связи с партийными организациями и учреждениями. Переезд заграничной части ЦК, так называемого Заграничного бюро, во главе с В. И. Лениным из Парижа в Краков в июне 1912 г. должен был способствовать упрочению и расширению связей с Россией. ЦК направляет на места своих представителей — «агентов ЦК», «доверенных лиц» и т. д. Для налаживания связей используются и совещания ЦК с партийными работниками, приезжавшими из России, а также периодические объезды местных организаций большевиками — депутатами IV думы. Центральный Комитет вел и обширнейшую переписку с самими местными организациями. Вся эта огромная работа осуществлялась Центральным Комитетом через Н. К. Крупскую — секретаря ЦК.

Условия нелегальной работы, требовавшие строжайшей конспирации, заставляли концентрировать все партийные связи в Заграничном бюро ЦК. Без этого были неминуемы частые провалы и аресты членов Русского бюро ЦК и агентов ЦК на местах, а также активных деятелей большевистских организаций, нарушение преемственности в работе самих организаций и утеря налаженных связей.

В связи с этим все члены Русского бюро ЦК, агенты и доверенные лица ЦК, получая какие-либо новые связи, немедленно пересылали их в Краков. Именно поэтому во многих адресах обозначено, от кого они получены, например: «От П. [Г. И. Петровского]», «от Симы [С. И. Дерябиной]», «от Ник. Вас. [Н. В. Крыленко]» и т. п. Эти пометки диктовались требованиями конспирации: в случае провала данного лица принимались соответствующие меры и в отношении адресов, полученных через него. Например, в мае 1914 г., после того как Малиновский, опасаясь разоблачения, сложил с себя депутатские полномочия и бежал за границу, Н. К. Крупская немедленно направила в Московское областное бюро письмо, в котором говорилось: «Поступок [Малиновского] сам по себе настолько дикий, что открывает двери для всяких предположений... Мы обязаны принять меры пре-

---

[1] Сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. III, 1923, стр. 211.
[2] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 12.

достoрожности. Перемените все адреса, которые могли быть известны Малиновскому» [1].

Трудности, с которыми приходилось сталкиваться большевистским организациям при налаживании связей с ЦК, были неисчислимы. Царская охранка вела тщательное наблюдение за рабочими-активистами и всеми рабочими организациями, перлюстрировала все «подозрительные» письма. Сотни подпольщиков арестовывались, заключались в тюрьмы, отправлялись в ссылку и на каторгу. Неслучайно имена многих видных партийных профессионалов встречаются в записной книжке среди адресов ссыльных отдаленных сибирских губерний.

Вместе с тем именно в этот период в большевистские организации вступает значительное число молодых рабочих, не имевших еще достаточного опыта нелегальной партийной работы. В связи с этим ЦК РСДРП в своих указаниях местным партийным организациям обращает серьезное внимание на необходимость овладевать определенными конспиративными приемами в организации работы и обучаться умению вести нелегальную переписку. «Конспирации надо опять учиться,— говорилось по этому поводу в инструктивном письме ЦК, направленном местным организациям в марте 1913 г.,— учиться сначала и учиться серьезно и добросовестно» [2]. В этом же письме указывалось и на то, что следует присылать в ЦК нелегальные адреса для связи и явки.

О «настоятельной необходимости» более тесной связи с ЦК было сказано в решениях Краковского и Поронинского совещаний ЦК РСДРП. На «необходимость развить связи, укрепить их» указывал и ленинский «Конспект доклада на местах», направленный Н. К. Крупской в Россию в декабре 1913 г. В нем указывалось также и на необходимость «обучения переписке с СПб. и Загран. бюро» [3].

В многочисленных письмах на места Н. К. Крупская регулярно напоминала большевистским организациям о том, что нужно присылать в Заграничное бюро ЦК новые адреса, явки и т. п. «Если есть хоть какие новые связи,— шлите» [4], «Сообщите, пожалуйста, какие адреса для писем действительны [5],— эти требования повторялись ею в письмах постоянно.

На случай провала Н. К. Крупская стремилась получить от каждой организации по несколько адресов. «Нельзя на один адрес писать всем. Необходимо адреса три-четыре» [6],— писала она в одном из писем в Россию. «Нельзя смешивать адресов для писем и литературы» [7],— указывала она в другом письме. Отдельные адреса устанавливались также для явок, ночевок, посылок и т. п. Об этом свидетельствуют многочисленные пометки Н. К. Крупской в записной книжке: «для писем», «явка», «для транспорта», «для посылок», «для денег» и т. п.

Н. К. Крупская терпеливо обучала партийных работников пользованию шифрами, «химической» переписке и т. п. Например, получив из России в январе 1913 г. «химическое письмо», она писала его авторам: «...опять сплошная клякса. Бумага очень плоха (с круглыми разводами), а затем, очевидно, складывается раньше, чем просохнет... Ради бога, напишите снова» [8]. Когда выяснялось, что в организации появились подпольщики, овладевшие техникой такого рода переписки, Н. К. Крупская отмечала в записной книжке — «можно химией».

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 12, оп. 1, ед хр. 24, л. 13.
[2] «Пролетарская революция», 1923, № 2, стр. 448.
[3] Сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. III, стр. 227.
[4] ЦПА ИМЛ, ДП, оп. 15, ед. хр. 25901.
[5] Сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», вып. III, стр. 225.
[6] Там же, стр. 207.
[7] Там же, стр. 203.
[8] Там же, стр. 208—209.

Благодаря всей этой работе связи ЦК РСДРП с местными организациями все более укреплялись. «У нас связи с каждым днем растут,— писала Н. К. Крупская в письме от 1 февраля 1913 г.— В Питере теперь весьма серьезная организация, созданная низами... В Москве у нас хорошие связи, в области — также, и теперь — во Владимирской и Костромской губ. Связаны с Харьковской организацией, Екатеринославом, Киевом, Нахичеванью, с рядом заводов, с Бакинским городским комитетом... А кроме того, все связи носят какой-то другой характер, чем раньше. Больше как-то чувствуешь, что имеешь дело с единомышленниками... Нет, дела большевизма так хороши, как никогда» [1]. В ходе революционной борьбы большевистские организации крепли с каждым днем. «То, что раньше было не связано и шатко в партийной организации,— сообщалось, например, в начале 1914 г. из Петербурга,— то теперь налажено и укреплено» [2].

Публикуемая записная книжка была приобретена в Кракове (о чем свидетельствует штамп фирмы на обороте ее обложки), т. е. не ранее июня 1912 г., когда В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали в Краков. В день ареста В. И. Ленина австрийской полицией — 26 июля (8 августа) 1914 г.— книжка была конфискована вместе с другими его материалами. Большая часть адресов, записанных в адресной книге, относится к 1913—1914 гг. Однако некоторые из них использовались для переписки еще и в 1910—1912 гг., а часть адресов (сохранившаяся, по-видимому, и в других записях) продолжала функционировать и в годы первой мировой войны.

К части адресов, имеющихся в записной книжке Н. К. Крупской, были сделаны хронологические пометки. Например: «п[олучено] 14/IV—1914», «15/IV», «п[олучено] 14/X» и т. д. Числа эти совпадают с датами проведения заседаний ЦК РСДРП: 1(14) октября 1913 г. и 2 — 4(15—17) апреля 1914 г. Очевидно, адреса, имеющие эти пометки, были доставлены членами Русского бюро, прибывавшими на заседания ЦК из России.

В тех случаях, когда время получения данного адреса и время пользования им были установлены при подготовке настоящей публикации,— это отмечалось в примечаниях.

Записная книжка Н. К. Крупской является своего рода итогом огромной работы по налаживанию и укреплению связей с большевистскими организациями, проделанной ЦК РСДРП к лету 1914 г. К этому времени с ленинским Центральным Комитетом были непосредственно связаны не только крупнейшие рабочие центры страны, но и небольшие рабочие поселки, железнодорожные станции во всех уголках России. Около 100 населенных пунктов России значатся в адресной книге ЦК РСДРП. Расширение и укрепление связей ЦК с местными партийными организациями отражало не только успехи в постановке технической и конспиративной стороны партийной работы, но и, прежде всего, рост самой партии, ее укрепление и организационную сплоченность.

Если в январе 1912 г. на Пражской конференции присутствовало лишь 14 делегатов, представлявших местные организации России, то летом 1914 г., когда ЦК РСДРП широко развернул работу по подготовке съезда партии, намечалось послать на съезд 50—100 делегатов. К этому времени наиболее крупными и сплоченными большевистскими организациями являлись: Петербургская, Московская, Московская окружная, Московская областная; на Юге России — Киевская, Екатеринославская, Николаевская, Кременчугская, Харьковская, Одесская, организация шахтерского района (Донбасс); уральские организации; поволжские — Самарская, Нижегородская, Саратовская; Северо-Западного края — Гомельская, Двинская; организации Эстляндии, Сибири и т. д. «Рабочее движение в России...,—

[1] «Пролетарская революция», 1925, № 8, стр. 125.
[2] «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 17.

писал В. И. Ленин в мае 1914 г.,— победило теперь ликвидаторство и встало благодаря этому на верный путь широкой, освещенной марксистской теорией, обобщенной неурезанными лозунгами, борьбы передового класса за передовые исторические задачи человечества»[1].

* * *

Адресная книга ЦК РСДРП представляет собой небольшую записную книжку в дерматиновом переплете. Все связи ЦК с местными организациями расположены здесь по латинскому алфавиту.

Частые аресты и провалы в местных организациях вынуждали ЦК менять адреса для связей. Именно поэтому многие из них зачеркнуты в книжке как устаревшие или отмененные. Зачеркнутые адреса даны в публикации в круглых скобках и отмечены звездочкой. Отдельные слова, зачеркнутые внутри адреса, заключены в угловые скобки. Сокращения в тексте раскрыты без оговорок в тех случаях, когда расшифровка не вызывала сомнений; в остальных случаях расшифрованная часть слова заключена в квадратные скобки. Пометы на полях книжки даны в подстрочных примечаниях.

Помимо записной книжки, в публикацию включены в качестве приложения отдельные листочки с записью конспиративных адресов, обнаруженные в документальных материалах Краковско-Поронинского архива, а также листок с записью шифров, которыми ЦК РСДРП пользовался для конспиративной переписки с Россией.

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, в фонде ЦК РСДРП (ф. 17).

В. Т. Логинов, В. Н. Степанов, З. Н. Тихонова

РУССКИЕ АДРЕСА[2]

(Астрахань, типография Апресяна, Степану Георгиевичу Шаумяну[1)].) *

Село Александровское, Иркутской губ., Глафире Ивановне Теодорович[2)].

(Алексеево-Леоново, Область Войска Донского, Антрацитовый рудник Акционерного общества Эрастовских каменноугольных копей Бродских, контора рудника.) *[3]

(Архангельская губ., Печорский уезд, село Ижма, Антону Ефимову.) *

(Александрия, Херсонской губ., общество потребителей, Михаилу Андреевичу Иванову.) *

Архангельская губ., село Сура, Пинежский уезд, Ивану Белостоцкому[3)].

ст. Алмазная, Орловско-Еленевский рудник, главная контора, Болдыреву[4].

Местечко Амбролаури, Рачинского уезда, Кутаисской губ., Акакию Виссарионовичу Кабахидзе.

Астрахань, Демидовская зубная лечебница, Хлыновой (внутри — для В. Н.[4)]).

Астрахань, 1) (для писем) Редакция армянского журнала «Мер Кянк», А. Менавору. 2) (явка) Московская, 2, книжный магазин Астраханского товарищества. Хозяин[а] спросить Ашота.

(Баку, контора Питоева, Михаилу Александровичу Каратезову[5)].) *

(Гор. Богородск <(дан Костей[6)])>. Московской губ., фабрика Морозова, харчевая контора, А. И. Климову[7)].) *

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 257.

[2] Заголовок документа.

[3] Помета на полях: <«годен»>. В дальнейшем в подстрочных примечаниях приводится только текст помет.

[4] «15/IV п[олучен]».

(Гор. Богородск (дан Костей), Московской губ., <фабрика Морозова, харчевая> Мещанская ул., дом Шорина, Я. Т. Новожилову [3)].) *

(Баку, Биби-Эйбат, нефтяной промысел общества Манташев и К°, участок № 57, Петру Соловьеву.) *

(Балаханы, Бакинской губ., Романинское шоссе, контора Бакинского котельного товарищества, Л. М. Федорову (Ереме [9)]). Заказным.) *

Балаково[1], Самарской губ., мануфактурный магазин братьев Махунцевых, Алексею Григорьевичу Яковлеву [10)]) *.

(Бендин (старый), Славковская ул., около магазина К° Зингер. Борис Андреевич Шмелев, от Николая Васильевича [11)]; или же в школе Хандлевой спросить учителя русского языка Бориса Андреевича Шмелева.) *[2]

(Богородск, 1) [3] (явка и для писем) Московской губ., Покровская, дом Кабанова, Петр Малахов [12)].
2) (явка) Шалаев пер., Федор Шавкин [13)].) *

Баку (большевик, избранный в ОК) [14)], Романовский проспект, пассаж Багирова, сырное отделение братьев Галустовых, М. М. Гурьеву.

(Баку, контора Питоева, Михаилу Александровичу Карагезову (внутри — для Степана [15)])).) *.

Баку, Меркурьевская ул., дом Дадашева, Францу Леману[4].

Баку, Белый город, контора Шибаева, Степан Георгиевич Шаумян[5].

Балаково, магазин готового платья И. О. Мельникова, Василию Андреевичу Мельникову [18)].

Баку, Филипп Махарадзе [19)], Гимназическая, д. 55, кв. 3.

Ст. Давыдово (дан Костей), Ореховский подъездной путь Московско-Казанской ж. д., Новинской вол., дер. Крупино, Я. Ф. Корсакову [20)].

Дорогобуж, Смоленской губ., Озерищинской волости, дер. Амфилатия, Анисиму Федоровичу Костюкову [21)].

Двинск, Петербургская ул., дом Якобсона, г-н Иоффе. Спросить Соню, сказать от Матвея [22)]. Просить ее связать с Самуилом или Абрамом Тельзнер (старый партийный работник, плехановец).

2) Двинск, Московская ул., мануфактурный магазин Секунде (собственный дом). Спросить его сына Моисея (правдист) от Матвея.

3) Двинск. Крестовая ул., дом Меламеда (почти около тюрьмы). Спросить Мотеля Гуревича, а у него спросить Берту Гуревич, тоже от Матвея.

Екатеринославская губ., Нижнеднепровск, Султановка, Киевская ул., д. № 13, Брониславу Шилюку [23)].
другой <Шилюку> на Полонского[6].

(Екатеринослав (через 6-го [25)]), Чечелевка, Трубный завод, механический цех, П. П. Моисееву.) *

Енисейск[7], Николаю Леонидовичу Мещерякову [26)].

(Екатеринослав, Чечелевка, 4-я Кайдацкая ул., д. № 6, И. Григорьеву.) *[8]

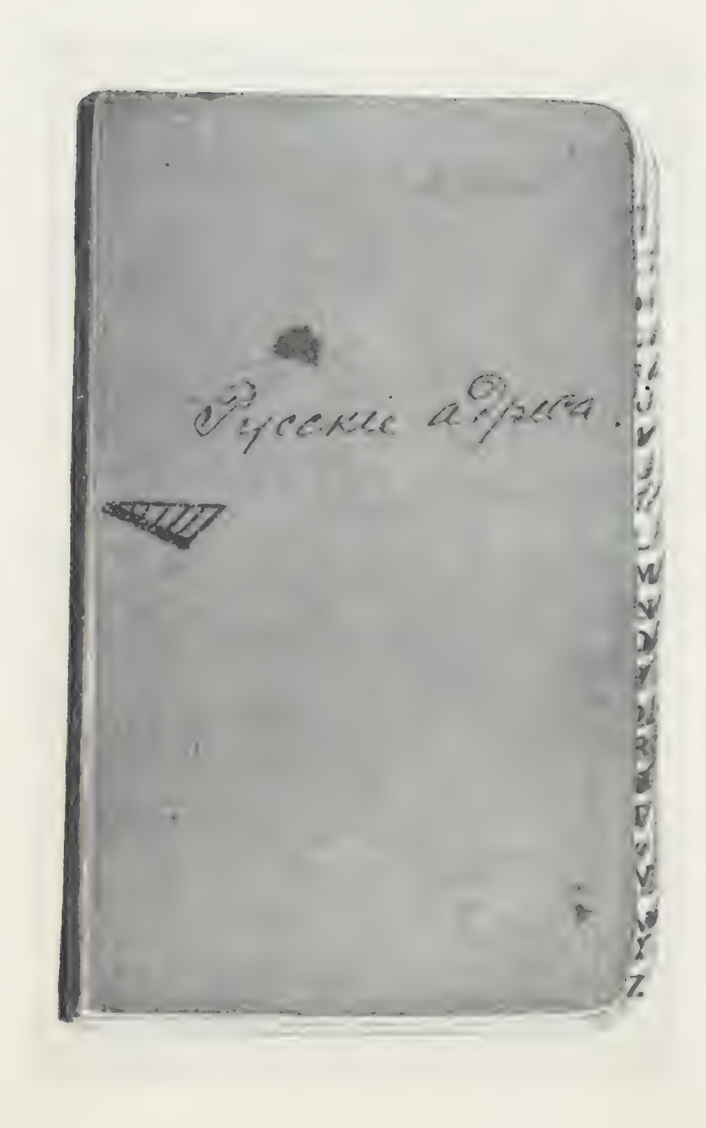
ст. Енакиево, Екатеринославской губ., <Чугунолитейный завод, ремонт котлов>, общество потребителей, Ф. Урвачеву[9].

Екатеринослав, Берта Осиповна Перельман (жена Филиппа) [27)], <Управская, д. 17, кв. 5> Базарная 62, кв. 6.

Енисейская губ. (Ване Казанцу) [28)], Канский уезд, Рыбинское почтово-телеграфное отделение, Владимиру Васильевичу Григорьеву.

---

[1] «проверен».
[2] «1/X».
[3] «Малиновский 14/X».
[4] «П[исьмо] Ленину» [16)].
[5] «Личный адрес [для] писем» [17)].
[6] «для писем. П.» [24)].
[7] «?».
[8] «п[олучен] 14/X».
[9] «по письму».



Записная книжка Н. К. Крупской с русскими адресами

3209 — 2

Астрахань, типографія Апресяна
Степану Георгіевичу
Шаумяну

Село Александровское
Иркутск. губ.
Глафире Ивановне
Федорович

[illegible]

Арханг. губ. Печорскій
уѣздъ, село Ижма
Антону Ермолову

Первая страница записной книжки Н. К. Крупской

Енисейская губ., Канский уезд, через Рыбинское почтовое отделение, Перовская волость, дер. Иннокентьевская, Сурену Спандариану 29).

Енисейская губ., Канский уезд, село Рыбинское, Елене Дмитриевне Стасовой 30).

Екатеринослав (явка), Казачья ул., помощник присяжного поверенного Илья Борисович Полонский (ликвидатор), от П.

Екатеринославская губ. (явка), Нижнеднепровск, Мануиловка, близ Кирилловского переезда, собственный дом, П. И. Медведев 31) (от П.). Просите свести с Марком 32).

Екатеринбург, Верх-Исетский завод, механический цех, Дмитрию Михайловичу Болотину 33).

Енисейская губ., Канский уезд, село Шелаево, <Шварцу> 34) М. Попову [1].

Екатеринбург (явка). «Уральской жизни» наборщика Ивана Ярцева попросить показать Николая Давыдова 35), сказать последнему: «От тов. Симы» 36).

(Гомель (для писем и явки) 37), Румянцевская ул., часовой магазин Миньовича (если явка, то спросить Георгия).) *

(Гомель (явка старая, но действительная), Румянцевская, магазин шляп «Модерн», Энтиной. Спросить Хаю, ей подать записку со словами: «Мне нужно видеть Валериана» 38).) *

Гельсингфорс (граница), 1) Андреевская ул. (Antinkatu), д. 43, Wiiru, спросить токаря Роберта Хурсканена (Hurskainen), от Шотмана 39).
2) Рабочий дом, Густав Ровио 40), от Шотмана.

(Ст. Гривно (явка) Казанской ж. д., Бутанов или Ушков.) *[2]

Гомель, Минская, дом Хацкеля, Малкелю для Цыни.

Гомель, Румянцева, магазин Гейликмана, для Ковнера.

Helsinki (см. также на букву G).
1) Herra A. Wiiru (не говорит по-русски), Antinkatu, 43; 2) Herra K. Rovio, Sirkuskatu, 5, s-d Nuorisoliitto; 3) Herra R. Hurskainen, Antinkatu, 43; 4) Herra A. Lainio — не говорит по-русски, Elâintarhatie [3]; 5) Herra Kulkunen, Tyôvàentalo, вымышленная фамилия, Sirkuskatu, 5 [4]; 6) «Tyômies» 41) lehden Toimisto [5].

Иркутск, Перфильевский пер., д. 4, Владимир Савельевич Войтинский 42).

Иркутская губ., почта Качуг, волость Бирюльская, Лалаянц 43).

Иркутск, Семен Иваныч (кличка Егор Павлович) Канатчиков 44).

Иркутск, г-же Ляхович, городская дума или

Иркутск, магазин обуви Цукосова (внутри — для Блюмы Семеновны).

Иркутск, Знаменская, 42, Татьяна Михайловна Петухова 45) (на внутреннем конверте — для Евгении Богдановны 46)).

Киев, Большая Васильковская, д. 25 (Блиндера), кв. 6, контора Кольбера 47). Звонить в левый звонок, спросить г-жу Берковскую. Пароль: «Не можете ли Вы мне одолжить книгу «Чтец-декламатор»; она должна сказать: «Вот она», и показать книжку.

Казань, контора М. Гликина, Б. Мещанская, собственный дом (внутренний конверт Г. Сайфутдинову).

ст. Кремлево, Рязано-Уральской ж. д., Ивану Михайловичу Самоварову 48), до востребования [6].

О. Кацизны (для писем из Двинска), Калкунская ул., дом Лося, м-ко Грива Семгален, Курляндской губ.

Кинешма [7], Костромской губ., аптекарский магазин Столкинд, Александру Петровичу Скворцову 49).

---

[1] «заказным».
[2] «Малиновский 14/X».
[3] «Послана пачка литературы».
[4] «каждый день по письму».
[5] «по 1 экз. ЦО».
[6] «адрес к Пилихину для связей с Саратовом».
[7] «?».

(Киев (для посылки денег Демьяну = Платону), Крещатик, № 5, контора нотариуса Арнольда, Елизавете Ивановне Кириатской.) *[1]

Кутаис (Виссариону [50])), Земельный дворянский банк, Александре Осиповне m-elle Кубанейшвили [2].

(Казань, Университет, гистологический кабинет, Александру Николаевичу Миславскому [51]).) *

(Коломна, для писем (дан Костей), Коломенская ул., дом Боголепова, Владимир Максимовский [52]).) *

Киев (письма Кобе [53])), Тарасовская, 9, кв. 43, Анне Абрамовне Розенкранц (на внутреннем конверте для Эсфири Финкельштейн).

(Кременчуг, Полтавской губ., управление трамвая, Петру Батушину [54]).) *[3]

(Кременчуг (для письма о женщинах). Полтавская губ., Александровская ул., д. № 12, Вере Нотович (на внутреннем конверте — Алексею.)) *[4]

(Киев, для писем (через Елену Федоровну [55]) от Петр[а] <М> Львовская, 61, кв. 5, Петру Александровичу Сторицину.) *[5]

(Киев (явка)? Совская, 4, кв. 18. Спросить Велевчука. Пароль: «Я пришел к Вам за справкой от Петра Георгиевича».— «Ради Петра Георгиевича готов все сделать».) *[6]

(Киев, Киевский коммерческий институт, Василию Епифановичу Каблукову.) *[7]

(Поселок Крюково н/Д, Полтавская губ., <Херсонская ул., бакалейная торговля Славухской, Павлу Ивановичу Водяницкому>, вагонные мастерские, Ивану Илларионовичу Угрюмову.) *

(Киев, Василий Николаевич Ландовский, Политехнический институт (для Вани = для Л.)) *

(Киев, ул. статс-секретаря Столыпина, д. 28, кв. <55> 60, Елене Федоровне Розмирович [56]).) *

Куоккала, Финляндской ж. д., Полицейская дорога, дача Пето, Николаю Ильичу Подвойскому [57]).

Кутаис, магазин Киракозова, Михаилу Христофоровичу Ходжашвили, для Шалико [8].

(Киев, Чеховский пер., д. 8, кв. 8, Елене Федоровне Розмирович [59]).) *[9]

(Киев, улица статс-секретаря Столыпина, д. 28, кв. 60, Марии Ивановне Панибратцевой.) *[10]

Киев, Ярославская, 49, чулочная мастерская, Шерман Мане. «Просвещение», № 3, стр. 100, о Татьяне [60]).

(Люблин, 1) Ulica Okopowa, dom Dekertowoj, Pan Remiszewsky (Антек) ot pana Mikolaja или Николая Васильевича [11]. 2) Krakowskie Predmestie, dom Rotrubina, M. Czerlunczakiewiecz [61]) (м — к.))*[12]

(Луганск, правление профессионального общества рабочих Гартмановского завода.) *[13]

Луганск, Екатеринославской губ., Преображенская ул., дом Любова, кв. Фрида, А. Петерсону [62]) [14].

---

1 «?».

2 «деньги».

3 «п[олучен] 14/X, 15/X», «действителен».

4 «п[олучен] 14/X».

5 «(Ел. Ф.)».

6 «действителен».

7 «п[олучен] 14/X».

8 «Алеше Бакинскому» [58]).

9 «личное».

10 «конспиративные письма Елене Федоровне».

11 «чтобы разыскать Николая Васильевича, ночевка».

12 «явка, ночевка».

13 «?», «п[олучен] 14/X».

14 «хим., Фрид — большевик из СПб.», «14/IV п[олучен]).

Люблин 1) для писем Петра. <Женская гимназия, Мария Иваненко.> Явка: 2) Радзивилловская, д. 3, кв. 20, Ивана Семеновича Петриковского, у него спросить Сергея[63]. Пароль: «От Маруси». Ответ: «Она уехала».

Люблин (для писем), Госпитальная, д. 3, кв. 5, г-же Марии Лидской. (Явка 2-я) Наместниковская, 43, кв. 7, спросить Баландовича, пароль тот же. Если комната будет заперта, то ключ находится в почтовом ящике, у которого дно выдвигается вправо.

(Для писем) Наместниковская ул., Владиславу Б. Просновскому.

Киев, Большая Васильковская, д. 25 (Блиндера), кв. 6, контора Кольбера. Звонить в левый звонок, спросить г-жу Берковскую. Пароль: «Не можете ли мне одолжить «Чтец-декламатор». Она скажет: «Вот он» и покажет книжку (через нее найти Озоля[64]).

Киев, Подол, мануфактурный магазин Исаака Шварцмана — для Зильбербрандта.

Майкоп[1] (для Сони Дерман[65], писать химией), Кубанской обл., Георгиевская ул., дом Боршневского, кв. 28, Л. Дерману.

ст. Миньяр (из России) Самаро-Златоустовской ж. д., Агафии Фроловой[66], для Лизы[2].

Явка: ст. Миньяр, Самаро-Златоустовской ж. д., кооператив, спросить старшего приказчика Сергея[67], сказать ему: «Я вояжер Агафуровых». На вопрос: «Кто рекомендовал?» ответить: «Дядя Осокин[68]». Приезжать и спрашивать днем.

Москва, Петровка, редакция «Столичной молвы», Петру Михайловичу Клюшникову.

Москва, Мерзляковский пер., д. 1, присяжный поверенный Павел Николаевич Малянтович[69].

Москва[3] (для писем и денег Але). Камера Арбатского мирового судьи, Мало-Успенский пер., близ Арбата, Егору Федоровичу г-ну Матвееву[70].

(Москва (явка в Московскую газету)[71], Даниловка, потребительское общество «Солидарность», <спросить Покровского>. Пароль: «Почем продаете акции?» Ответ: «Сто».) *

Москва[4] (адрес для денег Михаилу Томскому)[72]. Большой Козихинский пер., д. 8, кв. 32, Анастасии Яковлевне Квятковской[73].

(Москва, Бутырки, Механический завод Устрицева, Ивану Григорьевичу Кривову[74].) *[5]

(Москва, Дмитрий Иванович[75]. Новолесная, Приютский пер., 7, кв. 14, А. Николаеву[76], для Мани.) *

(В Москву, Василию Ивановичу[77], писать через Hannover по адресу: An Herrn Ferdinand Meyer, Dörnbergstrasse, II, part Hannover.) *

(Москва, Яну. Главный почтамт, до востребования, Ивану Тимофеевичу Савинову[78].) *

(Мустомяки, Нейвола, Каира, Villi Manonen, Софье Малиновской[79].) *

(Москва, Косой пер., д. 29, кв. 6, Валентине Николаевне Лобовой[80].) *

(Москва, Каретная-Садовая, Косой пер., д. 8, кв. 6, контора газеты «Наш путь».) *

(Москва, Петровско-Разумовское, Новое шоссе, д. 10, М. Печеному.) *[6]

(Москва, «Московский союз потребительских обществ», Новая Переведеновка, собственный дом (в складе), Миритеев Иван Николаевич[81] (он же по Серпухову — Виктор). «Привет Виктору от Николая[82]».) *.

Москва (Матрене)[83], Руфине Александровне Тютрюмовой[84], книгоиздательство Гранат, 15, Тверской бульвар.

(Москва (Алексею), ст. Лосиноостровская, Северной ж. д., Медведковский проезд, дача Зелих, кв. Зейферт, Алексею Ивановичу Лобову[85].) *

---

[1] «14/IV 1914 п[олучен]».
[2] «шифр «Просвещение», № 1, 1914 г., стр. 50».
[3] «адрес для Али может служить и для денег и для явки, спросить Жоржа».
[4] «для денег Михаилу Томскому. На посланное письмо ответа не было».
[5] «годен».
[6] «14/X зав...».

(Мариуполь, Екатеринославской губ., Харлампиевская ул., дом А. Глацера, Лизе Белинсон.) *[1]

(Мытищи (явка), 2-я земская школа, Максимов[86)] (от Малиновского).) *[2]

(Москва (для Бины и вообще писем). Патриаршие пруды, д. 12, кв. 27. Белле Вульфовне Ром.) *

Москва, Большая Молчановка, д. 21б, А. Е. Константинович[87)].

г. Нарым (для писем), Томской губ., <Прасковье Матвеевне Смирновой[88)]>, Василию Васильевичу Перамитену.

(г. Нарым (для денег), Томской губ., магазин Завадского, Федоту Александровичу Тобольжину.) *

(с. Нижне-Илимское, Иркутской губ., Давиду Круту[89)].) *

(Нахичевань-на-Дону, 2-я Успенская, д. 2, А. М. Смирновой.) *[3]
или фабрика химической чистки Лева, В. Беспалову[90)].

Нарымский край, Томской губ., село Колпашево, Владимиру Николаевичу Залежскому.

ст. Нижнеднепровск, Екатеринославской губ., в библиотеку Мануиловской просвиты, В .И. Герусу (на внутреннем конверте — для Марка)[4].

ст. Нижнеднепровск, Мануиловка, близ Кирилловского переезда, собственный дом, П. И. Медведеву[5].

Москва (Алексею и К°), Главный почтамт, Петру Ивановичу Верховскому, до востребования[91)].

Москва (Лунач[арский]), Новинский бульвар, дом. Плевако, техническая контора, Глебу Николаевичу Селиверстову.

Нижний Новгород. Ново-Базарная площадь, д. 5, Борис И. Моисеев[6].

Москва (Косте), Главная почта, предъявителю рублевой бумажки 827281[7].

Москва, Пресня, Волков пер., д. 4, Иван Иванович Скворцов[92)].

Москва, Тверская, Благовещенский пер., Техническое Комиссаровское училище, кв. инспектора Яшнова, Зинаида Ивановна Яшнова[93)]. От переплетчика Жоржа.

Москва (адрес для писем Жоржу может служить явкой «от Жоржа»). «Московский союз потребительских обществ», Новая Переведеновка, собственный дом. В секретариат — Николаю Демьяновичу Кислицыну.

Млава. Mlawa — Stacja, Marjan Zemplinski, syn pomocnika naczelnika staciy. Ему же. Soldan Hauptpostlagernd.

Одесса (улица Петра Великого, 18, г-же Э. Д. Вегман[94)].) *

ст. Оболенская (куш) Калужской губ., Павлу Николаевичу Мостовенко[95)].

Гор. Озургеты, Кутаисской губ., г-ну М. Талаквадзе, для передачи Барбалэ Каландадзе[96)] в село Ходастави.

Одесса[8], Разумовская, 45, г-ну М. Халфену, для Вениамина[97)].

Артур Адамович Блюм[98)], Азовско-Донской коммерческий банк, старший инспектор по переучету, С.-П[етер]бург.

Анатолий Николаевич Рябинин[99)], Геологический комитет, 10 линия, С.-Петербург.
Он же: С.-Петербург, Старая Церковная, 2а, кв. 47.

С.-Петербург[9], <Большой Сампсониевский, 16, кв. 10> Шлиссельбургский пр., угол Муравьевского пер., 2/17, кв. 28, Авелю Софроновичу Енукидзе[100)].

В кооператив[101)].

(1) СПб., Галерная, д. 5, кв. 17, Николаю Ильичу Подвойскому[102)].) *

(2) СПб, Зверинская ул., д. 32, комн. № 43, Е. В. Малченко.) *

---

[1] «п[олучен] 14/X».
[2] «Малиновский 14/X».
[3] «до 15 июня».
[4] «п[олучен] 14/X».
[5] «п[олучен] 14/X».
[6] «15/IV п[олучен]», «можно химией».
[7] «привезен Виктором».
[8] «проверен».
[9] «верный».

(3) СПб, Английский пр., курсы Лестафта, Пелагее Федоровне Шеиной [103].) *
(СПб, письма Косте: Боровая, 26, кв. 66, Анне Андреевне Рымаш.) *
(Медведеву [104]). Лесной, 2-й Муринский пр., 29—31, «Общество электрического освещения 1886 г.», г-ну Колкову (внутри — для С. М.).) *
(или СПб, Б. Самсониевский пр., д. 16, кв. 63, «Общество электрического освещения 1886 г.» К. Пруткову (внутри — для С. М.).) *

Для Исполнительной комиссии ПК [105])

(СПб, Галерная гавань, Гаванская ул., д. 4, кв. 3, Марии Николаевне Квалевой (внутри — для Ив. Ив.[106]).)) *

С Пороховыми заводами

(СПб, ст. Пороховая, Ириновской ж. д., 2-я линия, д. 108, кн. 3. Николаю Иванову.) *

С Городским районом

(СПб, Лубянская ул., д. 6, кв. 166, Николаю Кузнецову.) *
(Явка Косте (?) Перекупной пер., д. 9, кв. 31, спросить Рахиль Николаевну Покровскую [1]. Пароль: «Привет от брата Владимира Николаевича». Ответ: «А книги привезли?».) *
(СПб, Пески, Мытнинская ул., № 25, кв. 10, Р. В. Малиновский.) *
СПб, Шпалерная ул., д. 44б, кв. 32, Алексей Егорыч Бадаев [2].
СПб, Кирочная, д. 9, Бертá Исааковна Цейтлин.
СПб, Калашниковское отделение Русского для внешней торговли банка, Александру Ефремовичу Аксельроду [107]).

Для писем из Москвы шестерке [108])

СПб, Русский для внешней торговли банк, Калашниковское отделение, Константину Выводцеву.
(П о л т а в а. <Резницкая ул., дом Бажанова, № 3> Трегубовская ул., № 16, Акакию Виссарионовичу Кабахидзе.) *
(СПб, Нарвская застава, д. 32, кв. 39, Христине Ефимовой, для А. <(Вере)> [109]) (временный адрес.).) *
(СПб, «Общество беспроволочных телефонов и телеграфов», Петербургская сторона, Лопухинская ул., Нонне Феликсовне Устимович.) *
(П о л т а в а, Гоголевская улица, дом Леща, кв. Слуцких, В. В. Барсук (внутри — для В. Н.) *
(СПб, Сереже [110]). Большой Самсониевский пр. (Выборгская сторона), д. № 16, кв. 63, Выборгский пункт «Электрического об-ва 1886 г.», г-ну Молокоедову.) *
(СПб, 11-я линия, Васильевский остров, д. 42, Анатолию Ивановичу Янович.) *[3]
(СПб, Васильевский остров, 8-я линия, д. 17, Насонову (внутри — для Абрама [111]).) *
(СПб, 1) Васильевский остров, 4-я линия, д. 49, кв. 17, В. Сучков. 2) СПб, Малый пр., Петербургская сторона, д. 72, кв. 24, Тошин.) *
(СПб (Хоме Бруту) [112]), Петербургская сторона, Церковная ул., д. 23, кв. 1, Софья Ивановна Тимофеева (внутри — для Ивана Ивановича).) *[4]
(СПб, улица Гоголя, 8, контора «Зив и К°», Белле Иосифовне Давидзон.) *[5]
Елене Федоровне <через> Миленко.
(1) СПб, 5-я Рождественская, 19—9, М. А. Скворцову. Дейст[вует ли], спросить.
2) «СПб, Гулярная, 22—11, М. Б. Боровскому [113]). Дейст[вует ли] спросить) *
(СПб (Сафиру) [114]), Коломенская, 9, «Мастерская для бедных родителей», Елизавета Ивановна Кавтарадзе [115]).) *
СПб (жена Берга) [116]), <Удельная, Кузнечная ул., д. 30, кв. 4> Лесное, 2-й Муринский пр., д. 14, кв. 17, Екатерине Федоровне Шотман.
СПб (письма Бергу), Большая Охта, Гусева ул., д. 19, кв. 2, Андрею Павловичу Сайкконен.

---

[1] «?».
[2] «Вопросы страхования».
[3] «Письма и посылки Абраму».
[4] «14/X».
[5] «для Елены Федоровны».

(СПб, село Михаила архангела, Успенская ул., д. 4, кв. 4, Иосиф Егорович Правдин (Парамон) [117].) *

(СПб, Телефон, Главные вагонные мастерские, столярный цех, спросить десятника столярного цеха г-на Правдина.) *

СПб, Выборгская сторона, Финский пер., д. 10, кв. 54, г-н Копонен. (Для получения литературы через Финляндию) [1].

Подольск (явка), Думская ул., дом Тюрина, Яков Григорьевич Тюрин [2].

№ 1. Пермь [3] (через Сафира), Вознесенская ул., д. № 106, кв. А. Околовича, Августе Ефимовне Язевой [118].

(СПб (Евгению) [119], Петербургская сторона, Зверинская ул., д. 46, кв. 31, Антону Павловичу Самолею.) *

№ 2. Пермь (запасной), Петропавловская, № 118, Февронии Шишкиной.

(Пенза (Альберту) [120]. Соединенный банк, Р. В. Сухотину. (Из большого города посылать).) *

(Петербург, Ивану Николаевичу Чеботареву [121], Правление казенных жел. дорог, Измайловский пр., дом помещика.) *

СПб, Верейская ул., д. 31, кв. 17, Нине Семеновне Круг (для Е.) [122].

СПб (для транспорта), Финский пер., д. 9, кв. 17, для Генриха.

(№ 1-й. Пермь, почта, абонементный ящик № 56, Прохорову.) *

Павлово (Фоме) [123], Московской губ., «Акционерное о-во Электропередачи», Александру Петровичу Смирнову.

СПб, ЕВБ Зое Всеволодовне Лоренсовой, Васильевский остров, 11-я линия, д. 56 б [4].

Повенец, Олонецкой губ., Валентине Николаевне Лобовой.

Пермь, библиотека общества Народный дом (Торговая ул.), спросить у библиотекар[я] [ши] Валерьяна Лежаву [125]. Увидевшись с ним по данному адресу и поздоровавшись, отрекомендоваться: «Я представитель журнала «Вопросы страхования».— «Покажите вашу корреспондентскую карточку». На вопрос: «Кто уполномочил?», ответить: «Заграничный друг».

Пароль к двум пермским корреспондентам: «Урал» — «Вадима нет»; к 3-м другим: «Урал» — «Мы его заменили».

Пермь, контора Жуковского (Торговая ул.), спросить техника Ивана Алекс. Ламанова, сказать ему: «Я из Курска, покажите» — «свата»...

(Пермь, Вознесенская, 104, И. А. Ламанову, для Гути.) *

Петербург, 10-я Рождественская, д. 43, Г. И. Петровский.

(Ростов-на-Дону (дан Славой) [126], Нижне-Бульварная, 35/2, Дмитрию Дмитриевичу Кудрявцеву.) *

(Раменское (дан Костей), Московско-Казанской ж. д., фабрика Мамонтина, И. С. Беспалов. [127].) *

(Ростов-на-Дону, Большая Садовая ул., дом Гоца, магазин химической чистки М. Лева, Фридриху Вельсон.) *

(Ростов-на-Дону, почтамт, до востребования, Петру Ивановичу Верховскому.) *

Рига (Индрису), Августинская ул., д. 21, кв. 53, Карлу Бергу [128].

Саратов, Театральная площадь, контора нотариуса Полубояринова, Сергей Петрович Нацаренус [129] (подпись «Миша»).

Самара (явка), Самарская <30 кв.> 30, кв. 21, Яков Федорович Коло[д]ин (портной по профессии, над[ежный] товарищ), от Андрея.

(Саратов. 1) Саратов, Валовая, № 100, Андрею Михеевичу Казанцеву.) *

(Серпухов (дан Костей) для Мирит[еева], потребительское общество «Экономический союз» [130].) *

Самара [5], Алексеевская ул., 106, кв. 5, Марье Петровне Мухиной [131].

(Сормово (дан Костей), Нижегородской губ., «Общество потребителей слу-

---

[1] «Для сведения».
[2] «Малиновский 14/X».
[3] «временно отменяется».
[4] «адр. В I» [124].
[5] «годен».

жащих при заводах акционерного общества Сормово», Ивану Антоновичу Красильникову.) *

Саратов, Сергею Платоновичу Васильеву, Верхний базар, лавка Наумова. <Явка: уг. Никольской и Кузнечной, бани Карасева; спросить кассиршу Паулину Карловну Ананьеву, когда можно видеть сына Шуру.>

(Самара (письма И.), Исаю Осиповичу Перельман, контора Квилт <(?)>, для Ш[132].) *

(Сосновицы, 1) Коммерческое училище (за гор[одом]), директор Стржембуш (личный адрес: Polna, dom Zukermana) ot pana Mikolaji[133]. 2) M-elle Кофтунова, женское коммерческое училище, Жадкевич (Ивангородская, 1) или domy Kobyowy, № 41.[1]) *

(Туруханский край, Енисейской губ., село Монастырское, станок Селиваниха, Якову Михайловичу Свердлову.) *[2]

(г. Сухум, типография Гелгадзе (?) и Коландарашвили Вала.) *

(ст. Сартана, Екатеринославской губ., Никопольский завод, доменное отделение, Макару Самбурскому.) *[3]

(Серпухов (явка) (г. Серпухов), Общество трезвости, Александр Григорьевич Крылов[134] и Ник. Ник. Стрелков (от Малиновского).) *[4]

ст. Сартана, Екатеринославской губ., колония Никополь, д. 170, кв. 9, Емельяну Горелову[135].

Сормово (явка), Пески, 4-я линия, д. 156, Федор Иванович Кремницкий[136]. От П[етровского], которому передали этот адрес николаевские рабочие[5].

Самара, угол Полевой и Уральской, дом Лебедева, В. Рожкову (внутри — для Константина)[137].

Сухум, городская аптека, г. Ахабадзе[6].

Сухум, гараж Н. Д. Нодия, г-ну Шварцу.

Закавказье, местечко Самтреди, «Купеческое общество взаимного кредита», Малакию Торошелидзе[138].

Самара (адрес для писем), Дворянская, магазин Головкина, Григорию Михайловичу Маринину[139].

(Тула (для писем и литературы) (Марье Ивановне, жене Михаила Томского, город непременно подчеркнуть), Посольская улица, аптекарский магазин Столкинд, А. П. Коган.) *

(Тифлис, Пушкинская, кондитерская Саганиелова, для Малакия.) *

(Тифлис, главный склад Кавказского т-ва торговли аптекарскими товарами, Карапету Артемьевичу Карапетову.) *

(ст. Тайшет, Сибирской ж. д., Канский уезд, село Выдрино, Ивану Ивановичу Панкратову.) *

(Таганрог (явка), в больнице доктора Зака спросить фельдшерицу Фаню Ефремовну, у нее спросить Сему. Пароль к ней: «от Вильгельма».) *

(Ташкент, Гоголевский пр. <42>, 52 <почтовый ящик 35>, Марии Карловне Тельп.) *[7]

(Туруханский край, Енисейская губ., деревня Костино, ссыльному Иосифу Виссарионовичу Джугашвили.) *

(Тверь, Разгуляй-улица, дом Новикова, В. М. Федорову.) *

Тифлис, номера «Восток», Т. А. Сикорскому.

(Тверь (явка), Дворянская ул., дом Серебрякова, Дмитрий Романов.) *[8]

Тверь, Верхне-Волжский вагоностроительный завод, Н. А. Горн.

---

[1] «пользоваться пореже».
[2] «14/X».
[3] «п[олучен] 14/X».
[4] «Малиновский 14/X».
[5] «15/IV п[олучен]».
[6] «годен».
[7] «действителен».
[8] «Малиновский 14/X».

Туруханский край (Филиппу), ст. Селиваниха, Ивану Голощекину.

Тифлис (жене Сурена), Вера, Ананурский пер., д. 7. Ольге Вячеславовне Спандариан [140].

Туруханский край, станок Курейка, Иосифу Виссарионовичу Джугашвили [1].

Туринск [2], Тобольской губ., деревня Фабричная, Клавдии Новгородцевой [141].

(Тифлис, номера «Восток», Т. А. Сикорскому.) *

(ст. Усолье, Сибирской ж. д., Ан[др]ею Петрову, Ольге Александровне Виноградовой [142] (внутри — для С. П.).) *

(Юзовка [3], Екатеринославской губ., Ларинская сторона, 8-я линия, д. 28, Алексею Алексеевичу Шиманову [143].) *

(Юзовка, Екатеринославской губ., магазин Ф. И. Гольдберга, Абраму Атеровскому (на внутреннем конверте — Абраму Бейлинсону).) *

Юзовка, Екатеринославской губ., фотография Ицковича, В. Богуславскому (товарищу женщине, которая пишет стихи) [4].

Уфа, Биржевой комитет [5].

Вологда (Медв.), Большая Дворянская, дом Катина, Ивану Адамовичу Саммеру [145] (в соответствующих журналах).

Великий Устюг, Вологодской губ. (Алеше Бакинскому), Анне Васильевне Пановой, Гиргиевская, 2 [6].

Владивосток, Сибирский торговый банк, А. Г. Антонову.

Владивосток, почтамт, <почтовый> ящик № 76.

(Вилюйск (Щур) [146], Якутская обл., г-ну Скрыпнику.) *

(Верхне-Ишимск, Екатеринбургской губ., Исетский завод, Матрехинская ул., дом 810, Клавдии Тимофеевне Новгородцевой (для денег).) *

(Екатеринбург (для писем), типография «Уральская жизнь», А. П. Ярцевой.) *

Владимир губернский, Куткин пер., дом Щедрина, Гавриле Николаевичу Щедрину [7].

(Вознесенский рудник, Екатеринославской губ., шахта № 18, И. В. Барибину.) * [8]

(Вознесенский рудник, Екатеринославской губ., А. К. Дзюба, главная контора.) * [9]

(Вологда, угол Казанской и Гостинодворской улиц, контора Коммерческого отдела при Вологодском сельскохозяйственном обществе, Елизавете Сергеевне Деларовой, для В. П. [148].) *

Вильно, скорая медицинская помощь, Станислав Евгеньевич Бабятинский.

Вильно, Антокольское предместье, 101, Берта, от Гриши [149], который живет в Париже. Если почему-либо отсутствует, справиться рядом на фабрике Салуцкого, там спросить Хону, мужа Берты. У Берты спросить связать со следующим лицом: а) с Ревеккой и Захаром, конторщиком и его женой Хана (меньшевики-партийцы), б) с Адольфом кожевником (большевик).

Ревекку можно найти также по следующему адресу:

Вильно, 42, Заваленная ул., магазин книг и газет. Зайти и сначала спросить газету, а потом у приказчика спросить Ревекку. Тоже от Гриши.

(Харьков, пассаж, почтовый ящик 266, Селекционная станция, И. М. Квоковой.) *

Харьков, письма Ветр[ову] [150] не очень конспиративные. Совет съездов горнопромышленников Юга России, Петру Филипповичу Никитину [151] (<для Вашего

---

[1] «15/IV».
[2] «14/IV».
[3] «п[олучен] 14/X».
[4] «15/IV п[олучен]».
[5] «Марксу» [144].
[6] «только из России».
[7] «дан Ефимовым» [147].
[8] «п[олучен] 14/X».
[9] «п[олучен] 14/X».

брата>) (на внутреннем конверте ничего не надо) «Дорогой Григорий»... (без обращения — Химику) [152].

Харьков[1], Русско-Азиатский банк, Александру Александровичу Аникееву [153].

Харьков[2], Русско-Азиатский банк, Александру Васильевичу Волкову [154].

Харьков[3], Петровский пер., Харьковское ссудо-сберегательное тов-ство, Андрею Лаврентьевичу Беленькому [155].

(Харьков, Сумская ул., д. 6, кв. <60> 38 <Марии Ивановне>, Николай Васильевич Крыленко.) *

Харьков, Кремлевская ул., д. 19, кв. Дьяковой, Владимир Николаевич Максимовский. <от> «Бухарин кланяется старику Эпишкину».

Гор. Чернигов (для денег), губернская тюрьма, Сарре Бродской.

Гор. Чернигов (для писем), до востребования.

Чиатуры, Кутаисская промысловая больница, для Вано.

Ярославль (письма Савинову), Большая Федоровская, д. 5, г-ну Рожкову.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 240.— Автограф Н. К. Крупской.

Отдельные записи конспиративных адресов в России

Ст. Унов, в 8 верстах от границы, в Австрии, дер. Жерники (гмина Черкасы), крайняя правая изба влево по дороге, спросить Стефана Ключковского, сказать: «возвращаюсь из Америки», попросить вызвать из России Василия Степанишина.

Харьков, 1) Смольниковский пер., с Павловской площади за трамваем № 1 <по Петровскому пер.> вправо огибает синагогу. Смольник[овский] пер., вывеска «Переплетная Черюненко», во дворе указано, куда идти в переплетную, там спросить Павлова от Абрама, жившего на Сумской. 2) Союз конторщиков, Подольский пер., 7 или 9, от 7 до 9 ч. вечера, спросить Баклеева, тоже от Абрама, может связать с организацией.

Ночевка: Вознесенская пл., 6, кв. 20, Ольга Самарьевна Казарновская от Николая Васильевича Крыленко (даст ночевку, использует Гришку, Би-бо-бо, Таню, Нагорного и остальных, матерь).

* Варшава, Кошиковая, д. 19, кв. 16, Евгению Осиповичу Пиндичуку от Сереги.

* С 1 июня адрес: почтовая станция Лащов, Томашовский уезд. Холмской губ., село Пепяны, тому же.

Дождь — стачка. Холода — дело дошло до расстрела. Неуег.

1) Васильевский остров, Средний проспект,— идя по Среднему проспекту от Кадетской линии, от угла Кадетской, по правой стороне 4-й или 5-й дом, магазин мод «Мария», спросить Макарычева, спросить Гришу Скитальца.

2) Измайловский пр., 12-я рота, д. № 19, кв. 22, спросить Шуру.

Для Урала.

<Степан Степанович Степанов>, улица Жуковская, д. 35, Общество конторщиков, от 7 до 9½ ч. веч. У дежурного спросить Степана Степановича <Степанова>; ответит: «Он скоро придет».

* До Мехова поездом. С Мехова лошадьми до Сломник — 50 к., а затем лошадьми же до Вронина — 2 рубля (спросить у стоящих около станции извозчиков, кто едет в Вронин). Спросить Kozera, Andrzey, лавочка (в деревне): «Мне нужно ехать к Маковскому». Из Вронина до самого Кракова 5 рублей.

СПб (ждать извещения для литературы), Васильевский остров, Средний проспект, 11, кв. 40, Леониду Александровичу Зибольду.

Гостиница Spatz «Шпац» (может быть — спорт), спросить Янкеля ze Slomnik (абсолютно нельзя полагаться). Перевоз контрабанды — до востребования в каком-нибудь городе. О перевозке людей с ним же — <3 руб.> или лучше с Дуком. Дук'а.

---

1 «<?> Малиновский 14/X».
2 «14/X».
3 «14/X».

Адрес для Н. В. На один раз. Радзивилловская, 5, Евгению Петриковскому — для Веры. Люблин. Адрес Николая Васильевича.

Петр = С[ергей] П[етриковский]. Для писем, Мария Иваненко, женская гимназия, Люблин.

Химией. «Просвещение» <9>—10. 1913 <пром.> произведение 2-й дроби $^1/_2$ ($^3/_2$). Если товарищ будет в Пит[ере] — СПб., Петербургская сторона, Церковная, 8, кв. 14, Марусе Домановской.

Для литературы из России: Наместниковская ул., Владиславу Красновскому, в организацию учащихся (б[ольшевист]ская).

Явка: Разыскать [Люблин] Радзивилловская, 3, кв. 20, Ивана Семеновича Петриковского, у него спросить Сергея от Маруси.— «Она уехала».

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 12.— Автограф Н. К. Крупской; адреса, обозначенные звездочкой,— рукой неизвестного.

Запись шифров для конспиративной переписки с Россией [156]

Выданы книги:

Александру Ш.	«Просвещение»	2-я книга	1914	14
Вадиму	»	1-я	1914	49
	»	6-я	[1913]	23
Дяде Ване	»	1-я	1914	20
В-ман	»	№ 3	1913	53
Вас. Ив.	Детск[ие годы] Б[агрова] вн[ука] № 534—536. р[авняется] зн[аменателю] перв[ых] дв[ух]			
Томич	«Просвещение»	2-я	1914	11
Т-вич	В[оздушный] корабль			
С-тов	«Просвещение»	№ 3	1914	18
М-лев	Лагерлеф			15
Ян	№ 753 + 3 др[обь]			
Григоренко	№ 812			81
Марк	«Просвещение»	6	1913	25
Марковы (Киевск.)	»	3	1914	100
Петр	25 Сбор...			
О. И.	№ 105			
Авя	№ 23 «Вопр[осы страхования]»			
К. К.	Философ...			
Малакий	Изм[аил] Бей (без пред[исловия])			
Мих. Кал.	«Просвещение»	1	1914	10
А. Евг.	«Просвещение»	10	1913	29
Ваня	«В[опросы] стр[ахования]» 24—9 (2-я пол.).			Н. В.
В. Л.	812—81			
Глеб	Детс[кие] годы [Багрова внука] + 4 др[обь]			
Егоров Кирилл	«Просвещение»	1	1914+	1
Евгений	У[ниверсальная б[иблиотека] 782—783			
Двинский	«Просвещение»	№ 3	1914	×4
Алеша	«Мысль»			
Алекс. П.	«В[опросы] стр[ахования]» 26,3, ММ			
Астр[ахань]	Басни «В[орона] и Л[исица]»			
Алекс. М.	«Просвещение»		1913	7—8—71
А. Акс.	«Просвещение»	3	1913	24
Андрей	«Просвещение»	3	1914	45 (В. 82)
Волков	«Просвещение»	1	1914	48
Костя	»	»		34+6

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 144.— Автограф Н. К. Крупской.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Шаумян С. Г. (1878—1918) — член Коммунистической партии с 1901 г. В 1912 г. на VI Пражской конференции был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. С 1911 г. работал в Астраханской партийной организации. Вел переписку с В. И. Лениным. С марта 1914 г. возглавил Бакинскую большевистскую организацию.— 15.

2) Окулова-Теодорович Г. И. (1878—1957) — член КПСС с 1899 г. Работала в большевистских организациях Иваново-Вознесенска, Киева, Москвы. В 1911 г. выехала в с. Александровское (место нахождения центральной каторжной тюрьмы — Александровский централ), а затем в Тайшет, Иркутской губ., по месту ссылки И. А. Теодоровича, где работала до 1917 г.— 15.

3) Белостоцкий И. С. (р. 1882) — член КПСС с 1904 г. В 1912 г. был кооптирован в состав ЦК РСДРП, позднее работал в Екатеринославской, а затем в Тульской организациях. В октябре 1912 г. был арестован в Туле и сослан в Архангельскую губ. Адрес был сообщен в письме Белостоцкого в ЦК РСДРП в марте 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 348). В настоящее время — персональный пенсионер.— 15.

4) В. Н.— В. Н. Яковлева — в 1913 г. работала в Московской областной организации РСДРП. В декабре 1913 г. была арестована и выслана в Астрахань. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП в апреле 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 318).— 15.

5) Карагезов М. А. (1878—1938) — член Коммунистической партии с 1904 г. Вел партийную работу в Бакинской большевистской организации, насчитывавшей к февралю 1913 г. 100 членов партии. В 1912 г. Карагезов был арестован. В 1913 г. являлся одним из организаторов подпольной типографии и членом Бакинского комитета РСДРП, с 1914 г. работал в рабочих кооперативах Баку. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП через В. М. Каспарова в апреле 1914 г. и служил для связи с С. Г. Шаумяном (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 154). В письме к В. И. Ленину от 30 мая 1914 г. С. Г. Шаумян сообщил, что этот адрес отменяется (см. «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 53).— 15.

6) «Костя» — кличка Р. М. Малиновского, оказавшегося провокатором.— 15.

7) Климов А. И.— работал в Богородской большевистской организации, насчитывавшей к середине 1913 г. 70 членов партии. До 1912 г. сидел в Бутырской тюрьме. После выхода из тюрьмы умер. Похороны А. И. Климова были превращены Богородской большевистской организацией в массовую революционную демонстрацию.— 15.

8) Новожилов Я. Т. (1881—1932) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1912 г.— выборщик от Богородска в IV Государственную думу. В 1913 г.— делегат Поронинского («летнего») совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, после окончания которого был направлен в качестве доверенного лица ЦК в Московскую окружную организацию. В конце ноября 1913 г. был арестован и осужден на шесть лет каторжных работ.— 16.

9) «Ерема» — кличка Л. П. Серебрякова. В 1912 г.— делегат Пражской конференции РСДРП. В 1913 г. работал в Петербурге, Москве и Баку.— 16.

10) Адрес использовался Балаковской группой РСДРП для переписки с большевистской фракцией IV думы и получения нелегальной литературы из-за границы. Непосредственная связь с ЦК РСДРП была установлена в апреле 1914 г. и осуществлялась через г. Вильно (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2. ед. хр. 328).— 16.

11) Крыленко Н. В. (1885—1940) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1912 г. по указанию В. И. Ленина наладил нелегальный транспорт через Сосновицы, затем уехал в Петербург. С 1913 г. работал в редакции газеты «Правда» и секретарем большевистской фракции IV думы. В декабре 1913 г. был арестован и выслан в Харьков, где участвовал в работе по подготовке Южной конференции и намечавшегося съезда партии. В июле 1914 г. эмигрировал за границу.— 16.

12) Малахов П. А. (1887—1943) — член Коммунистической партии с 1907 г. В 1909 г. был арестован. С 1912 г. по освобождении вел партийную работу в Богородской большевистской организации, принимал участие в организации забастовок, в проведении страховой кампании и др. В 1914 г. был призван в армию.— 16.

13) Шавкин Ф. И.— работал в Богородской большевистской организации. В 1912 г. был избран уполномоченным по выборам в IV думу от рабочих Глуховской фабрики. В ноябре 1913 г. был арестован и в 1914 г. выслан из пределов Московской губ.— 16.

14) Осенью 1913 г. состоялась Кавказская областная конференция РСДРП, прошедшая под руководством скрытых ликвидаторов. Бакинская и тифлисская большевистские группы отказались от участия в ней; в конференции принимали

участие лишь отдельные большевики-примиренцы, один из которых был избран в Организационный комитет. Об этом сообщала Н. К. Крупская в письме В. М. Каспарову (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 16).— 16.

15) Степан — С. Г. Шаумян (см. прим. 1).— 16.

16) Имеется в виду письмо С. Г. Шаумяна В. И. Ленину от 30 мая 1914 г., в котором он просил, чтобы ему писали по указанному адресу (см. «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 53).— 16.

17) Адрес был сообщен в ЦК РСДРП через В. М. Каспарова в июне 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 231).— 16.

18) Адрес был сообщен Балаковской группой РСДРП в январе 1914 г. в большевистскую фракцию IV думы.— 16.

19) Махарадзе Ф. И. (1868—1941) — член Коммунистической партии с 1891 г. В 1911 г. работал в Донбассе, а с начала 1913 г.— в Бакинской большевистской организации. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП летом 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 33).— 16.

20) Корсаков Я. Ф.— в 1912—1914 гг. работал в Московской организации РСДРП; в 1912 г.— выборщик в IV думу по рабочей курии Московской губ.— 16.

21) Костюков А. Ф. — рабочий-большевик, в 1912 г. выборщик в IV думу от рабочей курии Петербургской губ. В 1913 г. был арестован и выслан в Смоленскую губ. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП в феврале 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 99).— 16.

22) «Матвей» — партийная кличка М. И. Гуровича. В 1912 г.— делегат Пражской конференции от Виленской организации РСДРП.— 16.

23) Этот и другие екатеринославские адреса служили для связи с Екатеринославской большевистской организацией. С лета 1912 г. работа велась в четырех районах: Городском, Брянском, Трубопрокатном и Заднепровском. Общегородской организации не было до апреля 1914 г., когда было принято решение о ее создании и избран общегородской комитет. В ночь на 20 июля 1914 г. многие активные деятели организации были арестованы.— 16.

24) Здесь и далее П.— Г. И. Петровский (1878—1958) — член КПСС с 1897 г. С 1912 г.— член большевистской фракции IV думы, а затем ее председатель. Участвовал в Краковском и Поронинском совещаниях ЦК РСДРП, был кооптирован в состав Русского бюро ЦК. В ноябре 1914 г. был арестован и сослан в Туруханск.— 16.

25) № 6 — условное название Г. И. Петровского.— 16.

26) Мещеряков Н. Л. (1865—1942) — член Коммунистической партии с 1903 г., работал в Московской большевистской организации. В октябре 1906 г. был арестован и после трехлетнего тюремного заключения сослан на поселение в с. Еланское, Енисейского уезда. С 1913 по 1917 г. вел партийную работу в Красноярске.— 16.

27) Перельман Б. О. (1877—1918) — жена Ф. И. (И. И.) Голощекина — член Екатеринославского комитета РСДРП. Через нее в 1913 г. были установлены связи с ЦК РСДРП. 19 июля 1914 г. была арестована и сослана в Сибирь.— 16.

28) «Ваня Казанец» — партийная кличка И. И. Панкратова (р. 1886) — члена КПСС с 1906 г. После окончания партийной школы в Лонжюмо работал районным парторганизатором в Петербурге, был арестован и после двухлетнего заключения выслан в Енисейскую губ. В настоящее время — персональный пенсионер.— 16.

29) Спандарян С. С. (1882—1916) — член большевистской партии с 1902 г. На Пражской конференции был избран в состав ЦК РСДРП. После конференции объехал с докладами большевистские организации Латышского края, Петербурга, Москвы, Тифлиса, Баку. В июне 1912 г. был арестован и приговорен к пожизненной ссылке в Сибирь. Умер 24 сентября 1916 г. в Красноярской больнице.— 17.

30) Стасова Е. Д. (р. 1873) — член КПСС с 1898 г. На Пражской конференции была избрана кандидатом в члены ЦК РСДРП, затем работала секретарем Русского бюро ЦК. В июле 1912 г. была арестована и сослана в Сибирь. В настоящее время — персональный пенсионер.— 17.

31) По этому адресу ЦК РСДРП вел переписку с Екатеринославской большевистской организацией через г. Вильно в конце 1913 —начале 1914 г.— 17.

32) «Марк» — партийная кличка Г. И. Петровского.— 17.

33) Адрес служил для связи с Верх-Исетской большевистской организацией, которая во второй половине 1913 г. насчитывала 60 членов партии.— 17.

34) Шварц И. И. (1879—1951) — член Коммунистической партии с 1899 г. В 1911 г. был направлен Большевистским центром в Россию и избран в состав Россий-

ской организационной комиссии по подготовке Пражской конференции. В октябре 1911 г. был арестован в Петербурге и после двухлетнего тюремного заключения сослан на вечное поселение в с. Шелаево, Канского уезда, Енисейской губ. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП Шварцем в апреле 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 156).— 17.

35) Давыдов Н. М. (р. 1890) — член КПСС с 1906 г. Вел партийную работу в Екатеринбургской большевистской организации. В 1909 г. был арестован и выслан в Архангельскую губ., откуда вернулся в Екатеринбург в 1912 г. В 1913 г. вел работу на Верх-Исетском заводе, дважды был арестован. В 1914 г. руководил проведением страховой кампании. В настоящее время — персональный пенсионер. Екатеринбургская большевистская организация к октябрю 1911 г. насчитывала 40—50 человек. В ноябре 1911 г. в результате ареста всех членов Екатеринбургского комитета организация распалась. В 1913 г. была создана центральная группа, которая начала восстанавливать партийные группы на заводах. В ноябре 1913 г. в организации насчитывалось 250 членов.— 17.

36) «Сима» — партийная кличка С. И. Дерябиной (1888—1920) — члена Коммунистической партии с 1905 г. Являлась членом Екатеринбургского комитета и Уральского областного бюро РСДРП. В марте 1913 г. была арестована и выслана в Челябинск. В сентябре 1913 г. принимала участие в Поронинском совещании ЦК РСДРП, после чего работала в Москве, а затем в Петербургском комитете РСДРП. В марте 1914 г. была вновь арестована и выслана в Челябинск.— 17.

37) Гомельские адреса служили для связи ЦК с Полесским комитетом РСДРП. Полесская большевистская организация, объединявшая партийные группы Гомеля, Могилева, Жлобина, Пинска, Клинцов, Новозыбкова и др., была оформлена в марте 1912 г. и сразу же установила связь с ЦК РСДРП (см. сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», 1923, вып. III, стр. 103).— 17.

38) «Валериан» — партийная кличка В. Н. Залежского (1880—1957) — члена КПСС с 1902 г. С начала 1912 г. работал в Гомеле, являлся одним из организаторов и руководителей Полесского комитета РСДРП. В ноябре 1912 г., скрываясь от ареста, переехал в Екатеринослав, где принимал участие в работе местной организации. В январе 1913 г. был арестован и сослан в Нарымский край.— 17.

39) Шотман А. В. (1880—1939) — член Коммунистической партии с 1899 г. С 1908 г. работал в Петербургской и Гельсингфорсской большевистских организациях. В 1912 г. был направлен в Париж к В. И. Ленину с докладом о работе военной организации РСДРП в Балтфлоте. В 1913 г. эмигрировал в Австрию, но на Поронинском совещании ЦК РСДРП был кооптирован в состав ЦК и вновь направлен для нелегальной работы в Россию. В ноябре 1913 г. был арестован в Екатеринославе и сослан в Нарымский край.— 17.

40) Ровио Г. С. — финский коммунист. Работал по транспортировке нелегальной литературы через финскую границу. После июльских дней 1917 г. у него скрывался В. И. Ленин.— 17.

41) «Tyômies» («Рабочий») — Центральный орган Финской социал-демократической партии, издавался в Гельсингфорсе.— 17.

42) Войтинский В. С.— с 1905 г. стал принимать участие в деятельности социал-демократических организаций. В 1913—1914 гг. сотрудничал в «Просвещении». Позднее — правый меньшевик, затем белоэмигрант.— 17.

43) Лалаянц И. Х. (1869—1933) — в революционном движении с 1888 г. В декабре 1906 г. был арестован и в 1908 г. приговорен к шести годам каторжных работ. В 1913 г. был сослан в Бирюльскую волость, Иркутской губ. С 1914 г. работал в Иркутске.— 17.

44) Канатчиков С. И. (1879—1940) — член Коммунистической партии с 1898 г. В 1910 г. в Петербурге был арестован и затем сослан в с. Манзурка, Иркутской губ.— 17.

45) Пастухова-Попова Т. М.— в 1911 г. после двух арестов в Москве была сослана в Иркутскую губ. В 1912 г. находилась в Усть-Удинске, в 1913 г.— в Манзурке, Бирюльске, а с 1914 г.— в Иркутске.— 17.

46) Бош Е. Б. (1879—1925) — член Коммунистической партии с 1900 г. В 1911 г.— член, а затем секретарь Киевского комитета РСДРП. В апреле 1912 г. была арестована и в ноябре 1913 г. сослана в Качугскую вол., Иркутской губ. С мая 1914 г. была переведена в Усолье, близ Иркутска, а в октябре 1914 г. бежала из ссылки за границу.— 17.

47) Киевские адреса служили для связи с киевскими большевиками, которых к началу 1913 г. насчитывалось до 200 человек. К 1913 г. имелось три районных комитета и «техника». В апреле 1914 г. в письме из Киева в ЦК РСДРП сооб-

щалось, что там преобладают правдисты и имеется оформленная организация (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 33).— 17.

48) Адрес был сообщен в ЦК РСДРП в июле 1914 г. через А. С. Шаповалова, жившего в Париже. В письме от 9 (22) июля 1914 г. А. С. Шаповалов сообщал, что фамилия адресата не Пилихин, а Плюхин (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 186). В донесении Саратовского жандармского управления в Департамент полиции от 9 (22) июля 1914 г. также сообщалось, что И. М. Самоваров, по-видимому, вымышленное лицо, а действительным адресатом является служащий Рязано-Уральской ж. д. Плюхин И. Т.— 17.

49) Адрес служил для переписки с Кинешемской большевистской организацией, которая к сентябрю 1913 г. насчитывала 15 членов.— 17.

50) «Виссарион» — партийная кличка Бибинейшвили В. Е., работавшего в Кутаисской организации РСДРП; был членом комитета, принимал участие в транспортировке нелегальной литературы и т. д. В октябре 1913 г. был арестован и выслан в Керчь. Сведения об отмене адреса были сообщены в ЦК РСДРП в апреле 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 174).— 18.

51) По-видимому, описка, имеется в виду Н. А. Миславский (1854—1928) — профессор физиологии Казанского университета.— 18.

52) Максимовский В. Н.— с 1911 г. работал в Коломенской организации РСДРП. Летом 1913 г. был одним из редакторов московской большевистской газеты «Наш путь». В октябре 1913 г. после ареста выслан в Харьков. С ноября 1914 г. работал в Самаре.— 18.

53) «Коба» — партийная кличка И. В. Сталина.— 18.

54) Кременчугские адреса служили для связи с Кременчугской большевистской организацией, которая к сентябрю 1913 г. насчитывала 27 членов. Батушин П. М. в 1914 г. был заподозрен в провокационной деятельности и отстранен от партийной работы; в 1917 г. был разоблачен и расстрелян.— 18.

55) Розмирович Е. Ф. (1886—1953) — член КПСС с 1904 г., участница Поронинского совещания ЦК РСДРП. С 1913 г. работала секретарем большевистской фракции IV думы и секретарем Русского бюро ЦК РСДРП; член редакции газеты «Правда», сотрудничала в журналах «Работница» и «Просвещение». В феврале 1914 г. была арестована и после освобождения с апреля 1914 г. жила в Харькове, проводя работу по подготовке намечавшегося партийного съезда и Южной конференции. В июле 1914 г. эмигрировала за границу.— 18.

56) Адрес был сообщен Розмирович в ЦК РСДРП во второй половине мая 1914 г. (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 37).— 18.

57) Подвойский Н. И. (1880—1948) — член Коммунистической партии с 1901 г. В 1910 г. принимал участие в организации газеты «Звезда», а с 1912 г.— «Правды». Принимал участие в работе большевистской фракции IV думы. Адрес был сообщен Подвойским в ЦК РСДРП в мае 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 197а).— 18.

58) Алеша Бакинский — Джапаридзе П. А. (1880—1918) — член Коммунистической партии с 1898 г. В марте 1911 г. был арестован в Ростове н/Д и сослан в Великий Устюг. В июне 1914 г. по возвращении из ссылки работал в Тифлисской организации.—18.

59) Адрес был сообщен в письме Розмирович в ЦК РСДРП от 14 (27) мая 1914 г., служил для связи с киевскими большевиками (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, ед. хр. 41012).— 18.

60) «Татьяна» — партийная кличка Е. Ф. Розмирович.— 18.

61) Черлюнчакевич Н. А. (1876—1944) — член Коммунистической партии с 1907 г. В 1910—1914 гг. жил в Польше, работал в союзе металлистов.— 18.

62) Петерсон А.— большевик, член Луганской большевистской организации. Умер в 1919 г. Адрес служил для переписки Луганской большевистской группы с ЦК РСДРП и большевистской фракцией IV думы (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 40).— 18.

63) Сергей — Петриковский-Петренко С. И. (р. 1894) — член КПСС с 1911 г. Вел революционную работу в Люблинской и Петербургской большевистской организациях. В начале 1914 г. работал по транспортировке нелегальной литературы. В настоящее время — генерал-майор в отставке.— 19.

64) Озол Ф. И.— в 1908 г. был выслан из Москвы в Киев. Являлся одним из организаторов, а затем секретарем киевского союза портных, входил в Центральное бюро профсоюзов. В начале 1914 г. после неоднократных арестов был выслан в Одессу, а оттуда в 1915 г. в Иркутскую губ.— 19.

65) Дальняя-Дерман С. Я. (р. 1885) — член КПСС с 1903 г. Работала в Луганской и Юзово-Макеевской большевистских организациях. В 1913 г., скрываясь от ареста, переехала в Майкоп, где продолжала вести революционную пропаганду. Держала связь с Петербургской организацией, активно сотрудничала в «Правде» и «Работнице». В настоящее время — персональный пенсионер. Дерман Л. А. (1884—1953) — в революционном движении с 1901 г. В 1914 г. его адрес использовался для переписки с Майкопской большевистской группой.— 19.

66) Адрес служил для переписки с Миньярской большевистской организацией, которая в мае 1914 г. насчитывала 60 членов и возглавлялась комитетом из пяти человек. Комитет руководил также большевистской группой Симского завода и был связан с Аша-Балашовским и Усть-Катавским заводами. Адрес был сообщен в ЦК РСДРП 4 мая 1914 г. (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 35).— 19.

67) Стукин С. Г.— оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Миньярской организации РСДРП. В 1914 г. был разоблачен и отстранен от партийной работы.— 19.

68) «Дядя Осокин» — по-видимому, речь идет о старом большевике И. П. Осокине, работавшем до 1909 г. на Урале. В октябре 1909 г. был арестован в Самаре и приговорен к 15 годам каторги. Погиб в 1918 г. на фронте.— 19.

69) Малянтович П. Н. (1870—1939) — присяжный поверенный. Выступал защитником на политических процессах, оказывал отдельные услуги социал-демократам. В 1917 г.— министр юстиции Временного правительства.— 19.

70) Адреса Е. Ф. Матвеева и Н. Д. Кислицына (см. стр. 20) служили для переписки с Областным бюро РСДРП Центрального промышленного района, которое объединяло деятельность партийных организаций Раменска, Люберец, Перова, Егорьевска, Павлова-Посада, Мытищ, Твери, Орла и других городов. В начале 1914 г. адрес Матвеева являлся еще и явкой. А. С. Романов («Аля», «Жорж») — оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Московской организации РСДРП.— 19.

71) Имеется в виду легальная московская большевистская газета «Наш путь», выходившая с 25 августа по 12 сентября 1913 г. Газета была закрыта царскими властями.— 19.

72) Томский (Ефремов) М. П.— работал в Московской организации РСДРП.— 19.

73) Квятковская А. Я. (1863—1929) — в революционном движении с 1903 г. В 1911—1916 гг. жила в Москве, содержала конспиративную квартиру, работала по связи с политическими заключенными и т. п.— 19.

74) Кривов И. Г.— оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Московской организации РСДРП.— 19.

75) По всей вероятности, адрес служил для связи с Д. И. Курским (1874—1932), членом Коммунистической партии с 1904 г., который работал в этот период в Московской организации РСДРП.— 19.

76) Николаев А. Н. — оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Московской организации РСДРП.— 19.

77) «Василий Иванович» — партийная кличка Н. Н. Яковлева (1886—1918) — члена Коммунистической партии с 1905 г. С 1911 до марта 1913 г. находился в Германии. Весной 1913 г. был направлен ЦК РСДРП в Москву, являлся одним из организаторов и руководителем газеты «Наш путь». В сентябре 1913 г. был арестован и сослан в Нарымский край. В январе 1914 г. бежал и после объезда ряда городов работал в Харьковской организации. В марте 1914 г. опять арестован и сослан в Нарымский край, откуда в августе бежал, после чего работал в южных городах и Баку, а затем был снова арестован и сослан в Нарым.— 19.

78) Савинов И. Т. («Ян») — большевик, в 1912 г. выборщик в IV думу по Московской губ. от томилинских рабочих. В 1913 г. был доверенным лицом ЦК РСДРП, работал в Московской и Московской окружной большевистских организациях. В январе 1914 г. был арестован и сослан в Рязанскую губ.— 19.

79) Малиновская С. А.— жена Р. В. Малиновского.— 19.

80) Лобова В. Н. («Бина») (1888—1924) — член Коммунистической партии с 1905 г. В 1911—1914 гг. работала в Московской организации РСДРП, была делегатом на Краковском («февральском») совещании ЦК РСДРП. В начале 1913 г.— секретарь большевистской шестерки с.-д. фракции IV думы. С сентября 1913 г.— секретарь редакции газеты «Наш путь».— 19.

81) Миритеев И. Н. (1884—1952) — член Коммунистической партии с 1903 г. С 1908 г.— один из руководителей Серпуховской большевистской организации.

В 1912 г. был выборщиком в IV думу по Московской губ. Вел партийную работу в Серпухове, Подольске, Гривне, с августа 1913 г.— в Москве. В ноябре 1913 г. был арестован и приговорен к четырем годам ссылки.— 19.

82) «Николай» — партийная кличка Ф. А. Балашова (1885—1915) — рабочего-большевика. В 1912 г. был выборщиком в IV думу по Московской губ. В 1913 г. участвовал в Поронинском совещании ЦК РСДРП, после которого в качестве доверенного лица ЦК работал в Московской окружной организации. В декабре 1913 г. был арестован и сослан в Нарымский край.— 19.

83) «Матрена» — партийная кличка П. Г. Смидовича (1874—1935) — члена Коммунистической партии с 1898 г. В 1910—1912 гг. работал в Калужской, а затем в Московской большевистских организациях, был членом литературной группы Московского комитета.— 19.

84) Тютрюмова (Абрамович) Р. А. (1865—1920) — член Коммунистической партии с 1892 г. После 1905 г., вернувшись из ссылки, работала в различных большевистских организациях, в 1913—1914 гг. находилась в Москве.— 19.

85) Лобов А. И. — оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Московской организации РСДРП.— 19.

86) Максимов — работал в Мытищинской большевистской организации; был уполномоченным по выборам в IV думу по рабочей курии Московской губ.— 20.

87) Константинович А. Е.— (1866—1938) — член Коммунистической партии с 1913 г. Работала в Московской большевистской организации. В 1913 и 1914 гг. дважды ездила по партийным делам в Краков к В. И. Ленину, в ноябре 1914 г. эмигрировала в Швейцарию.— 20.

88) Смирнова П. М.— с конца 1910 г. находилась вместе с мужем А. П. Смирновым (см. прим. 123) в ссылке в Нарыме. В начале 1914 г. вернулась в Москву и поселилась под Богородском.— 20.

89) Крут Д. С.— оказался провокатором, работавшим по заданию охранки в Иркутской организации РСДРП.— 20.

90) Оба адреса служили для переписки с Ростово-Нахичеванским большевистским комитетом, который был восстановлен В. М. Каспаровым в сентябре 1912 г. После ноябрьского провала 1912 г. комитет был вновь восстановлен в начале 1913 г. и просуществовал до 29 апреля 1914 г. Адрес А. М. Смирновой был отменен в 1913 г. Новый адрес был сообщен в ЦК РСДРП 12 апреля 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 323).— 20.

91) Адрес служил для связи с Московской городской большевистской организацией. К марту 1913 г. в организации было 22 партийные группы, насчитывавшие более 200 человек.— 20.

92) Скворцов-Степанов И. И. (1870—1928) — член Коммунистической партии с 1896 г. Работал в Московской большевистской организации, выдвигался кандидатом во время выборов в IV думу. В феврале 1911 г. был арестован и выслан в Астрахань. С 1913 г., вернувшись из ссылки, продолжал работать в Московской организации.— 20.

93) Яшнова З. И. (1874—1951) — в революционном движении с 1904 г. С 1910 по 1913 г. заведовала техническими курсами для рабочих Бутырского района г. Москвы. В 1913 г. была уволена, вела нелегальную работу в политическом Красном кресте, в кружке помощи политическим ссыльным и заключенным, выполняла поручения по связи и т. п.— 20.

94) Адрес служил для переписки с В. Д. Вегманом (1873—1938) — членом Коммунистической партии с 1903 г. С 1897 по 1913 г. находился в эмиграции. В конце 1913 г. был направлен ЦК РСДРП в Одессу. В сентябре 1914 г., после неоднократных арестов, был сослан в Нарымский край.— 20.

95) Мостовенко П. Н. (1881—1939) — член Коммунистической партии с 1901 г. Работал в Московской и Тверской организациях РСДРП.— 20.

96) Семья большевиков Каландадзе в 1912—1914 гг. проживала в с. Ходаставн, Кутаисской губ., была связана с Гурийским комитетом РСДРП.— 20.

97) Вениамин — В. Д. Вегман (см. прим. 94).— 20.

98) Блюм А. А. (Адамов) — в 1913—1914 гг. входил в состав редакции легального большевистского журнала «Просвещение».— 20.

99) Рябинин А. Н.— в 1912—1914 гг. сотрудничал в газете «Правда», входил в состав редакции большевистского журнала «Просвещение».— 20.

100) Енукидзе А. С.— с начала 1913 г. работал в Петербургской организации РСДРП. Новый адрес был сообщен в ЦК РСДРП через В. М. Каспарова в апреле 1914 г. в связи с провалом старого адреса (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 154).— 20.

101) «Кооператив» — конспиративное наименование большевистской фракции IV думы.— 20.

102) По этому адресу в январе — июне 1913 г. шла основная переписка с Русским бюро ЦК РСДРП и большевистской фракцией IV думы (см. сб. «Из эпохи „Звезды" и „Правды"», вып. III, 1923, стр. 203—225).— 20.

103) Шеина (Полдушкина) П. Ф. (р. 1885) — член КПСС с 1905 г. С осени 1911 г. работала в Петербургской организации РСДРП, была членом объединенного комитета большевистских фракций высших учебных заведений, вела техническую работу по обслуживанию ЦК РСДРП. В настоящее время — персональный пенсионер. Указанный адрес начал действовать с января 1913 г.— 21.

104) Медведев С. П.— в 1912—1914 гг. работал в Петербургской организации РСДРП. Адреса служили для связи ЦК РСДРП с петербургским профессиональным союзом металлистов и редакцией журнала «Металлист».— 21.

105) Исполнительная комиссия ПК — исполнительный орган Петербургского комитета РСДРП, объединявшего в 1912—1914 гг. работу районных организаций и объединенного комитета петербургского студенчества (см. «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 24).— 21.

106) «Иван Иванович» — партийная кличка С. М. Закса-Гладнева. С 1910 г. сотрудничал в «Звезде», затем в «Правде». Занимал примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам. С 1913 г. работал в издательстве «Прибой». Через него в начале 1913 г. ЦК РСДРП пересылал письма Петербургскому комитету.— 21.

107) Аксельрод А. Е. (1879—1954) — член КПСС с 1901 г. С 1912 г. работал в Петербургской организации РСДРП, принимал участие в проведении выборной кампании, а затем в работе большевистской фракции IV думы, сотрудничал в «Правде», в 1914 г. был введен в ревизионную комиссию редакции «Правды». В ноябре 1912 — марте 1913 г. его адрес использовался для связи с Русским бюро ЦК РСДРП и большевистской фракцией IV думы (см. сб. «Из эпохи „Звезды" и „Правды"», вып. III, 1923, стр. 198, 221).— 21.

108) «Шестерка» — имеется в виду большевистская фракция IV думы.— 21.

109) Возможно, имеется в виду Е. Д. Стасова, носившая в 1912 г. кличку «Вера».— 21.

110) Кавтарадзе С. И. (р. 1885) — член КПСС с 1903 г. В 1910—1912 гг. член Петербургской студенческой организации большевиков, с 1913 г.— сотрудник газеты «Правда». В начале 1914 г. арестовывался полицией, после чего уехал на Кавказ. В настоящее время — персональный пенсионер.— 21.

111) «Абрам» — партийная кличка Н. В. Крыленко (см. прим. 11).— 21.

112) «Хома Брут» — кличка С. М. Закса-Гладнева (см. прим. 106).— 21.

113) По этому адресу в ноябре 1913 г. пересылались письма для Русского бюро ЦК РСДРП (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 5, ед. хр. 26199).— 21.

114) «Сафир»— партийная кличка С. И. Кавтарадзе (см. прим. 110).— 21.

115) Кавтарадзе Е. И. (р. 1887) — сестра С. И. Кавтарадзе, адресом которой он пользовался для нелегальной переписки.— 21.

116) Жена Берга (А. В. Шотмана, см. прим. 39) Е. Ф. Шотман (р. 1883) — член КПСС с 1903 г. С 1911 г. работала в Гельсингфорсской организации РСДРП, а с 1912 г. в Петербурге. Второй адрес был сообщен Е. Ф. Шотман в ЦК РСДРП в марте 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 137). В июле 1914 г. была арестована и выслана в Нарымский край. В настоящее время — персональный пенсионер.— 21.

117) Правдин И. Г. («Парамон») (1879—1943) — член Коммунистической партии с 1899 г. В 1912—1914 гг. работал в Петербургской организации РСДРП. В июле 1913 г. был намечен кандидатом в члены ЦК, а после Поронинского совещания кооптирован в состав ЦК РСДРП.— 22.

118) Адрес служил для переписки с Пермской организацией РСДРП, которая начала восстанавливаться с осени 1912 г. В нее входили: Городская, Загородная, Заимковская, Железнодорожная районные и Мотовилихинская заводская организации. В октябре 1913 г. в Пермской организации насчитывалось не более 50 членов, а в Мотовилихинской — 200. С апреля 1914 г. шифром для переписки с ЦК РСДРП являлся журнал «Просвещение», 1914 г., № 1, стр. 49.— 22.

119) «Евгений» — партийная кличка Е. Ф. Розмирович. Этот адрес в декабре 1913— январе 1914 г. служил для связи с Русским бюро ЦК РСДРП.— 22.

120) «Альберт», «Генрих» — партийные клички И. А. (О. А.) Пятницкого (1882— 1939), члена Коммунистической партии с 1898 г. С 1909 по 1912 г. руководил работой по транспортировке партийной литературы из-за границы. Участник Пражской конференции РСДРП. В июле 1913 г. был направлен ЦК РСДРП в

Россию. Объехав Киевскую, Полтавскую, Харьковскую и Московскую организации, с октября 1913 г. работал в Вольске, а с апреля 1914 г. в Самаре. Был одним из организаторов и руководителей Самарского большевистского комитета. Поддерживал регулярную связь с ЦК РСДРП через Пензу. В июне 1914 г. был арестован и сослан в Енисейскую губ.— 22.

121) Чеботарев И. Н. (1861—1934) — в революционном движении с 1886 г., народоволец, арестовывался по делу А. И. Ульянова. В 1912—1914 гг. работал в Петербурге, в правлении железных дорог. Его адресом В. И. Ленин пользовался для переписки с семьей и для пересылки нелегальной литературы.— 22.

122) Е.— Е. Ф. Розмирович (см. прим. 55). Этот адрес с января 1914 г. служил для связи с Русской коллегией ЦК РСДРП.— 22.

123) «Фома»— партийная кличка А. П. Смирнова. Работал в Московской организации РСДРП. На Пражской конференции был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. С февраля 1914 г., вернувшись из ссылки, поступил на Богородскую электростанцию, работал в Московской и Богородской большевистских организациях.— 22.

124) С февраля 1914 г. В. И. Ленин пользовался этим адресом для переписки с редакцией «Правды».— 22.

125) Лежава — В. И. Мюрат — оказался провокатором, работавшим в 1912—1914 гг. по заданию охранки в уральских организациях РСДРП.— 22.

126) «Слава» — партийная кличка В. М. Каспарова (1883—1917), большевика, члена Комитета Заграничной организации РСДРП (КЗО). В 1913—1914 гг. жил в Берлине, через него велась конспиративная переписка ЦК РСДРП с некоторыми организациями в России.— 22.

127) Беспалов И. С. (1868—1939) — член Коммунистической партии с 1908 г. Работал в Раменской большевистской организации. Был выборщиком в IV думу от рабочих Бронницкого уезда, Московской губ. В ноябре 1913 г. был арестован и после освобождения в марте 1914 г. переехал в Серпухов.— 22.

128) Адрес служил для связи с Рижской большевистской организацией. В письме от 18 февраля (3 марта) 1914 г., полученном ЦК РСДРП из Риги, сообщалось, что Индрик (псевдоним не расшифрован) был арестован 14 февраля, однако адрес продолжает действовать (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 96).— 22.

129) Нацаренус С. П. (1888—1938) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1912—1914 гг. вел активную работу в Саратовской организации РСДРП.— 22.

130) Адрес служил для переписки с Серпуховской большевистской организацией, которая к середине 1913 г. насчитывала 110 членов.— 22.

131) Этот адрес использовался Н. К. Крупской для переписки еще в июле 1911 г. (см. «Пролетарская революция», 1925, № 8, стр. 119).— 22.

132) Адрес служил, по-видимому, для переписки с Ф. И. Голощекиным.— 23.

133) Имеется в виду Н. В. Крыленко (см. прим. 11).— 23.

134) Крылов А. Г. (1882—1948) — член Коммунистической партии с 1905 г. Работал в Серпуховской большевистской организации.— 23.

135) По этому адресу в конце 1913 — начале 1914 г. ЦК РСДРП вел переписку через г. Вильно.— 23.

136) Кремницкий Ф. И. (1887—1932) — член Коммунистической партии с 1905 г. Работал в Сормовской большевистской организации, активно участвовал в проведении страховой кампании.— 23.

137) «Константин» — вероятно, партийная кличка И. А. Пятницкого (см. прим. 120). Этот адрес был получен ЦК РСДРП в апреле 1914 г. для переписки с Самарой через Бреслау.— 23.

138) Торошелидзе М. Г. (1880—1938) — член Коммунистической партии с 1902 г. С мая 1913 г. служил бухгалтером о-ва взаимного кредита в Самтреди, работал в большевистской организации.— 23.

139) Имеется в виду Г. М. Маринин-Бойков (1891—1949) — член Коммунистической партии с 1912 г. Работал в Самарской организации РСДРП. В 1914 г.— один из организаторов партийной техники Самарского комитета. Адрес использовался для связи с ЦК РСДРП и пересылки статей для журнала «Заря Поволжья».— 23.

140) Спандарян О. В. (р. 1879) — член КПСС с 1905 г., работала в Тифлисской большевистской организации. В настоящее время — персональный пенсионер.— 24

141) Новгородцева-Свердлова К. Т. (р. 1876) — член КПСС с 1906 г. В 1912 г. работала в Петербургской большевистской организации, была арестована и выслана в Тобольскую губ. В настоящее время — персональный пенсионер.— 24.

142) Виноградова (Спасская) О. А. (1877—1957) — в революционном движении с 1896 г. С 1911 г. жила в Усолье, а затем в Иркутске. Работала в подпольном

Красном кресте, принимала участие в организации побегов и помощи ссыльным и заключенным.— 24.

143) Шиманов А. А. (р. 1884) — член КПСС с 1907 г. Работал в Московской и Киевской организациях РСДРП. В апреле 1912 г. переехал в Юзовку; его адрес служил для связи с большевистской фракцией IV думы. В 1913 г. был арестован и после освобождения в марте 1914 г. выслан из пределов Екатеринославской губ., жил на ст. Лайжево, Московско-Казанской ж. д. В настоящее время — персональный пенсионер.— 24.

144) «Маркс» — партийная кличка В. П. Арцыбушева (1854—1917). В революционном движении с 1877 г., работал в искровских, а затем в большевистских организациях Поволжья. С 1908 г., вернувшись из ссылки, работал в Уфимской организации РСДРП.— 24.

145) Саммер И. А. (1870—1921) — член Коммунистической партии с 1897 г. В мае 1907 г. был арестован в Москве и заключен в крепость, а в 1909 г. сослан в Вологодскую губ., где находился до 1917 г.— 24.

146) «Щур» — партийная кличка Н. А. Скрыпника (1872—1933), члена Коммунистической партии с 1897 г. С 1908 г. находился в ссылке в Якутской губ., откуда в 1913 г. бежал. Работал в Петербурге в редакции газеты «Правда»; был редактором журнала «Вопросы страхования». В 1914 г. снова был арестован и сослан в Сибирь.— 24.

147) По этому адресу в конце 1913 — начале 1914 г. ЦК РСДРП вел переписку через г. Вильно.— 24.

148) В. П.— В. П. Милютин (1884—1938) — член Коммунистической партии с 1903 г. Находясь в ссылке в г. Яренске Вологодской губ., сотрудничал в «Правде» и «Просвещении» под псевдонимом В. Павлов. Вел переписку с В. И. Лениным.—24.

149) Гриша — Беленький Г. Я.— с 1908 по 1910 г. работал в Виленской, Ковенской и Двинской организациях РСДРП. В 1913 г. эмигрировал за границу, жил в Париже. Виленские связи были пересланы им в ЦК РСДРП в апреле 1914 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 170).— 24.

150) «Ветров» — партийная кличка М. А. Савельева (1884—1939), члена Коммунистической партии с 1903 г. В 1910—1913 гг. являлся редактором журнала «Просвещение» и одновременно с 1912 г. членом редакции «Правды», а с 1913 г. представителем ЦК РСДРП в издательстве «Прибой». После неоднократных арестов в конце 1913 г. был выслан из Петербурга. В качестве агента ЦК РСДРП работал в Воронеже, Харькове, Нижнем Новгороде, Москве, Киеве. Выезжал за границу для связи с ЦК партии.— 24.

151) Никитин П. Ф.— рабочий на железной дороге, затем служащий статистического отдела Совета съездов горнопромышленников Юга России в Харькове. В 1912—1913 гг. работал в Харьковской большевистской организации.— 24.

152) «Химик» — партийная кличка А. С. Бубнова (1883—1940), члена Коммунистической партии с 1903 г. На Пражской конференции был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. Работал в Нижегородской большевистской организации, а с августа 1912 г. в Петербурге. С 1913 г.— член редакции газеты «Правда». В июне 1914 г. был арестован и выслан в Харьков, после нового ареста в августе 1914 г.— в Полтаву, а затем в Самару.— 25.

153) Аникеев А. А.— пом. присяжного поверенного, гл. бухгалтер Харьковского отделения Русско-Азиатского банка. В 1912 г.— товарищ председателя Харьковского профсоюза конторщиков и бухгалтеров. По его адресу из-за границы высылалась нелегальная литература.— 25.

154) Волков А. В.— работал в Харьковской организации РСДРП, один из руководителей профсоюза конторщиков и бухгалтеров. В 1912—1914 гг. сотрудничал в «Правде». В 1914 г.— член Харьковского комитета.— 25.

155) Беленький А. Л.— в 1912—1914 гг. работал в Харьковской организации РСДРП.— 25.

156) Шифровка конспиративной переписки с помощью книг производилась следующим образом: необходимые буквы выбирались в тексте книги и обозначались дробью, в которой числитель означал порядковый номер строки, а знаменатель — буквы. Особенно тщательно шифровалась страница, номер ее составлялся обычно из суммы числителя и знаменателя третьей дроби (первые две дроби не имели значения) или другим способом. Для шифровки использовались в годы подъема чаще всего номера журналов «Просвещение», «Вопросы страхования», а также брошюры широко распространенной в то время дешевой «Универсальной библиотеки», которые обозначены в публикуемой записи шифров номерами (например, № 812 — брошюра Д. Лондона «Мужская верность») и др.— 26.

ПИСЬМА Н. К. КРУПСКОЙ М. В. КОБЕЦКОМУ

О связях Большевистского центра с Россией в годы реакции

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые письма Н. К. Крупской М. В. Кобецкому [1], эмигрировавшему в 1908 г. в Данию, относятся к периоду реакции после революции 1905—1907 гг. В это время М. В. Кобецкий жил в Копенгагене и занимался транспортировкой в Россию большевистской газеты «Пролетарий», а в 1909 г. и Центрального Органа РСДРП — газеты «Социал-демократ». Он организовывал также пересылку корреспонденции из России через Копенгаген сначала в Женеву, а затем в Париж, где жил в годы реакции В. И. Ленин (вынужденный эмигрировать из России после поражения революции 1905—1907 гг.) и находилось издательство газеты «Пролетарий».

Этот период был наиболее трудным для большевистской партии, подвергавшейся жестоким преследованиям царского правительства. Число членов партии резко сократилось. Связь между Большевистским центром, возглавляемым В. И. Лениным, и местными партийными организациями в России ослабела, но не прекратилась, о чем красноречиво свидетельствует настоящая публикация.

По прибытии в Женеву 7 января 1908 г. В. И. Ленин энергично взялся за налаживание издания газеты «Пролетарий», являвшейся фактически Центральным Органом большевистской партии. Преодолевая огромные препятствия, он продолжал из-за границы руководить борьбой большевиков за сохранение и укрепление нелегальной партии, поддерживая связь с партийными организациями в России.

Ближайшим помощником В. И. Ленина в налаживании связей с местными партийными организациями, в издании и транспортировке газет «Пролетарий» и «Социал-демократ» была Н. К. Крупская. В ее руках находились почти все адреса, по которым пересылались газеты и корреспонденция в Россию через Копенгаген, а в отдельных случаях и через Стокгольм,— это были промежуточные пересылочные пункты, созданные в целях большей конспирации. Публикуемые документы раскрывают эту малоизвестную сторону организации связей между Большевистским центром за границей и партийными организациями в России.

---

[1] М. В. Кобецкий (1881—1937) — член Коммунистической партии с 1903 г. Принимал активное участие в работе социал-демократических организаций Петербурга, Баку, Курска, Екатеринослава. В конце 1906 г. был арестован и в 1908 г. эмигрировал за границу. В 1917 г. возвратился в Россию и с тех пор выполнял ответственную партийную, советскую и дипломатическую работу.

Являясь членом хозяйственной комиссии Большевистского центра и секретарем редакции газеты «Пролетарий», Н. К. Крупская проявляла постоянную заботу о том, чтобы эта газета, в которой печатались директивные указания партии, статьи В. И. Ленина, поступала в Россию в возможно большем количестве. «Тут уж очень скупиться не приходится,— писала она М. В. Кобецкому в ноябре 1909 г.,— так как главная цель, чтобы в Россию попадало „Пролетария" как можно больше» (док. № 15). Проникая в Россию, «Пролетарий» помогал партийным организациям в их работе: информировал о партийных решениях, о положении дел в партии, способствовал распространению опыта работы местных партийных организаций, повседневно пропагандировал необходимость сплочения сил рабочего класса и крестьянства на борьбу с царизмом.

Публикуемые письма представляют значительный интерес для изучающих историю партии; они дают новые сведения о связях Большевистского центра с местами, раскрывают некоторые методы конспиративной работы и т. п. По далеко не полным данным, с конца октября 1908 г. по ноябрь 1909 г. «Пролетарий» был разослан в 56 населенных пунктов России, причем число адресов было гораздо больше — 84, так как в некоторых городах газета одновременно поступала в несколько адресов (см. док. №№ 1, 5, 9, 11 и 17). Так, например, за указанный период газета «Пролетарий» была направлена через Копенгаген в Москву — по десяти различным конспиративным адресам, в Петроград — по пяти адресам, в Баку — по шести, в Тифлис — по пяти, в Орел — по трем, в Моршанск — по двум адресам. Только с марта по июнь 1909 г. через Копенгаген и Стокгольм в Россию было направлено 3796 экземпляров газет «Пролетарий» и «Социал-демократ» (см. док. № 5).

Пересылка газет из-за границы в Россию и установление связей редакции «Пролетария» с местными партийными организациями были очень затруднены. Приходилось посылать корреспонденцию и газеты по таким конспиративным адресам, которые не вызывали бы подозрения у полиции. В связи с этим особый интерес представляют письма, в которых Надежда Константиновна подробно инструктирует о том, как отправлять газеты в Россию (см. док. № 1) и каким требованиям должны удовлетворять лица, предоставившие свои адреса в Копенгагене для пересылки на их имя партийной корреспонденции из России в Париж, куда В. И. Ленин переехал из Женевы в конце 1908 г. (см. док. № 14).

Из Копенгагена в Россию газета «Пролетарий» отправлялась главным образом по почте. Ее обертывали в тонкую исписанную бумагу и вкладывали в конверт. Пересылка газет производилась не всех сразу, а растягивалась на несколько дней, чтобы не вызывать подозрения у полиции. Вместе с газетой в конверт вкладывалась записка, в которой редакция «Пролетария» просила извинения перед адресатом, что без его согласия воспользовалась его адресом, который, мол, узнала случайно, и посылает ему свое издание. Делалось это для того, чтобы не подвести адресата в случае, если газета попала бы в руки полиции (см. док. № 1).

Документы показывают, что Н. К. Крупская придавала большое значение учету отправляемых в Россию нелегальных газет. В письме М. В. Кобецкому от 16 марта 1909 г. говорится: «Будьте добры, отмечайте, по какому адресу когда послано. Это необходимо. Из России часто спрашивают, был ли послан „Пролетарий" по такому-то адресу и когда. Если не помечается отсылка, то никогда нельзя с уверенностью сказать, была сделана посылка или нет, так как всегда можно нечаянно не послать по какому-нибудь адресу» (док. № 5).

Публикуемые письма дают читателю известное представление о большой и кропотливой работе Н. К. Крупской по налаживанию связей Боль-

шевистского центра с местными партийными организациями в тяжелые годы реакции. Кроме писем Н. К. Крупской (являющихся подлинниками-автографами), в публикацию включена в качестве приложения копия списка адресов в ряде городов России, переписанная рукой матери Надежды Константиновны, Е. В. Крупской.

* * *

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), в фондах редакций газет «Пролетарий» (ф. 377) и «Социал-демократ» (ф. 28). Все они датированы по новому стилю. Сокращенные слова расшифрованы в тексте без оговорок. Инициалы и партийные клички расшифровать пока не удалось.

К. В. Шахназарова

№ 1

29 октября 1908 г.[1]

Уважаемый товарищ, посылаю Вам адреса, по которым нужно посылать «Пролетарий» [1)] в Россию.

Чтобы «Пролетарий» доходил, необходимо: 1) посылать не все конверты сразу, тогда наверно не дойдет. Надо растянуть посылку на несколько дней, бросать в различные почтовые ящики (чтобы не лежали рядом). В первую голову желательно отсылать депутатам думы и [в] первые 5 адресов; 2) по возможности разнообразить конверты, почерк (хотя это не обязательно), хорошо бы доставать конверты какой-нибудь фирмы, банков и пр.; 3) газету обертывать в тонкую исписанную бумагу, чтобы не видно было печатной бумаги; 4) в каждое письмо вкладывайте извинительную записку (если экспедиция забудет их послать Вам, то первый раз можно обойтись и без этого).

Вот, кажется, и все.

50 fr. на рассылку Вам уже посланы.

Если возникнут какие недоразумения, обращайтесь непосредственно ко мне, по следующему адресу:

Mme Oulianoff. Rue des Maraîchers. 61, III. Genève.

Черкните о получении этого письма.

С товарищеским приветом

Н. К.

P. S. Когда деньги будут на исходе, сообщите заблаговременно, чтобы не выходило из-за этого задержки.

I. Гор. Моршанск, Тамбовской губ., угол Почтовой и Софийской ул., дом Смирновой, кв. М. К. Соловьевой, Домочке.

<II. Москва, Лялин пер., д. № 5, кв. 3, Владимиру Михайловичу Ляпину> [2].

III. Москва, Малый Казенный пер., д. № 2, кв. 18, Владимиру Сергеевичу Потапову.

<IV. Саратов, Немецкая ул., дом Бестужева, магазин дамских шляп, Любе [3] Клугман.>

---

[1] Год установлен на основании адреса Н. К. Крупской, указанного в настоящем письме; она жила в Женеве с января по декабрь 1908 г.

[2] В угловых скобках даются адреса, написанные Н. К. Крупской и вычеркнутые, по-видимому, М. В. Кобецким после их отмены.

[3] В тексте: «Любек».

V. Рига, Нордексгоф, г-ну Баллоду, в колониальную торговлю Шокеля, Дионамидская ул., 30.
На внутреннем конверте — передать Сиколу.
VI. Шостка, Черниговской губ., портняжная мастерская Воробьева, Мееру Фрадкину.
VII. М. Яготин, Пирятинского уезда, Гецелю Михельсону, для Ханы.
VIII. М. Ротмистровка, Киевской губ., Давиду Винокурову.
IX. Сновск, Черниговской губ., А. Гольдштейну, для Михаила.
X. Ровно, Волынской губ., Литовский пер., Борману.
XI. Кременец, Волынской губ., Амалии Овадка.
<XI. М. Новая Басань, Козелецкий уезд, Черниговской губ., М. А. Фрайзингеру.>
(Кинешма, Костромской губ., реальное училище, Любови Малаховне Халдеевой.) *[1]
XII. Ст. Медвин, Каневский уезд, Киевской губ., аптечный склад Каршасевена, провизору Купцову.
XIII. М. Воронеж, Черниговской губ., сахарный завод, Михаилу Бонску.
XIV. М. Бар, Подольской губ., сахарное заведение, Гершку Кременю, собственный дом, для Моисея.
XV. Ст. Бобровица, Черниговской губ., Маркусу Эпштейну, для Максима.
XVI. Гадяч, Полтавской губ., хутор «Зеленый гай», Ольге Борисовне Тесленко-Приходько.
XVII. Ст. Деражня, Подольской губ., Гершку Гиндельхону.
XVIII. Ковель, Волынской губ., Мациовская ул., Софье Ивановне Савицкой.
XIX. Новоград-Волынский, Волынской губ., д-ру Гликману.
XX. Полонное-вокзал, Волынской губ., Шейнфельду.
XXI. С.-Петербург, Таврический дворец, Государственная дума, депутату 1) Челикину (сибирский депутат).
XXII. 2) Чхеидзе (Тифлисской губ.).
XXIII. 3) Гегечкори Е. П. (Тифлисской губ.).
XXIV. 4) Захаров М. В. (Московской губ.).
XXV. 5) Путятин В. П. (Вятка).

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 43138.

№ 2

18 декабря 1908 г.

Уважаемый товарищ, редакция газеты перебралась в Париж[2]. Женевские адреса более не действительны. Пишите нам по адресу: Mme Oulianoff. 24. Rue Beaunier. Paris. XIV.

Привет.

Н. К.[2]

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43102.

---

[1] В круглых скобках со звездочкой дан текст, по-видимому, М. В. Кобецкого, им же зачеркнутый.

[2] На лицевой стороне открытки конспиративный адрес: «Gerson Trier, for M. K. Nòrrenbrogade. 18. A Kòbenhavn Danemark», по которому редакция «Пролетария» посылала корреспонденцию для М. В. Кобецкого. Тот же адрес на лицевой стороне следующей открытки (см. док. № 3).

№ 3

8 января 1909 г.

Уважаемый товарищ, письмо Ваше с отчетом (от 8/XII)[3)] получено. № 41[4)] еще не вышел, задержка из-за переезда вышла, потому ничего и не посылала Вам. Скоро наладится все.

Привет.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 43103.

№ 4

20 февраля 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ, отменяется адрес: Новая Басань, Фрайзингеру. Вместо него посылаю другой: Кинешма (Костромской губ.), реальное училище, Любови Малаховне Халдеевой.

Как идет рассылка?

С товарищеским приветом

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 12, ед. хр. 43125

№ 5

16 марта 1909 г. [2]

Уважаемый товарищ, у нас идет теперь общая проверка адресов для «Пролетария». Из имеющихся у Вас адресов немедля отменяются адреса: в Саратов — Клугман; в Москву — Ляпину; в Кинешму — Халдеевой.

Кроме того, посылаю Вам список адресов, по которым надо будет рассылать «Пролетарий» и ЦО [5)], начиная с № 3 ЦО. Будьте добры, отмечайте, по какому адресу когда послано. Это необходимо. Из России часто спрашивают, был ли послан «Пролетарий» по такому-то адресу и когда. Если не помечается отсылка, то никогда нельзя с уверенностью сказать, была сделана посылка или нет, так как всегда можно нечаянно не послать по какому-нибудь адресу.

Адреса, отмеченные крестами, наилучшие, по ним надо посылать прежде всего.

С товарищеским приветом

Н. К.

---

[1] Год установлен на основании списков конспиративных адресов, помещенных в конце док. №№ 1 и 5.

[2] Год установлен на основании упоминания в письме Н. К. Крупской № 3 ЦО (газеты «Социал-демократ»), вышедшего в марте 1909 г.

	№ 3 «Социал-демократ»	№ 43 [«Пролетарий»]	№ 4 «Социал-демократ»	№ 44 «Пролетарий»	Приложение к № 41	№ 5 «Социал-демократ»		№ 45 «Пролетарий»
	III март	IV	Апрель	Май		I	II	Июнь
+ 1. Баку, нефтепромышленное товарищество Н. И. Джакели и К° [1].	30	6	15	3	6	21	26	10
+ 2. Баку-Балаханы, Промысел Тер-Акопова, Иосифу Шахмеликову.	30	6	15	3	6	21	26	10
3. Забайкалье, Троицкосавск, Кяхтинская телеграфная контора, Ольге Александровне Черных (на газете для Александра).	30	6	16	4	7	21	26	11
+ 4. Кинешма, Костромской губ., Московская ул., столярная мастерская Смирнова, Ивану Чистякову.	30	6	15	3	6	21	26	10
5. ⟨Москва, Малый Казенный пер., д. 2, кв. 18. Владимиру Сергеевичу Потапову.⟩ [2]	30	6	16	3	7	21	26	11
6. ⟨Моршанск, Тамбовской губ., угол Почтовой и Софийской ул., дом Смирновой, кв. М. К. Соловьевой, Домочке.⟩	30	6	16	4	7	21	26	11
7. (Рига, Нордексгоф, г-ну Баллоду, в колониальную торговлю Шокеля, Дионамидская ул., 30 (на внутреннем конверте — Сиколу).)* [3]	30	6	16	3	7	22	27	11
+ 8. (Riga, Nordexhof, Mlle Petring, Holzstrasse 3, Wohn. 4.) *	30	6	15	3	6	21	26	10
+ 9. (Тифлис, Adolf G., до востребования.) *	30	6	15	3	6	21	26	10
+ 10. Тифлис, Гановская ул., дом городской управы, шляпный магазин Вениамина Семеновича Левинсона, для С. Ш.	30	6	15	4	7	21	26	10
+ 11. ⟨Вельск, Вологодской губ., Нине Аузеровне Миллер.⟩	30	6	15	3	6	21	26	10
12. Иркутск, контора Громовой, Гавриилу Петровичу г-ну Казакову.	31	7	16	3	7	21	26	11

[1] На списке адресов имеется надпись Н. К. Крупской: «Копенгаген». Против финских адресов (20—23) — ее надпись: «via Stokholm» (через Стокгольм). Крестиками отмечены в подлиннике адреса, по которым газеты «Пролетарий» и «Социал-демократ» поступали непосредственно к рабочим.

[2] В угловых скобках даются адреса, написанные Н. К. Крупской и ею же вычеркнутые при проверке.

[3] В круглых скобках со звездочкой даются адреса, написанные Н. К. Крупской и вычеркнутые, по-видимому, М. В. Кобецким после их отмены.

Продолжение

	№ 3 «Социал-демократ»	№ 43 [«Пролетарий»]	№ 4 «Социал-демократ»	№ 44 «Пролетарий»	Приложение к № 44	№ 5 «Социал-демократ»		№ 45 «Пролетарий»
	III март	IV	Апрель	Май		I	II	Июнь
13. (Гор. Киренск, Иркутской губ., управляющему торгового дома «Щелкунов и Мятелев» К. Волкову.) *	1	7	17	4	8	22	26	13
14. 〈Иркутская губ., Киренского уезда, Усть-Кут, Григорию Ландерману.〉	31	7	17	5	10	23	27	13
15. Село Жигалево, Иркутской губ., Верхоленского уезда, Дмитрию Килину.	30	6	16	5	10	22	27	11
+ 16. (Нижний Новгород, Кавалихинская, дом Чернова, Ивану Ивановичу Федорову.) *	30	6	15	3	7			
+ (Гор. Орел, Новосильская ул., дом Соболева, Евдокии Ивановне Романовой.) *								
17. 〈С.-Петербург, Женский медицинский институт, Архиерейская, 8, Кире Васильевне Ивановой.〉	31	6	17	4	8	22	26	11
18. Село Романовское, Тобольской губ. и уезда, Рубену Георгодзе.	1	6	17	4	7	22	26	13
19. Ялуторовск, Тобольской губ., Федору Парголову.	31	7	17	5	10	23	27	13
20. Abo, Sosialisti Toimitus.	31	8	16	4	11	23	23	12
21. Helsingfors, Universitets Ruska Biblioteek.	31	8	16	4	11	23	23	12
22. Tammerfors, Kansan Lehti Toimitus.	31	8	16	4	11	23	23	12
23. Wiipuri, Brahenkatu 13, Työtoimitus.	6	8	16	4	11	23	23	12
24. 〈М. Ротмистровка, Киевской губ., Давиду Винокурову.〉	30	6	16	4	7	22	26	11
25. (Черкассы, Розалии Яковлевне Браиловской.) *	31	7	17	4	10	22	26	13
26. 〈Ровно, Волынской губ., Литовский пер., Борману.〉	31	6	17	4	10	22	27	13
+ 27. (Винница. Подольской губ., модистке Розе Смоль.) *	1	7	17	3	6	21	26	11[1]
Баку, Бакинская городская управа, К. И. Паргевич.								

[1] Первые две газеты (в этом ряду) были посланы, по-видимому, в Винницу, остальные — в Баку (см. док. №№ 7 и 9).

Окончание

	№ 3 «Социал-демократ»	№ 43 [«Пролетарий»]	№ 4 «Социал-демократ»	№ 44 «Пролетарий»	Приложение к № 44	№ 5 «Социал-демократ»		№ 45 «Пролетарий»
	III март	IV	Апрель	Май		I	II	Июнь
28. (Шостка, Черниговской губ., портняжная мастерская Воробьева, Мееру Фрадкину.) *	30	6	17	4	10	23	27	
29. Ст. Сновская, Либаво-Роменской ж. д., Николаю Петровичу Орлову.	31	6	17	4	10	22	27	13
+ 30. 〈Орел, Болховская ул., дом Васильева, Надежде Алексеевне Семеновской.〉	30	6	15	3	6	22	26	10
+ 31. 〈СПб., Университет, студенту Петру Николаевичу Дынникову.〉[1]	8		15	3	6	21	26	10
+ 32. Мариуполь, Екатеринославской губ., Торговая ул., дом Горошка, кв. Шварцмана, Семену Владимировичу Пишкеру.	8		15	3	7	21	26	11
+ 33. Москва, Никольский, зеркальный магазин И. С. Журина, Александру Ивановичу Журину.	8		15	3	6	21	27	10

Гор. Орел, Пеньевская ул., дом Чернова, Алевтине Дмитриевне Черновой, для передачи М. Х.

Моршанск, Тамбовской губ., Шацкая застава, лавка Степанова, Марии Алексеевне Васильевой.

+ Великий Устюг, Вологодской губ., Успенская ул., дом Запялова, Петру Николаевичу Запялову.

Херсон, Дворянская ул., [дом] Балека, Илье Аронович Тютешу.

(Тифлис, Гановская ул., дом городской управы, шляпный магазин Вениамина Самсоновича Левинсона, для С. Ш.) *

+ Павловский посад, Московской губ., Рождественская ул., дом Горбачева, Ивану Ивановичу Горбачеву.

Макаровское почтовое отделение, Киренского уезда, Иркутской губ., Самуилу Богуславскому.

+ Екатеринослав, Острожная площадь, приют Островского, Майлеру.

+ Екатеринослав, трубопрокатный завод, Э. Марини.

Ярославль, Демидовский лицей, студенту Василию Федоровичу Лозинскому.

ЦПА ИМЛ, ф. 28, оп. 4, ед. хр. 43131.— Текст адресов — автограф Н. К. Крупской (кроме адресов Бакинского, 31, 32 и 33, написанных М. В. Кобецким); нумерация адресов и конкретные данные о рассылке газет,— по-видимому, автограф М. В. Кобецкого.

[1] Настоящий адрес вычеркнут Н. К. Крупской.

№ 6

1 апреля 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ!

Все адреса, бывшие в старом списке, отменяются. Внесите, пожалуйста, в *новый* список следующие адреса:

С.-Петербург, Университет, студенту Петру Николаевичу Дынникову.

Мариуполь, Екатеринославской губ., Торговая ул., дом Горошка, кв. Шварцмана, Семену Владимировичу Пишкеру.

Москва, Никольский, зеркальный магазин И. С. Журина, Александру Ивановичу Журину.

Все эти три адреса — спешные.

Старые адреса (финляндские) Котляренко[6)] отменяются также.

Привет.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43123.

№ 7

20 апреля 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ, отменяется адрес в Винницу — Вергелис — отменяется. Вместо него посылаю другой: Баку, Бакинская городская управа, К. И. Паргевич.

С тов. приветом

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 12, ед. хр. 43135.

№ 8

29 мая 1909 г.[2]

Уважаемый товарищ, отменяется адрес в Шостку.

Посылается ли в Питер и Москву? Из Питера жалуются, что не получили ни № 44 «Пролетария», ни № 5 ЦО.

Привет.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43132.

№ 9

12 июня 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ, из имеющихся у Вас адресов отменяются:

1) Рига, Нордексгоф, Дионамидская и т. д.
2) Riga, Nordexhof melle Petring.
3) Киренск, Иркутской губ.,— Волкову.
4) Tiflis, Adolf G., до востребования.
5) Черкассы, Розалии Яковлевне Браиловской.

---

[1] Год установлен на основании списка конспиративных адресов, помещенного в конце док. № 5.

[2] Год установлен на основании упоминания Н. К. Крупской № 44 «Пролетария» и № 5 ЦО, вышедших в апреле 1909 г.

Вместо них посылаю новые:

1) Киренск, Иркутской губ., Монастырская ул., дом Сафонова, Василию Самсоновичу Фаддееву.

2) Екатеринослав, Острожная площадь, приют Островского, Майлеру.

3) Павловский посад, Московской губ., Рождественская ул., дом Горбачева, Ивану Ивановичу Горбачеву.

4) Моршанск, Тамбовской губ., Шацкая застава, лавка Степанова, Марии Алексеевне Васильевой.

5) Великий Устюг, Вологодской губ., Успенская ул., дом Запялова, Петру Николаевичу Запялову.

6) Херсон, Дворянская ул., дом Балека, Илье Ароновичу Тотешу.

Кроме того, посылайте, пожалуйста, по адресу:

Finland—Suomi Wiipuri; Papula, Wuorikatu, 2/1, Tatijana Petrovna Terehova.

Из Баку пишут, что «Пролетарий» там аккуратно получается.

Сейчас с адресами беда, публика разъезжается по дачам и либо вовсе не посылает, либо посылает неаккуратно.

Большой привет

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 12, ед. хр. 43122.

№ 10

23 июня 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ!

Меняется адрес в Орле. Вместо Семеновской надо посылать по следующему адресу: Гор. Орел. Пеньевская ул., дом Чернова, Алевтине Дмитриевне Черновой, для передачи М. Х.

С товарищеским приветом

Н. К.

Сообщала ли я Вам об отмене адреса в Моршанск, Домочке? Он не действителен.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43126.

№ 11

3 июля 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ!

Отменяются следующие адреса:

1) Яготин, Пирятинского уезда.

2) СПб., Женский медицинский институт, Ивановой.

3) СПб., Университет, Дынникову.

Черкните, сколько адресов у Вас осталось, а если есть время, то спишите себе все оставшиеся адреса, а мне пришлите старый список с отметками об отправке.

Привет.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 12, ед. хр. 43121.

---

[1] Год установлен на основании списка конспиративных адресов, помещенного в конце док. № 5.

№ 12

19 июля 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ, возвращаю Вам список. Девять из них не действительны [7)]. Своевременно я писала об их отмене [8)]. Очевидно, несколько писем пропало. Это подтверждается еще и тем, что в список Вами не внесен ряд новых адресов (6). Повторяю их еще раз и прибавляю к ним еще 3. Эти 9 адресов пусть идут взамен отмененных.

А может быть, тут какое недоразумение?

Я насчитала всего 26 адресов, а Вы пишете, что у Вас всего 30 адресов...

Отмеченные крестиками адреса прямо попадают рабочим, и по ним надо посылать прежде всего.

Во избежание потери посылаю письмо заказным.

Жму руку.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43136.

№ 13

24 сентября 1909 г. [2]

Уважаемый товарищ, письмо с Deckadress'ом [3] получила. Большое спасибо. Для пересылки Deckadress'у дайте наш личный адрес. Не забудьте также дать ему на почтовые расходы из имеющейся у Вас на этот предмет суммы.

Получили ли уже № 47—48 «Пролетария»? Как понравился? Читали ли «Дневник Социал-демократа» [2)] Плеханова?

Крепко жму руку.

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 43137.

№ 14

26 сентября 1909 г. [4]

Дорогой товарищ, у меня к Вам, по обыкновению, большая просьба. У нас большое затруднение с Deckadress'ами. Получать письма из России прямо на Париж довольно-таки неудобно. Парижская корреспонденция просматривается особенно тщательно русской полицией.

Нельзя ли достать несколько адресов в Копенгаген (с иностранной фамилией). Процедура такая. Из России будут писать на этот адрес без всякой пометки «для передачи» и т. д. Датский товарищ, получив письмо, *немедля* пересылает его нам по указанному адресу. Почтовые расходы мы оплачиваем. Необходимые условия, которым должен удовлетворять адресат:

1) должен быть чрезвычайно *аккуратен* и способен пересылать письма в тот же день; 2) иметь *постоянное местожительство*, т. е. не жить в

---

[1] Год установлен на основании письма Н. К. Крупской М. В. Кобецкому от 3 июля 1909 г., а также списка конспиративных адресов, помещенного в конце док. № 5.

[2] Год установлен на основании упоминания Н. К. Крупской № 47—48 «Пролетария», вышедшего в сентябре 1909 г.

[3] Конспиративный адрес.

[4] Год установлен на основании упоминания в письме Н. К. Крупской об ее отъезде из Парижа (отъезд был связан с ее отдыхом летом 1909 г. в дер. Бонбон).

комнате. Лучше всего какой-нибудь трактирщик, лавочник и т. п.; 3) *не получать писем из России ни для кого другого.* Это чрезвычайно важное условие, ибо иначе выходят постоянные недоразумения; 4) адресат не должен быть чересчур боязливым человеком и иметь в виду, что а) россияне будут делать почти неизбежно по 20 ошибок в адресе и ему придется часто объясняться с почтальоном, b) что раз данный адрес очень трудно отменить или изменить, ибо мы часто не знаем адресов наших адресатов.

Впрочем, бояться нечего, никогда не бывало, чтобы Deckadress'ату были какие неприятности, если даже адрес и попадал при обыске в руки полиции.

Очень было бы хорошо, если б можно было бы это устроить.

Я уезжала на $1^1/_2$ месяца [10],— теперь пишите опять по старому адресу: M[me] Oulianoff. Rue Marie Rose. 4. Paris. XIV.

Имеете ли какие вести из Ваших краев? Что там теперь делается?

Привет.

Н. К.

P. S. Будьте добры, франкируйте это письмо и бросьте в почтовый ящик, а то письма в Финляндию, идущие из Парижа via Stokholm[1], все распечатываются.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 7, ед. хр. 43133.

№ 15

17 ноября 1909 г.[2]

Уважаемый товарищ, к сожалению, я не знаю, какой финляндский адрес Вам послал тов. Котляренко, справлюсь.

Пока посылаю Вам еще 9 адресов, по которым и пошлите оставшиеся у Вас 9 номеров. Я и без того хотела послать Вам еще адресов, так как их накопляется у меня все больше и больше. Значит, теперь у Вас будет всего 35 адресов.

Если окажется, что по адресу, данному Котляренко, посылать надо, то пусть он пошлет Вам еще лишних экземпляров.

Если будет приходить на будущее время лишнее количество экземпляров, Вы этим не смущайтесь. Дело в том, что из других городов лица, рассылающие «Пролетарий», жаловались, что экземпляров «Пролетария» посылается очень в обрез. Часто подвертывается какая-нибудь оказия, с партийной точки зрения важно дать кому номер даром (между прочим, товарищам, посылающим в Россию своим знакомым «Пролетарий», мы даем его для этой цели даром — если человеку трудно платить. Имейте это в виду) и пр.

Тут уж очень скупиться не приходится, так как главная цель, чтобы в Россию попадало «Пролетария» как можно больше.

1) Riga, Nordexhof, M[lle] Petring, Holzstrasse. № 3, Wohn. 4.

2) Усть-Кут, Иркутской губ., Киренского уезда, Григорию Ландерману.

3) Село Жигалево, Иркутской губ., Верхоленского уезда, Димитрию Килину.

4) Бирюльская волость, Иркутской губ., Верхоленского уезда, Сорокеру.

5) Забайкалье, Троицкосавск, Кяхтинская телеграфная контора, Ольге Алексеевне Черных (на газете — для Александра).

---

[1] через Стокгольм.

[2] Год установлен на основании док. № 16.

Еще 4 адреса будут в Финляндию, их надо проверить еще, пошлю их Вам сегодня вечером или завтра. К тому же времени постараюсь узнать и об адресе Котляренко.

С товарищеским приветом

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 43139.

№ 16

19 ноября 1909 г.[1]

Уважаемый товарищ, адреса, данные Вам Котляренко, годятся, и он просит высылать по ним «Пролетарий».

Вот 4 адреса, которые я обещала послать Вам последний раз. Все четыре в Финляндию.

1) Abo. Sosialisti toimitus.
2) Tammerfors. Kansan Lehti toimitus.
3) Helsingfors. Universitets Ruska Biblioteek.
4) Wiipuri. Brahenkatu. 13. Työtoimitus.

Необходимое число номеров для продажи и для Финляндии Котляренко обещал выслать Вам немедля.

С товарищеским приветом

Н. К.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 6, ед. хр. 43120.

№ 17

Список адресов, по которым направлялась партийная корреспонденция из Парижа через Копенгаген в Россию

1909 г.

Москва:[2]

1) a) Пятницкая ул., 2-я Пятницкая лечебница, Владимиру Ефимовичу Розенфельду.
2) b) Большая Садовая, д. 166, кв. 23, Юлии Александровне Уваровой.
3) c) Лубянка, 10. Редакция журнала «Фармацевтический труд».
4) { d) Разгуляй, дом Сметанина, кв. 2, Зинаиде Никаноровне Гайдаровой.
   Садовая-Сухаревская, д. 317, кв. 24, Александре Иосифовне Сумеркиной[3].
5) f) Большая Якиманка, дом Панюшина, кв. 119, г-же Соловаровой.
6) g) Зацепа, дом Пузакова, магазин Чичкина, Марии Николаевне Лебедевой.

Петербург:

7) a) За Невской заставой, Петровская ул., д. 20, кв. 4, П. А. Богдановой.
8) b) Псковская ул., дом 19/21, кв. 67, Е. И. Михайловой.
9) Архангельская губ., г. Мезень, Якову Катаеву.
10) Баку, Балаханская ул., дом Лалаева, № 39, кв. 7, Ивану Попозкову.
11) Баку, Милютинская ул., типография Поляновского, Борису Жемчужникову.
12) Баку, городская управа, Н. П. Дымову.
13) Егорьевск, фотография Зенина, Никифору Петровичу Зенину (на внутреннем конверте: «для Гр.»).

---

[1] Год установлен на основании списка конспиративных адресов, помещенного в конце док. № 5.
[2] На списке адресов надпись: «Копенгаген».
[3] Против пункта 4) на полях помета: «Посылать по очереди».

14) Екатеринбург, редакция журнала «Урал».
15) Екатеринослав, Брянский завод, железнодорожный цех, В. К. Штронцу.
16) Екатеринославской губ., почтовое отделение Юрьевский завод, Жиловский рудник, Александру Михайловичу Найденову.
17) Енисейской губ., село Осиновка (Туруханский край), Алексею Герасимовичу Мишину.
18) Енисейской губ. и уезда, Пичугинская вол., дер. Бельская, Владимиру Николаевичу Камину (на внутреннем конверте: «для Серго»).
19) Тифлис, Елизаветинская ул., д. 83, Людмиле Яковлевне Клосен (на внутреннем конверте: «для англичанина»).
20) Одесса, уг. Успенской и Ришельевской, типография «Порядок», переплетчику Леве.
21) Иркутской губ., Киренского уезда, Макаровское почтовое отделение, Самуилу Богуславскому.

Финляндия:

22) Wiipuri, Saunalahti, 33, Vihtori Koso.
23) Abo, Sosialisti toimitus.
24) Tammerfors, Kansan Lehti, toimitus.
25) Helsingfors, Universitets Ruska Bibilioteek.
26) Wiipuri, Brahenkatu, 13, Työtoimitus.
27) Wiipuri, Papula Wuorikatu, 2/8, Tatijana Petrovna Terehova.
28) Terijoki, Herra Paola Kakko, Sentral Hotelli.
29) » Марье Петровне Голубевой, собственная дача.
30) » Terijoen Työväen Ihdystys.

ЦПА ИМЛ, ф. 377, оп. 8, ед. хр. 43130.— Копия рукой Е. В. Крупской.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Пролетарий» — нелегальная большевистская газета, издавалась с 21 августа (3 сентября) 1906 г. по 28 ноября (11 декабря) 1909 г. под редакцией В. И. Ленина. Вышло 50 номеров: первые 20 — в Финляндии, остальные за границей — в Женеве и Париже. В годы столыпинской реакции газета сыграла выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций.— 38.
2) Переезд редакции газеты «Пролетарий» из Женевы в Париж состоялся в первой половине декабря 1908 г.— 39.
3) По-видимому, имеется в виду отчет М. В. Кобецкого о полученной им корреспонденции от редакции «Пролетария» и об отправке газеты «Пролетарий» из Копенгагена в Россию.— 40.
4) Речь идет о № 41 газеты «Пролетарий», датированном 7 (20) января 1909 г.— 40.
5) Центральный Орган РСДРП «Социал-демократ» — нелегальная газета, выходившая с февраля 1908 г. по январь 1917 г. Вышло 58 номеров. Первый номер вышел в России, в дальнейшем издание было перенесено за границу, сначала в Париж, затем в Женеву. Редакция ЦО состояла из большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. В результате непримиримой борьбы внутри редакции в июне 1911 г. ликвидаторы вышли из ее состава, и с декабря 1911 г. «Социал-демократ» редактировался В. И. Лениным.— 40.
6) Котляренко Д. М. (Михайленко) — социал-демократ. С февраля 1908 г. заведовал экспедицией газеты «Пролетарий», затем экспедицией «Социал-демократа».— 44.
7) См. список конспиративных адресов, помещенных в конце док. № 5, адреса: 5, 6, 11, 14, 17, 24, 26, 30 и 31.— 46.
8) См. док. №№ 10 и 11. Однако не все письма, в которых сообщалось об отмене адресов, сохранились.— 46.
9) «Дневник Социал-демократа» издавался Г. В. Плехановым в Женеве с марта 1905 по апрель 1912 г. Вышло 16 номеров.— 46.
10) Летом 1909 г. Н. К. Крупская вместе с В. И. Лениным, своей матерью — Елизаветой Васильевной и М. И. Ульяновой отдыхали в деревне Бонбон (департамент Сены и Марны) под Парижем.— 47.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НАРКОМПРОСА ПО УПРАВЛЕНИЮ ТЕАТРАМИ

(декабрь 1917 г.)

Публикуемые письма народного комиссара просвещения А. В. Луначарского и его распоряжения по вопросам управления государственными театрами представляют большой интерес. Это — первые документы, излагающие отношение Советского правительства к театру и искусству вообще. В них находит также яркое отражение состояние разброда в среде интеллигенции в начальный период установления Советской власти и вместе с тем — борьба за привлечение на сторону победившего пролетариата лучшей части интеллигенции, осознавшей, что «человеку труда и таланта... господство подлинной демократии может быть только желанным» (док. № 3).

Письма А. В. Луначарского адресованы Ф. Д. Батюшкову (либеральному профессору Петроградского университета, историку литературы и критику), назначенному Временным правительством на пост «главноуполномоченного» по государственным театрам (бывшим императорским).

В дореволюционном Петрограде императорскими театрами были Александринский, Мариинский и Михайловский [1], они подчинялись Министерству двора. После Февральской революции 1917 г. комиссаром Временного правительства над этим министерством был назначен член Государственной думы — кадет Ф. А. Головин, которому предстояло назначить вместо В. А. Теляковского нового директора государственных театров. Представители театральных коллективов предлагали на этот пост ряд кандидатов: А. М. Горького, А. И. Сумбатова-Южина, В. И. Немировича-Данченко, С. М. Волконского и других. Но Головин, неожиданно для артистов, назначил «главноуполномоченным» по театрам Ф. Д. Батюшкова.

Для успокоения актеров, жаждавших автономии, Батюшков ввел «временное положение о государственных театрах», в котором директору государственных театров присваивались только функции контроля. Но уже через некоторое время Батюшков, столь ратовавший в письмах к А. В. Луначарскому за всякие «свободы», воспользовавшись столкновением между художественно-репертуарным комитетом Александринского театра и артистами, присвоил себе функции этого комитета. Актеры по своей инертности не воспротивились такому нарушению завоеванной ими «конституции».

После Октябрьской революции одним из первых декретов Совета Народных Комиссаров театры были подчинены Народному комиссариату просвещения как просветительные учреждения. Положение в артистиче-

[1] Ныне — академические театры: драмы имени А. С. Пушкина, оперы и балета имени С. М. Кирова и Малый оперный театр.

ском мире было чрезвычайно сложным. Значительная часть артистов, особенно из наиболее обеспеченной актерской верхушки, враждебно отнеслась к новой рабоче-крестьянской власти. В Петрограде дело дошло до забастовки артистов императорских театров, примкнувших к забастовке правительственных чиновников. Луначарский, характеризуя это время, писал: «Все, кого революция Труда низвергала,— шипели и готовили месть.— Все, кто слабодушен, связан привычкой, комфортом, устал,— отдали свое сочувствие под разными соусами контрреволюции и ее желанному „порядку"»...[1]. Лишь наиболее передовые мастера сцены — А. И. Сумбатов-Южин, Л. В. Собинов и другие уже через некоторое время поддержали мероприятия Советской власти в области театрального искусства и приняли в них активное участие.

12 ноября А. В. Луначарский обратился во Временный комитет союза деятелей искусств с изложением своих соображений по поводу государственного руководства художественной деятельностью страны через намечаемый им Государственный совет по делам искусств. Союз отнесся к этому отрицательно и по предложению реакционного писателя Ф. К. Сологуба решил созвать экстренное совещание всех членов Временного комитета союза для создания Совета деятелей искусств, который должен был, по их мнению, управлять художественной жизнью страны.

А. В. Луначарский вновь обратился во Временный комитет союза деятелей искусств с призывом принять участие в обсуждении вопросов руководства художественной деятельностью страны. «После первой революции трудового народа, 25 октября,— писал Луначарский,— в руки восставших победивших масс перешел целый ряд художественных учреждений. Отныне они являются достоянием всего народа и вашим, художники России... Предстоит создать новые, свободные, чисто народные формы художественной жизни... От лица народа, ставшего хозяином земли Русской, предлагаю вам, художники, выразить организованное мнение всего художественного мира о возможно более рациональном использовании для всенародной культуры хранилищ и рассадников искусства нашей Республики»[2].

В другом послании Луначарского к артистам говорится: «Мы не требуем от вас никаких присяг, никаких заявлений в преданности и повиновении, вы — свободные граждане, свободные художники, и никто не посягает на эту вашу свободу. Но в стране есть теперь новый хозяин — трудовой народ. Трудовой народ не может поддерживать гостеатры, если у него не будет уверенности в том, что они существуют не для развлечения бар, а для удовлетворения великой культурной нужды трудового населения, поэтому демократия должна сговориться с артистами. Этот сговор в высшей степени возможен»[3].

Публикуемые письма свидетельствуют о том, что Луначарский неоднократно предлагал Батюшкову договориться о совместной работе, о «плодотворном сотрудничестве» (см. док. №№ 1 и 3). Однако Батюшков отвергал эти предложения, пытаясь всячески опорочить Советскую власть, а себя и своих единомышленников стараясь изобразить поборниками права и свободы (см. док. №№ 2 и 6).

Полтора месяца Батюшков под разными предлогами уклонялся от явки в Наркомпрос, а затем, чтобы не связывать себя административным подчинением, вдруг объявил себя выбранным на пост «главноуполномоченного» по театрам, проведя это «решение» задним числом через собрание акте-

---

[1] Журн. «Пламя», 1918, № 15, стр. 227.
[2] ЦГИАЛ, ф. 794, оп. 1, д. 25, л. 31.
[3] Столетие Александринского театра. 1832—1932. Изд. Дирекции ленинградских театров, 1932, стр. 407.

ров театров [1]. За спиной Батюшкова стояли контрреволюционные организации, которые его поддерживали и поощряли.

12 декабря Батюшков был уволен с занимаемой им должности (см. док. № 4), однако дел он не сдавал и, прикрываясь выдуманным им «Верховным советом», продолжал отдавать распоряжения, дезорганизуя работу театров. Так, уже будучи смещенным, он дает указание выдавать зарплату актерам из кассовой выручки (см. док. №№ 5—7).

Чтобы сорвать работу Александринского театра, капиталисты, поддерживавшие Батюшкова, предложили актерам театра 30 тыс. руб. в месяц с тем, чтобы они выступали в театре кафе-шантана «Аквариум». Большинство труппы на это согласилось, но актеры стали выступать и в театре, и в «Аквариуме», расстроив этим планы контрреволюции. В этот же период управляющий Мариинским театром пианист А. И. Зилотти отказался выдать ключи от императорской ложи. По указанию Ф. Э. Дзержинского он был арестован; арест был кратковременным, но произвел большое впечатление на работников театров. После смещения Батюшкова и обыска занимаемых им помещений Луначарский приезжает на общее собрание работников театра, в Александринский театр. Доклад его, начавшийся во враждебно настроенной аудитории, завершается овациями,— лед сломан, и Луначарского выносят на руках.

Очень хорошо характеризует сложившуюся обстановку относящееся к этому времени неопубликованное письмо А. В. Луначарского к его жене А. А. Луначарской (от 23 декабря 1917 г.), тогда еще находившейся с сыном Анатолием в Швейцарии [2].

«Дорогая! Пока что, то есть в эти дни, намечается опять легкое улучшение тяжелой ситуации. По-видимому, состоится мир с Радой, что увеличит и шансы на уступки со стороны Германии. Виды на Учредительное собрание тоже слегка улучшаются.

Значительно улучшается отношение интеллигенции ко мне лично. Конечно, клеветы и грязи еще предостаточно, и идет дикая забастовка учителей. Но, с другой стороны, на днях готовится митинг с участием выдающихся интеллигентских сил [3], которые будут выступать вместе со мной, Коллонтай и Спиридоновой и звать интеллигенцию помогать большевикам как истинно народной партии в ее строительстве. Народный дом, Михайловский театр, технический персонал государственных театров и солисты Мариинского театра меня признали, и дело это, надеюсь, пойдет и дальше. Признал нас и обратился с крайне интересной запиской о реформе его в образцовую демократическую гимназию Александровский лицей.

Колеса нашей машины, до сих пор вертевшиеся в воздухе, начинают черпать живую воду. Жизнь в обоих моих местах приема — в Зимнем дворце и в Министерстве — начинает кипеть. Она утомительна, но интересна и разнообразна.

Жду тебя и Тото с превеликим нетерпением. Ужасно страдаю от перерыва сношений, конечно, не по твоей вине — с твоей стороны. Посылаю сегодняшним курьером ряд портретов, скорее смешных, чем интересных. Целую вас обоих нежно. Жду, жду. Ваш папа Толя. 23. XII».

Знакомясь сегодня с публикуемой перепиской, объективный критик должен будет безоговорочно признать, что полемика между Луначарским и Батюшковым решена историей не в пользу последнего. Доводы, приводимые Батюшковым, о «светлом автономном и аполитичном» искусстве,

---

[1] См. ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632. XCVI б. I, лл. 5—6.

[2] Письмо передано мне А. А. Луначарской.

[3] А. В. Луначарский имел в виду А. А. Блока, В. Э. Мейерхольда, К. С. Петрова-Водкина и других.

в том или ином варианте множество раз выдвигались в период от февраля к октябрю 1917 г. и позднее представителями разных буржуазных и мелкобуржуазных партий. Но на поверку эти доводы всегда оказывались лишь «фиговым листком», прикрывающим или «интеллигентско-мещанское слабодушие» их защитников, или их классовые привилегии.

Настоящая публикация лишний раз свидетельствует о том, что Луначарский, перед которым в 1917 г. стояла задача впервые обосновать и критически оценить ряд вопросов, связанных с положением искусства и, в частности, театра в условиях победы диктатуры пролетариата, с успехом справился с этой задачей. Особый интерес представляют док. №№ 1, 3, 5 и 7, которые войдут в литературное наследие А. В. Луначарского как ценные образцы его высокого полемического таланта.

* * *

Публикуемые документы хранятся в Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ, Пушкинский дом), рукописный отдел, в архиве Ф. Д. Батюшкова.

В. Д. Зельдович

№ 1

А. В. Луначарский — Ф. Д. Батюшкову

10 декабря 1917 г.

Гражданину главноуполномоченному при государственных театрах

Мне известно, что жизнь театра нарушена острыми разногласиями в среде тружеников государственной сцены. В то время, как одни, исходя из интересов дела, которому они служат, и стоя на чисто профессиональной точке зрения, идут навстречу желанию Крестьянского и Рабочего правительства урегулировать отношения демократии и театров Республики, другие оказываются жертвой контрреволюционной политики, озлобленной агитации, не останавливающейся перед обманами, запугиваниями и посулами. В результате — глубокая рознь там, где вполне возможно согласие и плодотворное сотрудничество.

Прошу Вас немедленно пожаловать ко мне в Министерство народного просвещения для объяснения по поводу этих фактов. Вынужден предупредить Вас, что в случае отказа Вашего от такого объяснения до пяти часов пополудни в понедельник 11 декабря — Вы будете немедленно уволены.

Народный комиссар А. В. Луначарский
Секретарь Дм. Лещенко

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI 6. I, л. 1.— Подлинник.

№ 2

Ф. Д. Батюшков — А. В. Луначарскому

10—11 декабря 1917 г.

М. г. Анатолий Васильевич.

Вам угодно было прибегнуть к угрозе «немедленного увольнения», если я не приду на Ваш зов. Я не привык подчиняться угрозам, поэтому и не могу придти.

Никаких «острых разногласий в среде тружеников государственной сцены» нет. Наоборот, артисты и большинство служащих при государственных театрах движимы чувством полной солидарности в отстаивании независимости искусства от политических партий и в признании автономного управления художественных коллективов.

Мне неизвестно, о какой «контрреволюционной политике» Вы изволите писать. Не понимаю упреков «в обманах, запугиваниях и посулах» и оправдываться в них счел бы ниже своего достоинства. В моих глазах названия «контрреволюционеров» заслуживают лишь те, кто покушается на великие завоевания русской Февральской революции — и прежде всего на свободу, которую я продолжаю считать величайшим благом человека, во всех ее проявлениях: свободу слова, совести, неприкосновенной личности и т. д., свободу, опирающуюся на понятия права и правды. Насилие и произвол — орудия контрреволюционеров, к которым я, очевидно, не могу пристать. Больше сказать Вам мне нечего. Да пребудет в сохранности очаг великого русского искусства в его сценических воплощениях на подмостках государственных театров, по праву пользующихся мировою славою.

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 2.— Черновик.

№ 3

А. В. Луначарский — Ф. Д. Батюшкову

12 декабря 1917 г.

Уважаемый гражданин!

В объяснении отказа Вашего придти ко мне для доклада о положении государственных театров, главноуполномоченным которых Вы состоите, Вы ссылаетесь на предупреждение, которым я вынужден был сопроводить мое приглашение, что отказ Ваш явиться вызовет с моей стороны распоряжение о Вашем увольнении.

Это предупреждение я вынужден был сделать ввиду фактического бойкота Вами новой власти, которую я представляю по отношению к государственным театрам. В течение полутора месяцев Вы не считали нужным войти со мной в какой бы то ни было контакт. Ваша ссылка на защиту Вами неприкосновенности искусства и автономии театров совершенно не идет к делу.

Об искусстве и автономии я надеюсь весьма обстоятельно говорить с артистами и работниками этих театров. С Вами же я прежде всего должен был говорить, как с государственным чиновником. Или, быть может, требование со стороны поставленной народом власти к лицу, носящему звание главноуполномоченного Временного правительства, является политическим вмешательством в жизнь театра, между тем как назначение такого главноуполномоченного Головиным или Керенским есть акт защиты театральной автономии?

Становясь в оппозицию к новому Правительству, Вы, само собой разумеется, делаете для себя невозможным пребывание па Вашем посту. Чей вы главноуполномоченный? — Правительства Керенского? — Но его не существует. Нового Правительства? — Но Вы не признаете его. К тому

же и самая должность главноуполномоченного, обходящаяся в немалую сумму стране, является в системе театров совершенно излишней. Вы не удивитесь поэтому, получив указ о Вашем увольнении.

Вы думаете, Федор Дмитриевич, что воздерживаетесь от внесения политики в жизнь театра. На самом же деле Вы вносите в нее вполне определенную политику. Из Вашего же письма видно, что Вы старались вовлечь артистов в защиту либеральных идей против основных принципов демократической и социалистической революции.

Вы говорите о готовности Вашей защищать всячески дорогую Вам свободу. Но мы с Вами достаточно политически образованные люди, чтобы знать, что именно за щитом «свободы» старается оградить свои привилегии затхлый и доктринерский буржуазный либерализм. Нами движет не абстрактный принцип этого сухого и на деле корыстного либерализма, а идея классовой борьбы, благо трудового большинства народа и подлинного народоправства. Неужели Вы не предвидели, что с развитием русской революции, с подходом к социалистическим реформам раздадутся все злобные и беззубые речи о «коммунистической казарме», о «тирании черни» и т. д.? Неужели Вы не предвидели, что если последовательные демократы повторят в более грандиозном масштабе, с большей решимостью, но и несравненно большей гуманностью подвиги монтаньяров, то, с другой стороны, против них сформируется и контрреволюционное заговорщичество, и жирондистское интеллигентско-мещанское слабодушие, но только в обветшавшем и менее, чем когда-либо, убедительном виде?

Печально только то, что так много социалистов и в том числе Вы, Федор Дмитриевич, так решительно оказались не по ту сторону баррикады, где находится народ.

Да, нам приходится потрепать некоторые свободы: например, свободу эксплуатации человека человеком, свободу конспирировать против народа. Но кто дал Вам право предположить, что мы хотим наложить какие-то цепи на свободу искусства?

Мы хотим только раскрепостить его. Нас может бояться капиталист-эксплуататор или получающий жирные оклады паразит-чиновник, но человеку труда и таланта, но артисту — господство подлинной демократии может быть только желанным. Вы помните, конечно, Федор Дмитриевич, как неразрывно сплетались для Вагнера в лучшую пору его жизни идеи коренной реформы театра и коренной реформы общества.

И сейчас, встречаясь с Вами,— высоко культурным человеком и социалистом,— так недружелюбно, я продолжаю надеяться, что недоразумения рассеются и что не в бюрократической роли какого-то главноуполномоченного, а в роли выбранного самими артистами — работниками театра руководителя той или другой отрасли его жизни Вы еще будете работать вместе со мною и сможете убедиться, в какой малой мере справедливы опасения какого-то вандализма с нашей стороны.

С уважением А. В. Луначарский

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, лл. 3—4.— Подлинник.

№ 4

Приказ народного комиссара по просвещению об увольнении Ф. Д. Батюшкова и С. Л. Бертенсона

12 декабря 1917 г.

Главноуполномоченный при государственных театрах Федор Дмитриевич Батюшков и заведующий заготовочной частью Сергей Львович Бертенсон увольняются от занимаемых ими должностей.

Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский
Старший секретарь Дм. Лещенко

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 9.— Подлинник.

№ 5

Распоряжение народного комиссара по просвещению о временном порядке самоуправления Петроградских государственных театров[1]

12 декабря 1917 г.

Наследием старого режима является при государственных театрах нелепо громоздкая, дорогая, бюрократическая и корчащая из себя начальство «Контора».

Трудовой народ, готовый при достаточной демократизации театров обеспечить их существование в финансовом отношении, конечно, не может питать эту своеобразную саркому на теле государственных театров, давно стесняющую всех подлинных работников этих театров. Ввиду этого я, народный комиссар по просвещению, постановляю:

Контору государственных театров объявить упраздненной.

Для ревизии ее деятельности и приема дел назначить ликвидационную комиссию в следующем составе:

1. Назначенный мною полномочный комиссар.

2. Два представителя от комитета технического персонала (по одному от театров драматического и оперного).

3. В случае желания артистов обоих театров — два представителя от них (т. е. артистов драматического и солистов, хора и оркестра оперного театра).

Все функции конторы, равно как общее управление государственными театрами в Петрограде, впредь до окончательного установления пределов и формы их автономии, передаются театральному совету в следующем составе: по два представители от артистов драматического театра, от солистов оперного театра, от оркестра, хора и балета; по одному от хормейстеров, дирижеров, режиссеров и художников и шесть от технического персонала государственных театров.

Все сношения с государственной властью будут производиться непосредственно избранным театральным советом — председателем с народным комиссаром, т. е. мною, с полным устранением всякой бюрократической волокиты. Для канцелярских надобностей каждый театр может организовать небольшую канцелярию, подчиненную совету представителей работающих в нем коллективов.

[1] Заголовок документа.

Бюджет театров для ближайшего времени должен быть установлен народным комиссаром по соглашению с театральным советом и проведен через компетентное законодательное учреждение.

Во избежание недоразумений в связи с незаконно выданным жалованьем из сумм дохода театров объявляю: по возвращении означенной суммы (160 000 руб.) все артисты и работники театра (технический персонал, не получивший незаконного жалованья, немедленно и безусловно) могут получить все причитающееся им жалованье через кассу бывшего кабинета по ассигновкам, скрепленным мною или моим помощником. В случае невозвращения незаконно присвоенной суммы артельщику Огурцову — лицо, распорядившееся о выдаче ее, будет арестовано и судимо Революционным трибуналом.

За бывшим комиссаром Головиным числятся и пустуют ложи в каждом из государственных театров, в общем чуть ли не больше ста мест в каждый вечер. Эти возмутительные вельможные нравы кадетских выскочек должны быть ликвидированы. Эти ложи должны быть возвращены театрам и предоставлены для пользования артистам соответствующих театров.

Я, как комиссар, заведующий именем Советов государственными театрами, могу удовлетвориться предоставлением мне кресла в тех случаях, когда я заранее предупрежу о желании присутствовать на спектакле.

Солисты оперного государственного театра письмом просили меня приехать к ним для непосредственного собеседования о взглядах моих на искусство. Я исполню их пожелание в ближайшем будущем. Личный разговор с какой бы то ни было категорией тружеников государственных театров для меня всегда желателен, ибо, конечно, при личной беседе рассеются ядовитые туманы, которыми буржуазные политиканы стараются помешать сотрудничеству Правительства трудовой демократии с артистами.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
С подлинным верно: П. Тарадейко

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 10.— Копия.

№ 6

26—27 декабря 1917 г.

Ф. Д. Батюшков — А. В. Луначарскому

Я узнал о Вашем обращении к артистам государственных театров из газет, но так как в этом обращении речь идет обо мне, то считаю долгом Вам ответить, тем более что указанный Вами трехдневный срок отдачи якобы «незаконно мною присвоенных денег артельщику Огурцову» истекает сегодня. Разумеется, я никаких незаконных «присвоений» для производства выдач по текущим расходам, к которым относится и оплата за труд работникам сцены и служащим делу государственных театров, не производил, но Вы можете меня арестовать, когда Вам это будет угодно, и предавать какому угодно трибуналу на суд, так как действительно [деньги] артельщику канцелярии даются мною. Мне достаточно сознания, что я действовал правильно, чтобы не страшиться никаких трибуналов.

По отношению к артистам и служащим Вы безусловно не правы, требуя от них возврата денег, хотя бы Вы и сулили вновь их дать иным пу-

тем. Отношения артистов государственных театров и правительства складываются на почве состоявшихся договоров. Даже при царском режиме не требовалось при заключении контрактов никакой особой присяги в верности правительству. Взаимные обязательства точно указаны в договорных условиях, и артисты, исполняя свои обязательства, имеют полное право, как и служащие, на вознаграждение за свой труд. Так как перед рождественскими праздниками принято выдавать жалованье несколько раньше, т. е. 15—17 декабря, то, в случае невыплаты должного, ответственность за неисполнение принятых обязательств ложилась бы на представителя законной правительственной власти. Несмотря на то, что Вы мне сообщили о том, что Вы меня увольняете от должности, я не исполнил бы своего долга, если бы задержал уплату причитающегося труженикам сцены и служащим в канцелярии содержания из имевшихся в моем распоряжении сумм на основании представленных мне законным путем полномочий. И никоим образом я не могу допустить мысли, чтобы кого-либо иного, кроме меня, делали ответственным за мое же вполне законное распоряжение.

Вы угрожаете артистам, что если не будут возвращены 160 тысяч руб., то никакие суммы не будут больше отпускаться от казны для поддержки государственных театров. Иными словами, Вы угрожаете закрытием театров и лишением заработка всех деятелей сцены и служащих при театрах. На эту угрозу артисты сами должны Вам ответить. Я скажу только, что прием оказывать давление на совесть людей, подвергая их голодовке, есть восстановление средневековых пыток. Вы могли бы об этом вспомнить, настаивая в Вашем втором письме, что представители Вашей партии повторяют «с несравненно большей гуманностью подвиги монтаньяров». Я не вижу никакой гуманности в угрозе лишения средств жизни и закрытия государственных театров. И кроме того,— эти театры суть народное достояние и признаны были после Февральской революции автономными. Не может одна какая-либо партия распоряжаться ими по своему усмотрению.

В новом декрете Вы проектируете реорганизацию всего управления государственными театрами, с «упразднением б[ывшей] конторы». Вы опять-таки упреждаете то, что могло бы быть по праву осуществлено лишь после созыва Учредительного собрания, торопясь при этом выкинуть приманку, дескать не будет больше конторы, ненавистной по воспоминаниям прошлого многим артистам! Но такой «конторы» давно уже нет, а работы канцелярии по государственным театрам Вы не знаете и не можете знать.

Вы думаете заменить ее отдельными канцеляриями при каждом театре, опуская из виду, что государственные театры составляют одно целое и необходим центральный орган управления, объединяющий и обслуживающий пять трупп государственных артистов, играющих в трех театрах в Петрограде. А сверх того сюда же направляются и дела московских государственных театров. Вами предполагаемый совет близок по конструкции той коллегиальной форме высшей инстанции управления государственными театрами, которая проводилась нами в жизнь, без общей ломки всего дела. Ибо, повторяю, новый статут государственных театров может быть осуществлен полностью лишь после Учредительного собрания. До тех пор мы придерживаемся норм существующих установлений, в которых запечатлена преемственность власти.

В итоге, с Вашей стороны — незаконные распоряжения, насильственные приемы, угрозы достоинству артиста и человека, непонимание правильной структуры дела управления государственными театрами, узурпация прав Учредительного собрания и удивительный слог «распоряже-

ния народного комиссара по просвещению», который по своей безграмотности не вяжется со статьями, некогда подписываемыми писателем Луначарским. И так как из этого же «распоряжения» я узнал, что меня обвиняют не в «присвоении» себе, а в передаче другим им должного, то я с спокойной совестью жду ареста и суда.

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, лл. 11—12.— Черновик.

№ 7

А. В. Луначарский — Ф. Д. Батюшкову

28 декабря 1917 г.

Милостивый государь!

Ваше длинное письмо, полное всяких юридических ухищрений, разбивается об один простой факт: приказом от 12 декабря с. г. Вы устранены от должности главноуполномоченного: никаких распоряжений после этого Вы отдавать не имели права.

Ваше упорное нежелание подчиниться этому распоряжению и все Ваше дальнейшее поведение есть настоящий вызов Крестьянскому и Рабочему Правительству, которое не может позволить шутить с собой таким образом.

Я даю Вам срок в 24 часа. Если Вы не пришлете мне за это время категорическое заявление о том, что Вы подчиняетесь моему распоряжению, сдаете свою должность и очищаете занимаемую Вами квартиру в трехдневный срок, что Вы отказываетесь от дальнейшей интриги с каким-то Высшим советом, то я обращусь в Военно-следственную комиссию с просьбой немедленно арестовать Вас как чиновника, не подчиняющегося революционной власти и противодействующего ей.

Что касается затеянного Вами совета, то в глазах всех прогрессивных людей, всех, кому в действительности дорого искусство, он явится, конечно, черносотенной попыткой удержать театры в зависимости от театральной бюрократии и стать поперек дороги той широкой автономии, которую я предлагаю подлинным работникам государственных театров.

Отношения между государственными театрами и государством должны быть урегулированы. Этого прежде всего требует благо самих театров. Скажу больше — их спасение, ибо Ваш мятеж бюрократов, в который Вы втянули хор и Александринскую труппу, вводит в театры величайшую разруху.

Для спасения этих театров от контрреволюционного заговора господ Батюшковых и Зилотти, за которыми скрываются люди, руководимые исключительно политическим расчетом, я не остановлюсь и перед дальнейшими арестами лиц, вносящих ядовитую смуту в умы артистов, с которыми трудовая демократия давно сговорилась бы, не препятствуй этому созданное и при Вашем содействии средостение.

Народный комиссар А. В. Луначарский
Секретарь Дм. Лещенко

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 16.— Подлинник.

№ 8

Ф. Д. Батюшков — А. В. Луначарскому

28—29 декабря 1917 г.

Ответ А. В. Луначарскому

До сдачи должности я обязан исполнить свой служебный долг, а мне не было сообщено, да и теперь Вы не сообщаете, кому я должен «сдать должность» и в чем эта процедура заключается? Сложить полномочия я могу только перед властью, узаконенной Учредительным собранием. Я уже писал Вам, что не скрываюсь и что Вы можете велеть меня арестовать, когда Вам угодно.

С подлинным верно Батюшков

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 18.— Черновик.

№ 9

Извещение, посланное Наркомпросом Ф. Д. Батюшкову

30 декабря 1917 г.

Гражданину Ф. Д. Батюшкову

Здесь, Театральная ул., д. 2.

Сим извещаю Вас, что Л. Д. Мецнер уполномочен принять от Вас все дела по управлению государственными театрами.

Тов. народного комиссара по просвещению Гр. Закс
Секретарь Е. Адамович

ИРЛИ, рукописный отдел, архив Ф. Д. Батюшкова, 15632, XCVI б. I, л. 19.— Подлинник.

МОБИЛИЗАЦИЯ 3000 КОММУНИСТОВ НА РАБОТУ В ДЕРЕВНЮ

(1924 г.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Советская страна, приступив в 1921 г. к мирному экономическому строительству, уже через два года добилась заметных успехов. В сельском хозяйстве увеличились посевные площади, крестьянское хозяйство в связи с переходом от продовольственной разверстки к единому продналогу все более укреплялось. Росла и развивалась государственная промышленность, вместе с ней увеличивался количественно рабочий класс. Материальное положение рабочих и крестьян постепенно улучшалось.

Несмотря на это, Советское государство переживало большие трудности. Промышленность и сельское хозяйство еще отставали от производства довоенного уровня. Наряду с укреплением советской экономики, наблюдался рост капиталистических элементов, особенно в деревне. Торговля шла с большими перебоями, неудержимо падала ценность рубля. Положение крестьянства осенью 1923 г. ухудшалось еще в связи с кризисом сбыта, вызванным резким расхождением цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию.

Такое положение в сельском хозяйстве могло привести к разрыву политическо-хозяйственного союза рабочего класса и крестьянства и тем самым к ослаблению Советской власти. Партия своевременно приняла все нужные меры к устранению этих трудностей.

XII съезд РКП(б), состоявшийся в Москве 17—25 апреля 1923 г., в своих решениях подчеркнул, что «сила Советской власти — в союзе рабочих и крестьян» [1]. Съезд поставил перед партией задачу улучшения работы советских органов в деревне, развития кооперации, повышения политической и культурной работы на селе. В этих целях съезд решил развернуть во всероссийском масштабе начатую еще до съезда систематическую и плановую переброску коммунистов в деревню.

После XII съезда Центральный Комитет партии развернул большую работу по укреплению сельских партийных организаций и советского аппарата коммунистами. По имеющимся в ЦК сведениям по 19 губерниям, в 1923 г. было послано для усиления деревенских органов 934 чел. [2]. В первую очередь укреплялся советский аппарат, затем партийный, совхозы и т. д. (о наличии партийных сил в деревне к концу 1923 г. см. док. № 1).

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1954, стр. 705.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/№, ед. хр. 125, лл. 16—17.

Но работа местных парторганизаций по укреплению партийных, советских, кооперативных и культурно-просветительных учреждений в деревне развертывалась очень медленно. По материалам ЦК РКП(б) видно, что на 1 сентября 1923 г. в крестьянских партячейках состояло на учете 92 132 члена и 36 430 кандидатов партии, в партячейках совхозов и коммун — 8002 члена и 2592 кандидата партии, а всего в деревне было 100 134 члена и 39022 кандидата партии [1], что составляло 30,9% общего количества членов и 42% кандидатов партии. Этого было крайне недостаточно.

13 февраля 1924 г. Центральный Комитет РКП(б) принял циркуляр о мобилизации 3000 коммунистов на работу в деревню [2]. Для проведения работы по подбору и отправке партийных работников в деревню Центральным Комитетом были установлены сроки с 14 февраля по 20 марта 1924 г., но в связи с подготовкой местных партийных организаций к XIII съезду партии, проведением губернских, областных и республиканских партконференций, выполнение решения ЦК о мобилизации членов партии для укрепления деревни затянулось до конца года.

По докладным запискам и другим материалам Орграспредотдела ЦК за апрель — май 1924 г. (док. №№ 2, 3) можно проследить, что местные парторганизации с большим вниманием отнеслись к вопросу о выделении коммунистов для работы в деревне.

Состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) решил, что укрепление деревни партийными кадрами должно проводиться систематически, а не от случая к случаю, и при сочетании методов добровольности и подбора кадров. На работу в деревню должны выдвигаться коммунисты, уже имеющие опыт организаторской и общественной работы. Кроме того, они должны были пройти подготовительную школу или курсы и после этого уже получить направление на определенную работу, имеющую хозяйственное, культурное и политическое значение в том или ином районе. Эти указания съезда были учтены при дальнейшем проведении мобилизации.

К Октябрьскому пленуму ЦК РКП(б) 1924 г. разверстки были выполнены парторганизациями. В деревню было послано свыше 3000 работников.

В сводке Информотдела (док. № 4) и в материалах к докладу заместителя заведующего Орграспредотделом М. М. Хатаевича на заседании Секретариата ЦК РКП(б) 23 января 1925 г. об итогах мобилизации «3000» и дальнейшем укреплении деревни партийными работниками (док. № 5) дается анализ качественного и количественного состава мобилизованных коммунистов.

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма, в фонде ЦК РКП(б) (ф. 17).

Л. И. Жаров, А. В. Овчарова

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 345, лл. 35—40.

[2] «Правда» № 36, 14 февраля 1924 г.

№ 1

Докладная записка контрольно-планового подотдела Учетно-распределительного отдела ЦК РКП(б) о наличии партийных сил в низовом аппарате деревни

Не позднее 13 февраля 1924 г. [1]

Решения XII партсъезда об укреплении деревни партработниками значительно всколыхнули и местные партийные организации. Мы видим, что за последнее время губернские организации проводят довольно значительную работу по укреплению деревни партсилами. Укрепляется низовой аппарат деревни в целом, как это мы видим на примере Донецкого губкома, пославшего в деревню в конце 1922 г. и в 1923 г. до 400 человек. Видим мы это на примере и Киевского губкома; из доклада инструктора Учраспреда мы читаем: «распределительная работа Киевского губкома производится под углом зрения укрепления деревни», укрепляются и отдельные отрасли работы.

Укрепление волисполкома и сельсовета

Донецкий губком благодаря мероприятиям по укреплению деревни доводит процент коммунистов в волисполкомах до 94%. Харьковский губком укомплектовывает волисполкомы коммунистами на 75%, а председателей ВИКов — на 95%.

Укрепление волостных комитетов и сельских ячеек РКП

Из обзора инструктора Учраспреда по Екатеринбургской губернии мы читаем: «наряду с укреплением производственного станка (опрошен 101 товарищ), укрепляются волкомы и сельячейки».

Омский губком посылает 49 волостных секретарей, Алтайский губком посылает 30 товарищей в качестве секретарей волкомов.

Укрепление кооперации

Из отчетов-обзоров инструктора Учраспреда т. Сотникова мы читаем: «Иркутским губкомом за последнее время (1923 г.) принимаются меры к укреплению низовой кооперативной сети».

При сличении материалов о состоянии низовой кооперативной сети по Гомельской губернии мы видим, что если в апреле месяце 1923 г. процент коммунистов в низовой кооперативной сети, т. е. в сельпо, равнялся всего 4,84%, то в августе 1923 г. процент коммунистов в сельпо поднимается до 27,6%.

Укрепление первичных профорганов

Из обзора работы Пермского губкома инструктором Учраспреда т. Кудрявцевым мы видим, что Пермский губком в 1923 г., в целях укрепления первичных ячеек профсоюзов, посылает в деревню 40 человек.

Укрепление милиции

В отношении милиции работа идет в двух направлениях: с одной стороны, производится чистка милиции от негодных элементов, с другой стороны, производится непосредственное укрепление милиции коммунисти-

[1] Датируется на основании циркуляра ЦК РКП(б) от 13 февраля 1924 г., в котором используются выводы этого документа (см. «Правда» № 36, 14 февраля 1924 г.).

ческими силами. Так, Петроградский губком посылает в 1923 г. в милицию 200 человек членов РКП.

Здесь мы не говорим уже об укреплении таких отраслей работы, как налоговый аппарат. Состав налоговых инспекторов и финагентуры является постоянным объектом внимания партийных организаций.

В настоящее время контрольно-плановый подотдел Учраспреда ЦК располагает вполне достаточными материалами для освещения вопроса о наличии партсил в низовом аппарате деревни и качественном составе последнего. К изложению и освещению этого вопроса в целом по СССР мы и перейдем.

Средний процент коммунистов в низовом советском аппарате по отдельным отраслям работы представляется в следующем виде (материалы располагаем по убывающей степени процентного содержания):

№ п/п	Отрасль работы и наименование должностей или первичных органов	Наличие коммунистов в таковых		Характер материалов, послуживших для выводов
		абсолютное количество	проценты	
1	Редакторы уездных газет	30	83,4	Сведения Агитпропа ЦК по 30 уездам на 1 января 1923 г.
2	Нарсудьи	1680	63,6	По данным Наркомюста на 1 июля 1923 г. по 53 губерниям.
3	Нарследователи	510	41,6	
4	Секретари нарсудей	101	4,6	
5	Заведующие заготконторами	223	50	По данным НКПрода на 1 сентября 1923 г. по 47 губерниям.
6	Зам. [зав.] заготконторами	80	30	
7	Волисполкомы	3926	46,9	По данным НКВД на 15 ноября 1923 г. по 41 губернии.
8	Налоговые инспекторы	1810	33,7	По данным НКПрода на 1 сентября 1923 г. по 41 губернии.
9	Райуполномоченные и зам. зав. заготпунктами	98	31	По данным Хлебопродукта [1].
10	Финагенты	1180	31	По данным НКФ на сентябрь 1923 г. по 30 губерниям.
11	Уездные и райсельсоюзы	191	50	По данным Центросельсоюза на 1 ноября 1923 г. по 29 губерниям.
12	Сельпо	2344	18,46	Сведения Центросоюза на 1 июля 1923 г. по 21 губернии.
13	Милиция (мл. командный состав)	1824	11,6	По данным Главмилиции на 1 июля 1923 г. по 46 губерниям.
14	Председатели первичных с.-х. кооперативов	—	3—4	По данным Центросельсоюза на 1 ноября 1923 г. по 14 губерниям.
15	Союз Всеработземлеса[2])			По данным ЦК союза Всеработземлеса от сентября 1923 г. по Вяземскому и Смоленскому уездам Смоленской губ., плюс по Горской республике.
	а) первичные ячейки союза в целом		19,6	
	б) рабочкомы в целом	39	24	
	в) председатели рабочкомов	16	29,6	
	г) месткомы	1	6%	
	д) уполномоченные	0	0	

Говоря о среднем проценте коммунистов среди первичных органов деревни, необходимо особо сказать относительно волостных комитетов РКП. Здесь, по материалам [подотдела] учета опыта в деревне при ЦК, имеем следующую картину: по Владимирской губернии, после работ губернского комитета партии над улучшением качественного состава секретарей волкомов и повышения их квалификации, состав секретарей волкомов характеризуется как удовлетворительный на 50%. Примерно по тем же источникам, по Волынской организации процент удовлетворительных секретарей волкомов имеется в том же размере. В Курской организации из 120 секретарей по 8 уездам удовлетворительных секретарей волкомов имеется 77, что составляет примерно почти те же 50%, что и во Владимирской губ. Выборочным обследованием инструкторами ЦК в августе — сентябре месяце 1923 г. по Тверской организации процент удовлетворительных секретарей устанавливается также в размере 50%.

Здесь же для большей характеристики состояния первичных органов кооперации и определения более точных задач, стоящих перед партией в деле укрепления аппаратов торговых предприятий в деревне, необходимо выяснить картину соотношения частноторгового капитала с государственно-кооперативным. Мы имеем сведения от Комвнуторга о соотношении частного торгового капитала с государственно-кооперативным в деревне по 45 уездам, добытые по системе выборочного обследования. По этим данным можно сделать по затронутому вопросу следующие выводы:

1. Продвижение частного торгового капитала за последнее время идет более интенсивно.

2. Частноторговый капитал в деревне в общем и целом, по сравнению с государственно-кооперативным, имеется по количеству предприятий в большем проценте, чем последние. Минимум количества торговых предприятий частного капитала в деревне определяется, по сравнению с государственно-кооперативным, в 62,5%.

3. Частноторговый капитал, по отношению к различным районам СССР, проникает с различной интенсивностью. Так, в Южно-промышленном районе, в Центрально-черноземной полосе, на Западе количество предприятий частноторгового капитала по отношению к государственно-кооперативному имеется в размере примерно 62—65%, а в Юго-Востоке, Средне-Волжском районе, примерно, в размере 90%.

4. Частноторговый капитал различной мощности проникает в деревню с неодинаковой интенсивностью: менее мощные торговые предприятия проникают в деревню с большей интенсивностью, и обратно: наиболее мощные предприятия частноторгового капитала проникают в деревню с меньшей интенсивностью.

5. Частноторговый капитал проникает в деревню наиболее сильно там, где наиболее слабо развита кооперация.

Минимум и максимум партсил в первичных органах деревни вообще, плюс в зависимости от промышленного характера губернии

№ п/п	Отрасль работы и наименование должностей или первичных органов	Минимум партсил в первичных органах деревни		Максимум партсил в первичных органах деревни		Наличие партсил первичных органов деревни в зависимости от промышленного характера губернии			
		наименование губ.	процент	наименование губ.	процент	в промышл. губерниях	процент	в с.-х губерниях	процент
1	Волисполкомы	Иваново-Вознесенская	20	Донская	93	Владимирская	35	Пензенская	35
		Новгородская	24	Ново-Николаевская	83	Иваново-Вознесенская	20	Смоленская	58
		Северо-Двинская	23	Царицынская	89	Нижегородская	53	Череповецкая	34
		Камчатка	0,1	Челябинская	85	Петроградская	65		
2	Сельсоветы	Вятская	0,3	Челябинская	26	Владимирская	3,2	Пензенская	6,5
		Тульская	1,1	Прибайкальская	39	Иваново-Вознесенская	8,6	Смоленская	2,2
		Новгородская	1,7	Донская обл.	17,8	Нижегородская	7,3	Череповецкая	4,2
		Татарская республика	1,7	Забайкальская	18,2	Петроградская	3,1		
3	Волфинагенты	Немкоммуна	11	Гомельская	73	Владимирская	14	Пензенская	3,8
		Туркменская республика	11	Вятская	64	Нижегородская	41	Смоленская	41
		Владимирская	14	Астраханская	60	Брянская	22	Курская	31
4	Налоговая инспектура	Курская	19,8	Алтайская	84	Тульская	23	Пензенская	28
		Кубано-Черноморская	13	Томская	65	—		Курская	19,8
		Ставропольская	17	Ново-Николаевская	63	—		Смоленская	38
								Курская	11
5	Сельпо	Смоленская	8,5	Самарская	51	Московская	16,7	Смоленская	8,5
		Курская	11	Донская	31,9	Брянская	22,8	Воронежская	18
		Белорусская	12,6	Орловская	29	Пермская	23		
6	Правление усельсоюза и райсельсоюза	Томская	45	Челябинская	60	Нижегородская	47	Смоленская	47
		Смоленская	47	Пермская	60	Владимирская	47	Пензенская	54
		мельская	47	Пензенская	54	Иваново-Вознесенская	48	Курская	47
7	Председатели первичной с.-х. кооперации	Вотская обл.	1,5	Пензенская	5	Пермская	5	Пензенская	5
		Воронежская	1	Пермская	5	Екатеринбургская	5	Воронежская	1
		Тамбовская	1	Екатеринбургская	5	—		Тамбовская	1
8	Нарсудьи	Пензенская	54	Челябинская	86	—		Пензенская	54
		Самарская	55	Ново-Николаевская	95	—		Курская	68
		Витебская	56	Гомельская	79	—		Смоленская	67
9	Нарследователи	Рязанская	16	Челябинская	71	—		Пензенская	33
		Пензенская	33	Смоленская	55	—		Смоленская	55
		Витебская	19	Саратовская	54	—		Череповецкая	33
		Гомельская	33	Ново-Николаевская	55	—		Курская	35

Продолжение

№ п/п	Отрасль работы и наименование должностей или первичных органов	Минимум партсил в первичных органах деревни: наименование губ.	процент	Максимум партсил в первичных органах деревни: наименование губ.	процент	Наличие партсил первичных органов деревни в зависимости от промышленного характера губернии: в промышл. губерниях	процент	в с.-х. губерниях	процент
10	Зав. заготконторами	Татарская республика	17	Гомельская	70	Оренбургская	100	Пензенская	29
		[республика] Немцев Поволжья	16	Оренбургская	100	Тульская	40	Курская	19
		Пензенская	29	Ново-Николаевская	80	Екатеринбургская	91	Смоленская	52
		Курская	19	Акмолинская	76				
11	Зам. [зав.] заготконторами	Татарская республика	0	Смоленская	36	Екатеринбургская	27	Пензенская	0
		Пензенская	0	Оренбургская	66	Оренбургская	56	Курская	22
12	Райуполномоченные и зам. зав. заготпунктами Хлебопродукта	Курская	5	Донецкая	67	Владимирская	33	Смоленская	0
		Самарская	12	Иркутская	80	Нижегородская	80	Курская	5
		Витебская	15	Татарская республика	83	Брянская	15	Самарская	12
13	Младший командный состав милиции	Пермская	0,5	Петроградская	71	Владимирская	6,5	Смоленская	3
		Псковская	1,5	Алтайская	45	Иваново-Вознесенская	15	Череповецкая	7
		Чувашская	1,6	Архангельская	28	Нижегородская	27	Курская	9
14	Первичные организации союза Всеработземлес в целом	Горская республика	0	Смоленский уезд	—	—		—	
				Вяземский уезд	19,6	—		—	
				Горская республика	—	—		—	

Соотношение количества предприятий (торговых) между частным и государственнокооперативным капиталом:

15	Частно-торговый капитал	Юго-промышленный район	62,5	Юго-Восток	93,3	Центральный промышленный	79,4	Центрально-черноземный	66,5
		Центрально-черноземный	66,5	Средне-Волжский	90	Юго-промышленный	62,5	Западный район	67,8

Качественный состав работников первичных органов деревни

А. Финагенты

Из 1180[1] членов РКП финагентов по 30 губерниям в отношении социального состава разделяется следующим образом:

Рабочих 381
Крестьян 511
Интеллигентов 284

[1] В итоге имеются сведения о социальном составе всего 1176 человек.

Б. Кооперация (сельпо)

На состав первичных органов кооперации бросают свет имеющиеся сведения о качественном составе членов правлений сельпо по Гомельской губ. и по Уманскому району Киевской губернии. Так, по Гомельской губ. в отношении социального положения членов правлений сельпо мы имеем следующую картину:

Из общего количества 1033 членов правления:

Рабочих	82	или	7,9%
Крестьян	799	»	77,4%[1]
Интеллигентов	130	»	12,6%
Прочих	22	»	2,1%

По Уманскому району из 687 членов правления сельпо:

Рабочих	19
Крестьян	621
Служащих	45
Прочих	2

По практическому кооперативному стажу члены правления сельпо по Гомельской губернии делятся таким образом: из 1033 чел.

Со стажем до 1 года	369	или	35,7%
» » от 1—3 лет	391	»	37,9%
» » от 3—5 лет	180	»	17,4%[2]
» » более 5 лет	93	»	9%

По Уманскому району из 687 чел.

Со стажем до 1 года	178	или	26%
» » от 1—5 лет	135	»	19%
» » свыше 5 лет	16	»	2,3%[3]

В. Судебные органы

Имеющиеся сведения по 60 губерниям рисуют нам следующую физиономию состава нарсудей и нарследователей:

Социальное положение: из 2638 нарсудей

Рабочих	580	или	21,9%
Крестьян	1439	»	54,6%
Ремесленников	47	»	1,8%
Интеллигентов	572	»	21,7%

Народные следователи: из 1225 чел.[4]

Рабочих	205	или	16,8%
Крестьян	514	»	41,9%
Ремесленников	20	»	1,6%
Интеллигентов	486	»	39,7%

Партийный стаж членов РКП, работающих в качестве народных судей и народных следователей:

---

[1] В тексте ошибочно: 74,4.
[2] В тексте ошибочно: 17,6.
[3] Сведения о стаже работников по Уманскому району неполны.
[4] В тексте ошибочно: 1125.

а) Нарсудьи:

1. Вступивших	до Октября	229 чел.,	или	13,6%
2. »	после Октября и в 1918 г.	559 »	»	33,2%
3. »	в 1919 г.	442 »	»	26%
4. »	в 1920 г.	317 »	»	18,8%
5. »	в 1921 г.	74 »	»	4,3%
6. »	в 1922 г.	55 »	»	3,2%
7. »	в 1923 г.	4 »	»	0,2%

б) Нарследователи:

1. Вступивших	до Октября	48 чел.,	или	9,6%
2. »	после Октября и в 1918 г.	129 »	»	26%
3. »	в 1919 г.	152 »	»	30,4%
4. »	в 1920 г.	120 »	»	24%
5. »	в 1921 г.	27 »	»	5,4%
6. »	в 1922 г.	30 »	»	6%
7. »	в 1923 г.	4 »	»	

Г. Налоговая инспектура

6760 продинспекторов по социальному положению делятся таким образом:

Рабочих	884, или	16,5%
Крестьян	3355 »	62,5%
Интеллигентов	312 »	5,8%
Прочих	815 »	15,2%

Продовольственный стаж продинспектуры:

До 1 года	—2065 или	38,5%
От 1—2 лет	—1423 »	26,5%
От 2—3 «	— 880 »	16,4%
От 3—4 «	— 613 »	11,4%
От 4 и более	— 385 »	7,2%

Партстаж коммунистов-продинспекторов, из 1810 чел.:

До 1915 г.	12 или	0,7%
С 1915—1917 гг.	22 »	1,2%
С 1917—1921 гг.	1226 »	67,7%
С 1921 по наст. время	550 »	30,4%

Д. Райуполномоченные, их заместители и зав. заготпунктами:

По Хлебопродукту из 320 человек мы имеем:
По социальному положению:

Рабочих	49
Крестьян	126
Прочих	105

По практическому стажу работы в Хлебопродукте:

До 6 месяцев	117
От 6 месяцев до 1 года	121
Более 1 года	42

Партстаж коммунистов, работающих в качестве вышеозначенных должностных лиц, из 98 чел. мы имеем:

До 1905 г.	0
С 1905—1917 г.	6 чел.
С 1917 г.	23 »
1918—1919 гг.	52 »
1920—1923 гг.	13 »

Е. Состав редакторов уездных газет:

Из 83,4% коммунистов-редакторов, или 25 чел., мы имеем:
По партстажу:

До октября	0		
С 1917	4	или	16%
С 1918—1919 гг.	12	»	48%
1920—1922 гг.	6	»	24%
Неизвестных	3	»	[12%]

Практический стаж журнальной работы редакторов уездных газет:

До 1917 г.	5	чел.	или	16,6%
1917 г.	4	»	»	13,3%
1918 г.	6	»	»	20%
1919 г.	3	»	»	10%
1920—1923 гг.	8	»	»	26,6%
Без стажа	3	»	»	10%
Неизвестных	1	»	»	—

Выводы

Анализ положения деревни и наличия партсил в первичных органах деревни, а также наличия партийных сил вообще в деревне приводит к следующему заключению:

1. В связи с общим недостатком партийных сил в деревне необходимо партийным органам сосредоточить свое внимание в деле укрепления партийными работниками отдельных отраслей работы на тех из них, которые имеют в деревне первенствующее значение.

В частности, анализ соотношения торгового капитала в деревне между частным и государственным капиталами, а также наличие партийных сил в первичных ячейках кооперации приводят к выводу, что внимание партии должно быть в настоящее время приковано именно к торговому аппарату в деревне и последний должен явиться постоянным объектом внимания партийных органов и должен быть укреплен в первую очередь.

2. Так как анализ состава редакторов газет показывает нам, что среди редакторов не только имеются беспартийные, но и плюс к этому состав редакторов далеко не удовлетворяет требованиям в отношении их практического стажа (26% со стажем 1920—1922 гг., плюс 10% без стажа), необходимо пересмотреть состав таковых и, в зависимости от фактического положения, достаточным образом укрепить эту единицу. Резервами для укомплектования уездных редакторов должны послужить столичные города (Москва, Петроград) и губернские центры.

3. Должны быть укреплены первичные профячейки союза Всеработземлеса.

4. Парторганы должны укрепить волостные партийные центры и дать хотя бы по одному культурнику на волость.

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 292-б, лл. 1—9.— Копия.

№ 2

Докладная записка инструктора Орграспредотдела ЦК РКП(б) Н. Виноградова о ходе мобилизации 3000 коммунистов в деревню

28 апреля 1924 г.

По ряду причин (проведение беспартийных конференций, налоговая кампания, весенняя распутица) губкомы и обкомы к выполнению директивы [о] мобилизации «3000» приступили только в феврале месяце. На 26 апреля имеем следующие сведения о ходе кампании: процент выполнения к общей разверстке ЦК — 77,83% (дана разверстка на 3000, фактически послано в деревню 2335). Если же взять только те парторганизации, которые прислали отчеты о ходе мобилизации ими в счет 3000, то процент выполнения будет — 94,15%. Причем 22 парторганизации выполнили задание больше чем на 100%, 13 — на 100% и 21 — менее чем на 100%.

Вопрос о мобилизации «3000» в деревню предварительно обсуждался на секретариатах, президиумах ячеек и ячейках в целом (в большинстве организаций), на расширенных пленумах губкомов (Смоленск, Самара), мобилизованные же товарищи пропускаются через специальные комиссии из представителей ГК, ГКК и райкомов. Отбор работников шел серьезный, чтобы, как сообщают губкомы, «малодушные, невыдержанные и т. п. товарищи в деревню не попали». Насколько тщательный был отбор работников для деревни, говорят следующие данные: ЦК Грузии из 120 человек, присланных райкомами, посылает в деревню лишь 18,46%, Одесса — половину, Ленинград из 150 освобождает 68, Пенза из 61 посылает 32, Вотский обком из 50 добровольцев — 13, Белоруссия из 71 — 48 и т. д.

50% организаций, из фактически уже пославших работников в деревню, провели мобилизованных через специальные 2—4-недельные курсы, другие (Ленинград, Вологда, Башкирский обком) — через инструктивные совещания, третьи (Гомель) намерены провести мобилизованных через курсы летом, когда уменьшится и советская и партийная работа.

Что касается качественного состава посланных в деревню, то последние главным образом — в возрасте от 24 до 36 лет (64,82%).

Рабочие (44,1%) — при сравнительно высоком проценте служащих (25,2%). Причем некоторые парторганизации шлют квалифицированных рабочих непосредственно от станка (Енисейский из 51 человека послал в деревню 21 рабочего с производства, Тульская из 60 — 21 рабочего, из которых 13 слесарей, Ярославский ГК из 17 — 8 рабочих с производства и т. д.).

По партстажу — главным образом со стажем 1919—1922 гг. (51,2%) при значительной группе со стажем 1917—1918 гг. (28,5%).

По образованию больше чем на $^{4}/_{5}$ (86,61%) с низшим образованием, со средним образованием — 12,96%.

По масштабу работы — большинство рядовые (54,27%); уездного масштаба — 21,2%, волостного масштаба — 21,83% и губмасштаба — 2,6%, причем среди последних работники губсуда, КК[О]В, губсоцстрахов и т. д. Некоторые губкомы, как, например, Тамбовский, шлют исключительно рядовых.

По национальности — больше чем на $^{3}/_{4}$ великороссы. Национальные области послали националов 50% (по Белоруссии, Дагестану, Азербайджану, Чувашскому обкому, Башкирскому обкому, Вотскому обкому из

127 человек послано в деревню националов — 64). Многие национальные областные парторганизации указывают, что «националов, подготовленных для работы в деревне, нет, европейцы же не знают местных языков». (Сыр-Дарьинск, Аму-Дарьинск, Туркестанская).

Мобилизованными в счет «3000» укрепляется в деревне в первую очередь советский аппарат. Сюда направляются 30,44%, дальше идет партаппарат — 18,71%, затем кооперация — 17,53%, следующая — культполитпросветработа 12,04%, на хозработу — 4,44%, профессиональную — 3,7%, судебную — 2,35%, в милицию — 2,16% и т. д.

Надо сказать, что такое размещение по отраслям работы посланных в деревню в среднем соответствует квалификации и опыту в работе, который они имели до мобилизации. Так, на советской работе было 43,2%, на партработе — 18,34%, на профработе — 7,3%, на хозработе — 6,21%, кооперативной — 9,17%, финансовой — 0,77%, судебной — 3,41%, в милиции — 2,64% и т. д.

Что же касается вопроса, будет ли соответствовать фактическое размещение мобилизованных по отраслям работы на месте, в деревне, проекту губкомов, то гарантией этого должна быть та предварительная работа, которая проделана губкомами (в громадном большинстве) с укомами перед мобилизацией (выяснение потребностей уездных парторганизаций в работниках той или иной квалификации, проекты распределения мобилизованных, согласуемые с укомами), а затем последующие директивы губкомам, укомам: «ни в коем случае не изменять назначения работы, указанной в путевке».

К минусу в работе губкомов и обкомов надо отнести то, что последние посылали в деревню значительный процент работников, не работавших в деревне. Так, Тверской губком из 33 товарищей, командированных в деревню, посылает работавших в деревне — 24, Азербайджан из 11—1, Терской ОК из 23 — 3, Витебск из 30 — 7, Владимирский из 36 — 10 и т. д.

К условиям, затрудняющим мобилизацию «3000», необходимо отнести:

а) только что проведенное укрепление деревни в связи с районированием (Уральск, Ставрополь);

б) нежелание мобилизованных расстаться с культурными условиями города (Смоленск, Витебск и пр.);

в) в национальных областях отсутствие «националов», подготовленных для работы в деревне, и незнакомство европейцев с национальными языками (Самарканд, Аму-Дарьинск, Туркестан);

г) момент, связанный уже с водворением работников на места,— выборность (Саратов, Самара) и, наконец,

д) материальное положение мобилизованных (это основное).

Некоторые губкомы (Тверской), чтобы материально обеспечить мобилизованных, сокращали количество объектов (в данном случае количество изб-читален), кои укомплектовывались мобилизованными, чтобы за счет сокращения сэкономить излишние средства. Некоторые же парторганизации (Баш[кирский] обком, Пенза) ставили перед ЦК вопрос о присылке средств на проведение мобилизации. Отправка каждого мобилизованного в среднем стоит парторганизации 60—80 руб.

В заключение необходимо отметить, что все ГК и ОК рассматривают «3000» как начало планомерной, систематической работы по укреплению деревни.

Инструктор Орграспреда Н. Виноградов

Сравнительная таблица размещения работников, посланных для укрепления деревни, по отдельным отраслям работы в 1923 г. и в счет «3000»[1]

Наименование отраслей работы	% посланных в 1923 г.	% посланных в счет «3000»	Итого по сравнению с количеством посланных в 1923 г.
Партработа	24,9	18,71	—6,19
Культпросветработа	1,5	12,04	+10,54
Совработа	35,11	30,94	—4,15
Профессиональная	3,7	3,7	
Хозяйственная	9,19	4,44	—4,75
Кооперативная	5,62	17,53	+11,91
Финансовая	0,54	1,42	+0,88
Милиция	1,64	2,16	+0,52
Агрономы	—	0,12	+0,12
Пом. лесничих, объездчики	—	0,3	+0,3
Агенты губстраха	—	0,8	+0,8
Врачебная (фельдшеры, врачи)	—	0,2	+0,2
Судебная	—	2,35	+2,35
Вообще в деревню	6,72	2,96	—3,76
Зав. ссыпными пунктами	0,13	0,12	—0,01
Совхозы	10,83	0,43	—10,4
Почт-телеграфная	—	1,72	+1,72
ККОВ	—	0,06	+0,06
	100%	100%	

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 125, лл. 57—60.— Подлинник.

№ 3

Материалы и предложения Орграспредотдела ЦК РКП(б) о мобилизации 3000 коммунистов в деревню

Не ранее 12 мая 1924 г. [2]

Справка о мобилизации 3000 коммунистов в деревню по состоянию на 12 мая 1924 г.

1. Поступило отчетов о проведении мобилизации от 64 губкомов.

Из них 28 ГК выполнили задание ЦК больше чем на 100%, 16 ГК выполнили на 100% и 20 парторганизаций выполнили задание менее чем на 100% (см. прилагаемый список).

2. В целом все парторганизации, приславшие отчеты (64), получили разверстку от ЦК на 2695 человек, послано ими в деревню 2807 чел.

В общем процент выполнения задания равен 104,2%.

3. По социальному положению посланные делятся:

	Абсолютные числа	Относительные числа
Рабочих	1198	44,8
Крестьян	813	30,4
Служащих и прочих	663	24,8
Итого:	2674	100%

(Соцположение 133 работников не указано в отчетах)

---

[1] Таблица дана в качестве приложения к докладной записке инструктора Орграспредотдела Н. Виноградова.

[2] Датируется по содержанию документа.

Список парторганизаций, выполнивших задание ЦК о мобилизации 3000 коммунистов в деревню (по состоянию на 12 мая 1924 г.)

А. Парторганизации, выполнившие задание ЦК больше чем на 100%

Наименование парторганизации	Наряд ЦК	Фактически послано в деревню на 12 мая 1924 г.
1. Витебская	25	30
2. Владимирская	35	36
3. Воронежская	40	53
4. Вятская	30	50
5. Гомельская	40	50
6. Иваново-Вознесенская	35	95
7. Костромская	30	67
8. Курская	45	46
9. Ленинградская	80	92
10. Московская	140	176
11. Ново-Николаевская	60	93
12. Нижегородская	80	93
13. Орловская	40	64
14. Подольская	35	70
15. Приморская	15	16
16. Псковская	30	54
17. Смоленская	45	78
18. Симбирская	35	36
19. Северо-Двинская	10	12
20. Рязанская	40	41
21. Тамбовская	45	64
22. Тверская	45	63
23. Терская	20	27
24. Тульская	45	60
25. Харьковская	70	102
26. ЦК Белоруссии	40	48
27. Череповецкая	15	18
28. Енисейская	50	51
Итого:	1220	1685

Б. Парторганизации, выполнившие задание ЦК на 100%

1. Астраханская	20	20
2. Архангельская	25	25
3. Амурская	20	20
4. Брянская	30	30
5. Вологодская	20	20
6. Вотобком	20	20
7. Дагестан	15	15
8. Кубано-Черноморская	70	70
9. Маробком	10	10
10. Новгородская	20	20
11. Одесская	60	60
12. Обком [республики] Немцев Поволжья	10	10
13. Саратовская	75	75
14. Царицынская	35	35
15. Чувобком	10	10
16. Забайкальская	40	40
Итого:	480	480

Продолжение

В. Парторганизации, выполнившие задание ЦК менее 100%

Наименование парторганизации	Наряд ЦК	Фактически послано в деревню на 12 мая 1924 г.
1. Алтайская	55	45
2. Башкирский обком	55	23
3. Волынская	25	21
4. Донской обком	55	54
5. Екатеринославская	60	30
6. Карельский обком	15	10
7. Киргизский обком	150	50
8. Калмыцкий обком	10	9
9. Калужская	30	29
10. Киевская	60	56
11. Омская	50	46
12. Пензенская	35	34
13. Полтавская	45	31
14. Самарская	50	25
15. Ставропольская	25	16
16. Томская	50	33
17. Уральский обком	120	77
18. Ферганская	20	18
19. ЦК Азербайджана	60	11
20. Черниговская	25	24
Итого:	995	642
Всего:	2695	2807

Г. Парторганизации, не приславшие отчетности

1. Аму-Дарьинская
2. Джетысуйская
3. Иркутская
4. Зырянский обком
5. Донецкая
6. Горский обком
7. Крымский обком
8. Татарский обком
9. Самаркандская
10. Туркменская
11. Сыр-Дарьинская
12. ЦК Армении
13. ЦК Грузии
14. Якутская

Проект предложений о мобилизации «3000» в деревню

1. Признать общий ход мобилизации трех тысяч коммунистов в деревню в общем и целом удовлетворительным.

2. Поручить Орграспреду ЦК дать необходимые указания ГК и ОК, кои не закончили мобилизацию, а также не прислали отчеты о мобилизации.

3. Поручить ГК принять меры к улучшению материального положения наиболее низко оплачиваемых категорий из мобилизуемых в деревню, используя для этого местные средства и возможность, в частности, объединения или ликвидацию параллельных учреждений в целях увеличения заработка командируемым для работы в деревне.

4. Поручить Орграспреду приступить к систематическому изучению результатов мобилизации «3000», в частности, степень акклиматизации и закрепления мобилизованных в деревне, причины и способы обратного возвращения мобилизованных из деревни и т. п.

5. Признать необходимым выработать на основании учета опыта и результатов мобилизации «3000» директив о дальнейшем плановом усилении деревни партработниками.

Р о ш а л ь

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6/н, ед. хр. 125, лл. 71—75.— Подлинник.

№ 4

Сводка Информационного отдела ЦК РКП(б) о работе парткомов по укреплению деревни партработниками

2 декабря 1924 г.

Формы и методы работы по подготовке и проведению в жизнь мероприятий по посылке работников в деревню

Наиболее полную картину о проведении подготовительной работы и самой посылки работников в деревню дают материалы Саратовского губкома. Саратовский губком, проведя мобилизацию в деревне, по заданию ЦК РКП предложил орграспреду провести таковую еще осенью. В этом направлении ему было поручено вести подготовительную работу на основе учета опыта проведенной мобилизации с целью выяснения слабых мест в деревне.

Руководство работой было возложено на специальную комиссию в составе представителей орграспреда и агитпрома губкома и соответствующего райкома с участием в комиссии представителей губкома, КК и КСМ.

Количество потребных работников, учтенное на основе запроса мест, было распределено по районам. Последние производили подбор работников совместно с президиумом ячеек и самими ячейками. Затем райком вновь обсуждал каждого кандидата, и только после этого списки посылались в комиссию. Последняя в свою очередь, после тщательного отбора (было представлено 300 человек, отобрано из них 160 человек), представляла на утверждение президиума губкома. Подобная комиссия была организована также при Псковском губкоме.

Донецкий губком и Кубанский окружком, давая директивы о мобилизации в деревню, предлагают производить таковую путем тщательного подбора кандидатур, согласовывая их с орграспредом губкома.

Наряду с мобилизацией работников в деревню Московский губком и Кубанский окружком постановили проводить при посылке работников в деревню принцип добровольности. Кубанский окружком на заседании от 3 октября постановил: «Наряду с мобилизацией объявить по райкомам и ячейкам открытые записи товарищей, считающих себя подготовленными и желающими пойти на работу в деревню». Кроме того, совещание при МК от 28 октября считает, что в дальнейшей работе необходимо обратить больше внимания на подготовку и выдвижение в уездах и волостях местных работников, а также усиление волости работниками уездного масштаба. Из Москвы в уезды решено посылать главным образом квалифицированных работников, рядовых лишь в виде исключения.

В ы п о л н е н и е з а д а н и й Ц К (3000)

Точные данные по этому вопросу имеются только по 5 губерниям (Саратовской, Псковской, Нижегородской, Подольской, области Коми), из коих видно, что разверстка не только выполнена полностью, но и проведены дополнительные мобилизации. Так, по Нижнему-Новгороду было сверх задания ЦК мобилизовано 14 чел., кроме того предшествовавшая

мобилизация дала 84 работника. По Царицынской с 1 апреля по 25 сентября мобилизовано 167 чел. Псковским губкомом постановлено мобилизовать 287 чел. и на 1 октября выполнено уже 81% предположения. Подольский губком в счет 25 человек (по разверстке ЦК) послал 29 товарищей и при повторной мобилизации (в августе месяце) мобилизовал 30 товарищей. Ульяновский губком постановил мобилизовать в деревню 5% городской организации и т. д.

В общем, имеющиеся материалы говорят за то, что губкомы эту работу считают не эпизодической, а повседневной и не ограничиваются выполнением разверстки, преподанной на сей счет со стороны ЦК, а идут по пути расширения этого количества, исходя из нужд мест.

Состав мобилизуемых

Что касается состава посылаемых работников в деревню, то в этой области уже совершенно не представляется возможным дать обобщающей картины. Например, о социальном составе имеются цифры только по Саратовской и Нижегородской губерниям, из коих видно, что преобладающий % составляют рабочие. По Ново-Николаевской губернии преобладают крестьяне. По партстажу по Саратовской и Ново-Николаевской губерниям преобладают вступившие в партию в 1919 и 1920 гг. По масштабу работы они разделяются на уездных, районных и рядовых работников, причем, как, например, по Нижегородской организации в первую мобилизацию преобладали исключительно рядовые.

Распределение мобилизованных по отраслям работы в деревне

При посылке работников в деревню губкомы старались удовлетворить потребности мест во всех отраслях деревенской работы, но, тем не менее, нужно отметить, что, несмотря на всю важность в настоящий момент кооперативной работы, кооперативных работников послано почти всюду мало. Так, например, по Нижегородской губернии из 178 человек, мобилизованных на работу в деревне, на кооперативную работу послано 33 товарища, в то время как на советско-административную послано 85 человек, или по Царицынской губернии из 167 чел. послано на партийную — 62, советско-административную — 52, кооперативную же — только 16. По Москве из 190 чел. на кооперативную работу послано 6 чел. Правда, частично вина губкомов в этом направлении смягчается тем обстоятельством, что кооперативных работников весьма недостаточно. Некоторые губкомы, чтобы восполнить этот пробел, создали кооперативные курсы.

Недостатки в работе при мобилизации в деревню

В подборе работников отмечается не всегда надлежащий подход со стороны парткомов, в силу чего посылались частично товарищи, не годные для деревенской работы. «Из 93 мобилизованных товарищей оказались 10 человек слабыми» (Информотчет Ново-Николаевского губкома за июль — август месяцы). «Из присланных МК 13 человек Волоколамским укомом использовано только 7 чел., остальные оказались слабыми» (МК). «Командированные товарищи не удовлетворяли основным требованиям» (Область Коми, из отчета к VI конференции).

Из других отрицательных явлений, обнаруженных при мобилизации, необходимо отметить следующие: 1) нетвердая местная линия в использовании работников, в силу чего таковые зачастую возвращались обратно, 2) неправильное их использование, 3) наличие толкования учреждениями так называемых «незаменимых» работников.

Отношение мобилизованных к их посылке в деревню

Отношение мобилизованных к их посылке в деревню в общей массе сознательное, но наблюдаются случаи отказа, уверток от поездки в деревню путем представления различного рода документов о болезни и т. д.

Большим тормозом в работе мобилизованных является местами их плохое материальное положение (Нижний Новгород, Томск), что вызывает у последних желание возвращения обратно в город.

Что касается результатов этой мобилизации в отношении работы посланных на места, пригодности их для деревенской работы, отношения к ним населения и местных партячеек, то таковых материалов не имеется.

Тамбовский губком постановлением от 11 октября решил с целью изучения вопроса о работе мобилизованных в деревне созвать при Тамбовском укоме совещание из посланных в деревню товарищей. Одесский губком предложил всем райкомам поддерживать связь с посланными на село.

Информотдел ЦК РКП(б)

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 127, лл. 54—57.— Подлинник.

№ 5

Материалы к докладу заместителя заведующего Орграспредотделом М. М. Хатаевича на заседании Секретариата ЦК РКП (б) Об итогах мобилизации «3000» и дальнейшем укреплении деревни работниками

Не позднее 23 января 1925 г. [1]

1. Как проходила работа

Директива ЦК о посылке «3000» членов партии для работы в деревню (циркуляр ЦК № 92 от 13 февраля 1924 г.) была выполнена большинством организаций в количественном отношении еще до партсъезда [3)] и вскоре после того.

По данным Статотдела ЦК, по 70 организациям (из 83) в счет 3000 послано в деревню 3455 чел. Эта цифра — неполная, и в действительности число мобилизованных, несомненно, больше. На это указывает тот высокий процент, который мы имеем по ряду организаций: в Иваново-Вознесенске разверстка выполнена на 271%, в Костроме на 160% и т. д. Однако отдельные организации (Адыгеево-Черкесская, Горская, Грузинская и некоторые другие) или не проводили совсем мобилизации, или проводили ее слабо, ссылаясь на то, что они как организации крестьянских районов «проводят все время эту работу» (Адыгеево-Черкесский ОК) или что «направление сразу большого количества работников (70 по разверстке ЦК) в уезды не является необходимостью» (Грузия). Киргизский обком, отмечая общую слабость кампании по усилению деревни работниками, объясняет ее «недооценкой всей серьезности кампании губкомитетами», в результате чего процент выполнения мобилизации был невысок.

---

[1] Датируется по докладу т. Хатаевича на заседании Секретариата ЦК 23 января 1925 г. (см. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 127, л. 58).

При проведении мобилизации наблюдалось, что в первое время главное внимание было обращено на количественное выполнение задания. Данные по отдельным организациям показывают, что не было проведено нужной подготовки кампании в партийной массе (были факты, когда ячейки отказывались выделить работников, ссылаясь на отсутствие подходящих товарищей (Харьков); иногда ячейки выделяли работников не то что в виде наказания, а для «воспитания»; не были учтены нужды мест в работниках (мобилизованные посылались просто «для работы в деревне», «в распоряжение ЦК»); не проводилось надлежащего отбора (среди мобилизованных по Украине было 7% кандидатов в члены партии); посылались товарищи, слабо подготовленные или связанные с семьей и не могущие фактически работать; недостаточно учитывалось материальное положение, национальный момент (на Украине среди посланных в деревню по мобилизации было только 31% украинцев, 39% русских и свыше 20% евреев). ЦК Украины, например, подводя первоначальные итоги мобилизации, констатировал все указанные недостатки и дал соответствующую директиву на места.

Почти всюду вначале выдвигался принцип добровольчества, но в большинстве организаций он не оправдал себя. Добровольно шли в деревню единицы. Очень вероятно, что тут имела место недостаточно хорошо организованная подготовка, не было создано нужной атмосферы, не выяснена в должной степени задача и т. д., так как добровольцы были все-таки почти в каждой губернии.

Положение меняется после указаний ЦК ряду губкомов (в связи с недородом) о необходимости еще большего внимания со стороны организаций усилению деревни, еще большего укрепления, в частности, неурожайных районов.

Ряд губкомов проводит вторичные мобилизации. Саратовский ГК повторно мобилизует 200 чел., Кабардино-Балкарский ОК вновь перебросил 15 чел., Царицынский ГК послал в деревню дополнительно 140 чел., Уральский ОК проводит новую переброску перед перевыборами Советов. Вологодский ГК вновь мобилизовал 20 чел., Подольский — 30, Новгородский — 14 и т. д. Многие губкомы (Одесса, Киев, Царицын, Рязань, Чернигов и др.) продолжают укреплять деревню систематически, ежемесячно (Одесса) выделяя определенное количество работников из городских районов для работы в деревне.

Можно безошибочно считать, что число посланных от начала кампании в деревню значительно превышает 5000 чел.

Работа теперь проводится уже более организованно. Многими губкомами создаются комиссии для проверки мобилизованных, отбор производится более тщательно. Так, в Саратове из 300 мобилизованных, после проверки комиссии, послано было только 160; в Одессе послано 50% мобилизованных; в Ленинграде из 150 освобождены от посылки 70. То же имело место в Белоруссии, в Вотской области и других организациях.

Мобилизованные проверялись как в смысле пригодности для работы в деревне, так и в отношении настроения, желания работать в деревне, семейного положения и т. д. Были случаи (Царицын, Тверь), когда комиссии отводили ту или иную кандидатуру, несмотря на выраженное желание ехать в деревню, считаясь с тем, что товарищ по своим данным был недостаточно подходящим для села. Точно так же явно не желающих работать в деревне или «ноющих» комиссии чаще всего не пропускали.

Большим тормозом при проведении работы являлось материальное положение. От него в значительной степени зависел подбор работников. Хорошие, подготовленные и пригодные для работы в деревне товарищи, несмотря часто на их желание работать в деревне, не могли туда посы-

латься в силу их многосемейности и невозможности обеспечить им достаточный заработок на месте.

Случаев отказов от поездки в деревню было мало. В Царицынской губернии из 35 мобилизованных в первый раз отказалось от поездки двое, оба ответработники. Последнее обстоятельство отмечается рядом губкомов: ответственные работники, как общее правило, едут в деревню менее охотно. Очевидно, здесь имеет место нежелание расстаться с преимуществами, которые дает обеспеченная жизнь в городе.

Почти везде вставал вопрос о том, на какое время посылают в деревню. Выдвигались предложения определить срок пребывания там, и отдельные губкомы неофициально указывали примерный срок в один год.

Больше учитывались также конкретные нужды в деревне в работниках, и в известной степени контингент мобилизуемых согласовывался с потребностями мест.

Кроме того, во многих организациях мобилизованных провели через специальные 2—4-недельные курсы, как некоторые[1] через инструктивные совещания. В большинстве курсы носили характер теоретической подготовки, но иногда на них проводились и практические занятия. Так, Татарский обком посылал работников на практическую работу в учреждения, по линии которых предполагалось использовать их в деревне.

Таким образом, в работе по укреплению деревни можно отметить два периода: до партсъезда и после него до настоящего момента. Однако провести грань между ними можно только по линии характера работы, количественные же результаты и общие итоги укрепления деревни необходимо объединить.

Последующие данные относятся в целом ко всей работе по укреплению деревни.

2. Кто послан в деревню и на какую работу

Мобилизованные характеризуются следующими данными (по сведениям Статотдела ЦК): по возрасту главную массу их составляют товарищи от 24 до 36 лет (65%), по партстажу 50% с 1919—1920 гг. и около $1/3$ со стажем с 1917—1919 гг. Около 50% среди мобилизованных — рабочие, другая половина — в большинстве служащие. Немного более половины рядовых работников, свыше $1/3$ работников уездного и губернского масштаба. Эти данные, если сравнить их с аналогичными данными мобилизации 1923 г., показывают, что состав посланных в деревню в этом году лучше, чем прежде. Среди посланных в деревню в 1923 г. большое место занимала группа с партстажем с 1921 г. и позже, т. е. тогда посылался народ более молодой в партийном отношении, а следовательно, менее выдержанный, повысился процент ответработников среди мобилизованных. Правда, сейчас мы имеем зато увеличение процента служащих.

По имеющимся данным видно, что в деревню посылались больше всего рабочие с производства и работники соваппарата. По Украине советский аппарат дал в деревню почти 40% всех мобилизованных, по Рязанской губ.— канцелярские работники, т. е. главным образом совслужащие, составляют 30% мобилизованных, в Тверской губернии из 161 мобилизованных с советской работы взято 77 чел., с производства — 24 чел.

По сведениям Статотдела ЦК, более 30% всех мобилизованных направлено на совработу (по Украине 40%, в Тверской губ. свыше 50%). На втором месте, в смысле укрепления, стоит партийный аппарат (1,6), на третьем — кооперация (1,8) и дальше профсоюзы и культпросветучреждения.

[1] Так в тексте.

По сравнению с переброской 1923 г., кооперативные и другие общественные организации усилены больше (в Н.-Новгороде из 178 посланных на кооперативную работу пошло 33, Царицын из 167—16), но все же характерно, что усиление деревни идет главным образом по линии совпарата. Можно сказать, что задача укрепления общественных организаций, в частности культурно-просветительных, выполнена не полностью.

Большим достижением является то, что 80—85% мобилизованных направлены действительно в деревню и только 15% (в некоторых местах до 20%) задержались в уездных центрах. В Царицынской губ. из 176 посланных — 122 направлены на работу в волости и села, в Пензенской из 124 на низовую работу пошло 97. Однако ряд организаций отмечал, что большая часть работников оставлена в волостях (районах). Вот примеры, взятые из анкетного опроса секретарей ячеек, участников Украинского сельсовещания: прибыло по мобилизации со времени партсъезда — 6. В районе осталось — 5 (Мало-Кутвищенский район Винницкого округа Подольской губ.); прибыло 6, осталось в райцентре — 4 (Криничевтовский район Екатеринославской губ.) и т. д.

Мнение большинства секретарей райкомов таково: «нужно укреплять район, а на селе выдвинуть деревенский актив».

3. Насколько пригодными оказались посланные в деревню и как они там привились

На 2/3 по крайней мере мобилизованные оказались пригодными. Гомельский губком указывает именно такую цифру, отмечая, что 1/3 оказалась неподходящей для работы в деревне, чувствует себя в «гостях на колесах». По Саратовской губ. только 40—50% работников освоились с обстановкой.

Пензенский губком определяет, что 30% мобилизованных подошли к деревне и там привились; 50%, по мнению губкома, колеблются, в деревенскую работу не втягиваются, и пользы от них мало. 1/3 мобилизованных по Пензенской губернии вернулись обратно, оказавшись непригодными для деревни.

Случаи возвращения имели место в Саратовской губ. Из числа 14 чел. вернувшихся 8 не могли примириться с тяжелым материальным положением, 2 возвращены на учебу в город, 2 оказались преступным элементом и 2 все время ставят вопрос о возвращении их в город.

В дополнение к сказанному приведем выдержку из сообщения Саратовского губкома об итогах укрепления деревни.

Некоторая часть товарищей, слабо приспособленных к деревенской обстановке, после нескольких месяцев работы теряет энергию и ставит в УК вопрос о переброске.

Часть наиболее развитых товарищей (20—25%), знакомых с деревенской действительностью, настолько вошла в курс работы, завоевала симпатию и доверие окружающих партийцев и крестьян, что была выдвинута последними на командные должности в волостях и умело руководит работой. Есть и такие товарищи, которые, впервые попав в деревню, столкнувшись лицом к лицу с расслоением и действительным тяжелым положением крестьянства, делают слишком скороспелые и неправильные выводы как о состоянии деревни, так и настроении крестьянских масс, слишком увлекаются противопоставлением деревни городу и т. п.

Приводить другие примеры нет надобности. Очевидно, что пока процент возвратившихся в город приблизительно равен 25. По общему мнению, лучше привились посланные на советскую работу и оставленные в волости (районе). Очевидно, это объясняется лучшим материальным обес-

печением работников в волости и, в частности, председателей ВИКов. В отдельных местах наблюдалось не совсем дружелюбное отношение к присланным товарищам со стороны местных работников (местничество), но такие случаи немногочисленны. Большинство губкомов считает, что везде, где мобилизованные оказались достаточно подготовленными и выдержанными и материально сносно обеспечены, работа оживилась. Они завоевывают авторитет и в действительности проводят городское влияние в деревне.

При обследовании инструктором Татаро-Башкирской секции ЦК Челябинского округа выяснилось, что большинство присланных в волости и села работников успели уже завоевать авторитет у крестьянства и при перевыборах в Советы (речь идет о председателях сельсоветов и председателях ВИКов) единогласно и дружно переизбираются. Крестьяне говорят: «Эти справедливее, у них нет „своих" и „чужих"».

В Царицынской губернии крестьяне пишут: «побольше бы таких коммунистов в деревню». В этой губернии из всех посланных по мобилизации в волисполкомы и сельсоветы только трое при перевыборах не были переизбраны.

Саратовский губком отмечает, что лучше всего работают товарищи, знакомые с деревней, не связанные обстоятельствами, стесняющими их работу (материально обеспеченные, несемейные). В первую очередь — это секретари волкомов, председатели ВИКов. С их приездом работа оживилась, введена в плановость, устранены основные дефекты в работе партийного и советского аппарата. Вторая группа — члены ВИКов, председатели ККОВ, избачи и другие работники, стоящие не на командных, но важных постах деревенской общественности; [их] материальная обеспеченность слабее и продуктивность ниже. Первое время [они] убили на ознакомление с работой [в] новых условиях, организационное оформление порученной работы и выяснение возможности развертывания работы. Тесная связь с городом, иногда с шефячейками [4], позволяет им устранять дефекты и заинтересовывать в первую голову молодые силы деревни. Особенным успехом пользуются избачи и работники кооперации.

Третья категория — работники сельсоветов (председатели, секретари), ЕПО, заведующие нардомами, технические работники сельских учреждений, учителя, заведующие детдомами. В большинстве случаев материальная обеспеченность неудовлетворительная, условия работы труднее в деревне, нежели в волостном центре, да и к тому же большая слабость работников. В общей сложности все это создало положение, при котором осязательных результатов не видно. Некоторые из этих работников сработались и даже кое-где ведут за собою передовой слой села, молодежь, но в целом положительных результатов нет.

Можно утверждать, что вопрос о том, насколько пригодны оказались мобилизованные, как они привились на селе и каково их влияние на работу, находится в прямой зависимости от их подбора, с одной стороны, и от условий жизни в деревне — с другой. Выше указывалось уже, что 60% мобилизованных в общем оказались на своем месте, но нет уверенности, что в дальнейшем не будет иметь место отлив переброшенных обратно в город. Приводившиеся мнения губкомов по данному вопросу заставляют думать, что окончательно останется на селе вряд ли больше 40% мобилизованных (вероятно, и меньше). А это значит, что количественный результат мобилизации выразится примерно в 2000 чел.

Данные соображения подтверждаются отчасти следующим мнением Саратовского губкома: «сказать, что посланные в деревню товарищи окончательно «осели» и чужды демобилизационных настроений,— было бы глубокой ошибкой».

4. Как дальше укреплять деревню

Большинство губкомов в результате переброски приходит к заключению, что посылка работников в деревню должна проводиться планомерно, а не в порядке кампании, так как этот путь позволяет не только более тщательно учесть нужды мест и отобрать наиболее подходящих товарищей, но и провести предварительно некоторую подготовку ознакомления перебрасываемых с работой в деревне. Как указывалось выше, ряд ГК уже перешел к этому.

Значительная часть ГК подчеркивает, кроме того, что укреплять деревню силами города нужно главным образом за счет добровольцев (Саратов, Тверь, Кубанский ОК, МК и др.). Почти все ГК констатируют, что добровольно пошедшие на село лучше там привились. Наряду с этим ясно наметилась тенденция к перенесению центра тяжести в работе по укреплению деревни на выращивание и выдвижение работников в самой деревне.

Саратовский ГК считает, что «пополнение деревни нужно производить систематически и, главным образом, выращивая, выдвигая деревенских работников в самой деревне и посылая из города лишь [на] наиболее слабые участки сильных работников, с большим практическим стажем и высокой квалификацией, главным образом, на командные уездные и волостные посты деревни».

Отдельные ГК приступают уже к подготовке работников. Екатеринославский губком открывает курсы волостных работников. То же делается в Саратове, Брянске, на Урале. Сибирским крайкомом курсы деревенских работников проведены еще в июле-августе. ЦК КП(б)У организуются курсы для секретарей сельячеек на 150 чел.

В последние недели, в связи с состоявшимися решениями пленума ЦК [5)] об усилении внимания к деревне, в ряде организаций производится дальнейшее выделение работников для постоянной работы в деревне, а также мобилизуются руководящие губернские и уездные работники для временной ($1^1/_2$—2 месяца) работы в одной из волостей. Так, в Саратовской губ. послано в деревню на 2 месяца 30 ответработников, в том числе: секретарь ГК, председатель ГИКа, председатель ГСПС, председатель ГКК, все секретари укомов и председатели УИКов. В Иваново-Вознесенской губ. постановлено послать на 1—$1^1/_2$ [месяца] в деревню 60 товарищей, в том числе членов бюро ГК, зам. председателя ГИКа и других губернских работников. В Гомельской губ. уже выехали в деревню на 1—2 месяца заворготделом ГК, все секретари УК и ряд других работников. На сельсовещании при ЦК КП(б)У постановлено дать по Украине не менее 100 работников всеукраинского и губернского масштаба для работы на селе сроком не менее чем на 6 месяцев. Подобные же решения приняты состоявшимися после пленума ЦК местными пленумами губкомов в ряде других организаций. Официальных данных и материалов об этом в ЦК еще не поступило, но имеются сообщения и данные частного порядка (газетные сообщения и т. д.). На основании таких же неофициальных данных, необходимо отметить, что ряд организаций до сих пор еще никак не реагировал и на последние решения пленума ЦК (Вятка, Калуга и др.).

В отдельных местах шефские организации ставят перед собой также задачу укрепления деревни, посылая на более или менее продолжительное время из своей среды работников в подшефные села.

Таким образом, укрепление деревни в настоящий момент производится, с одной стороны, планомерной, постепенной передвижкой сил из города, с другой стороны — путем организации подготовки деревенских работников и, в-третьих,— путем посылки для временной работы на продолжительное время.

5. Итоги и выводы

Подводя итоги, необходимо сказать следующее:

Мобилизация «3000» и последующее укрепление деревни работниками, наряду с несомненными положительными достижениями, имела ряд недочетов, из которых наиболее существенными являются:

1. Недооценка отдельными организациями (национальными окраинами) значения усиления деревни работниками из города.

2. Недостаточно инициативный учет особенностей деревенской работы и потребностей мест в работниках и, как следствие, не вполне удачный отбор посылаемых, в результате чего пригодными из посылавшихся в деревню работников оказались 50—60%, а освоились с работой, «осели» и активно работают в деревне не более 30—40%.

3. Недостаточное укрепление общественных и культурно-просветительных организаций деревни.

4. Недостаточность систематичности, планомерности и учета результатов в работе.

Вместе с тем опыт этой работы показал, что лучшие результаты получаются при постепенной переброске работников, лучше прививаются и активнее работают в деревне пошедшие добровольно и переброшенные на командные посты, лучше материально обеспеченные.

В процессе работы выяснилось также, что только путем переброски работников из города укреплять деревню нельзя (посланные в деревни, села слабо привились) и необходимо усилить работу по выращиванию и подготовке сил в самой деревне.

Из всего этого необходимо сделать следующие выводы:

1. Отмечая, что количество посланных парткомами работников для укрепления деревенских парторганизаций на основании директивы ЦК от 13 февраля с. г. значительно превысило 3000 и что с момента дачи этой директивы работа на местах по укреплению деревенских ячеек партсилами все более разворачивается, констатировать, что не везде, особенно вначале, имел место достаточно тщательный подход в смысле подбора подходящих работников и обеспечения для них определенной работы, вследствие чего около 40% посланных работников вернулось обратно в город, а часть не оказалась достаточно полезной и использованной там.

2. В дальнейшем, перенеся, прежде всего, внимание партии на подготовку работников из самой деревни, продолжать пополнение деревенских парторганизаций и за счет города, придав этой работе планомерный, систематический характер и совершенно отказавшись от методов массовых мобилизаций. При этом производить тщательный отбор и проверку посылаемых.

3. При намечении работников для посылки в деревню учитывать их семейные обстоятельства и необходимость материально их обеспечить. Посылать только на определенную конкретную работу, при необходимости укрепления данной волости партсилами и при невозможности выделить на месте работника.

4. Посылать работников только на руководящую волостную (районную) работу, предпочтительно направляя их на партийную, милицейско-судейскую и культурно-просветительную работу, стремясь, чтобы на остальных постах в волости, по возможности, везде были выдвинуты на месте люди.

5. В городских парторганизациях и ячейках проводить постоянную работу по разъяснению важности укрепления деревни партсилами, с целью вызвать добровольное у отдельных членов партии стремление к поездке

на деревенскую работу. Предпочтительно при проведении работы по укреплению деревни работниками направлять добровольцев.

6. Как специальную задачу, поставить во всех парторганизациях в течение зимы укрепить работниками-пропагандистами те волости, где некому проводить воспитательную работу с вновь вступающими в партию крестьянами.

7. Всем парторганизациям более полно поставить учет результатов работы по посылке работников из города в деревню, в каких отраслях они наиболее быстро приспособляются и т. д.

Хатаевич

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б/н, ед. хр. 127, лл. 17—23.— Гектографированный экз.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Хлебопродукт — Государственное акционерное общество торговли хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами. Общество имело отделения во всех важнейших центрах СССР.— 64.

2) Союз Всеработземлеса — Всероссийский профессиональный союз работников земли и леса. В сентябре 1920 г. этот союз образовался от слияния союза сельскохозяйственных рабочих с союзом работников лесного хозяйства. Перед XIII съездом РКП(б) союз объединял до 300 тыс. членов и имел в деревне 8196 низовых профорганов. В 1925 г. Всеработземлес переименован в Союз сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР.— 78.

3) Речь идет о XIII съезде РКП(б), состоявшемся 23—31 мая 1924 г.— 78.

4) Шефячейками вначале назывались городские ячейки РКП(б), ведшие работу по культурному шефству над деревней. Инициатором шефской работы явилась Ново-Николаевская партийная организация, затем в эту работу включились Омская и Иркутская организации. Шефское движение широко охватило многие городские организации после того, как В. И. Ленин в январе 1923 г. в статье «Странички из дневника» (Соч., т. 33, стр. 422—426) отметил важность начинаний сибирских организаций и поставил вопрос о помощи городских организаций деревенским в культурно-просветительной работе среди крестьянства. В шефскую работу включились и городские ячейки комсомола, бравшие шефство над деревенскими комсомольскими ячейками. В дальнейшем возникли добровольные рабочие общества по культурному шефству над деревней.— 82.

5) Имеется в виду Октябрьский пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 25—27 октября 1924 г. (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 906—911).— 83.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ВЦСПС В ЦК ВКП(б) О РАБОТЕ ШЕФСКИХ ОБЩЕСТВ В ДЕРЕВНЕ

(1930 — 1933 гг.)

Публикуемый ниже документ — «Докладная записка ВЦСПС в ЦК ВКП(б) о проведенной работе рабочими шефскими обществами над деревней за период 1930—1933 гг.» — представляет несомненную научно-историческую ценность. В 1934 г. ВЦСПС подготовил и послал в ЦК ВКП(б) как материал к ноябрьскому пленуму справку о рабочем шефстве над деревней в годы борьбы за коллективизацию сельского хозяйства.

Настоящий документ, в отличие от ряда других известных историкам источников, содержит разнообразные материалы о рабочем шефстве за период 1930—1933 гг. Здесь имеются данные об организационном состоянии рабочего шефства, о географии подшефных районов и колхозов, сведения о финансово-материальной базе шефских обществ. Кстати заметим, что эти вопросы в опубликованных работах почти совсем не получили своего освещения, не исключая и книги Н. П. Спектора «Партия — организатор шефства рабочих над деревней (1923—1933 гг.)» [1].

Документ содержит также материалы о помощи шефских обществ крестьянству в проведении сплошной коллективизации, в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, о шефстве ленинградских и московских предприятий над хлопковыми районами СССР, о культурно-просветительной и массовой работе шефов в деревне и т. д.

Интересны разделы «Докладной записки» о формах и методах работы шефских обществ, о руководстве шефской работой, о помощи подшефных колхозов предприятиям промышленных центров и создании своих продовольственных баз.

Таким образом, даже простой перечень вопросов, затрагиваемых в публикуемом документе, свидетельствует о его бесспорной ценности. В разделе об организационном состоянии рабочего шефства говорится о росте числа членов шефских обществ с 1929 г. Так, если в 1929 г. шефские общества Ленинградской, Московской, Ивановской областей и Нижне-Волжского края насчитывали 297 660 членов, то в 1933 г. число их возросло в четыре раза и достигло 1 202 482 чел., а общее число членов по 11 районам СССР составляло почти 2 млн. чел. Среди них было не менее двух третей рабочих, а коммунистов и комсомольцев — около одной трети.

В этом отношении очень интересны сведения о социальном и партийном составе Ленинградского шефского общества.

Интересны также и данные о шефских ячейках (количество, категории), хотя они весьма отрывочны. Более или менее полные сведения име-

[1] Н. Спектор. Партия — организатор шефства рабочих над деревней (1923—1933 гг.). Госполитиздат, 1957.

ются только по Ленинградской области (1931—1933 гг.), по остальным районам приводятся только выборочные данные, характеризующие организационное состояние шефских обществ.

Большую ценность представляет раздел о географии подшефных районов и колхозов. Так, Ленинград шефствовал над Центрально-черноземной областью (ЦЧО), Сибирью, Нижней Волгой, Бурят-Монголией, Туркменией. В 1933 г. ленинградские рабочие шефствовали над 5484 колхозами, московские — над 4516, рабочие ЦЧО — над 674, Западной Сибири — над 914, Нижней Волги — над 990 колхозами и т. д.

Почти совсем не разработаны в исторической литературе вопросы о материально-финансовой базе шефских обществ, поэтому данные о средствах Ленинградского и Московского шефских обществ представляют исключительный интерес. Они показывают, что членские взносы и профсоюзные отчисления на шефскую работу составляли незначительную часть бюджета этих обществ. Основным же источником являлись средства, полученные от их торгово-производственной деятельности, причем удельный вес этих отчислений возрастал с каждым годом: в 1930 г. они составляли 33,4%, в 1931 г.— 65,7%, в 1932 г.— 85,7%, в 1933 г.— 61,2% (данные по Ленинградскому шефскому обществу). Это объясняется прежде всего тем, что шефские общества развили интенсивную деятельность в 1931—1932 гг. Небезынтересно отметить, что по мере роста доходов от торгово-производственной деятельности шефских организаций уменьшались (в абсолютных и относительных цифрах) профсоюзные отчисления и членские взносы и, наоборот, в 1933 г. эти отчисления возросли по сравнению с 1932 г. почти на 800 тыс. руб., когда резко сократились поступления от коммерческих предприятий и хозяйственные отчисления (более чем на 2 млн. руб.). Средства шефских обществ почти целиком, на 80—90%, использовались на расходы в деревне (посылка бригад, подготовка кадров, политико-просветительная работа, укрепление колхозов и пр.).

Большое место в документе отводится характеристике деятельности шефских обществ в области развертывания сплошной коллективизации и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Известно, что в начале 1930 г. на постоянную работу в колхозы было послано более 30 тыс. промышленных рабочих в счет «25 000» [1]. Однако помощь рабочего класса своему союзнику — трудящемуся крестьянству этим не ограничилась. В 1930 г. для ремонта сельскохозяйственного инвентаря и организации колхозов в деревню выезжало около 180 тыс. чел., в 1931 г.— около 90 тыс., кроме того, было почти 1,5 млн. кратковременных выездов (на 1—3 дня) [2]. На проведение хозяйственно-политических кампаний и культурно-массовой работы в деревне ленинградские шефские организации в течение 1930—1933 гг. послали 37 514 рабочих на срок от 15 до 30 дней, шефы Северного Кавказа — почти 96 тыс. чел., самарские рабочие — 19 тыс. и т. д.

Партийные и профсоюзные организации непосредственно занимались отбором кандидатур в рабочие бригады и затем тщательно обсуждали их на общих и цеховых собраниях. Перед отъездом в деревню рабочие проходили специальные семинары, инструктивные совещания и т. п. Все это положительно сказывалось на результатах шефства.

Очень интересны и сведения о том, что в связи с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 марта 1931 г. о прекращении посылки в деревню рабочих [3], занятых на производстве, шефские организации развернули широкую массово-разъяснительную работу среди отпускников по

[1] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 14, д. 89, лл. 45, 52.
[2] Там же, оп. 18, д. 16, л. 207.
[3] См. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931, стр. 844.

оказанию помощи деревне. Так, ленинградские шефские общества в 1931 г. послали для проведения хозяйственно-политических кампаний более 6 тыс. отпускников; рабочие одного из цехов завода «Красный выборжец» изъявили желание всем отправиться во время отпуска в колхозы для уборки урожая.

В публикуемом документе нашла отражение большая организаторская помощь рабочих в колхозном строительстве.

Шефы Ленинградской области за период 1931—1933 гг. организовали 1832 колхоза, вовлекли в колхозы около 30 тыс. крестьянских хозяйств, создали более 9 тыс. постоянных производственных бригад, составили более 11 тыс. производственно-финансовых планов. В результате этой работы более 6 тыс. подшефных колхозов заключили между собой договора на социалистическое соревнование.

Аналогичная работа проводилась и шефами Московской области, ЦЧО, Урала, Горьковского и Нижне-Волжского краев. Уральские рабочие, перенося опыт промышленных предприятий в деревню, создали свыше 3 тыс. постоянных производственных совещаний в колхозах, организовали около 1 тыс. ремонтных мастерских, отремонтировали более 400 тыс. единиц сельскохозяйственного инвентаря.

Серьезную работу провели шефские общества Ленинграда, Москвы, Средней и Нижней Волги, Урала, ЦЧО, Северного Кавказа, Западно-Сибирского и Горьковского краев по укреплению кадров колхозов, совхозов и МТС как в своих районах, так и в районах Средней Азии и Казахстана, поскольку для успешного развития колхозного движения кадры имели первостепенное значение. Ценность сообщаемых в документе сведений станет еще более очевидной, если учесть, что в исторической литературе вопрос о роли рабочих в подготовке колхозных кадров из среды самого крестьянства не получил сколько-нибудь удовлетворительного освещения. Между тем успехи колхозного строительства в 1930—1933 гг. были обусловлены прежде всего тем, что партия, рабочий класс сумели воспитать из среды трудящегося крестьянства десятки тысяч способных организаторов и специалистов колхозного производства.

Заслуживают внимания данные о том, что с 1933 г. «у шефских организаций наметилась тенденция закрепить подготовку кадров и перейти от системы курсовых мероприятий, обычно развертываемых перед сельскохозяйственными кампаниями, к системе стационарных комбинатов, учебных заведений и т. д.». По инициативе Октябрьского районного шефского совета г. Москвы был построен и стал функционировать учебный комбинат в Чимкентском округе Казахстана на 500 чел. для подготовки колхозных кадров из коренного населения. В Средне-Волжском крае был открыт первый шефский колхозный институт для подготовки кадров различных специальностей. 16 июня 1933 г. институт приступил к работе; был создан заочный факультет и стационар, рассчитанные на подготовку 20 тыс. чел. К весенне-посевной кампании 1934 г. институт наметил подготовить 1000 счетоводов, 1000 трактористов, 1000 кузнецов, 2000 слесарей, 1000 культработников и т. д.

Хорошо показано в документе участие рабочих-шефов в очищении колхозов от классово чуждых элементов в 1931—1933 гг. Подробно освещается культурно-просветительная и массовая работа, а также помощь шефских организаций и профсоюзов в бытовом обслуживании деревни. Эта отрасль шефской работы в нашей литературе получила более полное освещение (хотя оно и ограничивается в основном 1929—1931 гг.), поэтому нет необходимости специально останавливаться на характеристике этого раздела публикуемого документа.

Наконец, следует остановиться еще на одном вопросе, нашедшем свое

отражение в настоящем документе и заслуживающем особого внимания: речь идет об участии подшефных колхозов в продовольственном снабжении своих шефов — рабочих промышленных предприятий. Хотя в публикуемой «Записке» приводятся лишь выборочные данные по этому вопросу, тем не менее они представляют большой интерес. До последнего времени в работах, посвященных истории рабочего шефства, обращалось все внимание на помощь шефских организаций крестьянству, т. е. история шефства давалась односторонне. Помощь трудящегося крестьянства своим шефам во всех работах совершенно обходится. В этой связи раздел «Создание продовольственной базы промышленных предприятий с помощью подшефных колхозов» поможет в какой-то мере восполнить имеющийся в литературе пробел.

Публикуемый документ убедительно показывает, что в ходе борьбы за социалистическое преобразование сельского хозяйства рабочее шефство все более становилось важнейшим рычагом осуществления пролетарского влияния на колхозные и бедняцко-середняцкие массы крестьянства и средством перенесения в колхозы опыта промышленных предприятий в области организации труда. Наряду с положительными сторонами деятельности рабочих шефских организаций и профсоюзов в нем отмечается и ряд недостатков в работе в годы борьбы за сплошную коллективизацию и организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

Изучение публикуемого документа, несмотря на некоторые его дефекты (отсутствие отдельных страниц, неточность подсчетов), в совокупности с другими материалами позволит воссоздать довольно полную и объективную историю рабочего шефства в 1930—1933 гг.

И. И. Белоносов, Н. А. Ивницкий

Докладная записка ВЦСПС в ЦК ВКП(б) о работе, проведенной рабочими шефскими обществами над деревней за период с 1930 по 1933 гг.

Ноябрь 1934 г. [1]

Выборочные данные

XVI съезд партии со всей решительностью поставил перед профсоюзами задачу мобилизации рабочих масс для практической помощи в деле проведения коллективизации сельского хозяйства. После этой директивы, по решению ЦК ВКП (б), рабочее шефство было передано в систему профсоюзов, под их непосредственное руководство.

На основе решения ЦК партии (июнь 1931 г.) [1)] о состоянии работы рабочего шефства над деревней ВЦСПС даны (сентябрь 1931 г.) директивные указания о том, какое место в системе профсоюзов рабочее шефство должно занимать, о его организационном построении и по существу работы [2)].

IX съезд профсоюзов в резолюции по отчету ВЦСПС записал: «Считая важнейшей задачей пролетариата рост и укрепление совхозов (животноводческих, зерновых и технических культур) и организационно-хозяйственное укрепление колхозов, съезд обязывает все профорганизации оказывать решительную помощь советским и партийным органам в выполнении этой крупнейшей задачи, перенося опыт соцсоревнования и ударни-

---

[1] Датируется на основании пометы на документе: «Передан в ЦК партии. Ноябрь 1934 г.».

чества, борьбы за хозрасчет, внедрение сдельщины и ликвидации мелкобуржуазной уравниловки в совхозы, МТС и колхозы...», и далее: «В целях усиления борьбы профсоюзов за расширение сырьевой базы промышленности (хлопок, шерсть, лен, кожа, шелк и т. д.) съезд предлагает ЦК союза легкой промышленности развернуть шефство рабочих над сырьевыми районами и в первую очередь над совхозами и колхозами» 3).

Сейчас, когда подведены итоги первой пятилетки, проанализированы и вскрыты недочеты работы в деревне и намечены дальнейшие пути большевистской борьбы за вторую пятилетку, представляется необходимым проследить путь, пройденный шефскими организациями за указанный период времени, посмотреть, как профсоюзы и рабочие шефские организации на практике проводили директиву XVI съезда партии и постановление IX съезда профсоюзов, осуществляя тем самым производственную смычку города с деревней и претворяя в жизнь указания вождя партии и рабочего класса тов. Сталина о том, что «социалистический город может вести за собой мелко-крестьянскую деревню не иначе, как насаждая в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад». (Из речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г.) 4)

I. Организационное состояние рабочего шефского общества

Членов шефского общества

Область	1929[1] г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Ленинградская	125 342	170 829	256 306	324 716	320 056
Московская	119 000	480 000	—	—	669 000
Северный Кавказ	—	210 000	250 000	300 000	299 000
Нижняя Волга	33 318	—	110 000	—	151 695
Средняя Волга	—	—	—	—	53 000[2]
Западная Сибирь	—	—	—	—	80 197
Ивановская	20 000	—	40 000	—	62 426
Урал	—	55 660	112 000	58 000	54 000
Узбекистан	—	—	—	—	80 000
Грузия	—	—	—	—	—
ЦЧО	—	—	—	—	62 296
Западная	—	—	—	—	30 000
Украина	—	210 000	300 000	—	—

В числе членов шефского общества рабочие преобладают; это можно видеть из данных состава членов Ленинградского шефского общества.

Годы	Общее количество членов	Из них рабочих	Членов ВКП (б)	Членов ВЛКСМ	Итого членов партии и комсомольцев
1930	170 829	116 210	36 748	19 995	56 743
1931	256 306	177 014	54 985	35 341	89 326
1932	324 716	214 252	67 489	42 293	109 782
1933	320 056	193 292	33 314	23 913	57 227

Рост актива шефского общества и его состав можно проследить по данным Ленинградского и Московского шефских обществ.

[1] В тексте ошибочно: «1920 г.».
[2] К этой цифре приписано: «Самарский городской шефский совет, 108 000 по краю».

Состав Ленинградского шефского общества

Годы	Общее количество членов	Рабочих	Женщин	Членов партии	Членов ВЛКСМ	Итого членов партии и комсомольцев
1930	12 000	9 525	2 275	2 325	1 325	3 650
1931	15 000	8 250	1 100	2 500	1 100	3 600
1932	10 717	6 922	3 745	5 539	2 255	7 794
1933	19 000	12 689	3 830	4 123	2 061	6 184

Рост актива Московского шефского общества: 1930 г.— 11 929, 1931 г.— 15 000.

Число шефских ячеек, их рост и состав по категориям (заводские, учрежденческие, вузовские) характеризуются следующими показателями:

Область	1931				1932				1933			
	Всего ячеек	В том числе			Всего ячеек	В том числе			Всего ячеек	В том числе		
		заводских	учрежденческих	вуз		заводских	учрежденческих	вуз		заводских	учрежденческих	вуз
Ленинградская	1777	956	611	210	2159	1224	704	231	2612	1450	919	243
Московская[1]	764[2]	—	—	—	1869	—	—	—	2649	—	—	—
ЦЧО	—	—	—	—	—	—	—	—	499	329	170	—
Нижне-Волжская	—	—	—	—	—	—	—	—	852	—	—	—
Урал	—	—	—	—	—	—	—	—	430	—	—	—
Западно-Сибирская	—	—	—	—	—	—	—	—	1008	—	—	—
Закавказье	69	—	—	—	80	—	—	—	300	—	—	—
Ивановская	—	—	—	—	—	—	—	—	556	—	—	—

Количество шефских баз и городских и районных шефсоветов

Область	1930		1931		1932		1933	
	Баз	РШС	Баз	РШС	Баз	РШС	Баз	РШС
Ленинградская	—	6	102	7	92	8	192	18
Московская	—	—	—	—	—	—	—	—
ЦЧО	—	—	—	—	—	—	95	19
Урал	—	—	—	—	—	—	—	37
Западная	—	—	—	—	—	—	103	13
Узбекистан	—	—	—	—	—	—	300	35
Ивановская	—	—	—	—	—	—	62	—

Выборочные данные, характеризующие организационное состояние шефских обществ, отмечают повсеместный рост членства и первейшего звена шефского общества — шефской ячейки. Эта тенденция роста и обусловлена поднятием ответственности шефствующих предприятий над колхозами, совхозами и МТС.

[1] По Московской области в 1930 г. было 1544 ячейки.
[2] Сведения неполные. *Примечание документа.*

II. География подшефных районов и колхозов

При ознакомлении с географией шефства приходится исходить из двух основных положений: 1) шефство территориальное, внутри области и 2) шефство производственное, за пределами своей территории.

Например: подшефная территория Ленинградского общества.

[Годы]	ЦЧО	Сибирский край	Нижне-Волжский край	Бурят-Монголия	Туркмения	Ленинградская
1930	9	27	14	10	—	42
1931	4	4	9	—	10	72
1932	—	—	—	10	10	64
1933	—	—	—	10	10	64

До 1933 г. шефство осуществлялось над сельскими советами. После перестройки и новых задач, поставленных январским пленумом ЦК и ЦКК [5)], Ленинградское общество шефства над деревней имеет конкретное шефство над 1940 опорными колхозами в пределах подшефных сельских советов, кроме того, 3544 колхоза, охватываемые деятельностью подшефных МТС.

Подшефная территория Московской области: 1933 г. Московская обл.— 4500, Средняя Азия — 16.

Шефство ленинградских и московских предприятий за пределами своей области в Бурят-Монголии и Средней Азии обусловлено постановлениями ЦК ВКП(б) [6)], а затем Президиумом ВЦСПС (от 11 сентября 1931 г.) о шефстве над сырьевыми районами.

По другим краям и областям география шефства (объекты) видна из следующих данных:

Область	[Объекты]	1930	1931	1932	1933
ЦЧО	Колхозов	—	—	—	674
	Районов	—	42	—	33[1]
Западная Сибирь	Колхозов	—	—	—	914
Нижне-Волжский край	Колхозов	—	400	957	990
	Совхозов	—	9	—	—
	Районов	—	—	48	40
Средне-Волжский край		—	—	—	—
Северный Кавказ	Колхозов	819	—	—	156
	МТС	—	—	—	61
	МТМ	—	—	—	—
	Районов	51	—	—	13
	Национальных областей	6	—	—	6
	Сельских советов	547	—	—	—
Узбекистан		—	—	—	318
Туркмения	Колхозов	—	—	—	300
Киргизия		—	—	—	300
Каракалпакия		—	—	—	126

III. Финансово-материальная база

Анализ приходных статей баланса Ленинградского и Московского шефских обществ говорит о том, что основным источником средств являлись

[1] Из 33 районов 19 районов обслуживаются районными и городскими шефсоветами и 14 шефскими организациями г. Воронежа. Кроме этих районов непосредственно областными отделами союзов обслуживаются 30 районов. *Примечание документа.*

средства, полученные от торгово-производственной деятельности шефских организаций. В подтверждение сказанного приведем отдельные данные по областям.

Средства Ленинградского шефского общества

Приход	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1 933 г.
Членские взносы	132 457	112 195	99 623	131 031
Отработки и отчисления	179 531	212 286	165 393	21 384
Коммерческие предприятия	195 845	1 444 990	2 861 283	1 002 845
Профсоюзные отчисления	—	290 606	130 021	887 065
Хозяйственные отчисления	14 100	998 485	795 493	601 293
Прочие	111 195	662 478	206 120	142 878
Итого:	633 128	3721 040	4258 933	2786 496
Расход				
Городские (оргмассовая работа и административные расходы)	63 318	674 962	1 018 933	603 944
Деревенские	569 810	3 046 078	3 131 067	2 172 552
Итого:	633 128	3 721 040	4 258 933[1]	2 786 496[1]

Средства от коммерческих предприятий к общему приходу всех средств соответственно по годам в %% составляют: 1930 [31%], 1931 [38,8%]; 1932 [67%], 1933 [36%]; по выборочным данным 43 шефбазы Московского шефского общества на 1 октября 1931 г. поступление средств приходной части было следующее:

Членские взносы	5,0%
Отчисления ФЗМК	10,0%
Отработки	8,6%
Подсобные предприятия	50,0%

В отчете о состоянии рабочего шефства над селом на Украине за 1930 год читаем: «...[2] средства, составляющиеся из членских взносов, занимают относительно небольшое место в расходах на шефскую работу. Вспомогательным источником средств являются отработки рабочими выходных дней, субботники, специально организуемые в пределах завода; лотереи на заводе, в короткий срок было реализовано на 15 000 рублей билетов такой лотереи».

Основной расходной статьей в шефской работе являются расходы непосредственно на работу в деревне; так, по Ленинградскому обществу:

Годы	Все расходы	В том числе [в деревне]
1930	633 128	569 810
1931	3 721 040	3 046 078
1932	4 258 933	3 131 067
1933	2 786 496	2 172 552

[1] В тексте допущены ошибки: сумма расходов в 1932 г., на основании приведенных в таблице данных, составляет 4 150 000 руб., а в 1933 г.— 2 776 496 руб

[2] Здесь и далее отточия документа.

По данным 14 баз и Фрунзенского РШС Московского шефского общества за 1930 г. направление средств было следующее:

Всего израсходовано рублей	305 535[1], из них:
Посылка бригад на хозяйственно-политические кампании	125 906
Укрепление и строительство колхозов	20 742
Женработа и детские учреждения	13 268
Работа среди молодежи	2 291
Укрепление совaппарата и работа с беднотой	1 859
Политико-просветительная работа	16 546
Массовая работа в городе	23 897
Подготовка кадров	57 925
Прочие расходы	34 149

В основном, как видим, расход шел на проведение хозяйственно-политических кампаний, подготовку колхозных кадров, укрепление и строительство колхозов.

IV. Формы и методы работы шефских обществ

Основным методом шефской работы являются планы-договоры, осуществляемые на основах соцсоревнования между шефствующим предприятием и подшефным районом или колхозом. В оформлении плана-договора принимают участие все общественные и хозяйственные организации предприятия, то же и со стороны подшефного района.

Имеются случаи, когда обязательства шефствующего предприятия включаются в промфинплан предприятия.

Введение известной плановости, конкретизация принимаемых на себя обязательств несомненно способствовали расширению шефской работы, повышению ее качественных показателей, укреплению связи шефствующих предприятий с подшефными колхозами.

Одним из важнейших условий действенного существования и активной деятельности рабочего шефства является его массовость и, на основе постоянного, систематического массового общения передовиков-пролетариев с подшефным крестьянством, осуществление по отношению к нему своей ведущей организаторской роли.

Посылка рабочих бригад в деревню на проведение отдельных хозяйственно-политических кампаний, приглашение колхозников на шефствующие предприятия, массовые выезды в колхозы в выходные дни, взаимное участие рабочих и колхозников в слетах, конференциях, съездах — наиболее распространенные формы и методы работы шефских обществ.

Всю эту работу показать в цифровом выражении очень затруднительно. Отдельные выборочные данные характеризуют эту работу следующим образом:

Ленинградская область

Приезды подшефников:

	Мужчин	Женщин	Всего
1930 г.	915	430	1345
1931 г.	1938	880	2818
1932 г.	4583	1653	6236
1933 г.	4451	909	5360

Небывалая в практике шефской работы тяга к взаимной связи приняла после 1-го областного съезда, когда колхозники, находившиеся в

[1] В тексте допущена ошибка: общая сумма расходов, на основании приведенных данных, составляет 296 583 руб.

Ленинграде, ознакомились не только с шефствующими предприятиями, но завязали индивидуальную связь с рабочими-ударниками шефствующих предприятий, ведя с ними беспрерывную связь. Потребность живой связи также ярко выражается и в том массовом приглашении на участие в районных слетах колхозников-ударников, которое выразилось в 984 выездах для участия на слетах. По неполным данным, прислано колхозниками 75 писем, на которые были даны ответы. Характерные письма приводятся в виде выдержек.

Тов. Осипова — колхозница Мгинского района Ленинградской области пишет: «...Данное обещание на колхозном съезде провожу по-большевистски, хотя и не имею партийного билета».

Далее тов. Осипова подробно описывает состояние колхоза, ход весеннего сева и выполнение плана, заканчивая обещанием к 15 мая завершить сев зерновых и удержать свои позиции как лучшего колхоза по району в проведении весеннего сева.

О помощи шефов она пишет: «...Шефы оказывают нам большую организационную помощь, дали колхозу много запасных частей для сельскохозяйственного инвентаря и оказали материальную помощь в организации детских яслей и очага. Раньше у нас был свой механик, трактор большое время не работал. Приехали шефы,— трактор стал работать хорошо, а механик оказался твердозаданцем».

Но не только это делается шефами: «...Между шефами и колхозниками есть недовольствие. Шефы требуют четкой работы, своевременного выполнения плана, борются с лодырями и шинкарями, а многим это не нравится».

Тов. Осипова не только делится своими впечатлениями, она также просит совета и содействия. «У меня есть желание работать в поле бригадиршей, но секретарь партячейки не пускает и говорит, что уход за 15 свиньями ответственнее, чем работать в поле. Если я права, то прошу повлиять на секретаря».

Тов. Ильин из колхоза «Красный борец» пишет: «К массовому севу готовы, бригады разбиты по участкам; инвентарь, тягловая сила и участки прикреплены к бригадам, настроение у всех бодрое, дух колхоза крепкий».

Затем подробно описывает производственные процессы и план заданий, что безусловно характеризует хорошее знание своего колхоза. О шефской работе тов. Ильин пишет: «...Шефа у нас знают все, заключен договор, шефы помогли нам оборудовать кузницу, дали нам оборудование и инструменты. Мы тоже обязались шефу осенью доставить на колхозный базар овощи и другие сельскохозяйственные продукты».

Тов. Иванова — колхозница Волосовского района (Ленинградская область) из колхоза «КИМ» делится своими впечатлениями о колхозном съезде и встрече с рабочими города: «...Обещаем быть победителями, чтобы вы нас и в будущем пригласили на съезд, который очень много помог нам в нашей работе».

Тов. Иванова далее пишет: «...Я работаю председателем женского производственного совещания, мною открыты ясли на 35 чел. и детская площадка. Недостаточна помощь от районных организаций и очень слабая помощь от шефов (завод «Русский дизель»)».

В своем письме она очень подробно останавливается на классовой борьбе в деревне, в частности, в их колхозе кулаки Крюмберг и Петрович прилагали все усилия к тому, чтобы оставить колхозников без хлеба, симулировали неурожай, процветало воровство, пьянство и вредительство.

«...Хлеба нам досталось мало, нам объяснили, что неурожай, а нашли кулаков в колхозе, у которых очень много хлеба. Мы, колхозники, поразились (в июне месяце у Крюмберга найдено 100 пудов хлеба, у Петровича ржи 40 пуд., овса 15 пуд., мешок крупы и несколько кадок с мясом)...» [1].

«...«Ильин день» бригадиры пили вино, и были некоторые мужчины, а их не сняли [2]. И председатель ничего не сказал. Если женщина что сделает, то ей нет уступки, а мужчине есть. А председатель сам среди недели в самый разгар сеноуборочной кампании ходил удить рыбу, с ним правление мер не принимало. И бригадиры также можно сказать, что по-кулацки работают. Если рабочий спросит, сколько я сегодня заработал, то он не хочет и говорить. Больше писать нечего. С приветом Анушкова».

Цель приезда подшефников и их обслуживание

Основная цель приезда подшефников — это живая связь по вопросам колхозного производства и передачи промышленного опыта в сельское хозяйство, затем — приобретение хозяйственного инвентаря, изготовление деталей к сложным сельскохозяйственным машинам на шефствующих предприятиях и, наконец, сопровождение продукции, обусловленной договорами для шефствующих предприятий. Все прибывающие на шефствующие предприятия представители колхозов использовались с докладами и отчетами на рабочих собраниях и выступлениях через радиостудии, в беседах в обеденные перерывы. С ними проводились экскурсии по цехам, и привлекали к участию в культпоходах. Все прибывающие товарищи обеспечивались питанием, жильем и культурным обслуживанием. Для иллюстрации взаимоотношений шефа с подшефниками приводятся вырезки из газет.

Выписка из газеты «Дновец»: «Выполнили заготовки к 1 ноября, завоюем путевку на Октябрьские торжества к рабочим-шефам города Ленина».

Письмо колхозников сельскохозяйственной артели «Красное Селище» шефам рабочим трамвайного парка им. Коняшина.

«Слушайте, товарищи коняшинцы. Ваше письмо ко всем колхозникам и трудящимся единоличникам Дновщины мы с большим удовольствием прочитали в газете «Дновец» в тот памятный вечер, который у нас совпал с выборами делегатов на 3-й районный съезд колхозников-ударников. Тщательно мы обсудили ваше приглашение лучшим колхозникам приехать на Октябрьские торжества к вам в Ленинград и условия на право получения путевки. Мы рапортуем вам, что первая заповедь — зернопоставки нами выполнена полностью. Мы приложим все усилия к тому, чтобы план льнозаготовок не только нами, но и всем сельсоветом выполнить не позднее 1 ноября — высококачественным волокном, а также успешно справиться со всеми сельскохозяйственными работами. Мы объявляем свой колхоз ударным и все силы приложим к тому, чтобы путевка в гости к шефам была нами с честью завоевана. И мы даем вам честное колхозное слово, что когда вы приедете к нам в колхоз, то увидите настоящий большевистский колхоз с зажиточными колхозниками.

По поручению общего собрания подписались:

председатель колхоза — Петров, колхозники: Митрофанов, Павлов, Большаков, Скороходов, Степанов, Ларионов».

---

[1] Далее текст пропущен.

[2] В тексте ошибочно: «а у них не сняли».

Посылка бригад в деревню:

[Годы]	Ремонтных	Организационно-массовых	По проведению хозяйственно-политических кампаний	Счетоводов	Итого
1930 г.	1 040	4 554	2 415	—	8 009[1]
1931 г.	1 280	4 730	1 545	—	7 555
1932 г.	1 640	6 248	4 057	—	11 945
1933 г.	1 640	3 407	4 633	334	10 014

В среднем, срок пребывания бригадников в деревне — от 15 дней до 30 дней, причем основная масса бригадников относится к весенней посевной и уборочной [кампаниям].

В направлении рабочих представителей в деревню следует отметить, что 1931 г. отличается от прошлых лет более тщательным подбором посылаемых бригадников через партийные и профессиональные организации предприятий, обсуждением их кандидатур на общих и цеховых собраниях и вынесением наказов, более лучшей подготовкой перед отправлением в деревню через специальные семинары, инструктивные собрания и снабжение литературой и памятками.

Мартовское постановление ЦК ВКП(б) и СНК о прекращении отправления в деревню рабочих, занятых на производстве, послужило мощным толчком шефским организациям к более широкому развертыванию массовой работы среди отпускников и подготовке их к организованной посылке. В результате чего направление в деревню рабочих представителей повысилось с 2601 чел. в весеннюю кампанию до 3409 на осенний сев и уборку урожая.

На заводе «Красный выборжец» при проведении еще весеннего сева рабочие одного из цехов пожелали отправиться во время отпуска в колхозы для уборки урожая. На фабрике «Большевичка» также еще весной подготовлялась поездка работниц-отпускниц на уборку урожая.

Северный Кавказ

В 1930 г. было послано на село 3168 рабочих бригад с количеством 12 772 чел.; в 1931 г. только на подготовку и проведение весенней сельскохозяйственной кампании было послано 3552 бригады с количеством 30 тыс. человек. Помимо того, в прополочной, уборочной и хлебозаготовительной кампаниях участвовало по линии профсоюзов и шефских организаций 215 тыс. человек, из которых в одном только Ворошиловском субботнике было занято 153 тыс. человек.

Резкое увеличение в 1931 году количества посылаемых на село рабочих бригад свидетельствует об известном переломном периоде в деревенской работе профсоюзных и шефских организаций и о том, что профсоюзам и шефам удалось организовать действительный социалистический поход города на помощь деревне для организации колхозников.

Посылаемые профсоюзами и шефскими организациями в помощь по проведению основных хозяйственно-политических кампаний в деревне рабочие бригады проделали огромную работу. Однако только сельскохозяйственного инвентаря (тракторы, молотилки, сажалки, плуги, хода и пр.) рабочими бригадами и шефствующими предприятиями было отремонти-

[1] В тексте ошибочно: «8000».

ровано в 1931 г. 23 356 штук. В Ворошиловском субботнике отработано 150 тыс. трудодней. Наряду с этой работой, рабочими бригадами и шефами были организованы сотни колхозов как в подшефных районах и селах, так и сельскохозяйственных районах, не охваченных шефством.

На отдельных предприятиях произошел большой сдвиг в работе шефобщества. Были найдены новые социалистические формы смычки рабочего класса с колхозниками, выражающиеся в том, что ряд рабочих коллективов (Сельмаш, «Красный Аксай», «Красный штамповщик», фабрика им. Микояна и др.) взял обязательства, по которым, отвечая за выполнение промфинплана своего предприятия, эти предприятия отвечают и за выполнение сельскохозяйственного плана в подшефных районах.

В связи с задачей завершения сплошной коллективизации и подготовки к весеннему севу, а также к уборочной и хлебозаготовительной кампаниям профорганизациями была развернута широкая работа по подготовке кадров для сельского хозяйства.

Профсоюзные и шефские организации, по неполным данным, в 1930—1931 гг. пропустили через двухнедельные курсы 3874 колхозников и единоличников и 7680 человек рабочих по пролетарским центрам края. Особенно необходимо указать на организованный профсоюзами агроколхозный поход весной 1931 г., благодаря которому, по неполным данным, силами профсоюзного актива было пропущено через краткосрочные курсы 180 тыс. колхозников и единоличников и 127 тыс. человек членов профсоюзов.

К уборочной и хлебозаготовительной кампаниям 1931 г. шефорганизациями были организованы курсы руководящих работников колхозов, через которые было подготовлено, по неполным данным, 9840 чел. Проведена также огромная работа в области культурного строительства на селе, выразившаяся в ремонте школ, строительстве и организации изб-читален, библиотек, организации радио и кинообслуживания, работе по ликвидации неграмотности и малограмотности и т. д.

Посылка людей в следующие два года (1932, 1933) соответственно была: 20 123 человека и 33 138 человек.

Белоруссия[1] — 1933 г. Было послано бригад — 654, в них людей — 1846 человек. На постоянную работу: председатели сельсоветов — 39 человек, председатели колхозов — 107 человек, счетоводов — 65, рабочих в МТМ и МТС — 17 человек.

Урал

В период весенней посевной кампании 1930 года для оказания практической помощи в проведении сева и для обслуживания культурно-массовой работой, по данным 19 обкомов союзов, было послано в деревню 1422 бригады с числом 6611 человек. Некоторые из этих бригад находились по 3—4 месяца...[2].

...и улучшения своего производства, а также по линии шефской работы в подшефном колхозе. А со стороны колхозов, в свою очередь, даются обязательства по выполнению всех очередных сельскохозяйственных кампаний и по организации хозяйственного укрепления колхозов.

Начиная с 1933 г., по краю широко развернуто шефство над колхозными бригадами, а также цехов с колхозными бригадами.

За 1929 и 1930 гг. в Самару приезжало 150 колхозников, в последующие годы приезд значительно возрос: так, [в] 1931 и 1932 гг. колхозников приезжало в Самару 28 000 человек.

---

[1] Сведения по Белоруссии вписаны от руки (см. л. 14 об.).
[2] В тексте пропуск: начало подраздела по Средне-Сибирскому краю.

В 1933 г. в Самару приезжало свыше 150 000 человек.

В свою очередь и рабочие шефы принимали участие в слетах, конференциях в своих подшефных колхозах, эти выезды характеризуются следующими цифрами:

За 1930 г. выезжало	500 чел.
За 1931/32 г.	более 10 000 чел.
За 1933 г.	около 15 000 чел.

Посылка бригад по годам:

1929/30 г. по гор. Самаре	1 500 чел.
1930/32 г. » » »	8 500 чел.
1933 г. » » »	9 000 чел.

V. Организаторская помощь шефобществ в развертывании сплошной коллективизации и организационно-хозяйственном укреплении колхозов

Основная роль шефов — быть организатором и застрельщиком различных мероприятий, направленных на успешное социалистическое строительство в деревне. Эта работа характеризуется следующими выборочными показателями. Шефами организовано:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Колхозов			
Ленинградская обл.	1025	546	261
Колхозных производственных бригад			
Ленинградская обл.	544	5 349	3 568
ЦЧО	—	1 635	—
Западная Сибирь	—	—	2 400
Урал	229	1 488	1 469
Горьковский край	—	—	6 587
Производственных совещаний			
Урал	229	955	2 035
Нижне-Волжский край	331	533	—
Ремонт. мастерских			
Ленинградская обл.	220	384	187
Урал	—	—	995
Нижне-Волжский край	429	—	—
Вовлечение в колхозы			
Ленинградская обл.	17 375	6 177	5 969
ЦЧО	3 070	—	7 955
Нижне-Волжский край	—	—	3 105
Заключение соцдоговоров между колхозами			
Ленинградская обл.	1478	2 441	2 329
ЦЧО	—	494	—
Горьковский край	—	—	1 318
Нижне-Волжский край	810	612	512

Продолжение

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Заключение соцдоговоров между бригадами			
ЦЧО	—	354	—
Урал	—	—	1 398
Горьковский край	—	—	5 264
Составлено производственных финансовых планов			
Ленинградская обл.	3 966	4 179	3 468
ЦЧО	—	—	904
Горьковский край	—	—	1 732
Отремонтировано сельскохозяйственного инвентаря			
Ленинградская обл.	1 5000	1 7089	30 897
ЦЧО	1 326	8 5882	26 002
Урал	3 1236	1 89500	204 827
Горьковский край	—	—	17 031
Нижне-Волжский край	76 579	7 9818	42 972

Попутно даем показатели по Московскому шефскому обществу, относящиеся к весеннему севу 1933 г. Шефскими организациями было обслужено 4650 колхозов и 61 МТС. Оформлено шефство договорами с колхозами — 1670; заключено договоров с цеховыми бригадами и колхозными бригадами — 229. На проведение весеннего сева было послано 12 490 человек, из них по ремонту — 2065; счетных работников — 1379 и медработников — 528. Шефские организации развернули массовую подготовку кадров к весеннему севу, [охватив] 40 000 человек, на это израсходовано только по 7 районным шефсоветам 270 300 руб. Подшефным колхозам оказана была большая производственная помощь. Всего составлено производственных финпланов в 1257 колхозах.

Отремонтировано 30 тыс. единиц сельскохозяйственного инвентаря. Вновь организовано 215. Не менее большая работа проделана и по культурно-бытовому обслуживанию колхозников: организовано ясель и детплощадок — 1238, изб-читален, красных уголков — 600, медпунктов — 26, кружков — 203; в 62 колхозах были выпущены стенгазеты.

Из других видов организационно-хозяйственной помощи шефов подшефной деревне следует указать на такие мероприятия, как содействие строительству электростанций, силосных сооружений, посылка инструментов, железа, гвоздей, сбор тары и т. д.

Ленинградские шефы отправили:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Железа	300 тыс. кг	294 тыс. кг	400 тыс. кг
Гвоздей	160 кг	2432 кг	6242 кг
Построили электростанций	14	25	4

Строительством электростанций в подшефных колхозах и МТС занимаются шефские организации Московской области. При шефбюро МОСПС организовано консультационное бюро с участием лучших технических представителей инженеров и профессоров для разработки проектов строительства электростанций в МТС и колхозах. Завод Батищево — Тула, завод выстроил станцию в Кораблинской МТС. Ячейка Энерготрестов (Тула) на 2 километра электрифицировала подшефный колхоз и установила мотор в молотилку в колхозе им. Горсовета. Эти мероприятия при-

обрели особое значение в уборочную кампанию и заготовительную, они ускорили темпы обмолота и хлебосдачи.

Шефы ЦЧО в 1931 г. собрали 102 370 мешков, шефские организации Урала в 1933 г. направили в деревню инструментов — 1024 комплекта, железа — 25 264 кг. тракторов — 1 766 штук и автомашин — 159.

Шефы Горьковского края направили 90 ящиков стекла. Сочетая производственно-техническую помощь с организаторской и культурно-политической помощью, шефские организации проделали громадную [работу]... [1].

...районах Узбекистана, Таджикистана и Казахстана. Ими было подготовлено:

Рулевых и трактористов	55 чел.
Председателей колхозов	102 »
Бригадиров	365 »
Полеводов	126 »
Поливальщиков	90 »

По инициативе Октябрьского РШС построен и пущен учебный комбинат в Чимкентском округе Казахстана на 500 человек для подготовки колхозных кадров из местных коренных националов. На организацию колхозного комбината в Октябрьском РШС отпущено 90 тыс. рублей, собранных шефскими организациями предприятий, шефствующими над сырьевыми районами.

К весеннему севу 1933 года московскими шефами для колхозов Московской области подготовлено около 40 тыс. человек.

Подготовка кадров велась и по другим областям. Так, по неполным данным [подготовлено]:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Нижне-Волжский край	10 011	78 818	22 168
ЦЧО	—	25 000	—
Средняя Волга	—	20 000	—

Роль шефских организаций не ограничивалась одной подготовкой [кадров], в центре их внимания стоял все время вопрос о посылке в подшефные районы и колхозы постоянных работников для подкрепления местного партийного, советского и колхозного аппарата. За последний, 1933 год к весеннему севу и уборочной было послано на постоянную работу:

Шефскими организациями	Московской обл.	551 чел.
» »	Западно-Сибирского края	1207 »
» »	Урала	362 »
» »	Горьковского края	242 »
« »	Нижне-Волжского края	747 »
» »	Ленинградской обл.	593 »

Методом агро-культурного похода пропущено в 1932 г. через краткосрочные курсы по промышленным областям (Москва, Нижняя Волга и Северный Кавказ) — 407 тыс. чел. В работе шефских организаций Средней Азии подготовка кадров занимала также существенное место. К весеннему севу 1933 г. было подготовлено и переподготовлено 2170 человек (шефскими организациями Ташкента, Самарканда, Ферганы и Коканда).

За последний год у шефских организаций наметилась тенденция закрепить подготовку кадров и перейти от системы курсовых мероприятий, обычно развертываемых перед сельскохозяйственными кампаниями, к системе стационарных комбинатов, учебных заведений и т. д.

[1] В тексте пропуск: начало VI раздела «Подготовка кадров для колхозов».

Кроме почина в этом отношении Октябрьского районного шефсовета г. Москвы, организовавшего в Чимкентском округе Казахстана учебный комбинат с пропускной способностью 500 человек, мы имеем прекрасный опыт подготовки колхозных кадров в Средне-Волжском крае.

По инициативе Самарского городского шефобщества в крае открыт первый шефский колхозный институт для подготовки кадров разных специальностей, в первую очередь три счетные группы, которые начали свою учебу 16 июня по учебным программам и планам, утвержденным крайпросом и крайОНО. Институтом разработаны и заключены с треугольниками шефских организаций специальные соцдоговора, в которых треугольники дали обязательства по части обеспечения колхозников-стажеров питанием, квартирой и стипендией в размере 20 руб. в месяц. Институт развернул свою работу первоначально путем охвата по линии заочного факультета и непосредственно на производстве — колхоза, совхоза, МТС. Этим путем намечено подготовить 10 000 человек. Кроме того, непосредственно при институте в Самаре около 10 000 человек. Всего, следовательно, институт выпустит в 1934 г. 20 000 чел. Срок обучения намечается от одного года до 2—3 лет, с перерывом на практические работы. Свыше 200 высококвалифицированных специалистов г. Самары дали институту соцобязательство прочитать 4000 академических часов в порядке шефства по отдельным дисциплинам учебного плана.

Сейчас группа специалистов разрабатывает проект выпуска специального «Займа техучебы колхозникам-специалистам», который даст значительный подъем участников работы шефского института Средне-Волжского края. К весенне-посевной кампании 1934 года институт наметил подготовить счетоводов 1000 человек, трактористов — 500 человек, повысить квалификацию трактористов в количестве 500 человек, кузнецов-колхозников — 1000 человек, слесарей из колхозников — 2000 человек, бригадиров — 500 человек, культработников — 1000 человек, конюхов — 500 и машиноведов — 300.

Белоруссия[1] — 1933 г. Подготовлено счетоводов путем краткосрочных курсов и методом прикрепления к бухгалтерским счетным работникам — 620 человек.

Система стационарного обучения колхозников не только повышает качество учебы, но и значительно удешевляет стоимость, вызывая лишь первоначально большие затраты.

VII. Участие шефов в очищении колхозов от классово-чуждых элементов

В отношении участия шефов в очищении колхозов от классово-чуждых элементов показательна таблица Ленинградского шефского общества. Вот эта таблица:

Что сделано	1931	1932	1933
Выявлено кулаков по сельсоветам и колхозам	218	631	519
Вычищено кулаков из колхозов	112	344	413
Дано твердых заданий	89	218	202
Проведена чистка в колхозах	697	929	825
Проведены перевыборы правлений	214	468	219
Выдвинуто колхозников на руководящую работу в колхозы	657	1 456	343
Выдвинуто колхозников в РИКи, сельсоветы и другие организации	274	409	95

[1] Сведения по Белоруссии вписаны от руки (см. л. 19 об.).

1932 г.— Бригада завода им. Радищева (Василеостровского района) в составе тт. Сагардинова, Макарова, Филиппова в Селянинском районе Бурят-Монгольской республики провела в 6 сельсоветах 34 собрания по уборке урожая, организовала 11 ударных бригад, между 4 бригадами проведено соцсоревнование, проведено 8 заседаний производственных совещаний.

В колхозе имени Бурхав-Дивизии за гибель хлеба, сена, срыв уборки и других полевых работ привлечены к ответственности и передано дело прокурору о конкретных виновниках.

В колхозе им. 1 мая выявили кулаков, срывающих хлебозаготовки, вследствие чего была проведена чистка колхоза, и в результате заготовки были выполнены в срок и колхозники взяли на буксир единоличников.

Тов. Белозеров — бригадник завода имени К. Маркса (Выборгского района) выявил кулацкую группу в колхозе, по его инициативе проведена чистка, и в результате исключено 14 кулаков, трое из них были отданы под суд за вредительство.

1933 г.— В колхозе «Вперед» с его организацией есть люди, которые до сих пор находились в колхозе, занимались надувательством, хищением колхозного имущества: Семен Рубцов, племянник Якова Рубцова, бывшего волостного старшины и крупного эксплуататора, в прошлом владевшего кожевенным производством, торговой лавочкой, занимался ростовщичеством, эксплуатировал бедноту, давал пуд — брал полтора. Сам Семен Рубцов имел 50 десятин. В колхозе он пробирается в председатели ревкомиссии, работает в кузнице и кругом старается для своего кармана, выписывает себе трудодни, сколько ему вздумается, и за каждую проделанную работу колхозникам берет по поллитра водки. Был членом сельсовета. Колхозники боялись его. При вскрытии всех материалов Рубцов признался, его вычистили из колхоза, дело передали прокурору (подпись: бригадник Мазокин, 12 августа 1933 г. Политотдел Стругокрасной МТС).

По ЦЧО по сигналам шефов и при их участии в 1933 г. вычищено из колхозов 3737 [кулацких] хозяйств.

Большая работа проделана шефами Западно-Сибирского края. При помощи и по инициативе шефских бригад в ряде колхозов, совхозов и МТС в период весеннего сева 1933 г. были выявлены и изгнаны из последних явно кулацкие, вредительские и контрреволюционные элементы, мешающие дальнейшему росту и укреплению социалистической деревни.

Вот эти факты:

1. Шефбригада Кемеровской ТЭЦ вскрыла, что некий гражданин Елин, в прошлом кулак, пролез в партию и колхоз, вел в последнем вредительскую работу, заключающуюся в скрытии от распределения 200 пудов хлеба; заведующий молочной фермой (сын попа) Мятлов сгноил 40 тонн семенного картофеля, а кулак Чернов (работник кузницы) систематически портил сельскохозяйственный инвентарь. Ко всему этому председатель колхоза Гордеев вместо того, чтобы вскрыть все эти случаи, сам допустил такую возможность, когда его жена имела единоличное хозяйство (лошадь, посев и т. д.), не вступала в колхоз. Благодаря работе шефбригады все эти лица были исключены из колхоза и руководство заменено другим составом.

2. В Ново-Сибирском районе, Красноярского сельсовета, в колхозе «Красный Восток» были выявлены явно вредительские действия заместителя председателя колхоза — Гречушникова, который в течение двух лет пьянствовал, разбазаривал колхозное имущество, подделывал денежные документы.

3. В колхозе им. 9 января (Ново-Сибирский район) бригада выявила, что председатель правления Хороших вместо подготовки к севу занимался

пьянством, устраивал себе командировки в Новосибирск, растрачивая колхозные деньги. Этот же Хороших привез из города спекулянтов и хотел протащить их в колхоз и т. д.

4. В колхозе «Танк» (Новосибирского района) был вскрыт ряд безобразнейших явлений и вредительств: кулаки Комаров, Гаглин, Бобов, занимая ответственные посты, всячески вредили колхозному хозяйству, разбазарив за год 20 лошадей, испортив сознательно сельскохозяйственный инвентарь, растратив почти все колхозное сено. Соколова Наталья — родственница кулака, срывала работу по отборке картофеля, организованно уводя женщин с работы ранее срока.

При помощи бригады раскулачены 7 кулаков, из них 4 арестованы, а трое выгнаны из колхоза.

По далеко неполным сведениям, по одному только Ново-Сибирскому району, при помощи шефских бригад было исключено из колхозов, совхозов и МТС — 71 человек чуждого элемента, устроено более 15 общественных судов.

5. Шефская бригада кирпичных заводов «Кемерово» в колхозе «Смычка» раскрыла кулацкую группу из 8 человек, отданную под суд и осужденную от 5 до 10 лет.

6. В Купинском районе выявлено 10 кулаков, материал передан политотделу; выявлено 16 человек лодырей, в МТС выявлен вредитель Ковалев, допустивший падеж 80 поросят, за что он был снят с работы и отдан под суд.

7. В Омском районе, в колхозе им. Степана Разина, разоблачены воры, скрывшие в кустах 2 мешка семенной пшеницы; кроме этого разоблачены 4 кулака, пролезшие в правление колхоза. Эти кулаки: Глызов Андрей, Федулов Павел и др. старались все время протащить «своих» на решающие участки работы и подорвать деятельность колхоза. Дело о вышеуказанных лицах передано политотделу, и они выгнаны из колхоза.

8. В Каменском районе обнаружено, что сеяльщик в одной из основных бригад (Смолов) спрятал мешок пшеницы в кусты, за что дело о нем было передано следственным органам; он был осужден на 10 лет.

В Западной области вычищено более 300 хозяйств, по Горьковскому краю — 737 хозяйств.

Большая работа по очищению колхозов проделана профорганизациями Северного Кавказа в период весеннего сева 1933 г.

Рабочими бригадами вскрыто большое количество ям. 34 бригадами мясоконсервщиков вскрыто 735 ям, в которых обнаружено было 1604 центнера зерна. Бригада угольщиков выявила и собрала 14 202 центнера зерна. Бригадой завода «Смычка» вскрыто 8 ям, бригадой [фабрики] «Красная переплетчица» — 30 ям; бригадой [завода] «Красный штамповщик» — 7 ям, в которых было найдено 150 центнеров зерна. Бригада рабочих В/О [1] (Ростов) разоблачила кулаков, агитирующих против засыпки семян. Бригада колбасной фабрики «Заря» (Ростов) в Самарском сельсовете выявила 34 кулацких хозяйства. Бригада Ростгорстроя (селение Елизаветинское) выявила, что председатель сельсовета украл и спрятал 5 центнеров зерна. В колхозе «Красный партизан» выявлено 9 кулацких хозяйств и 17 центнеров разворованного зерна. По предложению бригады из колхоза исключено лодырей — 8 человек.

Бригада Центроспирта выявила 50 кулацких хозяйств, а бригада ростовского консервного завода «Смычка» организовала чистку колхоза. В результате этой чистки из колхоза исключено 7 кулацких хозяйств и 15 [человек] чуждых элементов.

---

[1] Так в тексте.

Бригада [завода] «Красный штамповщик» выявила 25 кулацких хозяйств и добилась исключения из колхоза варварски обращавшихся с лошадьми.

Медработниками собрано 1118 центнеров разворованного зерна, мукомолами — 542 центнера, рабпросовцами — 370 центнеров, а бригадами профсоюза кооперации и госторговли вскрыто 356 ям и обнаружено 5 мельниц.

По колхозам Средне-Волжского края шефские бригады в 1931—1932 гг. помогли ликвидировать не менее 28 000 кулаков и чуждых элементов. В 1933 г. этими же организациями выявлены и при их помощи изгнаны из колхозов более 12 000 человек. По краю было организовано 500 различных рейдов в подшефные колхозы по проверке охраны имущества и урожая в колхозах. При помощи шефов было распущено по краю более 150 правлений колхозов и лица, уличенные в растратах и в подлогах, преданы суду.

Все приведенные нами факты говорят о том, что практические и политические результаты профсоюзной и шефской помощи подшефным районам и колхозам огромны, эту помощь понимают и колхозные массы, которые в большинстве случаев помогают рабочим бригадам проводить очищение колхозов от чуждых элементов, участвуют в организованных шефами рейдах и всячески помогают им в деле организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

VIII. Культурно-просветительная и массовая работа и помощь в бытовом обслуживании

Работа шефских организаций и профсоюзов по линии культурно-просветительной и массовой работы и помощи в бытовом обслуживании колхозов является самым обширным участком во всей деятельности этих организаций. На этом участке работы мы имеем определенный поворот культработы [и] бытового обслуживания «лицом к производству».

На сегодняшний день все мероприятия шефских организаций по культработе и бытовому обслуживанию тесно увязываются с планом колхозного производства; мероприятия эти в руках шефских и профсоюзных организаций являются важнейшим орудием в борьбе за выполнение подшефными колхозами, совхозами и МТС планов хозяйственно-политических кампаний.

По отдельным областям работа эта характеризуется такими показателями:

Культурно-просветительная массовая работа Ленинградской обл.

Что сделано	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Организовано изб-читален	80	400	270
» красных уголков	160	955	747
» культбаз при МТС	—	—	5
» домов колхозника	2	2	—
» домов культуры	1	2	—
Установлено радио-точек	66	916	812
Организовано стенгазет	657	1 242	1 209
Поставлено концертов и спектаклей	156	898	565
Организовано разных кружков	475	562	401
Отправлено культпалаток	—	456	—
Послано литературы (экз.)	120 000	564 000	484 000

Помощь колхозам в организации бытового обслуживания колхозников

Что сделано	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Организовано яслей	253	875	708
Детплощадок	995	1 113	194
Столовых	404	261	69
Медицинское обследование колхозников	1 200	1 899	557
Оказание медпомощи	17 895	76 665	22 469
Сделано операций	232	448	83
Проведено прививок	4 188	88 529	8 768
Прочитано лекций и бесед	600	2 917	5 927
Организовано здравячеек	45	5	31
Организовано медпунктов	8	4	3
Оборудовано больниц и кабинетов	5	1	—
Организовано санитарных постов	—	—	8

Участие шефских организаций в культэшелонах для школ подшефных районов

Послано учебников — 12 975, тетрадей — 5000, карандашей — 4500, вставочек — 4350, резинок — 500 штук, блокнотов — 225, школьных библиотечек — 102, послано краски 10 кг.

Полностью оборудованы физический кабинет и рабочая комната с 30 станками.

Организована столярная мастерская.

На организацию рабочих комнат при ШКМ направлено деньгами 2 225 руб. и ряд других мелких предметов [1].

«Дорогие товарищи женщины шефячейки Ленснабсбыта

Мы, женщины колхоза им. Сталина, шлем Вам свой привет и сообщаем, что 14 сентября 1933 г. избрали женскую бригаду, чтобы иметь с Вами постоянную тесную связь. Ежемесячно мы будем Вам писать о нашей работе по шефству над школой, детплощадкой и яслями, а Вы своим опытом и знаниями помогите нам сделать школу образцовой. Кроме этого, мы, женщины колхоза имени Сталина, просим открыть детплощадку и на Ереминой горе, так как дети, находясь на детплощадке, приучаются к общественной жизни и за наше отсутствие находятся под присмотром, сыты, в тепле» (подписи Ереминогорского сельсовета).

«В коллектив ВКП(б) пуговичной и кроватной фабрики на общее собрание от учеников Колкинской школы.

Дорогие товарищи рабочие. Мы, ученики Колкинской школы, вместе с нашей учительницей шлем Вам глубочайшую благодарность за Ваши заботы о нашей школе. Мы знаем, что рабочие и работницы Пуговичной фабрики шефствуют над нашим сельсоветом и на свои средства помогли нам строить школу. Наш сельсовет запоздал с подготовкой школы к новому учебному году, и только благодаря деловому распоряжению Вашей бригадницы Ривман, которая дала нам стекла, мы вошли в новую школу. Наша школа бедная. Мы ежегодно перебирались из помещения в помещение и только теперь имеем свою школу, в которой два класса, прихожая и кухня. У нас открылся второй комплект, и приехала еще учительница. Еще благодаря отдаленности школы от центра она очень плохо снабжается учебниками и пособиями. Мы, деревенские ребята, даем Вам слово, что будем учиться на «хорошо» и на «отлично». Мы изживем лодырничество

[1] Далее в тексте, очевидно, пропуск.

и еще больше укрепим дисциплину. Вы, товарищи рабочие, нас не оставляйте, помогайте нам. Самое необходимое для нас — это книги. Еще нет у нас рабочей комнаты и инструментов для политехнизации. Мы теперь видим вашу руку и ваше лицо. Мы хотим крепить с вами смычку.

С пионерским приветом от учеников IV группы Курочкин, Антропова, Акментин и т. д., от III группы — Федорова, Яковлева, Генералова и т. д., от II группы — Антропов, Шепелев, Федоров и т. д.».

«Познакомившись с работой в нашем районе Ленинградского государственного Колхозтрама, присланного нам ленинградской общественностью, мы хотели обратить внимание обкома ВКП(б) на данный театр, который своей художественной и массово-политической работой во многом помог нам. Сейчас, когда остро стоит вопрос об обслуживании деревни, мы просим оказать Колхозтраму нужную поддержку, так как данный театр вполне заслуживает, о чем ярко говорят отзывы местных, советских, партийных и комсомольских организаций. По просьбе их просим оказать содействие в дальнейшем направлении к нам в деревню Колхозтрама». (Гдовский райисполком — Павлов).

Отчет врача Цехановской о проделанной работе в Петриневском районе, февраль — март 1933 г.— Обследовано 12 школ, ясли в совхозе «Новый путь», в Ермолаевском колхозе проведен осмотр детей в количестве 881 чел., проведено 19 бесед на медицинские темы. Правильность данного отчета заверил райврач Марцен.

На Северном Кавказе в период подготовки и проведения весеннего сева 1933 г. проделана следующая работа: крайсовпрофом в район послано 57 агит-художественных бригад. Профсоюзами Кабардино-Балкарии направлено в деревню 82 культурника и 7 художественных агитбригад, послано 40 библиотек, 16 кинопередвижек, 43 радиоприемника и 3 радиопередвижки. На курсах радистов обучалось 17 человек колхозников и рабочих МТС.

Из Ростова послано 4 выездных редакции и 18 рабкоров. По городу и пригородному району был проведен предвесенний рейд рабкоров и районный слет редакций колхозных газет. Бригадой «Сельмаша» организовано 9 колхозных газет, в подшефной станице «Красноармейская» сельмашевцы организовали печатную газету и типографию, достали для подшефников печатную газету.

В результате массовой работы бригады «Красного штамповщика» колхозники дали встречный план — 300 пудов семян. Выездной редакцией «Росгорстроя» проведено 6 слетов селькоров и организовано 25 колхозных газет. В Мечетинский район направлены 2 художника; в районы выехали 2 передвижных театра по линии союза РАБИС.

Из Таганрога по культ-массовой работе послано 88 человек, из Краснодара — 100 человек, из Грозного — 137 человек, и 3138 книг, собранных среди рабочих. Из Ростова посылалось 357 массовиков. Из Новороссийска посланы 2 выездные редакции, агитмассовые бригады в количестве 78 человек и бригада просвещенцев — 13 человек. Бригадами проведено 32 производственных совещания, организована 31 «Ильичевка», радиофицировано 4 колхоза.

Большую помощь селу оказало дорожное общество «Долой неграмотность», силами которого по всем районам организованы группы ликбеза малограмотных. Из учащихся групп созданы бригады по сбору семян.

Большая работа оказана и по линии бытового обслуживания. Союз медсантруд на проведение весенне-посевной кампании посылал в деревню 1270 чел.— 436 врачей и 834 чел. среднего медперсонала. Послано 792 руководителя кружков РОКК, которые обучили 13 033 человек. Соз-

дано 156 новых РОККовских ячеек с 15 387 членами, подготовлено 7891 санитар, послано 14 032 бригадных аптечки, организовано 20 врачебных пунктов первой помощи и подготовлено союзом медсантруд 3370 человек заведующих яслями и 6546 нянь.

В национальных областях, в особенности в Чечне, медсантруд провел 140 субботников по проведению санминимума. Были организованы специальные субботники по чистке колодцев и столовых, а также проведены противотифозные и другие прививки. В Кабардино-Балкарию послано в колхозы 80 врачей и 160 человек младшего медперсонала.

В Самарском сельсовете Азовского района шефы провели курсы ясельных работников на 26 чел., подготовили помещение для 18 яслей, которыми должно быть охвачено 1068 чел.

Шефбаза Сев.-Кавказспирта организовала и обеспечила инвентарем ясли на 100 ребят.

Крайком союза работников общественного питания выслал бригаду в 8 человек для подготовки полевых кухарок и т. д.

Большая работа проделана профсоюзными шефскими организациями Нижне-Волжского края в уборочную и заготовительную кампанию 1933 года.

В объявленный крайпросом конкурс культполитпросветучреждений на лучшую постановку культурно-политической работы в уборочную кампанию включились Ново-Узинский, Пугачевский, Балашевский и другие районы. Учитывая большую политическую важность хлебоуборки и хлебопоставок, просвещенцы края объявили соревнование под лозунгом «Летний отпуск на уборочную — в помощь МТС и колхозам».

Силами просвещенцев в колхозах выпущено 1057 стенных газет, отправлено в колхозы 122 библиотеки, послано 1363 организатора культурно-массовой работы.

Просвещенцы Котельнического, Балашовского, Дубовского района и гор. Саратова объявили себя мобилизованными на уборочную. В ответ на обращение тимирязевцев секция научных работников послала в распоряжение политотделов МТМ 860 добровольцев, а секция пролетстуда — 389 студентов.

Большую помощь оказали рабочие балашовских предприятий Александровскому совхозу № 39. «Организованно прибывшие к нам,— пишут в открытом письме председатель райпрофсовета [и] начальник политотдела т. Щербаков,— для оказания помощи в уборке хлеба, Ваши рабочие в количестве 53 человек показали действительные образцы ударной работы. Они показали нашим полевым рабочим настоящую пролетарскую трудовую дисциплинированность и сознательность в работе. Работая вместе с нашими рабочими, бригада на деле доказала, что сроки уборки и нормы выработки, намеченные нами, безусловно реальны и выполнимы».

По инициативе Тамалинского райпрофсовета в Никольский колхоз «Ленинский путь» послана на уборочные работы бригада из рабочих и служащих. Многие члены бригады показали пример ударной работы на поле. Работающие на косьбе крюками Акимов и Семин норму — 0,7 га — перевыполнили на 134%. Поставленные на вязку снопов Кузнецова и Чайникова перевыполняют норму на 130%. На 183% перевыполнили нормы по сноске и сложке в крестцы Дубовицкий, Хохлова и Бабичева.

Общественными организациями Тамалинского района оказана практическая помощь по копнению овса в свиносовхозе, в субботнике приняло участие 300 человек, которыми окопнено 240 га.

А вот работа по Центральной черноземной области:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Организовано изб-читален	—	133	293
» красных уголков	103	456	2 231
» библиотек	305	—	2 231
» радиоустановок	—	—	163
Выпущено стенгазет	—	3 256	3 338

Не менее значительная работа проделана шефорганизациями ЦЧО и в бытовом обслуживании колхозов; здесь мы имеем такие показатели:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Организовано яслей	—	1 966	7 142
» чайных	311	460	271
» питательных пунктов	—	—	2 879
» санитарных постов	—	—	25 592
Послано аптечек	690	—	27 000
Открыто ларьков	—	—	199
Проведено бесед, вечеров	—	13 436	—
Ими охвачено [человек]	—	638 738	—
Проведено собраний	—	—	18 306

А вот работа уральских шефских организаций:

	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Организовано красных уголков	226	—	914
» радиоустановок	155	521	1 350
» книгокультповозок	—	—	674
Послано библиотек	2 212	—	—
» кинопередвижек	—	—	578
Выпущено стенгазет	421	3 477	3 674
» бюллетеней	—	—	508
Обслужено почтой усадьб МТС	—	—	52
Организовано детяслей и площадок	530	914	700
» кухонь	—	—	914
» справочных столов	—	—	373
Проведено лекций и бесед	4 708	—	7 118

Наиболее разносторонняя помощь в бытовом обслуживании в Средне-Волжском крае. Здесь 15 июня 1932 г. в гор. Самаре открыта первая и единственная в СССР колхозно-совхозная поликлиника. Организована она по инициативе и при участии шефских организаций. Поликлиника имеет кабинеты по всем специальностям, хорошее оборудование и помещение и в порядке шефства обслуживается лучшими врачами-специалистами Самары. Колхозно-совхозная поликлиника сумела завоевать себе известность не только в пределах края, но лечиться в нее едут из отдаленных местностей. За 2-е полугодие 1932 г. поликлиникой принято 21 259 человек, а за 1933 г. по 1 ноября поликлиника обслужила 100 тыс. колхозников и, кроме того, сделала 115 000 колхозных выездных консультаций.

Являясь в поликлинику, колхозник или рабочий совхоза получает не только медицинскую помощь, но и полную клиническую обработку со всеми исследованиями, получает совет, как вести себя дальше, и в случае

необходимости пациентам назначается курсовое лечение в специальных учреждениях по путевкам поликлиники.

Кроме лечения, колхозники с тяжелыми заболеваниями направляются на специальное лечение в Казань и Ленинград. Направлено на специальное лечение в 1932 г.— 64 и в 1933 г.— 154 чел. Для укрепления здоровья 113 лучших ударников-колхозников были направлены на курорты.

Открыто 2 медицинских пункта в нацменовских районах: в мордовском колхозе «Труженик» и в другом колхозе под Оренбургом среди нацмен-казахов. Здесь же организована вторая амбулатория поликлиники.

В числе мероприятий по культурно-бытовому обслуживанию колхозников шефским организациям Средней Волги совместно с комсомолом принадлежит инициатива строительства культурно-полевых колхозных станов на время полевых и уборочных работ.

Опыт Средне-Волжского края получил широкий отклик со стороны профсоюзных и шефских организаций Нижней Волги, Северного Кавказа и ЦЧО, сейчас между этими краями проводится соревнование на лучшее оборудование колхозных полевых станов в весенний сев 1934 г.

Нижне-Волжский крайсовпроф с 25 октября проводит двухмесячник — большевистский поход за создание культурных полевых станов колхозников и поставил перед рабочей общественностью задачу добиться создания двухсот полевых станов.

В данное время в целом ряде краев и областей работа профсоюзных и шефских организаций по организации, строительству и оборудованию полевых постоянных колхозных станов является одной из основных на участке деревенской работы.

Средне-Волжская шефская организация приняла на себя следующие конкретные обязательства в деле организации полевых колхозных станов:

1. Организовать силами профсоюзных и шефских организаций с использованием для этого также внутренних ресурсов колхозов не менее 1000 бригадных станов, а культурно оборудовать 1500 станов.

2. Выслать для оборудования этих станов не менее 1500 библиотек, каждая стоимостью в 100 рублей, 120 кинопередвижек, 500 патефонов, 120 радиоустановок, 1000 музыкальных инструментов (мандолины, балалайки, гармонии), 500 бритвенных принадлежностей для оборудования парикмахерских и 1600 макетов стенгазет «Ильичевок».

3. Высылать для организации станов с предприятий и учреждений края не менее 1000 бригад массовиков-организаторов по оборудованию станов.

4. Выслать 70 специалистов-строителей для оказания помощи и руководства строительством станов.

5. Организовать мобилизацию внутренних ресурсов предприятий для выделения подшефным колхозам гвоздей и других строительных материалов — для оказания помощи в строительстве станов.

6. Организовать не менее 500 массовых выездов шефствующих предприятий края в подшефные колхозы для непосредственной помощи в строительстве станов.

О преимуществах колхозных полевых станов говорить не приходится; специальная бригада, командированная ВЦСПС в Ульяновский район Средне-Волжского края, приводит такие факты: колхоз «Завет Ильича» по плану должен был убрать урожай в 5 дней; опираясь на станы, убрал в $2^1/_2$ дня. «Как огнем сожгли»,— говорят колхозники и удивляются своей работе. «Обычно мы все работы заканчиваем в декабре,— говорит председатель колхоза «Динамо»,— в этом же году все работы закончили в сентябре (убрали, обмолотили, выполнили план хлебосдачи государству, посеяли озимую, вспахали зябь, отремонтировали сельскохозяйственный

инвентарь, включая уборочные машины и молотилки)». «Сроки уборки сократили на 50%»,— сообщают колхозники из колхоза «Первенство» в селе Кременки.

Таких примеров преимущества постоянных колхозных станов для поднятия производительности колхозного труда и сокращения срока сельскохозяйственных работ можно привести много.

Интересен опыт обслуживания подшефных колхозов шефскими организациями Московского общества. Здесь сейчас началась кампания сбора музыкальных инструментов — роялей и пианино для народных домов культуры, открываемых при политотделах МТС Московской области.

Ячейки шефобщества Октябрьского района обратились к театрам, кино, клубам и учреждениям с просьбой сдать для этой цели запасные инструменты. 2 пианино сдал Большой театр, 1 — МХАТ им. Горького, 1 пианино сдает театр им. Вахтангова.

Намечено собрать 60 пианино и роялей; народным домам будут посланы и нотные библиотечки.

С помощью шефа собрано более [1]... пишущих машинок для политотделов МТС.

Белоруссия [2] — 1933 г. отремонтировано приемников — 190; отремонтировано радиопередвижек — 6, установлено новых приемников — 42.

Послано в колхозы медиц. бригад — 28, распространено литературы на 3568 руб. Организовано стенных и бригадных газет — 835.

IX. Создание продовольственной базы промышленных предприятий с помощью подшефных колхозов

Ряд передовых шефских организаций Ленинграда, Москвы, Северного Кавказа и других краев и областей сумел на базе рабочего шефства проделать большую работу по развитию колхозной торговли и созданию крепкой продовольственной базы на своих предприятиях.

Есть уже немало примеров, которые говорят о том, что в отдельных случаях благодаря широко поставленной работе шефских организаций продовольственная база на шефствующем предприятии становится прочно на ноги. Вот отдельные факты по созданию продовольственной базы ленинградских промпредприятий и помощи в этом подшефных колхозов:

1931 год. Трамвайный парк имени Коняшина, шефствующий в Выборгском районе, организовал свинарник на 36 голов, отпустил на это 900 рублей, а к 1933 г. свинарник по договору должен будет иметь 300 голов, причем колхозы обязуются 10% свиного мяса по твердым ценам предоставить шефу на улучшение общественного питания.

Фабрика им. Халтурина в 1931 г. осталась без сена; это заставило ее обратиться за помощью к подшефникам, которые выделили им требуемое сено и отпустили еще 15 вагонов картофеля. Колхозы обязались впредь обеспечивать фабрику продукцией сверх плана государственных заготовок.

Завод «Большевик» выделяет 300 тыс. рублей из фонда зарплаты на контрактацию зерновых культур в подшефном районе для снабжения своих рабочих продуктами, заготовленными сверх плана госзаготовок.

Кроме указанных примеров, ряд предприятий города Ленинграда получил от своих подшефных колхозов мясо, картофель, муку и т. д.

Необходимо отметить, что этот вид взаимоотношения шефа с подшефниками находится еще в зачаточном состоянии и носит характер редких явлений.

---

[1] Количество собранных пишущих машинок не указано.
[2] Сведения по Белоруссии вписаны от руки (см. л. 35 об.).

1932 г. отмечен в этой области уже организованным характером подшефных колхозов к созданию продовольственной базы и улучшению рабочего снабжения на шефствующих предприятиях. Заключаются специальные договора, где указываются конкретные взаимные обязательства: со стороны шефов — практическая помощь в проведении кампании, со стороны колхоза — выделение продукции на улучшение рабочего снабжения.

В колхозы посылаются бригадники для популяризации решений ЦК ВКП(б) о колхозной торговле [7]. На предприятиях и колхозных базарах организуются колхозные ларьки. Предприятия, имеющие цеха по выработке ширпотреба, выделяют в порядке встречной торговли товары, которые направляются в сельпо подшефных районов.

За 1932 г. специальными беседами и докладами о колхозной торговле в обеденные перерывы по цехам охвачено 80 тыс. рабочих, распространено литературы 30 тыс. экз. Для массово-разъяснительной работы в подшефные колхозы направлено бригадников 700 чел. Организовано колхозных ларей на предприятиях — 38 и магазинов с колхозными прилавками — 47.

Широко развернулась практика засевания шефских полос, выделение шефских га и т. д. Развернулась работа по вложению со стороны шефствующих предприятий на организацию молочно-товарных и свино-товарных ферм. Так, например, завод «Красный путиловец» отпустил 5000 руб., завод им. Кирова — 4000 руб. на организацию свиноферм; Пролетарский завод полностью на свои средства в подшефном районе организовал свиноферму.

Кроме этого, шефствующие предприятия на всех колхозных базарах выступают с продукцией ширпотреба своих цехов, продвигая в колхозную массу посуду, колесную мазь, трикотаж, мыло, краски и т. д. Такой продукции по линии шефорганизации реализовано на колхозных базарах на 1450 тыс. рублей.

Но особенно широкий размах участия подшефных колхозов в разрешении продовольственного снабжения для шефствующих предприятий мы имеем в 1933 году.

На протяжении периода с января по октябрь месяц мы имеем беспрерывное снабжение шефствующих предприятий со стороны подшефных колхозов продукцией сельского хозяйства.

Как пример, приводится колхозный ларек Варшавско-Балтийского узла: за июнь месяц 1932 г. поступило [товаров] на 5 тыс. руб., в августе того же года — на 10 тыс. руб., в ноябре — на 18 тыс. руб. и т. д., причем ларек снабжался беспрерывно колхозной продукцией и с начала его организации и по момент представления последних сведений (июнь месяц 1933 г.).

Как образцы поступления сельскохозяйственной продукции на шефствующие предприятия, берем на выдержку ряд месяцев:

Февраль 1933 г. На 2-й кондитерской фабрике открыт ларек и заключен с колхозом договор на неплановое снабжение рабочих продуктами.

Колхозы Куйвазовского района своим шефам рабочим завода «Красный выборжец» привезли сельскохозяйственной продукции на 2754 руб.

Склад № 57 фабрики «Красный швейник» за выделенное оборудование для кузницы Красногородского сельсовета Порховского района получил для рабочих 207 кг мяса, и заключен договор на периодическую поставку в 1933 г.

Колхозники Оредежского района заводу им. Ворошилова доставили продуктов на 7880 рублей.

Колхозники Батецкого района для столовой 3-й табачной фабрики привезли 106 кг мяса.

Сборно-механический цех завода им. Марти получил от подшефников 270 кг мяса и т. д.

Апрель. Электроремонтный завод из колхоза «Жучково» Дедовического района получил для столовой 300 литров молока, 600 кг мяса и засеял овощами огород площадью в 1 га.

Завод «Знамя Труда» из Лужского района получил от подшефных колхозов мяса 105 кг, масла 50 кг.

По заводу им. Марти заключены с 30 колхозами договора на неплановое снабжение рабочих. В районе организованы приемочные пункты. Цеха ширпотреба завода им. Марти направляют в организованные пункты ведра, лемеха, чашки, кадки, топоры, замки и другие изделия.

Август. Депо «Паровозное» из подшефного колхоза получило мяса 320 кг, огурцов 31 кг, и выделена посевная площадь на 40 га.

Завод им. Ленина получил от подшефного колхоза 400 кг огурцов.

Подшефному трампарку Коняшина колхоз засеял для шефа 9 га зерновых культур.

Заводу «Красная Заря» прислано из подшефного колхоза 200 литров молока, 42 кг масла и 300 кг фруктов.

5-й цех завода «Электроприбор» получил от своих подшефных картофеля 500 кг, капусты 170 кг, моркови 172 кг, огурцов 150 кг и другие овощи.

Завод «Красный гвоздильщик» получил на мясо 3 коровы, 20 кг масла, 100 кг луку, 82 кг свинины.

Цех № 7 завода «Севкабель» получил от подшефников яиц 2000 шт., творогу 100 кг, масла 100 кг, овощи и т. д.

Эти данные, взятые на выдержку примеры, говорят о взаимоотношениях шефа с подшефниками.

Хорошие образцы работы по созданию собственной продовольственной базы показывают шефские организации Московской области и Горьковского края.

Завод в конце текущего года получит от подшефных колхозов сельхозпродукцию с 36 га, запаханных специально для шефа, 80 голов свиней, клубнику, землянику, 15 центнеров молока и других продуктов. Кроме этого, ОРС данного завода путем самозаготовок закупил в подшефных колхозах в I квартале 1933 г. 1 тонну кур, 17 тонн капусты и 2000 шт. яиц.

Завод «Серп и молот» получит (по договорам) с 128 га — картофель, с 5 га — капусту и с 10 га — зерновые культуры.

Автозавод (Горький). Цехи получат по договорам с 5 подшефных колхозов: овощей со 193 га, мясо-продуктов: крупного рогатого скота — 27 голов, свинины — 112 голов, мелкого рогатого скота — 30 голов, птицы — 500 шт. Кроме этого, зерновых культур с 23 га. По линии ОРСов — крупного и мелкого скота 314 голов, кур 2315 шт., сливочного масла 615 кг, творогу 3 тонны, яиц 31 000, овощей 210 центнеров. За 4 месяца 1933 года ОРСом произведены заготовки в подшефных колхозах — 63 тонны мяса, 78 тонн рыбы.

Завод «Двигатель революции» (Горький) проводит работу по контрактации продуктов ЗРК совместно с шефбазой завода, в результате чего ЗРК будут получать в течение года 100 тонн мяса, 5 тонн рыбы, 100 тыс. яиц, 2 тонны меду, 500 тонн картофеля и разных овощей 100 тонн.

Сдача этих продуктов шефствующим предприятиям будет происходить по конвенционным ценам. ЗРК завода заготовил вне плана в I квартале 1933 г. масла сливочного 1176 кг, творогу 1559 кг и овощей 1542 кг.

Кроме того, в порядке упорядочения колхозной торговли на московских рынках, московские предприятия несут шефство над отдельными

рынками. Так, московский завод «Красный пролетарий» шефствует над Даниловским рынком, на этом рынке открыты палатки, в которых торгуют подшефные колхозы.

Шеф Тишинского рынка — завод «Авиаприбор».

Положительную роль сыграл шеф в проведении интересного начинания на рынке — массового колхозного политдня. Парторганизация завода «Авиаприбор» поставила перед шефорганизацией задачу: организовать на рынке образцово не только самую торговлю, не только обслуживание колхозников товарами ширпотреба, но и широко разъяснить прибывшим на рынок колхозникам смысл и существо решений партии, ее политики по вопросам развития советской торговли.

С этой целью был организован на Тишинском колхозном рынке политдень по решениям сентябрьского пленума ЦК ВКП(б).

Накануне массового политдня общественные организации завода созвали слет подшефных колхозников в клубе завода. Был выпущен специальный номер заводской газеты, посвященный политдню на подшефном Тишинском рынке. Рынок был оформлен плакатами и лозунгами.

Ко дню Октябрьской годовщины многие заводы ленинградские (завод «Красный выборжец» и др.), автозавод (Горький) и др. получили в подарок от подшефных колхозов большое количество сельскохозяйственных продуктов в ответ на ту помощь, которую шефы оказали им в весеннем севе и в уборочную кампанию. К этим дням колхозы целыми обозами привозили на завод овощи, мясо, масло, пшеницу и другие продукты.

Однако все приведенные факты не могут еще нас удовлетворять. Эти мероприятия слишком малы по сравнению с растущими потребностями рабочих предприятий и возможностями, которые имеются в системе шефства по их удовлетворению. В этом отношении шефские организации до конца всех возможностей не использовали и недостаточно еще проявили организующую роль, используя свои подшефные колхозы как источник снабжения рабочих шефствующих предприятий.

Здесь необходимо также было бы подчеркнуть наличие недооценки этой работы — дополнительного снабжения рабочих со стороны хозорганов шефствующих предприятий и руководящих снабженческих органов. В частности, необходимо указать на положение с прикреплением к предприятиям районов для самозаготовок. Чаще всего район шефства и район самозаготовок не совпадают. Над районом шефствует одна группа предприятий, а самозаготовки проводит совершенно другая группа предприятий. В тех же случаях, когда это совпадает (район шефства — он же район самозаготовок), результат получается более положительный.

X. Руководство шефской работой

Шефская работа является неотъемлемой частью всей профсоюзной работы. Руководство шефской работой возложено на профсоюзы.

Директива Президиума ВЦСПС от 11 сентября 1931 года, определившая место в системе профсоюзов для шефской работы, должна была обеспечить ей правильное и систематическое руководство.

Как же обстоит дело в действительности? Обратимся к отдельным фактам.

По Ленинграду

На всех предприятиях, самостоятельно шефствующих над сельскими районами, председатели шефских баз являются членами президиума

завкома. Пожалуй, это и будет основа руководства профсоюзов шефскими организациями. До сего времени в системе шефства еще не участвуют сектора заводских комитетов, а на ряде предприятий ФЗМК совершенно не руководит шефской работой.

Завод им. Казицкого. Участие профорганизации выразилось только со стороны культсектора завкома, каковой обеспечивал докладчиками проводимые мероприятия шефской организации.

На президиуме завкома за период уборочной кампании отчеты шефской базы не заслушивались и вопрос уборочной кампании не обсуждался. Со стороны парторганизации руководство достаточное, за период уборочной кампании заслушаны 2 отчета шефбазы на бюро парткома.

Завод «Электросила». Профсоюзная организация участвовала исключительно по линии культсектора: оказывала помощь в подборе бригад для посылки и проведения 18 бесед с отпускниками, и в этом была вся помощь профорганизации. Никакой другой работы по линии завкома проделано не было. Это значит, что профорганизация завода недооценивает шефработу и наплевательски к ней относится. (Из докладной записки обследования т. Федорова [1].)

Аналогичные явления в руководстве шефской организацией со стороны профсоюзов можно встретить на ряде многих ленинградских предприятий.

Руководство парторганизации безусловно обеспечивает задачу, поставленную январским пленумом ЦК и ЦКК и февральским пленумом Ленинградского обкома и Ленинградского комитета перед шефскими организациями.

По ЦЧО

Слабая работа шефорганизаций порождается следующими обстоятельствами:

1. Недооценка со стороны ряда низовых партийных и профорганизаций шефских организаций, благодаря чему в этих местах шефские организации порой никем не руководятся и не контролируются. Пример: депо Отрожка и ремонтно-тракторный завод (Воронеж). Партколлектив и ФЗМК не руководили шефбазами, и шефбазы развалились. Партколлектив и ФЗК завода им. Ленина также плохо руководят своей базой, в результате чего шефбаза ничем не занимается.

2. В отдельных районах до сего времени не выполняются решения обкома ВКП(б) от 12 октября 1931 г. и областного совпрофа от 29 октября о перестройке работы шефорганизаций, благодаря чему в этих районах шефорганизации не перестроены. (Из докладной записки об участии шефских организаций в хозяйственно-политических кампаниях 1932 года [2].)

Облпрофсовет произвел проверку состояния участия союзных организаций по коллективизации в 6 районах. С докладами по этому вопросу в облпрофсовет вызывалось 14 городских и районных профсоветов. Членами президиума, оставшимися в областном совете профсоюзов, установлены регулярные выезды в районы для проверки хода месячника и налаживания этой работы. (Из доклада «Об участии профсоюзов в месячнике коллективизации и подготовки к весеннему севу 1931 года» [3].)

[1] В архиве не обнаружено.
[2] См. ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 18, д. 824, л. 213.
[3] Там же, оп. 15, д. 308, л. 63.

По Северному Кавказу

В связи с решением ВЦСПС от 11 сентября 1931 года о перестройке шефской работы и передаче непосредственного руководства шефобществами профсоюзам решением президиума крайсовпрофа 15 ноября 1931 г. краевой шефсовет был ликвидирован и вместо него было создано шефбюро крайсовпрофа, по инициативе которого было вынесено решение крайсовпрофа о массовой проработке постановления ВЦСПС о перестройке шефработы над деревней.

Одновременно было созвано краевое совещание профсоюзных и шефских работников, в котором участвовали 150 представителей основных промышленных районов края. Работа этого совещания проходила под знаком реализации постановления ВЦСПС и крайсовпрофа о перестройке и очередных задачах пролетарского шефства над деревней и подготовке к 3-й большевистской весне. После краевого совещания по 13 промышленным районам края были проведены районные шефские совещания с итогами решений краевого совещания.

По Украине

Организация шефской системы на Украине связана с происходящим переломом внимания профсоюзных организаций к задачам социалистической реконструкции села. В это время оживает и шефская работа, возобновляются и закрепляются ослабевшие до того связи предприятия с подшефными колхозами. В развитии и укреплении колхозного движения на Украине значительную роль сыграли общественные организации на селе и, в первую очередь, профсоюзы.

Поворот профсоюзов к задачам социалистической перестройки села в свою очередь вызвал и соответствующую организационную перестройку работы заводских комитетов, их планов и смет в сторону лучшего обеспечения работы на селе. В настоящее время на Украине на больших предприятиях по завкомам имеются освобожденные работники — члены президиумов завкомов, организаторы работы на селе. (Из отчета о состоянии шефства над селом на Украине за 1931 г. [1])

По Западно-Сибирскому краю

Крайсовпроф и особенно крайотделы целиком еще не включились в реализацию решений партии, и ряд крайотделов проявляет явную недооценку и оппортунистически относится к необходимости быстрейшей реализации [постановления] о рабочем шефстве над деревней.

Последними мероприятиями крайсовпрофа (решение президиума от 25 сентября) делается решительный упор на профорганизацию и требует с их стороны работу шефорганизаций поставить как одну из основных задач практической профсоюзной работы. (Из докладной записки о некоторых итогах перестройки работы шефства над деревней по Западно-Сибирскому краю за 1931 год [1].)

По Средне-Волжскому краю

Необходимо отметить, что руководство со стороны парторганизаций гор. Самары имеется неплохое самим шефским обществом, но крайне слабое руководство шефской работой со стороны горкома партии осущест-

---

[1] В архиве не обнаружено.

вляется в отношении низовой части парторганизаций, среди которых имеется громадная недооценка, зачастую срывающая большие, хорошие дела, начинаемые рабочими массами. Об этом уже неоднократно говорилось и докладывалось агитмассовому отделу [горкома] партии.

Секретарь горкома т. Косименко обещал созвать партактив, но до сих пор еще не собрал. Что же касается профорганизаций, то в работе последних намечается некоторый сдвиг, который за последний период чувствуется в особенности в краевом совете профсоюзов. Но со стороны большинства крайкомов союзов и райпрофсоветов также наблюдается все еще полная недооценка роли рабочего шефства и самотечное руководство, что подтверждается рядом решений крайсовпрофа и других организаций.

Особенно безобразное отношение к выделению шефских руководящих кадров и предоставлению зачастую неподходящих условий на производстве для шефской работы. Работники выделяются очень мало подходящие, слабее того рабочего актива, которым они должны [1] руководить. (Из материалов Средней Волги, доставленных тов. Жарковой 17 ноября 1933 года [2].)

Руководство шефской работой со стороны отдельных парторганизаций за 1933 г. можно проследить на следующих фактах:

Президиум городской КК ВКП(б) и коллегия РКИ Новороссийска, Северо-Кавказского края, провела специальный рейд по проверке состояния шефства предприятий и учреждений г. Новороссийска над селом. В результате этого рейда было вынесено специальное постановление, которым отмечалось:

1) что горшефсовет не сумел по-боевому своевременно реагировать и устранить все недочеты в работе профорганизаций и не обеспечил практическим руководством, особенно в момент хлебоуборки и обмолота урожая, шефскую работу;

2) было констатировано, что большинство низовых профорганизаций формально подошли к проводимому рейду, недооценив огромного политического значения его.

Президиум городской КК ВКП(б) и коллегия РКИ обязали парткомы, партколлективы, ячейки ВКП(б) и заводские комитеты немедленно развернуть обсуждение итогов работы бригад и мобилизовать внимание широких масс трудящихся на подъем работы по оказанию практической помощи подшефным колхозам, совхозам и МТС. Заводские комитеты, месткомы обязывались укрепить общезаводское шефское руководство и наладить систематическое руководство с их стороны цеховыми и шефячейками;

3) фракции горсовпрофа было предложено уделить максимум внимания горшефсовету и оказывать ему систематическую помощь, укрепить также его аппарат. (Газета «Пролетарское Черноморье» от 21 августа 1933 г.)

Такой же рейд был произведен на Сулинском заводе Северо-Кавказского края. Заводская контрольная комиссия ВКП(б) Сулинского завода 6 августа 1933 г. вынесла специальное постановление по вопросу: «Итоги рейда-проверки шефской работы на Сулин-заводе». Постановлением был объявлен выговор секретарю партячейки литейного цеха и председателю цехкома. Этим же постановлением был принят ряд других мер по оздоровлению шефской работы и ее укреплению. (Газета «Металлург», Сулин, Северо-Кавказского края, 9 августа 1933 г.)

---

[1] В тексте ошибочно: «принадлежит».

[2] В архиве не обнаружено.

Имеется специальное постановление бюро горкома ВКП (б) и президиума горКК ВКП(б) г. Челябинска по вопросу об извращении линии партии и нарушения революционной законности в Сухонесовском сельсовете. В этом постановлении было предложено бюро партколлектива завода им. Колющенко принять решительные меры по улучшению шефработы и обеспечить образцовую постановку работы в Сухонесовском сельсовете и подшефных колхозах. В помощь колхозам Сухонесовского сельсовета высылалась бригада в составе 3 коммунистов и 3 комсомольцев. (Газета «Челябинский рабочий», 4 сентября 1933 г.)

XI. Политотделы МТС и совхозов и шефская работа

Создание при МТС и совхозах политотделов послужило для шефских организаций серьезным моментом к перестройке своей работы, к повышению политической ответственности за нее. Политотделы помогают шефским организациям правильно организовать работу в подшефных колхозах, в то же время они ставят перед руководящими шефскими организациями и принципиальные вопросы, сводящиеся к усилению шефской работы и ее улучшению. В этом отношении характерно письмо начальника политотдела Бабынийской МТС Московской области тов. Горячева председателю областного шефбюро МОСПС. Вот выдержки из этого письма:

«Основным недостатком шефской работы является то, что периодически, в связи с «мобилизацией» из городов областными организациями работников на проведение «текущих кампаний» на селе, в эту мобилизацию включаются и шефствующие организации. К концу «мобилизации» обычно оставляют колхозы и шефработники, порывая связь с колхозом до следующей мобилизации (после окончания хлебосдачи шефы прибудут к весенне-посевной). Вопрос о систематической непрерывной связи и помощи шефствующим организациям, работающим по единому плану центральных органов — центральный вопрос, упорядочить который необходимо буквально немедленно.

Кроме того, как правило, шефствующие организации посылают в колхозы своих «представителей», ни секретари парторганизаций предприятий, ни руководство в подшефных колхозах не бывает (за исключением тов. Снопа — председателя треста Нарпит и его заместителя Богомолова), непосредственно не знакомы с колхозами.

По вопросу более рационального прикрепления шефствующих организаций к колхозам и упорядочения их работы, свои конкретные соображения по зоне МТС высылаю дополнительно.

Независимо от этого письма, уже сейчас можно определить требующуюся безотлагательную помощь со стороны шефских организаций в дальнейшей организационной и политико-просветительной работе».

Формы связи шефорганизаций с политотделами МТС и их взаимоотношения еще не окрепли, несмотря на то, что по этому вопросу еще в весенний сев со стороны шефбюро ВЦСПС даны надлежащие указания. В отдельных случаях наблюдаются и такие факты, когда работа шефорганизаций и проводимые ими мероприятия в районе деятельности политотделов МТС с ними не согласовываются. Так, например, в московском отчете «Об участии в уборочной и заготовительной кампании и осеннем севе 1933 г.» [1] читаем: «Вторым недочетом, вытекающим и из оргработы в городе, и в работе в деревне, является, несмотря на то, что в районах деятельности МТС сосредоточены основные силы, отсутствие должной

[1] В архиве не обнаружено.

увязки в работе предприятий, шефствующих в районе деятельности МТС, с политотделами МТС и с дирекцией МТС, как организаторами борьбы за высокий урожай, большевистские колхозы и зажиточных колхозников. В основном эта связь поддерживается самими райшефсоветами, зачастую подменяющими предприятия — шефов. Нет целеустремленности и плана работ шефов в районе деятельности МТС, координированного с планом политотдела».

А вот отдельные факты по усилению шефской работы в связи с организацией политотделов. (Из информационной сводки № 2 «Об участии профорганизаций в весеннем севе»[1] Северо-Кавказского края).

Укрепление шефской работы, связи с подшефными колхозами и наличие на селе руководства со стороны такой огромной политической силы, как политотделы, повело к тому, что выработались новые формы шефработы и помощи политотделам со стороны рабочих шефов, как внештатные инструктора политотделов. О работе таких инструкторов можно судить по следующим примерам: Тов. Ищенко, ударник профактивист, рабочий 17-го стройучастка гор. Ейска, послан шефами в помощь политотделу. Политотдел поручил ему ответственнейший участок— охрану Старощербининского элеватора. Тов. Ищенко держал непрерывную связь с политотделом, под руководством политотдела укрепил штат сторожей, очистив его от чужаков и от лодырей.

Работница Ейской обувной фабрики Соболева была послана в помощь политотделу, работала во 2-й бригаде 1-го колхоза станицы Копайская; под руководством политотдела она организовала стенгазету, через газеты были выявлены чужаки — бригадир, завхоз и другие. В бригаде до приезда Соболевой массовая работа велась слабо, бригада была отстающей. Сейчас в бригаде полный переворот.

Рабочий Ейского пивоваренного завода Есько работает внештатным инструктором политотдела по совместительству, без отрыва от производства, ездит в Александровскую МТС в выходные дни. Есько прикреплен к полеводческой бригаде, помог ей организовать учет и рационально использовать машины.

Следует добавить, что в результате наличия политотделов рабочие шефбригады быстро и верно определяют обстановку в колхозе, в бригаде и, в соответствии с этим, конкретизируют свою практическую работу. Политотделу очень часто указывают на недостатки в шефработе, на необходимость эффективного использования привлекаемых работников и т. д. Например: начальник политотдела Носовской МТС (шефствует Таганрогский котельный завод) пишет: «Формы шефработы, практиковавшиеся до сих пор, имели недостатки:

а) были отдельные случаи формального подбора лиц, партприкрепленных к бригаде, в силу чего при удовлетворительном составе основной массы в партуполномоченные попадались иногда и лица, явно непригодные к этой работе, которых приходилось возвращать обратно;

б) Такие же случаи, отдельные, имелись при выдвижении в председатели колхозов и секретари ячеек колхозов;

в) шефами недостаточно и совсем почти не уделяется внимание таким участкам работы в колхозе, как клуб, изба-читальня, красный уголок.

Политотделы выдвигают, как обязательство для шефорганизации, высылать в политотделы планы работ профорганизации.

По инициативе партячейки механического цеха на Таганрогском заводе «Красный котельщик» проводится политотдельский смотр шефской

---

[1] См. ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 19, д. 552, л. 69.

работы. Начальник политотдела Натальевской МТС тов. Рязанкин на рабочем собрании цеха сделал обширный доклад о состоянии работы в подшефных колхозах, в частности, колхозе «Красный десант», над которым шефствует механический цех. В своем докладе тов. Рязанкин указал на недостаточную связь с колхозами, на слабую помощь в проведении культурных мероприятий. После доклада начполитотдела выступали рабочие, которые вскрыли ряд недостатков работы механического цеха. До этого времени в цехе не знали действительного состояния работы в своем подшефном колхозе.

По неполным данным, [в] политотдельский смотр шефработы на 1 ноября включились: по Таганрогскому району — 3 МТС и по Ростовскому — 2 МТС.

XII. Шефство ленинградских и московских предприятий над хлопковыми районами

Для практической помощи подшефным хлопковым районам посылались рабочие бригады на проведение весеннего сева хлопка, окучек, полива и хлопкозаготовок. Вот данные по Московской области:

1930 г.	615 чел.
1931 г.	328 чел.
На постоянную работу	278 чел.

В 1933 году для подготовки и проведения первой весны второй пятилетки в подшефные районы Средней Азии и Казахстана было направлено 89[1] человек, из них членов ВКП(б) — 54 и членов ВЛКСМ 22 и беспартийных 13 человек, в том числе:

Куда направлено	Всего	В том числе			
		политработников	ремонтников	врачей	счетных работников
В Казахстан	31	16	10	2	3
Узбекистан	48	34	13	1	—
Таджикистан	10	8	2	—	—
Итого	89	58	25	3	3

На хлопко-уборочную и заготовительную кампанию, по данным Калинина, Павлово-Посада, Егорьевска, направлено 25 чел., из них членов ВКП(б) — 19, и членов ВЛКСМ — 6 человек.

Всего направлено в 1933 году в районы Средней Азии и Казахстана 114 человек.

Кроме этого, на постоянную работу послано 96 человек (помощников директоров, председателей ФЗМК и т. д.).

Общее количество подшефных районов в Узбекистане доведено до 16, в Таджикистане — 11, Казахстане — 4.

При помощи шефствующих предприятий и посланных бригад в Узбекистане и Таджикистане обучено рулевых и трактористов — 55 человек, председателей колхозов — 101, бригадиров — 366, полеводов — 125, поливальщиков — 90 человек.

При участии шефствующих предприятий и бригад в подшефных районах организовано детяслей — 83, чайхан — 5, клубов — 2.

Основным содержанием работы посылаемых бригад является передача

[1] В тексте ошибочно: 78.

производственного опыта в организации производства и социалистических форм труда. Тов. Кузнецов, посланный в Кулябский район от фабрики «Вождь пролетариата», и другие проводили производственные совещания и явились инициаторами производственных, бригадных и колхозных договоров. Так, например, по данным только одной фабрики им. Фрунзе проведено свыше 200 производственных совещаний по вопросам соцсоревнования и ударничества, выполнения планов хлопко- и хлебозаготовок и другим хозяйственно-политическим вопросам.

Нельзя обойти молчанием большую работу бригады Городковской фабрики в подшефном Нарпайском районе.

Четко организованная работа бригады сделала ее показательной для других производственных бригад, мобилизуя колхозные бригады на борьбу за высококачественные производственные показатели сева. В результате:

4 135 га посеяно по пятикратной вспашке
13 166 » » » четырехкратной »
2 551 » » » трехкратной »
418 » » » двухкратной »

Таким образом, директива партии и правительства о проведении не менее 3 предпосевных вспашек в указанном районе в основном выполнена, и в этом большая заслуга принадлежит посланной Городковской фабрикой бригаде.

По ленинградским текстильным предприятиям за период весеннего сева в хлопководческие районы Средней Азии было направлено 55 человек.

Однако работа шефских и профорганизаций в хлопковых районах за последние два года значительно ослаблена. Все силы и средства их преимущественно концентрируются над колхозами в пределах своей области.

Другой причиной ослабления шефской работы в хлопковых районах является незаинтересованность шефствующего предприятия непосредственно в сырье, производимом подшефным колхозом.

Опыт прикрепления отдельных текстильных предприятий к хлопкоочистительным заводам, непосредственно питающим фабрики волокном, говорит о том, что шефство, организуемое по этому принципу, создает большую заинтересованность треугольников фабрики в шефработе, активизируя эту работу.

Подбору кадров для посылки на шефскую работу в Среднюю Азию со стороны треугольников не всегда уделяется серьезное внимание. Так, например, посланный в 1932 г. фабрикой им. Маркова (г. Москва) в подшефный Кардалинский район Титов оказался совершенно политически безграмотным. Выступая в районе на выездном заседании бюро райкома ВКП(б), проводимом в одном из отстающих колхозов по сбору и сдаче хлопка государству, Титов договорился до «ликвидации сплошной коллективизации». Выступление Титова было немедленно исправлено представителем ЦК партии Узбекистана, посланным в район на проведение хлопкоуборочной кампании.

Этот факт говорит о формальном отношении треугольника фабрики им. Маркова к посылке Титова.

По чистке партии 1933 г. Титов из членов партии исключен. Здесь уместно указать на то, что это исключение — вторичное для Титова; первый раз он был исключен в 1929 г., потом восстановлен, об этом партячейка не могла не знать и тем не менее санкционировала посылку Титова в национальный подшефный район.

ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 18, д. 545, лл. 1—57.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеется в виду решение ЦК ВКП(б) от 6 июня 1931 г. «Об очередных задачах по шефству».— 89.
2) Речь идет о постановлении президиума ВЦСПС от 11 сентября 1931 г. «О перестройке рабочего шефства над деревней» (См. сб. «Руководящие материалы по работе профсоюзов». М., 1933, стр. 198—199).— 89.
3) См. «IX съезд профсоюзов. Стенографический отчет». М., Профиздат, 1933, стр. 704, 706.— 90.
4) См. И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 149.— 90.
5) Речь идет о решениях объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося 7—12 января 1931 г. (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, М., 1953, стр. 717—741).— 92.
6) Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 марта 1931 г. «О полном прекращении мобилизации рабочих от станка на нужды текущих кампаний местными, партийными, советскими и др. организациями» (см. «Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам», М., 1931, стр. 844).— 92.
7) Имеется в виду резолюция сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) принятая 29 сентября 1932 г. «О развитии советской торговли» (см. «КПСС в резолюциях...), ч. II, стр. 700—706).— 112.

ПОПЫТКИ С. Ю. ВИТТЕ ОТКРЫТЬ АМЕРИКАНСКИЙ ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК ДЛЯ РУССКИХ ЗАЙМОВ (1898—1902 гг.)

Публикуемые документы взяты преимущественно из хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде фонда Петроградского международного коммерческого банка (ф. 626), во главе которого стоял известный русский банковский делец А. Ю. Ротштейн, правая рука министра финансов С. Ю. Витте во всех его начинаниях на международной банковской арене. Документы относятся к периоду 1898—1902 гг. За исключением первого и последного (записок Витте, извлеченных из фонда Особенной канцелярии по кредитной части при Министерстве финансов — ф. 583), они представляют собой главным образом частную переписку крупных банковских дельцов и являются единственным в своем роде источником о попытках Витте проникнуть на американский денежный рынок и даже широко «открыть» его для русских государственных займов, о чем, как вспоминал агент русского Министерства финансов в Париже А. Г. Рафалович, Витте помышлял еще в бытность свою министром путей сообщения [1].

Из записки, представленной царю в ноябре 1898 г. (см. док. № 1), видно, что в это время Витте находился во власти опасений перед надвигавшимся на русский и европейский рынки кризисом, угрожавшим закрыть европейские рынки для России и ставившим под удар всю экономическую программу Витте, постоянно требовавшую, по его выражению, впрыскивания «мышьяка) в виде иностранных займов как спасительного «средства против бедности» [2].

Состояние же американского денежного рынка в это время не только не внушало Витте никаких опасений, но и вселяло надежду на его способность удовлетворить потребность как в своих внутренних, так и в иностранных займах. Эта надежда находила себе подтверждение и в том, что некоторую встречную инициативу к тому проявила и американская сторона. В переговоры о займе, завязавшиеся в октябре 1898 г., оказалось замешанным и американское дипломатическое ведомство, еще не привыкшее устраивать дела частного американского капитала.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы не дают полной картины происходившего, но они показывают, что переговоры о займе завязались почти одновременно: в Нью-Йорке — через русского генерального консула В. А. Теплова с представителем банкирского дома Беринг Магон и К° Крейном, и в Петербурге — через первого секретаря американской миссии Герберта Пирса, сделавшего предложение русскому Министерству финансов будто бы от имени синдиката, образованного несколькими нью-йоркскими страховыми компаниями и возглавляемого Айвинсом (см. док. №№ 2—3). Речь шла (у Айванса) о 3%-ном займе в 80 млн. долларов, который, как видно из документов, Витте рассчитывал заключить по цене не ниже 93 за 100.

---

[1] См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 476, л. 40 об.
[2] См. ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 34, л. 67.

Однако приехавшие в ноябре 1898 г. в Нью-Йорк для переговоров о займе представители русского Министерства финансов М. В. Рутковский и А. И. Вышнеградский никакого оформленного синдиката страховых компаний не обнаружили, и уже в их присутствии был образован синдикат банкирских домов Дж. П. Морган и К° и Беринг Магон и К° представители которого сделали им предложение о 3,5%-ном займе по цене 92 за 100 с правом публичной подписки по 96. На этом переговоры и оборвались, ибо русские представители нашли предложение американских банкиров «не соответствующим ни положению государственного кредита, ни ценности государственных фондов на иностранных биржах» и в конце декабря уехали из Нью-Йорка ни с чем.

Тем временем, как официально сообщил 20 февраля (4 марта) 1899 г. А. Ю. Ротштейну Г. Пирс, в конце марта в Петербург, по-видимому, для возобновления переговоров, должен был приехать некий представитель американских банкиров, снабженный достаточными полномочиями (см. док. № 4). Но уже в апреле на сцене появляется сам Ротштейн с предложением через американское посольство о встрече с Морганом для непосредственного обсуждения вопроса о займе на условиях 25%-го участия в нем С.-Петербургского международного коммерческого банка (см. док. № 5). Морган сразу же принял предложение, и встреча состоялась в Брюсселе, в конце мая 1899 г. Здесь Морган и Ротштейн, не обсуждая вопроса о займе, только условились о предстоящих переговорах. Результаты брюссельской встречи получили одобрение Витте (см. док. № 7).

Таким образом, дело целиком попало в руки Ротштейна, который начал с того, что открыл переговоры с американской страховой компанией «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» (имевшей свои отделения в России и потому заинтересованной в русских делах) об образовании синдиката для совместного выпуска на американском рынке русского железнодорожного займа. В конце октября 1899 г. в Петербурге были подписаны соглашения о выпуске облигационного 4%-ного займа Владикавказской и Юго-Восточной железных дорог на сумму в 10 млн. долл.; 20% этой суммы взял на себя С.-Петербургский международный коммерческий банк, а 80% «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани». Это заведомо была только пробная операция по «приучению» американского держателя к русским процентным бумагам, осуществление которой и взяла на себя «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани», поставить целью, как выражался второй вице-президент этой компании Перкинс, «заложить прочный фундамент» для предстоящей крупной русской финансовой операции на американском рынке (см. док. №№ 9—14).

Одновременно гораздо более деликатная и политически далеко идущая миссия была возложена на А. И. Коробкова, командированного С.-Петербургским международным коммерческим банком в Нью-Йорк в связи с начавшейся там продажей железнодорожных облигаций и для переговоров с директором «Нэшнэл Сити бэнк» Джемсом Стиллменом по вопросу о совместных выступлениях на Дальнем Востоке на почве торговли. Миссия Коробкова, по-видимому, увенчалась успехом, так как после его возвращения в Петербург завязалась переписка между Ротштейном и «Нэшнэл Сити бэнк» уже о создании для совместных торговых операций на Дальнем Востоке и, в частности, в Китае общего банковского учреждения по образцу Русско-Китайского банка, предположительно с капиталом в 5 или 10 млн. руб., с правлением в Петербурге и агентствами в Нью-Йорке (см. док. №№ 15—18).

Все это закончилось поездкой в Нью-Йорк в июне 1900 г. самого Ротштейна для переговоров сразу с Морганом — о займе и Стиллменом — о дальневосточных операциях (см. док. №№ 19—32). Переговоры со Стиллменом, о которых Ротштейн открыто заявлял, что они-то и явились причиной его приезда в Нью-Йорк, предпочитая одновременно умалчивать о займе, были встречены весьма сочувственно американскими банковскими дельцами, заинтересованными в операциях на Дальнем Востоке. По существу они носили антианглийский характер, так как учреждение задуманного банка способствовало бы перенесению центра международных финансовых расчетов из Лондона в Нью-Йорк, что широко подчеркивалось американской печатью.

Те и другие переговоры происходили в обстановке начавшегося в Китае антиимпериалистического восстания «Ихэтуань», и Витте пришлось согласиться даже на менее выгодные условия займа, чем те, которые Морган предложил русским представителям в ноябре 1898 г. и которые они тогда отвергли, как неприемлемые. Теперь Витте не только дал согласие на 50% участие в займе ротштейновского банка, но вынужден был примириться и с тем, что Морган, ссылаясь на «китайские события», вовсе отказался от подписания уже готового контракта займа, сохранив за собой право сделать заем в более подходящее время (см. док. № 47).

Однако удобный момент так и не представился. Попытка договориться с Морганом о реализации в Америке хотя бы 4% обязательств Государственного казначейства тоже потерпела неудачу. В ноябре 1900 г. Морган телеграфировал об окончательном отказе от проведения на американском рынке какой бы то ни было русской операции.

Таким образом, «моральный успех» американского займа, о котором так хлопотал Витте, отошел в будущее, и ему пришлось вернуться все к той же французской бирже, от которой он имел в виду освободиться, отпуская Ротштейна в Нью-Йорк летом 1900 г., и заключить там в 1901 г. 4%-ный заем на 159 млн. руб.

Как же понять помету Витте на письме Ротштейна, в котором последний сообщал об окончательном отказе Моргана принять участие в русском займе: «Будьте любезны попросить к себе Ротштейна и передать ему от меня, что я его прошу *никогда и ни с кем*, без *моего всякий раз разрешения* [1], не сноситься с заграничными банкирами по вопросам, касающимся денежных операций русского правительства, поскольку сии операции касаются сего правительства, т. е. всяких посредственных и непосредственных займовых операций. Объясните ему, что подобные сношения, приводя заграничных банкиров к предположению, что правительство нуждается в деньгах, ищет займов,— существенно портят государственный кредит» (см. док. № 53) Создается впечатление, будто вся затея с открытием американского рынка была не более, как проделкой Ротштейна. Нет ли здесь прецедента эпизоду, имевшему место с тем же Ротштейном в 1901 г., когда такую же неожиданно грубую реакцию вызвала у Витте неудачная попытка Ротштейна протащить в договор с Китаем постройку железнодорожной линии на Пекин через Ургу-Калган из Монголии, когда виновником собственной, по сути дела, неудачи Витте выставил в широко разглашенной потом, по-видимому, резолюции Ротштейна [2].

В дальнейшем Витте не остановился перед тем, чтобы открыть в 1901 г. таможенную войну с Америкой на почве применения американцами тарифа Дингли 1897 г., видимо, считая отказ Моргана окончательным и руки свои не связанными надеждой на быструю перемену конъюнктуры [3]. Более того, возникшая в конце 1902 г. угроза кризиса на нью-йоркской бирже побудила Витте на время вовсе прервать связи с американским денежным рынком, что он и сделал, осуществив перевод в Европу всех средств Государственного казначейства, находившихся на счетах нью-йоркских банкиров, за исключением суммы в один миллион долларов, необходимой для оплаты купонов русских железнодорожных займов (см. док. № 54) [4].

Б. А. Романов | *Б. В. Ананьич*

---

[1] Подчеркнуто С. Ю. Витте.

[2] См. Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии. Л., 1928, стр. 600—601. «Когда вернется Ротштейн,— распорядился в 1901 г. Витте,— прошу передать ему, что я крайне недоволен... и что мне надоело постоянно иметь неприятности из-за действий г. Ротштейна, что, если это будет еще повторяться, буду вынужден принять меры».

[3] См. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.—Л., 1955, стр. 499—500.

[4] При редактировании переводов публикуемых документов учтены замечания В. С. Люблинского.

№ 1

Всеподданнейшая докладная записка С. Ю. Витте «Об угнетенном положении европейских денежных рынков»

4 ноября 1898 г.

За последнее время в состоянии европейских денежных рынков замечается повсеместно сильное ухудшение. Учетный процент наиболее крупных эмиссионных банков, державшийся 2 года тому назад в Англии в среднем на высоте 2,5%, во Франции — 2% и в Германии — 3,6%, ныне повышен в Англии до 4%, во Франции до 3%, а в Германии до $5^1/_2$%. В соответствии с возвышением учетного процента понизились и цены на процентные бумаги. Германский 3% заем, отмечавшийся год тому назад по 97%, ныне стоит около 93%, тому же движению в сторону понижения последовали французские бумаги, а английские консоли, курс которых еще в прошлом году достигал $113^3/_4$%, в течение последнего времени опускались до 107%. Такое резкое падение английских бумаг, конечно, в известной степени может быть объясняемо влиянием опасения разрыва Франции с Англией из-за Фашоды. Тем не менее причины угнетенного настроения денежных рынков Европы должны быть признаны более глубокими, так как и после наступившего успокоения, вследствие сделанной Францией уступки, общее положение денежных дел не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Такое заключение позволительно сделать ввиду последовавшего 29 октября сего года возвышения Германским банком учетного процента до $5^1/_2$%, т. е. до такой нормы, какая этим банком не устанавливалась с 1890 года, во время известного краха банкирского дома Бр. Беринг в Лондоне [1]. Вследствие сего едва ли можно рассчитывать на более или менее прочное улучшение настроения и оживление денежных рынков в ближайшем будущем. А так как отмеченное явление для России, нуждающейся в заграничном государственном кредите, имеет особенно важное значение, то я почитаю долгом своим всеподданнейше представить вашему императорскому величеству возможно кратко как о причинах нынешнего положения вещей, так и о выводе, неизбежно из сего вытекающем.

Для уяснения дела надлежит обратиться к рассмотрению событий финансово-политической истории за последние 10—15 лет. Этот период времени должен быть признан благоприятным для беспрепятственного экономического развития Европы. Пользуясь благодеянием мира, сохранением которого Европа, по общему признанию, была обязана главным образом миролюбию в бозе почивающего императора Александра III, промышленная деятельность и торговля, а вследствие сего и накопление сбережений, сделали значительные успехи. Наряду с этим на европейские биржи, в течение того же времени, поступало в изобильном количестве золото как из мест его добычи, так и из Соединенных Штатов Северной Америки. Это государство, вследствие неразумной политики в деле денежного обращения, пережило в последние годы серьезный денежный кризис.

Борьба приверженцев серебра со сторонниками здорового денежного обращения, исход которой представлялся не вполне определенным, имела своим последствием возникновение среди европейских капиталистов опасения государственного банкротства Северо-Американских Соединенных Штатов, а равно общее расстройство денежных дел страны. Под влиянием этих обстоятельств и вызванных ими продаж обратно в Америку части размещенных в Европе ценностей, золото массами вывозилось из Соединенных Штатов и поступало на европейские биржи, содействуя их общему твердому настроению.

В силу указанных обстоятельств (накопления капиталов путем сбережений и прилива золота в Европу) общий процент на капитал понижался весьма быстро. Достаточно указать, что Россия еще в 1883 г. должна была заключать займы из 6%, между тем как в последнее время нормальной высотой роста для ее обязательств следует считать $3^3/_4$%. Вместе с тем, обилие золота позволило нам заключить на западноевропейских биржах, без их обременения, займы как для целей новых круп-

[1] Сегодня получил телеграмму, что Германский банк вновь возвышает учетный процент до 6%.— *Примечание документа.*

ных предприятий, главным образом постройки железных дорог, так и для проведения денежной реформы.

Описанное положение дел в последние годы существенно изменилось. Изменение это произошло, с одной стороны, по чисто экономическим причинам, с другой же стороны — под влиянием недавних политических событий. К экономическим причинам должно отнести значительное возрастание спроса на капиталы. Потребность в капиталах уже и ныне представляется в сильной степени превышающей наличное их количество, между тем в будущем предвидятся еще немалые требования. Главным образом в громадных капиталах нуждается промышленная эксплуатация Дальнего Востока, вовлеченного в круговорот общей торгово-промышленной жизни вслед за японско-китайской войной. Самая война потребовала также значительных средств для ее ведения и уплаты Китаем военного вознаграждения Японии.

Между тем один из факторов обилия золота в Европе — прилив его из Америки — не только потерял значение, но даже сменился обратным явлением. Избрание Мак-Кинлея президентом Северо-Американских Соединенных Штатов обеспечило победу противников господства серебряного денежного обращения и тем, вселив в Европе вновь доверие к государственному хозяйству Америки, открыло европейские рынки для американских ценностей. Это обстоятельство и в особенности же реализованные Америкой по хорошим ценам отличные урожаи хлебов последних 2 лет вызвали значительный отлив золота из Европы в Америку. С другой стороны, в самой Европе, по преимуществу в Германии, наблюдается сильное оживление промышленной деятельности, что, в свою очередь, вызывает спрос на большие капиталы, которому должны удовлетворить те же европейские рынки, уже ослабленные отливом средств на Восток и в Америку.

Столь же, если еще и не более неблагоприятное влияние на денежные рынки оказывают современные международные политические отношения. Последние события на Востоке, и в особенности приобретение Германией и Россией части территории Китая (захват Германией бухты Киао-Чеу и занятие нами порта Артура и Да-Ляньваня), произвели сильное впечатление на английский народ, который видел в них ряд поражений английской политики. По сообщению нашего посла в Лондоне, национальное самолюбие англичан глубоко уязвлено, причем во всех слоях общества распространилось мнение, что Англия не занимает в мировой политике подобающего ей положения. Ввиду сего общественное мнение в Англии до такой степени возбуждено, что достаточно было инцидента ничтожной сравнительно важности, как занятие Францией Фашоды, чтобы вызвать взрыв негодования среди английского народа. Уступка, сделанная Францией по этому вопросу, по словам барона Стааля[1], не только не произвела успокоительного действия, но имела результатом возникновение мнения, будто успех Англии в данном деле следует приписать не благоразумию французского правительства и народа, а исключительно твердой настойчивости английского правительства, не отступившего даже от угроз войной. Такое объяснение причины успеха Англии в столкновении ее с Францией побуждает английское общественное мнение требовать от своего правительства подобного же образа действий и по отношению к другим, интересующим Англию, вопросам внешней политики. При подобном настроении английского народа совершенно естественно, что и денежный рынок этого государства, первый в мире по своему богатству и влиянию на общий ход дел, находится в крайне беспокойном и угнетенном настроении, каковое настроение передается и на все остальные биржи Европы.

Достойно внимания, что, невзирая на все приведенные неблагоприятные обстоятельства, к которым еще надо присоединить недород хлебов в Восточной России, русский денежный рынок, сравнительно с европейскими, пострадал весьма незначительно. Учетный процент поднялся с $4^1/_2$ до $5^1/_2$%, т. е. в значительно меньшей степени, чем в Западной Европе. Цены русских процентных бумаг также упали в среднем лишь на 1—$1^1/_2$%, тогда как понижение иностранных бумаг значительно больше. Что же касается до русской валюты, то она ценится даже дороже стоимости заключающегося в ней золота.

Такое устойчивое положение русского денежного рынка является всецело по-

следствием совершенной по воле вашего императорского величества денежной реформы.

В недавнем еще прошлом, при отсутствии размена кредитных билетов, не только подобное настоящему положение дел, но даже лишенные основания политические слухи производили нередко чрезвычайно сильные колебания курса рубля. Неустойчивость же в курсе рубля влияла косвенным образом и на цены наших процентных бумаг, держатели коих чутко следили за состоянием курса нашей валюты. При современном положении международного рынка, если бы не была произведена денежная реформа, иностранные капиталисты, из опасения падения курса рубля, стремились бы извлечь из России помещенные ими капиталы. Результатом сего явился бы большой спрос на иностранную валюту, который, при отсутствии размена, повлек бы за собою понижение курса рубля. Этим последним обстоятельством, в свою очередь, не замедлила бы воспользоваться спекуляция на понижение, которая вызывала бы тем самым громадное падение курса и наших процентных бумаг.

На основании приведенных соображений позволительно утверждать, что если бы Россия оставалась при неразменном бумажно-денежном обращении, то русский денежный рынок находился бы при настоящих условиях в самом печальном положении.

Все упомянутое о ходе дел на рынках иностранных и русском приводит к заключению, что пользование первыми для реализации крупных капиталов едва ли возможно впредь до наступления успокоения в международной политике и восстановления равновесия в денежных делах, русский же рынок, сравнительно бедный капиталами, едва удовлетворяет потребностям земельного и местного кредита. Посему на некоторое время приходится приостановиться приведением в исполнение новых крупных мероприятий, требующих займов.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше довести до высочайшего вашего императорского величества сведения.

Статс-секретарь Сергей Витте

На полях пометы: рукою Николая II — знак прочтения; рукою Витте — 4 ноября 1898 г. Ливадия.

ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 311, лл. 131—138.— Подлинник.

№№ 2—8

ПЕРЕГОВОРЫ О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ЗАЙМЕ В АМЕРИКЕ

(Декабрь 1898 г.— июнь 1899 г.)

№ 2

Письмо американского финансиста У. М. Айвинса посланнику США в России И. Хичкоку

Нью-Йорк, 18(30) декабря 1898 г.

Дорогой Хичкок[1], пишу это письмо, вот уже в течение десяти дней прикованный к постели. Я прилагаю копии телеграмм, которыми мы обменивались, кончая нашей последней[2]. Причина моего вопроса: была ли моя телеграмма от 2-го сообщена правительству, заключается в том, что в ней я сообщил, что считаю самой высокой ценой, которую можно было бы назначить, 92. Эта телеграмма, как я уже сообщал в предыдущем письме, в действительности была продиктована г. Морганом[2)], и я удовлетворен тем, что, поскольку г. Морган и его друзья считают факт признания цены 92 не вызывающим возражений, есть основание верить в возможность заключения сделки по этой цене. Пока русское правительство еще ожидало определенного предложения отсюда, оно отправило г. Вышнеградского[3)], по-видимому, в качестве специального агента, чтобы он мог заняться этими делами здесь,

[1] Hitchcock.

[2] Приложения в деле отсутствуют.

на месте. По приезде сюда он сообщил мне, что выехал из Петербурга 28 ноября. Через несколько дней после его приезда он и г. Рутковский [4)] попросили меня представить их банкирам, что я и сделал. Их присутствие здесь при нынешних обстоятельствах не помогло делу, ибо оно делало явным сильное желание со стороны России [заключить заем]. Было совершенно несущественно, что могли сказать эти господа, вроде того, «что Россия не нуждается в займе и т. п.», их присутствие полностью опровергало их заявления. Все шло гладко и хорошо, пока сначала не появился здесь г. Рутковский, а затем г. Вышнеградский. Рутковский, судя по его собственному рассказу, посетил нескольких нью-йоркских банкиров с целью выяснить, вероятно ли, что в Соединенных Штатах имеются свободные капиталы, наличие которых оправдывало бы активное участие американских банкиров в русском займе. До сего времени все наши переговоры держались в строжайшем секрете. Сразу же после приезда г. Рутковского дело стало предметом частного обсуждения, а затем через несколько дней было предано широкой огласке в Чикаго г-ном Икклзом [1], бывшим контролером казначейства. Это вызвало многочисленные газетные толки, которые, я знаю, очень раздражают русских и заставляют их говорить, что обсуждение дела причиняет ущерб русскому кредиту [5)]. Газеты, не имея возможности раздобыть сколько-нибудь точную информацию, телеграфировали в Петербург и в ответ получили сообщение о том, что г. Пирс [6)] сделал официальное предложение русскому правительству от имени синдиката, представляемого мною. Тогда все журналисты насели на меня. Разумеется, все, что я мог сделать,— это отказаться дать объяснения. Между тем, стало очевидно также, что сильное еврейское и германское влияния действуют здесь с целью повредить русскому кредиту на нашем рынке. К моему глубокому огорчению и искреннему сожалению, все это, естественно, оказало очень плохое влияние на наших русских друзей здесь. Они немедленно начали настаивать или на соглашении с г. Морганом, или на отъезде вообще. Разумеется, в таких условиях нельзя было торопить наших банкиров. Морган не хотел выдвигать свои предложения, русские начали с заявления, что они хотят 97, кончили тем, что взяли бы по 96¾, затем, под самый конец, дали понять, что сделка могла бы быть заключена и при 94¾. Как Вы сразу уже видите, это был плохой торг с их стороны, такой торг, естественно, ни к чему не может привести, если имеешь дело с таким опытным человеком, как г. Морган, который превосходно знает, чего он хочет. Я не присутствовал при встрече с г. Морганом, но г. Крейн [7)] был, и я передаю факты так, как он их мне рассказывал. Более того, я нахожу, что все дело было затруднено из-за соперничества между самими русскими. Г-н Рутковский дал мне ясно понять, что он не заинтересован в продвижении этого дела, и я убежден, потому, что он считает, что вся честь от этого дела, если что-нибудь и выйдет, достанется генеральному консулу, а не ему. Мне известно из Вашингтона, что граф Кассини [8)] не был склонен содействовать делу из-за того, что переговоры были начаты через ваше посольство, а не через его. Г-н Вышнеградский приехал раньше, чем это было желательно, а когда он появился здесь, повел себя крайне нерешительно и как особоуполномоченный [начал] вмешиваться в регулярную работу агента г. Рутковского, последний же не проявил особенного желания помогать делу. Очевидно, русский министр финансов не представлял, что в действительности потребуется по крайней мере некоторое время, чтобы образовать синдикат с капиталом в 80 000 000 долларов для такого совершенно нового на здешнем рынке дела, как русский заем. Все шло самым благоприятным образом до приезда г. Рутковского, начавшего действовать на рынке на свой страх и риск, и пока не приехал г. Вышнеградский, чтобы настаивать на немедленном заключении сделки. Эффект получился плачевный. Одно время мне казалось, что в результате для банкиров будет невозможно сделать им какие бы то ни было предложения. Позднее, как я уже сообщал, Морган все-таки предложил им 92. Они заявили, что принять такое предложение или что-нибудь подобное этому было бы разорительно для русского кредита. Ни г. Вышнеградский, ни г. Рутковский не являются финансистами, и ни

[1] Eckles.

тот, ни другой были не способны давать такую информацию г. Витте, которая помогла бы ему довести переговоры до более благоприятного конца. Поскольку сделка не состоялась, участники, естественно, начали искать других дел. Затем г. Крейн и я — оба заболели, а г. Морган стал готовиться к отъезду в Европу. Он выехал 28-го на том же пароходе, что и г. Вышнеградский. Если бы я был достаточно здоров и обстоятельства этого потребовали, я, не колеблясь, сел бы на пароход и отправился в Петербург после того, как получил Вашу телеграмму от 26-го числа. Однако, чтобы достичь хоть чего-нибудь, мне было бы необходимо образовать новый синдикат и, как Вы говорите, заставить участников снабдить меня полномочиями. Прежде всего, после того, как русские ясно и официально сообщили здешним банкирам, что Россия не ищет займа, банкиры не стали бы верить моим неофициальным утверждениям больше, чем их собственным официальным сведениям. Но даже если бы они и поверили, то было бы совершенно невыполнимо образовать условный синдикат, могущий дать полномочия, которыми его участники были бы связаны на какое-то неопределенное время в будущем. Ясно, что был только один путь провести дело — это путь, по которому мы следовали. Когда г. Рутковский начал свое изучение рынка, мы были очень осторожны и предусмотрительны по отношению к русскому кредиту, и мир ничего бы не потерял, если бы г. Рутковский оставил все так, как есть. Мы бы сделали официальное предложение, сообщив имена всех участников синдиката. Если бы предложение оказалось удовлетворительным, дело было бы сделано и русский кредит получил бы помощь. Если нет, то оно было бы отклонено, а тот факт, что предложение было, не должен был бы стать известным кому-либо за пределами канцелярии посольства. Мне трудно выразить, как я сожалею о том, что не удалось сблизить русский и американский денежные рынки. Время для этого совсем приспело, и я не могу не думать, что переговоры могли бы пройти успешно, если бы не некоторые обстоятельства, связанные с позицией г. Витте, которые явились причиной образа действий его представителей здесь. Я прошу извинить меня за то, что я не подписываю это письмо сам. Я продиктовал его моему секретарю дома и не успею перечитать его и подписать, если отправлять его с этой почтой. Надеюсь, поэтому Вы простите меня. Считаю своим долгом искренне поздравить Вас с назначением в Министерство внутренних дел и пожелать Вам всяческого успеха. Трудно выразить, как сильно я желаю, чтобы эти переговоры о русском займе были успешно завершены в течение Вашего пребывания в Петербурге.

Преданный Вам У. М. Айвинс[1]

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, лл. 2—6.— Копия на английском языке.

№ 3

Письмо А. П. Кассини товарищу министра иностранных дел России В. Н. Ламздорфу

Вашингтон, 26 декабря 1898 г. (7 января 1899 г.)

Секретно

Милостивый государь граф Владимир Николаевич, я имел честь получить секретную телеграмму от 16 ноября минувшего года, в коей ваше сиятельство, уведомив меня о командировке нашим Министерством финансов в Соединенные Штаты надворного советника Вышнеградского для ведения переговоров и заключения займа в Америке, просили меня оказать названному чиновнику содействие для исполнения возложенного на него поручения. Прежде сего мною получена была копия с донесения нашего генерального консула в Нью-Йорке к вашему сиятельству от 16 октября того же года за № 1526, в коем действительный статский советник Теплов, указывая на обилие наличных свободных капиталов в Соединенных Штатах, высказал предположение о возможности помещения нашего внешнего займа на

[1] Ivins Wm. M.

американском рынке. В то же время наш генеральный консул в Нью-Йорке сообщил, что им уже начаты через посредство г-на Крейна (M. Crane), одного из глав банкирского дома «Baring Magoun & C°», секретные переговоры об условиях, на коих могло бы состояться заключение означенного займа, равно как и то, что крупные страховые общества, как «Equitable Life Insurance Company», «Mutual Life Insurance Company», «New-York Life Insurance Company» и проч. обещали составить синдикат для принятия на себя всей суммы займа полностью. Принимая во внимание вышеизложенное, равно как и то, что подобное же предложение было сделано в С.-Петербурге нашему министру финансов через посредство поверенного в делах Соединенных Штатов, действовавшего, однако, по своей личной инициативе, а не по предписанию федерального правительства, от имени г. Айвинса, выдавшего себя за представителя вышеупомянутого синдиката, статс-секретарь Витте признал своевременным командировать в Нью-Йорк чиновника Министерства финансов для заключения и подписания американского 3% займа.

Как однако выяснилось по прибытии в Нью-Йорк надворного советника Вышнеградского и состоящего при посольстве в Вашингтоне агента Министерства финансов Рутковского, вопрос о помещении свободных ресурсов на крупные суммы в русских государственных фондах вовсе не обсуждался вышеупомянутыми страховыми обществами и компаниями трестов, и между названными кредитными учреждениями не было никаких совещаний как между ними, так и с г. Айвинсом относительно составления синдиката и предложения русскому правительству купить государственные фонды каких-либо наименований. Равным образом оказалось, что г. Айвинс, делая в С.-Петербурге предложение через поверенного в делах Соединенных Штатов, не имел полномочий кредитных учреждений предлагать заем императорскому правительству. Таким образом, ко дню прибытия в Нью-Йорк уполномоченного и агента Министерства финансов не было составлено никакого синдиката, и лишь по заявлению представителей Министерства финансов, что они готовы выслушать предложение кредитных учреждений, о которых было сообщено министру финансов, составление синдиката было принято банкирским домом «Baring Magoun & C°».

Однако предложение синдиката, составленного названным банкирским домом при посредстве известного крупного банкирского дома «Pierpont Morgan» и согласившегося взять государственный 3½% заем по цене 92 за 100 и с правом выпустить его для публики по 96, показалось представителям Министерства финансов не соответствующим ни положению государственного кредита, ни ценности государственных фондов на иностранных биржах, ввиду чего, после того как вышеупомянутый синдикат не признал возможным взять на себя размещение займа по указанной Министерством финансов цене 93 за 100 по 3%, переговоры о займе были немедленно прерваны и надворный советник Вышнеградский уехал в С.-Петербург.

Не отрицая в принципе возможности помещения русского государственного займа в Соединенных Штатах на условиях, соответствующих желанию нашего правительства, я считаю своим долгом обратить внимание вашего сиятельства на то, что к предложениям здешних банкиров должно относиться весьма осторожно и осмотрительно. Как доказала вышеупомянутая, к сожалению, неудачная, попытка заключить означенный заем в Нью-Йорке, переговоры о займе должны происходить не через посредство комиссионеров, каким является г. Айвинс, желающих теми или другими способами выведать условия нашего правительства, а непосредственно с представителями крупных кредитных учреждений. В противном случае мы являемся ищущими рынка для помещения своего займа, а не американские банкиры предлагающими нам свои услуги, и как таковые не можем рассчитывать на укрепление нашего кредита за границей. Неудачное возбуждение дела о займе нашим генеральным консулом в Нью-Йорке, имевшим, без сомнения, в виду пользу оного, но действовавшим на свой страх, без каких-либо полномочий из С.-Петербурга, на месте, а не через посредство императорского министерства или посольства в Вашингтоне, должно надеяться, не будет иметь серьезных последствий для успеха

дальнейших наших действий на почве заключения займа в Соединенных Штатах, тем не менее излишняя доверчивость действительного статского советника Теплова к мелким банкирским деятелям, как оказалось в данном случае, может повлечь к преждевременному обнаружению финансовых расчетов нашего правительства.

В заключение считаю долгом обратить внимание вашего сиятельства на то, что неуспех настоящей попытки заключить заем в Соединенных Штатах никоим образом не имеет политического характера и что заявление североамериканского поверенного в делах в С.-Петербурге было сделано по его личной инициативе, а ни в коем случае по предписанию вашингтонского правительства. Я убежден, что по прошествии некоторого времени, когда неудобные толки в публике и печати о заключении Россией займа в Америке прекратятся за недостатком пищи, переговоры о займе непосредственно с крупными банкирскими учреждениями не замедлят привести к благоприятному результату.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Гр. Кассини[9]

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 219, лл. 5—8.— Копия.

№ 4

Письмо А. Ю. Ротштейна С. Ю. Витте

Петербург, 20 февраля (4 марта) 1899 г.

Господин министр, г. Пирс, поверенный в делах посольства Соединенных Штатов Америки, нанес мне сегодня визит и сообщил, что представитель американских банкиров, снабженный достаточными полномочиями, прибудет сюда через три недели. Я ответил ему, что я не могу сделать никаких сообщений министру, пока сам не удостоверюсь в этих полномочиях, и я добавил, что сомневаюсь в возможности приезда этого лица. Г. Пирс ответил, что это достоверный факт.

Я считаю своим долгом поставить ваше превосходительство в известность о вышесказанном, но я могу взять на себя ответственность только за то, что дословно воспроизвел наш разговор.

Примите, господин министр, выражение чувства глубокого уважения, с которым остаюсь преданный Вам

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, л. 11.— Копия на французском языке.

№ 5

Письмо Г. Д. Пирса Дж. П. Моргану в Лондон

Петербург, 15 (27) апреля 1899 г.

Лично и доверительно

Милостивый государь, по предложению г. У. М. Айвинса, поддержанному Итеном А. Хичкоком, я осмеливаюсь представить на Ваше рассмотрение предложение относительно возможности размещения русского займа в Америке, которое, я надеюсь, Вы не сочтете неудобным принять.

Адольф Ротштейн, директор Петербургского международного коммерческого банка, заявил мне, что он совершенно уверен в том, что если бы ему представилась возможность войти в переговоры непосредственно с Вами, то вопрос о выпуске займа русского правительства мог бы быть разрешен на условиях, вполне устраивающих обе стороны, и что он мог бы, со своей стороны, взять на себя одну четвертую часть займа с тем, чтобы распределить ее между своими клиентами. Г-н Ротштейн состоит в тесных отношениях с г. Витте, русским министром финансов, и разместил много

займов русского правительства. Поскольку г. Ротштейн, как и Вы, играет руководящую роль в финансовой жизни своей страны, то он не расположен приглашать Вас или искать встречи с Вами, не будучи уверен, что Вы желаете того же, но он заявил мне, что если бы я мог заверить его от Вашего имени, что Вы были бы готовы встретиться с ним для обсуждения вопроса о русском правительственном займе, то он был бы совершенно готов встретиться с Вами в любом пункте Европы, приемлемом для обеих сторон. Он считает, что Дувр в Англии был бы подходящим местом, чтобы избежать огласки, которую дело могло бы получить, если бы встреча состоялась, например, в Лондоне. Я не счел себя вправе, принимая во внимание мое положение в отношении этого дела, очень уж досаждать г. Ротштейну расспросами, но у меня есть основания думать, что он располагает информацией, которую он хотел бы сообщить кому-нибудь находящемуся в таком же ответственном положении, как Вы или Ваш агент, пользующийся полным Вашим доверием и снабженный всеми полномочиями, и которая относится к вопросу об условиях, при которых возможно было бы договориться с русским правительством.

Хочу добавить, что я заинтересован в этом деле только с точки зрения развития дипломатических и коммерческих связей обеих стран, которые, как я имел возможность убедиться в течение моего пятилетнего пребывания в России на официальном посту, очень выиграли бы от размещения русского займа в Америке. В то же время я не упускаю из виду того обстоятельства, что Вам необходимо рассматривать вопрос с чисто финансовой точки зрения. В этом смысле, если бы была возможность, а я верю, что она есть, сделать так, чтобы финансовые условия могли бы удовлетворить русские и американские интересы, я и беру на себя смелость предложить конфиденциальный обмен взглядами между Вами и г. Ротштейном, а так как Ротштейн теперь в Австрии, в пункте, более удобном для него, чем С.-Петербург, чтобы выехать для встречи с Вами, а также ввиду возможности Вашего выезда, я хотел бы предложить, в случае если Вы согласны с предложением о конфиденциальной встрече между Вами и г. Ротштейном, чтобы Вы телеграфировали мне через американское посольство в С.-Петербурге, когда мне условиться с г. Ротштейном о его выезде для встречи с Вами.

Чтобы облегчить дело и избежать огласки, я Вам скажу, что у меня есть Lieber Standart Telegraphic code. Захотите Вы сообщить: «Я был бы рад встретиться с Ротштейном», я пойму это, если Вы телеграфируете мне «Bolen», если же за этим еще последует название города в Европе, то я пойму, что Вы предпочитаете этот город, как место встречи.

Остаюсь, милостивый государь, уважающий Вас.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, лл. 7—9.— Копия на английском языке.

№ 6

Письмо А. Ю. Ротштейна А. Ротшильду[10] в Париж

Петербург, 2 (14) мая 1899 г.

Многоуважаемый барон, позволю себе сослаться на мои прежние сообщения, в которых я Вам сообщал о хлопотах здешнего американского посольства для того, чтобы осуществить сближение между моим учреждением и некоторыми американскими финансистами, в первую очередь Пирпонтом Морганом. Перед моей последней поездкой я определенно высказался, что мне было бы легче всего встретиться с г. Морганом где-нибудь по пути из Вены, но, разумеется, только при условии, что предложение о встрече будет исходить от него. Соответствующее письмо, по-видимому, запоздало, потому что американское посольство только сегодня получило ответ от Моргана, который дословно гласит: «Я буду рад встретиться с г. Ротштейном», и предлагает мне встречу в Париже, Брюсселе или Лондоне до 6 июня. Я ответил, что в данный момент чрезвычайно занят здесь, но в течение данного срока

мог бы, конечно, найти возможность выехать отсюда на несколько дней для встречи с г. Морганом. Я не хотел оставлять Вас в неведении об этом и вместе с тем я прошу Вас содержать это сообщение в строжайшей тайне. В случае, если Вы того пожелаете, я наверное смогу во время этого путешествия, не привлекая внимания, на несколько часов приехать в Париж. Я имел бы тогда лучший случай обсудить с Вами различные финансовые намерения относительно английского рынка, осуществление которых, впрочем, мне кажется еще под вопросом. Прошу Вас принять мои уверения в моем совершенном уважении

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, л. 12.— Копия на немецком языке.

№ 7

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. П. Моргану в Нью-Йорк

Петербург, 25 мая (6 июня) 1899 г.

Милостивый государь,

я счел своим долгом, воспользовавшись разговором с г. Витте, ознакомить его с результатами нашей встречи [11]. Я убедил его, что мы оба, по личным причинам и принимая во внимание предстоящие переговоры, условились не обсуждать специальных вопросов, но что я имел возможность убедиться в Вашем дружеском расположении к русским финансам и в Вашем желании, если представится случай, заняться русским делом. Я сказал министру, что мы условились, что по Вашему поручению в нужный момент я сообщу об этом, и добавил, что я заверил Вас в том, что он, без сомнения, был бы рад вступить в непосредственные сношения с Вами и что Ваше высокое положение, авторитет и позиция были бы приняты во внимание при этом.

Г. Витте отнесся с большим интересом к моему сообщению и сказал, что он вполне согласен с моей точкой зрения, и поручил мне передать это Вам, добавив, что он надеется, что если и были некоторые недоразумения в ранее имевших место переговорах, то они отменены нашей беседой. Я посылаю Вам в отдельном конверте два кода Русско-Китайского банка, которые Вы можете использовать для переписки со мной по телеграфу — адрес: «Ротштейн, С.-Петербург»; этого достаточно. Я посылаю Вам образец русской правительственной облигации и контракт последнего займа, заключенного с братьями Ротшильд, а также образцы последних железнодорожных закладных листов.

Если они Вас устроят, Вы сообщите мне Ваши замечания, и мы сможем приготовить проект контракта, который мог бы пригодиться для возможного будущего дела. Мой коллега Кох [12] просит передать Вам привет, и я не могу не воспользоваться случаем сказать, что я был очень рад познакомиться с Вами.

Остаюсь, милостивый государь, искренне Ваш

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, лл. 29—31.— Копия на английском языке.

№ 8

Письмо А. Ю. Ротштейна Г. Д. Пирсу

Петербург, 25 мая (6 июня) 1899 г.

Милостивый государь, беру на себя смелость послать Вам приложенную к сему копию письма, которое я написал сегодня г. Моргану [1].

Мне представился случай переговорить с г. Витте о слухах, циркулирующих о проекте займа с «Беринг Магон и К°» или их лондонским домом. Витте поручил мне опровергнуть эти слухи самым решительным образом.

Примите, милостивый государь, уверения в моих самых искренних чувствах.

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, л. 32.— Копия на французском языке.

[1] См. предыдущий документ.

№№ 9—14

ВОКРУГ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ЗАЙМА

(Октябрь 1899 г.— февраль 1900 г.)

№ 9

Письмо американских банкиров Дж. У. Перкинса и У. Е. Ингерсолла С.-Петербургскому международному коммерческому банку

Петербург, 7(19) октября 1899 г.

Имея намерение взять за общий с Вашим банком счет русский 4% железнодорожный заем, гарантированный русским императорским правительством, мы согласны образовать вместе с Вами для этой цели синдикат, в котором наша «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» возьмет на себя 80% (восемьдесят процентов) и Ваш банк возьмет на себя 20% (двадцать процентов).

Целью синдиката будет заключение займа русским правительством на 15 млн. (пятнадцать миллионов) рублей железнодорожных 4% облигаций, гарантированных правительством, и реализация их в Америке.

Мы пришли к соглашению, что для того, чтобы принять участие в этом деле, Вы телеграфируете его превосходительству русскому министру финансов г. Витте, в соответствии с приложенным проектом.

Если наше предложение будет принято министром финансов или если переговоры, имеющие открыться на базе этих предложений, будут успешны, один или более снабженных соответствующими полномочиями представителей «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» прибудут в Петербург с целью подписания, совместно с Вашим банком, контракта займа с русским правительством или, соответственно, с железнодорожной компанией.

Условлено, что после доставки облигаций каждый из нас предоставляет суммы в соответствии с его долей участия прямо в распоряжение продавца, т. е. русского правительства.

С другой стороны, реализация займа на американских рынках будет производиться за общий с Вашим банком счет через «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани».

Расходы на рекламу займа в Америке и проч. будут оплачиваться нашей компанией и удерживаться из доходов от продажи займа. Таким же образом Международному банку должны быть уплачены определенные издержки, которые должны быть произведены им за счет синдиката.

Доходы от реализации должны быть распределены между нашей компанией и Вашим банком в той же пропорции: 80% и 20%.

Имеется в виду, что расчеты по займу с русским правительством или, соответственно, с железнодорожной компанией должны производиться Международным банком, тогда как наша компания должна представлять синдикат в Америке. Цены и условия продажи должны будут быть установлены, однако, «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани», но не ниже покупной цены.

Как только облигации будут проданы, «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» должна поставить доходы в распоряжение Вашего банка пропорционально доле Вашего участия в синдикате.

Пожалуйста, подтвердите Ваше согласие с содержанием этого письма [13]).

Остаемся, милостивые государи, искренне Ваши.

От «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» Дж. У. Перкинс, второй вице-президент; У. Е. Ингерсолл, генеральный директор для Европы.

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 45—46.— Копия на английском языке.

№ 10

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Петербург

Лондон, 15(27) ноября 1899 г.

Мой дорогой г. Ротштейн, Вы узнаете из этого письма, что я в Лондоне. В течение прошлой недели или десяти дней в парижских и лондонских газетах относительно большое и в нью-йоркских очень большое место отводилось слухам о трудностях, в которых запутался г. Витте, и о его попытке покончить с собой. Я сделал все возможное, чтобы опровергнуть эти слухи. Я несколько раз телеграфировал о них в Нью-Йорк и получил ответы. Нашим в Нью-Йорке совершенно очевидно, что кто-то заинтересован в самом широком использовании этих слухов в Америке, и мы уже предприняли некоторые шаги для того, чтобы добиться изменения тона ежедневных нью-йоркских газет, и я уверен, что мы достигнем успеха.

Последние дни мне не раз приходило в голову, что это было бы превосходным поводом для опубликования в Нью Йорке короткого лестного очерка, посвященного общественной карьере г. Витте, а для того, чтобы это сделать должным образом, мне нужно иметь необходимые данные, но я не знаю никого, кто мог бы снабдить меня ими так полно, как это можете сделать Вы. Поэтому прошу Вас, не вышлете ли Вы мне хорошую фотографию его превосходительства с очерком его карьеры, касающемся, в особенности, основных реформ, инициатором которых он был и которые с успехом провел в жизнь. Две из этих реформ, с которыми я знаком, вызовут особенный интерес в Америке. Одна — это его политика в отношении правительственного контроля над торговлей спиртными напитками. Я бы хотел иметь некоторые статистические данные о количестве трактиров и питейных заведений, которые были закрыты по этому закону, какой закон действует сейчас и что предполагается предпринять в будущем с целью уменьшить пьянство в России. Разумеется, я могу лично засвидетельствовать те изменения к лучшему в отношении распространения питейных заведений, которые произошли в России со времени моей первой поездки туда, восемь лет тому назад.

Другой вопрос — это подведение под русский кредит золотой основы. Это вызовет особенный интерес в Америке в настоящий момент, и мне хотелось бы сделать все, что только в этом смысле возможно, в статье о его превосходительстве.

Я собираюсь беспокоить Вас просьбой выслать мне все сведения о нем, которые Вы можете, с таким расчетом, чтобы я мог получить их в Париже не позднее 10 декабря по европейскому стилю. Так как я отплываю 12-го, я хотел бы приготовить кое-что и передать это в американские газеты, как только вернусь домой.

Искренне Ваш

Дж. У. Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 49—50.— Подлинник на английском языке.

№ 11

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. У. Перкинсу в Париж

Петербург, 26 ноября (8 декабря) 1899 г.

Мой дорогой г. Перкинс, я виделся с г. Витте по поводу вопроса о посылке представителя министерства [14]. Г-н Витте, как всегда, очень интересуется всеми частностями и деталями нашего дела и выразил свое высокое одобрение этой идеи, назвав то же лицо, которое назвал г. Плеске [15].

Я надеюсь, мне удастся устроить так, как Вы предлагаете.

Я думаю, что новые облигации будут готовы к отправке через четыре или пять недель, как раз к тому времени, когда делегат и г. Коробков [16] выедут в Нью-Йорк; с другой стороны, я думаю, что было бы необходимо, чтобы эти двое приехали за неделю или за две до выпуска.

Я был бы глубоко заинтересован и обязан, если бы Вы могли сообщить мне некоторые детали о состоянии денежного рынка и не может ли высокий процент в Нью-Йорке помешать нашим намерениям.

Я думаю, что было бы хорошо, если бы первый взнос по займу был сделан в начале следующего года. Что вы думаете об этом?

Желаю Вам счастливого пути.

Остаюсь преданным Вам
Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 41.— Копия на английском языке.

№ 12

Письмо А. Ю. Ротштейна Дж. У. Перкинсу в Нью-Йорк

Петербург, 5 (18) января 1900 г.

Милостивый государь, в ответ на Ваш телеграфный запрос я смог телеграфировать Вам сегодня, что облигации Владикавказской железной дороги будут отправлены в начале следующей недели.

К несчастью, в самый последний момент возникли кое-какие трудности, задержавшие пока отъезд лица, которое должно было выехать в Нью-Йорк в качестве представителя Министерства финансов, и я очень опасаюсь, что как раз теперь трудно будет найти заместителя.

Наш г. Коробков, во всяком случае, будет сопровождать посылку и будет в полном Вашем распоряжении со своими советами и знаниями о состоянии дела в России.

Как меня информировали сегодня в Министерстве финансов, доходы от займа останутся в Нью-Йорке и будут поставлены на счета нью-йоркских банкиров — г. Моргана и некоторых других; деньги предназначаются для платежей по заказам нашего правительства [17]).

Остаюсь, милостивый государь, с совершеннейшим почтением

Ротштейн

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 71.— Копия на английском языке.

№ 13

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 7(20) февраля 1900 г.

Мой дорогой г. Ротштейн, после приезда Коробкова Вы часто получали от него информацию по телеграфу. Мы все были очень заняты в связи с последними приготовлениями к тому, чтобы начать кампанию в газетах и журналах в различных пунктах Соединенных Штатов и начать заключать соглашения с американскими фирмами, занимающимися продажей облигаций мелким держателям. Разумеется, размещение облигаций нами среди наших клиентов очень простое дело, но мы хотим постепенно овладеть всем рынком. Мы привлекли агентов «Нью-Йорк Секьюрети энд Траст компани» в Нью-Йорке для продажи облигаций публике, не связанной прямо с «Нью-Йорк Лайф». Мы официально предложили им быть агентами железнодорожных компаний по оплате купонов и прежде всего этого первого выпуска в 10 млн. долларов. Это дает «Траст компани» одну восьмую 1% как посреднику, который предусмотрен нашим контрактом с железнодорожными компаниями. Я не знаю, нужно ли, чтобы эти наши операции утвердили железнодорожные компании и утверждение подтвердил министр финансов. Я знаю, однако, что было бы очень полезно для нашей работы здесь, если бы это было сделано; также «Траст компани» было бы приятно быть, таким образом, признанной русским правительством и русскими железными дорогами.

Мы разослали в прошлую пятницу через «Ассошиэйтед Пресс» во все концы Соединенных Штатов статью, экземпляр которой я прилагаю, а в субботу казначей нашей компании поместил в нью-йоркских деловых органах другую заметку, экземпляр которой я также прилагаю [1]. Мы продали вчера наши первые облигации на сумму в 50 тыс. долларов и депонировали, как вы распорядились, вашу долю у «Гофман и К⁰». Мы взяли очень предприимчивого брокера с Уолл-стрита, человека, во многих отношениях подобного г. Коробкову, который должен сразу же отправиться в различные финансовые центры Соединенных Штатов, одновременно и как представитель «Нью-Йорк Секьюрети энд Траст компани», взяв с собой образцы облигаций и заключая соглашения на местах об их продаже. Наш план отчасти заключается в том, чтобы привлечь, например, самую крупную фирму в Чикаго; скажем, мы дадим им одну восьмую или 1% со всех облигаций, проданных в Чикаго; затем мы намереваемся привлечь две или три других фирмы в Чикаго, чтобы расширить местную торговлю облигациями насколько это возможно. Всем фирмам мы дадим какую-нибудь комиссию, необходимую для того, чтобы глубоко заинтересовать их в распространении облигаций, а поскольку самая крупная фирма будет иметь самую большую комиссию по сравнению с другими, то не останется места для конкуренции, и они все будут работать вместе ради успеха этого плана. Мы считаем, что успех, к которому, в конечном счете, стремится русское правительство, может быть достигнут только одним способом, а именно: постоянным воспитанием населения Соединенных Штатов в мысли об обеспеченности русских ценных бумаг и размещением этих первых облигаций не среди крупных банкиров Америки, но среди индивидуальных держателей, так чтобы о них говорили и на них создавался бы спрос. Если к концу года мы сможем добиться таких благоприятных условий для русских облигаций, что нью-йоркские банкиры начнут интересоваться ими, тогда уже русское правительство сможет рассчитывать разместить заем на значительную сумму.

Мы готовим сейчас статьи в такие американские журналы, которые читают в домах хорошо обеспеченных людей. Статьи начнут появляться довольно скоро. Потребуется гораздо больше усилий и гораздо больше расходов, чтобы добиться чего-нибудь похожего на быстрый успех для этого первого русского займа, чем если бы он был выпущен на рынок в осенние месяцы прошлого года. Мы не сможем получить никакой прибыли от этих первых облигаций, на самом деле, я думаю, нам придется значительно приплатить, но Вы прекрасно понимаете, что мы взялись за это дело с намерением добиться успеха, и мы используем все законные возможности, чтобы его добиться.

Я буду, разумеется, сообщать Вам время от времени о том, как у нас идут дела. Мы очень рады, что г. Коробков с нами. Он снабжает нас такой подробной информацией, которую мы ни коим образом не могли бы получить другим способом, и я думаю, что за короткий срок все, кто связан с управлением «Нью-Йорк Лайф» и с учреждениями, в которых мы имеем контролирующий голос, будут хорошо информированы относительно русских финансовых дел, а это уже само по себе будет очень важно при осуществлении других русских операций. Вы знаете, конечно, что через три дня после приезда г. Коробкова сюда с облигациями мы поставили более трех миллионов долларов наличными деньгами на счет русского правительства в трех разных банках, названных здесь.

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здравии. Я уверен совершенно, что через несколько месяцев мы будем иметь удовольствие видеть Вас по эту сторону океана. Вне всякого сомнения, г. Ротштейн, как только мы заложим прочный фундамент, Вы сможете приехать сюда и сделать дело, стоящее потраченного времени. Будьте добры передать мои лучшие пожелания господину Коху и примите уверения в моей искренней преданности.

Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 82—83.— Подлиник на английском языке.

[1] Приложения не публикуются.

№ 14

Письмо Дж. У. Перкинса А. Ю. Ротштейну в Петербург

Нью-Йорк, 7 (20) февраля 1900 г.

Личное.

Мой дорогой Ротштейн, я сразу же пишу Вам второе письмо с информацией, которую я думаю Вам приятно будет получить. Возможно, Вы найдете уместным перевести это письмо на русский язык и отправить его министру финансов. В этом письме я хочу сказать Вам, что я совершенно не в состоянии понять, как могло сложиться впечатление в Министерстве финансов, что мы вели деловую переписку непосредственно с министром или каким-нибудь другим лицом, состоящим на государственной службе, потому что, разумеется, мы ничего подобного не делали. Единственно, с кем мы переписывались после того, как я покинул Петербург, так это только с Вами. Перед моим возвращением из Европы г. Рутковский, который, как Вы знаете, является агентом г. Витте в Вашингтоне, был в Нью-Йорке и посещал нашего президента г. Мак-Колла [18] по делу о русских страховых от огня обществ. Он заходил после этого и говорил, что знает от г. Витте о покупке наших облигаций. После возвращения в Америку я бывал несколько раз в Вашингтоне и во время моей первой поездки туда г. Рутковский посетил меня и представил меня русскому послу, с которым у нас была очень приятная беседа: я рассказал ему о нашей заинтересованности в деле с русскими облигациями и сообщил ему некоторые очень приятные вещи, которые президент Мак-Кинли говорил мне относительно своих дружеских чувств к России накануне вечером, во время продолжительной аудиенции. Я не могу представить себе, чтобы в этом разговоре было что-нибудь, кроме приятных известий для г. Витте. Я конечно не передавал им никаких посланий для г. Витте и никоим образом не касался подробностей нашего дела, имеющих отношение к нашим облигациям, или наших страховых интересов в России. Я несколько обеспокоен тем, что г. Витте мог получить какую-нибудь абсолютно неверную информацию или вынести неверное впечатление в связи с этим делом, и был бы глубоко признателен, если бы Вы помогли покончить с этим делом и дали бы мне сразу же знать, что за всем этим кроется. Я знаю, что г. Витте выбрал человека, который бы сопровождал г. Коробкова с облигациями и был его (г. Витте) представителем здесь в этом деле, но что в последний момент он изменил свое намерение, по-видимому, из-за чего-то, что мы сказали или сделали и что вызвало его неодобрение. Вот почему я написал это письмо и почему я так обеспокоен за дело. Я буду ждать с нетерпением от Вас дальнейших сообщений по этому вопросу.

Искренне Ваш

Перкинс, второй вице-президент

ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 81.— Подлинник на английском языке.

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Стааль Е. Е.— русский посол в Лондоне.— 127.
2) Морган Дж. П., старший (Morgan J. P.) — американский банкир, глава банкирского дома «J. P. Morgan & C^0».— 128.
3) Вышнеградский А. И. — вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов.— 128.
4) Рутковский М. В.— агент Министерства финансов России в Вашингтоне.— 129.
5) В связи с появившимися в 1898 г. в иностранной печати сообщениями о безуспешных попытках русского правительства заключить заем в Соединенных Штатах, Витте распорядился 7(19) декабря 1898 г. послать через Русское телеграфное агентство за границу («но не в русские газеты») телеграмму, опровергающую эти

сообщения. 21 декабря 1898 г. ст. ст., в день опубликования «высочайшего указа» об уплате Государственному банку из свободной наличности Государственного казначейства 75 млн. руб. в погашение беспроцентного долга казны по выпущенным кредитным билетам, было сделано новое опровержение, в котором была ссылка на эту операцию в подтверждение того, что русское Министерство финансов якобы не нуждается во внешних займах и располагает достаточной свободной наличностью. В первом опровержении прямо указывалось, что предложение о займе сделано русскому правительству американскими кредитными учреждениями; во втором было сказано следующее: «...вопросом о займе озабочены вовсе не русские правительственные сферы, а представители иностранного денежного мира, которые не перестают обращаться с разными предложениями относительно заключения нового займа» (см. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 208, лл. 54, 57—58).—129.

6) Пирс Г. Д. (Pierse H. Д.) — первый секретарь миссии США в Петербурге; в 1898 г. исполнял обязанности временного поверенного в делах США в России.— 129.

7) Крейн М. (Crane M.) — американский банкир, глава банкирского дома «Беринг Магон и К°» — 129.

8) Кассини А. П. — чрезвычайный и полномочный посол России в Вашингтоне.— 129.

9) Это письмо 1 (13) февраля 1899 г. было направлено министром иностранных дел М. Н. Муравьевым С. Ю. Витте для ознакомления. Муравьев писал Витте, что вследствие письма последнего от 5 января 1899 г. он поручил А. П. Кассини «обратить внимание генерального консула нашего в Нью-Йорке на неуместность сношений его с частными лицами по вопросу о заключении займа в Соединенных Штатах, не имея на то разрешения Министерства финансов (см. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 219, л. 4).— 132.

10) Ротшильд А. (Rotshild A.) — глава парижского банкирского дома Ротшильдов. 133.

11) Эта встреча, как видно из телеграмм и писем, которыми обменялись Морган, Ротштейн и Пирс, уточняя ее день и место, состоялась в Брюсселе 14 (26) мая 1899 г. (см. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 429, лл. 14—28).— 134.

12) Кох А. Ф.— директор и член правления С.-Петербургского международного коммерческого банка.— 134.

13) 26 октября (7 ноября) 1899 г. в Петербурге было подписано соглашение между С.-Петербургским коммерческим банком и «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани» об образовании синдиката по выпуску 4%-ного облигационного займа Юго-Восточной и Владикавказской железных дорог на сумму в 10 млн. долл., при участии в операции Международного банка из 20% и «Нью-Йорк Лайф» из 80%. Вслед за этим 27 октября были подписаны соответствующие соглашения с железнодорожными обществами на условиях, по которым заем выпускался соответственно на суммы: для О-ва Владикавказской ж. д.— в 6 800 000 долл. или 13 212 400 руб. и для О-ва Юго-Восточной ж. д. в 3 200 000 долл. или 6 217 600 руб. (см. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, лл. 5—10 и 19—20).— 135.

14) О посылке официального представителя Министерства финансов России в США для переговоров с его фирмой Дж. У Перкинс просил А. Ю. Ротштейна в своем письме от 15 (27) ноября 1899 г. (см. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 51). Кого именно хотел послать С. Ю. Витте в США, установить не удалось.— 136.

15) Плеске Э. Д.— управляющий Государственным банком России.— 136.

16) Коробков А. И.— служащий С.-Петербургского международного коммерческого банка.— 136.

17) По распоряжению Министерства финансов выручка от займа должна была быть поставлена на счета Иностранного отделения при Особенной канцелярии по кредитной части в трех банкирских учреждениях Нью-Йорка: «J. P. Morgan & C°», «New-York Security & Trust Company», «National City Bank of New-York». (см. ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 486, л. 78). Деньги эти, по-видимому, были предназначены для оплаты заказа на постройку в Америке военных судов, которым, по сведениям П. П. Мигулина, был обусловлен заем 1899 г. (см. П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. III, Харьков, 1907, стр. 476).— 137.

18) Мак-Колл (Mc Call) — президент «Нью-Йорк Лайф Иншуранс компани».— 139.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ЕГИПЕТСКИХ СВЯЗЕЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Дружественные связи России с Арабским Востоком и прежде всего с Египтом возникли еще в давние времена. В XV—XVII вв. немало русских людей, ходивших на богомолье к «святым местам» или совершавших поездки по торговым делам, посещали Египет, знакомясь с его замечательными памятниками материальной культуры, а также с жизнью и бытом египетского народа.

В последующем происходит дальнейшее развитие культурных и научных связей между Россией и Египтом. Так, в 1845—1846 гг. по просьбе египетского правительства два египтянина прошли обучение горному делу на уральских заводах под руководством талантливого русского ученого, а впоследствии и дипломата Е. П. Ковалевского. Египетское правительство выразило России глубокую признательность и благодарность за эту помощь. Египетский паша Мухаммед Али писал в своем письме министру иностранных дел России К. В. Нессельроде, что те забота и внимание, которыми египтяне были окружены в России, вызывают «такую радость и гордость что у меня не хватает слов, чтобы дать здесь о них представление...» [1].

Помимо научных и культурных связей, между Россией и Египтом с середины XIX в. начала поддерживаться оживленная торговля, что связано с именем того же Е. П. Ковалевского, прибывшего в 1847 г. в Египет по приглашению Мухаммеда Али. Будучи талантливым горным инженером, Е. П. Ковалевский помог египтянам открыть золотые месторождения и наладить добычу золота. Одновременно он знакомился с жизнью и бытом местного населения, с экономической жизнью страны. По прибытии в Россию он выступил с обширным и хорошо аргументированным проектом развития русско-египетской торговли [2]. Этот проект стал постепенно осуществляться, между двумя странами завязалась торговля: Россия ввозила в Египет строевой лес и продукты сельского хозяйства, а получала оттуда главным образом хлопок. Установление регулярных пароходных рейсов между Одессой и Александрией в 70-х годах XIX в. еще более оживило эту торговлю.

В 1882 г. английские империалисты оккупировали Египет. Однако, учитывая отрицательное отношение к этому факту со стороны других держав и прежде всего России [3], они не решились на открытую аннексию Египта, который по-прежнему считался частью Турецкой империи и управлялся национальным правительством, находившимся, однако, под контролем англичан. Следует подчеркнуть, что передовая русская общественность горячо сочувствовала справедливой национально-освободительной борьбе египетского народа.

Порабощение Египта не привело к прекращению традиционных русско-египетских связей. Наоборот, в начале XX в. происходит их дальнейшее расширение и укрепление, о чем свидетельствуют впервые публикуемые документы Архива внешней политики России (АВПР). Эти документы разбиты по тематическому признаку на две группы, которые соответственно освещают научные и культурные, а также

---

[1] См. АВПР, ф. С.-Петербургский главный архив, I—1, оп. 781, д. 22, л. 133.
[2] См. там же, II — 3, 1848 г., д. 1, лл. 13—18.
[3] См. там же, ф. Политархив, оп. 482, д. 15, лл. 73—74.

торговые связи двух стран. Документы отложились в фондах бывшего Министерства иностранных дел России в процессе его переписки с русским генконсульством, а затем с дипломатическим агентством в Каире, с различными русскими научными учреждениями относительно русско-египетской торговли, поездок в Египет русских ученых, инженеров и экскурсантов и обмена научными изданиями. Кроме того, ряд документов представляет собой переписку русского дипломатического агента в Каире с египетским Министерством иностранных дел по тем же вопросам.

Материалы публикации по научным и культурным связям представлены документами о посещении Египта в 1905—1908 гг. русскими астрономическими экспедициями во главе с Окуличем и Доничем, отдельными учеными и инженерами для изучения древних рукописей, энтомологических исследований, ознакомления с работой железных дорог и т. п. (см. док. №№ 1—24). Русские ученые по приглашению египетского правительства приняли активное участие в археологическом конгрессе, состоявшемся в Каире в 1908 г. (см. док. №№ 4, 6, 7). Обращение египетского правительства в 1911 г. к русским ученым с приглашением принять участие в издании памятников арабской литературы нашло у них самый широкий отклик (см. док. № 18). Русских ученых и инженеров интересовала постановка ирригационного дела в Египте, особенно в связи с развитием в России хлопководства. Так, Главное управление землеустройства и земледелия неоднократно направляло в Египет русских инженеров и агрономов для изучения постановки там этого дела (см. док. №№ 9, 14—16).

Помимо специальных научных экспедиций, Египет посещало много русских экскурсантов, приезжавших с целью изучения древней культуры Египта. Организовывали такие поездки Комиссия общеобразовательных экскурсий при учебном отделе Общества распространения технических знаний, Комитет морских экскурсий, а также учебные заведения. В экскурсиях принимали участие главным образом представители широких слоев русского общества, демократические элементы из среды народных учителей, студентов, гимназистов. Экскурсии носили массовый характер; в каждой из них принимало участие от 50 до 200 человек (см. док. №№ 10—13). Египетская администрация оказывала большую помощь русским научным экспедициям и экскурсиям в изучении интересующих их вопросов и ознакомлении с достопримечательностями страны (см. док. №№ 2, 13, 16, 20, 21).

В свою очередь, египетские ученые проявляли большой интерес к деятельности Петербургского университета, стремясь использовать в своей работе наиболее ценное из практики русской высшей школы. По их просьбе Министерство иностранных дел России передало в 1911 г. генеральному секретариату молодого Каирского университета обозрение преподавания наук в Петербургском университете (см. док. № 17).

Второй раздел публикации посвящен торговым связям между Россией и Египтом (см. док. №№ 25—34). С развитием этих связей в Александрии была создана Русская торговая палата, целью которой было «облегчить и развить торгово-промышленные сношения между Египтом и Россией» (см. док. №№ 25—28). Большой успех имела в Египте плавучая промышленная выставка, организованная в 1910 г. на русском пароходе (см. док. № 30). По инициативе и. о. русского консула в Порт-Саиде Ниссена там была открыта в 1912 г. постоянная выставка русских кустарных изделий, встреченная с большим интересом египетской общественностью (см. док. №№ 31—33). В одном из своих писем в Министерство торговли и промышленности Ниссен сообщал: «Я могу уверенно сказать, что без исключения все выставленные изделия пользуются и будут пользоваться успехом...» (док. № 33). В 1915 г. активную деятельность в области расширения торговли между Россией и Египтом развернул Комитет для развития русской торговли в Египте (см. док. № 34).

Материалы публикации, не претендуя на полное и всестороннее освещение затронутых в ней вопросов, наглядно свидетельствуют об узах традиционной дружбы, издавна связывающей русский и египетский народы.

В. С. Липатов, О. Ф. Соловьев

I. НАУЧНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

№ 1

Письмо директора Департамента народного просвещения России В. А. Рахманова министру иностранных дел М. Н. Муравьеву о предоставлении египетскими музеями собраний художественных предметов для Музея изящных искусств в Москве

18 января 1899 г.

Музей изящных искусств имени императора Александра III, организуемый при императорском Московском университете, обогатился в минувшем году двумя большими по количеству и необычно важными по своему научному значению собраниями художественных предметов.

Одно из них относится к истории быта и искусствам древнего Египта, заключая в себе многие образцы в подлинниках и в копиях, по особому заказу исполненных для музея. Содержание этой коллекции составляют древние папирусы, скульптурные стелы с иероглифическими надписями, многочисленные статуи, бюсты и рельефы древнего египетского ваяния, представленного в порядке исторических эпох, многочисленные примеры стенной живописи из разных династий фараонов и живописные портреты египетских мумий.

Это собрание, по своему количеству и по историческому характеру представленных памятников искусств беспримерное в России, получает для музея Московского университета особое значение, будучи составлено под авторитетным руководством помощника директора Египетского музея Гизе близ Каира г-на Бругш-бея и при его непосредственном участии. Исполнение этой задачи соединено было для г. Бругш-бея с большим трудом по отысканию этих предметов на археологическом рынке, по приобретению и по пересылке в Москву. Особенных забот требовали от него также выбор оригиналов для копирования и тщательное наблюдение над копиистами. Оттого, по отзывам очевидцев, эти копии, ставшие ныне собственностью музея, отличаются необычайной верностью, представляя собой настоящие fac-similes с подлинников.

Другая коллекция, обогатившая Музей изящных искусств, относится к древнехристианской живописи римских катакомб. Это собрание образцов стенописи I—V столетий, начатое в 1889 г., продолжается до настоящего времени при содействии русского художника Реймана и под руководством в прежнее время знаменитого римского археолога Джиовани де Росси, а после его смерти под руководством его преемника по изучению катакомб профессора и директора Египетского музея в Ватикане Орацио Марукки.

Труды профессора Орацио Марукки как по подбору необходимого художественного материала в темных и лишь только ему одному хорошо известных помещениях катакомб, на многие версты кругом облегающих Рим, так и по руководству русского копииста Реймана столь необходимы для нашего дела и столь в настоящее время авторитетны, что без них невозможно было бы продолжать этого собрания, являющегося, между тем, единственным в мире как по количеству приготовленных за 10-летний период художественных картонов, так и по небывалой в истории науки христианской археологии удивительной точности воспроизведения этих подлинников.

Ввиду вышеизложенного и во внимание к особым трудам, понесенным поименованными лицами на пользу Московского университета, я долгом считаю обратиться к вашему сиятельству с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании помощнику директора Египетского музея Гизе близ Каира Бругш-бею ордена св. Станислава 2 степени со звездой и директору египетского музея в Ватикане Орацио Марукки ордена соответственно служебному его положению и не оставить меня уведомлением о последующем.

Директор В. Рахманов

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 5026, д. 5521, лл. 1—2.— Подлинник.

№ 2

Письмо заместителя статс-секретаря Египта Абдул Аззис Иззеб-паши русскому дипагенту и генконсулу в Египте А. А. Смирнову о готовности египетских властей оказать содействие русскому ученому Окуличу в наблюдении за солнечным затмением

Александрия, 19 июня 1905 г.

В письме от 8 июня текущего года Вы соблаговолили выразить желание, чтобы правительство его величества дало согласие на беспошлинный ввоз через Александрийскую таможню астрономического оборудования, которое привезет господин Окулич, получивший задание императорской Академии наук произвести наблюдение в Ассуане за полным солнечным затмением, которое должно произойти в этом году.

Одновременно Вы соблаговолили просить, чтобы местным властям было предложено оказать наибольшее всевозможное содействие г-ну Окуличу.

Я имею честь информировать Вас о том, что администрации таможен были даны указания о беспошлинном допуске упомянутого оборудования и что равным образом будут даны указания губернатору Ассуана о том, чтобы г-ну Окуличу было оказано необходимое содействие.

Благоволите принять, господин дипагент и генеральный консул, уверения в моем высоком уважении

Абдул Аззис Иззеб-паша

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 7.— Подлинник на французском языке.

№ 3

Отношение непременного секретаря российской Академии наук С. Ф. Ольденбурга товарищу министра иностранных дел К. А. Губастову об оказании содействия Н. Н. Доничу, направляющемуся в Египет для астрономических исследований

25 сентября 1907 г.

Милостивый государь Константин Аркадьевич.

Императорская Академия наук постановила командировать причисленного к государственной канцелярии титулярного советника Николая Николаевича Донича в Верхний Египет для наблюдения прохождения планеты Меркурий по диску Солнца, имеющего быть 1/14 ноября сего года.

Ввиду сего, по поручению Академии, позволяю себе просить ваше превосходительство об оказании со стороны Министерства иностранных дел содействия успешному выполнению г. Доничем возложенного на него научного поручения, в каковых видах являлось бы чрезвычайно желательным поставить в известность представителей императорского правительства в Египте об означенной экспедиции г. Донича и поручить эту экспедицию их просвещенному вниманию.

Прошу, ваше превосходительство, принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Сергей Ольденбург

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 5519, л. 9.— Подлинник.

№ 4

Нота министра иностранных дел Египта Бутрос-паши А. А. Смирнову с приглашением направить русских представителей на международный археологический конгресс в Каире

Каир, 11 февраля 1908 г.

Господин дипагент и генеральный консул.

Международный археологический конгресс, состоявшийся в Афинах в 1905 г., избрал местом второй сессии, которая будет созвана во время католической пасхи в 1909 г., город Каир.

Поскольку это решение получило одобрение египетского правительства, конгресс должен открыться в Каире в указанный выше срок, под председательством его величества хедива. В связи с этим я прибегаю к Вашим добрым услугам, чтобы довести до сведения правительства его императорского величества о том, что правительство его величества придало бы большое значение тому, чтобы правительство его императорского величества направило своих представителей на упомянутый выше конгресс и одновременно рекомендовало бы ученым обществам и научным институтам России принять участие в работах конгресса путем направления делегатов на это совещание, которое сможет внести особо ценный вклад в развитие археологии, поскольку оно состоится в такой стране, где наука ежедневно получает источники для дальнейшего развития благодаря самым интересным открытиям.

Я буду Вам признателен, если Вы информируете меня о решении, которое примет Ваше правительство, и в положительном случае сообщите мне фамилии и должности делегатов, которым будет поручено представлять Ваше правительство.

Примите, г-н дипагент и генеральный консул, уверения в моем высоком уважении

Бутрос-паша

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 5519, л. 3.— Подлинник на французском языке.

№ 5

Отношение С. Ф. Ольденбурга министру иностранных дел России А. П. Извольскому с просьбой выразить благодарность египетскому правительству и работникам русского консульства за содействие экспедиции астронома Н. Н. Донича

11 марта 1908 г.

По поручению конференции императорской Академии наук имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою не отказать выразить египетскому правительству, в частности мудиру (губернатору) и гафиру (полицмейстеру) Ассуана, искреннейшую от имени Академии признательность за содействие, оказанное экспедиции Академии в Верхний Египет для наблюдения прохождения Меркурия по диску Солнца 14 ноября 1907 г. под начальством Н. Н. Донича, а равно не отказать в соответствующем распоряжении к занесению, буде возможно, благодарности от имени Академии за оказанное той же экспедиции содействие в формулярные о службе списки: нештатного секретаря консульства в Порт-Саиде Гавриила Михайловича Степанова и причисленного к I департаменту князя Георгия Димитриевича Маврокордато.

Непременный секретарь, академик Сергей Ольденбург

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 5519, л. 1.— Подлинник.

№ 6

Письмо секретаря Русского археологического общества в I департамент МИД России о назначении Б. А. Тураева и Б. В. Фармаковского русскими представителями на международный археологический конгресс в Каире

10 апреля 1908 г.

Вследствие отношения от 15 минувшего марта за № 1646 императорское Русское археологическое общество имеет честь уведомить, что представителями его на международном археологическом конгрессе в Каире будут действительные члены общества Борис Александрович Тураев и Борис Владимирович Фармаковский.

Секретарь общества Б. Фармаковский

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 5571, л. 9.— Подлинник.

№ 7

Отношение Департамента народного просвещения в I департамент МИД России о дополнительном назначении русскими представителями на международный археологический конгресс в Каире группы профессоров Киевского и Московского университетов

23 октября 1908 г.

В дополнение к отношению от 2 сего октября за № 25773 Департамент народного просвещения имеет честь уведомить, что на предстоящий международный археологический конгресс в Каире командированы в качестве представителей: от императорского университета св. Владимира в Киеве — профессора Кулаковский, Павлуцкий и Сонни и от императорского Московского университета — профессора Анучин, Мальмберг и Павлов.

Вице-директор [*подпись*][1]

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 5571, л. 16.— Подлинник.

№ 8

Отношение Саратовской губернской ученой архивной комиссии А. А. Смирнову с просьбой о содействии в приобретении дубликатов древностей и античных монет из Каирского музея

13 марта 1909 г.

Саратовская ученая архивная комиссия лишена возможности приобрести для своего историко-археологического музея хотя бы самую скромную коллекцию предметов, относящихся к эпохе древнейших культур.

Между тем, недостаток образцов древностей, занимающих место между изделиями первобытного человека и временем колонизации нашего края, значительно понижает уровень интереса публики к коллекциям нашего музея, тем более что посетителями его главным образом являются учащиеся, которые, проходя в школах курс библейской и всеобщей историй, жаждут ознакомиться с предметами древнеиудейской, ассиро-вавилонской, египетской или классической культуры.

Стремясь идти навстречу этому вполне справедливому желанию публики, комиссия постановила обратиться к вашему превосходительству, покорнейше прося Вас принять на себя труд передать дирекции Каирского музея нашу убедительнейшую просьбу — пожертвовать в историко-археологический музей Саратовской ученой архивной комиссии некоторые дубликаты из поименованных древностей и античных монет, по возможности с приложением к ним объяснительных этикеток.

[1] Подпись неразборчива.

Для ознакомления с своей деятельностью и задачами комиссия имеет честь представить вашему превосходительству экземпляр изданного ею обращения [1] к обществу.

В заключение смеем уверить Вас, милостивый государь, что даже самая незначительная коллекция, составленная из просимых образцов, будет принята Саратовской ученой архивной комиссией с чувством глубокой благодарности.

Председатель комиссии В. Соколов
Товарищ председателя Л. Зайковский
Правитель дел С. Щеглов
Хранитель исторического музея Б. Зайковский

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 22.— Подлинник.

№ 9

Отношение Главного управления землеустройства и земледелия А. А. Смирнову о возможности командировки в Египет инженеров для ознакомления с ирригационными сооружениями

4 сентября 1909 г.

Ввиду возникшего в Главном управлении землеустройства и земледелия предположения командировать за границу, в том числе в Египет, инженеров для ознакомления с ирригационными устройствами и способами их эксплуатации отдел земельных улучшений позволяет себе обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбою не отказать в сообщении, насколько это представляется возможным, сведений относительно стоимости условий жизни и разъездов в стране, в видах выяснения тех средств, которые потребуются для осуществления предположенной командировки молодых инженеров для изучения вопросов ирригации.

За управляющего отделом инженер С. Максимов

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 40.— Подлинник.

№ 10

Отношение Комиссии по организации образовательных экскурсий А. А. Смирнову о содействии в получении железнодорожных льгот для группы народных учителей, предполагающих совершить экскурсию по Египту

26 марта 1910 г.

Ваше превосходительство Алексей Александрович.

Комиссия образовательных экскурсий сим имеет честь довести до Вашего сведения, что ею организуются и в этом году, по примеру прошлого года, экскурсии в Египет, в которых примут участие 4 группы народных учителей и учительниц по 50 чел. в каждой.

В Вашем письме на имя графини В. Н. Бобринской ваше превосходительство изволили выразить согласие и в этом году оказать содействие экскурсантам при посещении ими Египта.

Комиссия, выражая Вам свою глубокую благодарность за выраженное Вами намерение, позволяет себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать в ходатайстве по примеру прошлого года перед подлежащими учреждениями в получении скидки на проезд экскурсантов по железной дороге из Александрии в Каир, оттуда в Фивы и обратно, и затем из Каира в Порт-Саид.

---

[1] Обращение не публикуется.

Кроме того, Комиссия позволяет себе просить Вас также ходатайствовать о предоставлении экскурсантам бесплатного осмотра памятников, музеев и т. п.

Комиссия позволяет себе надеяться, что ваше превосходительство не откажет ей в ее покорнейшей просьбе, а также в уведомлении ее в возможно непродолжительном времени о результатах таковой, и просит ваше превосходительство принять уверение в совершенной преданности.

Председательница Комиссии гр. В. Н. Бобринская
Секретарь Комиссии О. Винтерфельд

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 73.— Подлинник.

№ 11

Отношение приват-доцента Петербургского университета А. Г. Тимофеева А. А. Смирнову об оказании содействия в обеспечении помещением студентов университета, которые совершат экскурсию по Египту

8 апреля 1910 г.

Милостивый государь Алексей Александрович.

В июне месяце текущего года студенты императорского С.-Петербургского университета в количестве около 25 человек, с разрешения ректора сего университета, отправляются под моим руководством как приват-доцента университета в образовательную экскурсию на Ближний Восток и, между прочим, в Египет (Каир — Александрия).

Ввиду сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой об оказании Вашего содействия в устройстве названным экскурсантам ночлега в каком-либо помещении при русской миссии в указанных городах и в разрешении им осмотреть достопримечательности.

О последующем покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать почтить меня Вашим уведомлением.

Примите мое глубокое уверение в совершенном моем к Вам уважении и преданности

А. Тимофеев

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 74.— Подлинник.

№ 12

Отношение Комиссии по организации образовательных экскурсий А. А. Смирнову с просьбой известить директора Музея древностей Египта Масперо о предстоящем прибытии в Каир русских экскурсантов

12 мая 1910 г.

Ваше высокопревосходительство Алексей Александрович.

Комиссия образовательных экскурсий позволяет себе обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать сообщить г-ну директору Музея древностей профессору Масперо через посольство об экскурсантах, прибывающих летом текущего года в Египет, так как г-н Масперо прислал нам разрешение на бесплатный осмотр памятников Верхнего Египта, но поставил условием, чтобы представитель российского правительства официально уведомил бы его о приезде наших экскурсантов в Каир.

Прилагая при сем план приезда групп наших экскурсантов в Каир, Комиссия позволяет себе надеяться, что ее просьба будет уважена вашим высокопревосходительством, и просит Вас принять уверение в ее совершенном почтении и преданности.

Товарищ председателя Комиссии Николай Соболев

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 79.— Подлинник.

№ 13

Письмо министра иностранных дел Египта Рушди-паши А. А. Смирнову о готовности оказать содействие группе русских учащихся в их поездке по Египту

Александрия, 28 июня 1910 г.

Г-н посланник.

В ответ на Ваши последние просьбы относительно возможности предоставления группам русских экскурсантов — преподавателей и студентов (Киевский кадетский корпус, Санкт-Петербургское реальное училище Гуревича), которые намерены приехать летом этого года на экскурсию в Египет, 50% скидки на железнодорожные тарифы, а также бесплатных билетов на посещение египетских музеев и памятников, я имею честь довести до Вашего сведения, что Служба древностей всегда предоставляет этим категориям лиц право бесплатного посещения. В связи с этим указанная служба пришлет Вашему дипломатическому агентству по письму для каждой из групп. Эти письма заменят билеты, и по возвращении групп в Каир дипломатическое агентство должно будет, как это было в прошлые годы, возвратить их Службе древностей.

Что касается скидки на железных дорогах, то администрация, которую это касается, сообщила мне, что она не имеет никаких возражений против предоставления различным группам русских экскурсантов и студентов 50% скидки на железнодорожные тарифы для их путешествий по египетским линиям. Однако перед выдачей необходимых билетов администрация желала бы знать точное количество лиц, а также сроки их поездок.

Примите, г-н посланник, уверения в моем высоком уважении

Рушди-паша

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 88.— Подлинник на французском языке.

№ 14

Письмо II департамента МИД России дипагентству в Египте с предписанием оказать содействие инженеру Н. И. Епанчину в ознакомлении со строительной гидротехникой Египта

17 июля 1910 г.

Главное управление землеустройства и земледелия командирует в Египет сроком на два года для всестороннего изучения строительного гидротехнического искусства в Египте и практического ознакомления с производящимися там оросительными работами и устройствами состоящего штатным по Министерству путей сообщения и откомандированного в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия инженера, коллежского секретаря Николая Епанчина.

Сообщая об этом, второй департамент имеет честь покорнейше просить императорское дипломатическое агентство не отказать в сношении с подлежащими правительственными учреждениями Египта в видах оказания инженеру Епанчину содействия в исполнении возложенного на него поручения.

Директор А. Бентковский

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 43.— Подлинник.

№ 15

Письмо II департамента МИД России дипагентству в Египте с предписанием оказать содействие инженер-агроному Е. Скорнякову в изучении оросительного и хлопкового дела в Египте

7 сентября 1910 г.

Второй департамент имеет честь покорнейше просить не отказать в предварительных сношениях с местными властями и в случае надобности снабдить соответствующими рекомендательными письмами для успешного достижения цели его заграничной командировки предъявителя открытого листа Министерства иностранных дел от 3 октября 1908 г. за № 13630 инженер-агронома коллежского асессора, ныне надворного советника, Евгения Скорнякова, заканчивающего данное ему в 1908 г. поручение по изучению оросительных работ в Северной Америке и осенью сего года командируемого Главным управлением землеустройства и земледелия в Египет для пополнения приобретенных им познаний сведениями о постановке оросительного и хлопкового дела в указанной местности.

Вице-директор В. Березников

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 48.— Подлинник.

№ 16

Письмо Рушди-паши управляющему русским дипагентством в Египте Ю. В. Саблеру о готовности оказать необходимое содействие инженеру Н. И. Епанчину

Каир, 27 октября 1910 г.

Господин управляющий.

Письмом от 1 сентября с. г. за № 106 Вы соблаговолили информировать меня о том, что русское Главное управление землеустройства и земледелия намерено направить в Египет инженера Николая Епанчина, служащего управления, для изучения в течение двух лет организации гидротехнического строительства и работ по орошению.

Вы также выразили от имени императорского правительства желание, чтобы египетские компетентные организации оказали свое любезное содействие г-ну Епанчину с целью облегчить выполнение порученного ему задания, и Вы добавили, что сообщите позднее дату прибытия этого инженера.

В ответ я имею честь довести до Вашего сведения, г-н управляющий, что только что получил известие от своего коллеги из Министерства общественных работ, которому я сообщил о Вашем письме, о том, что службам ирригации даны необходимые указания, чтобы они максимально содействовали г-ну Епанчину в том, что их касается в выполнении порученного ему задания.

Примите, г-н управляющий, уверения в моем высоком уважении

Рушди-паша

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 50.— Подлинник на французском языке.

№ 17

Письмо I департамента МИД России дипагентству в Египте о передаче обозрения преподавания наук в Петербургском университете генеральному секретариату Египетского университета

22 января 1911 г.

Вследствие отношения от 2 октября минувшего года № 137 I департамент имеет честь препроводить у сего 1 экземпляр обозрения преподавания наук в император-

ском С.-Петербургском университете на 1910—1911 учебный год с покорнейшей просьбой о передаче приложения генеральному секретариату Египетского университета.

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 7635, л. 5.— Отпуск.

№ 18

Письмо А. А. Смирнова в I департамент МИД о желании египетского правительства привлечь к изучению арабской литературы русских востоковедов

Каир, 28 февраля 1911 г.

Препровождая при сем девять экземпляров доставленной мне хедивским министром иностранных дел памятной записки [1] касательно возрождения арабской литературы, имею честь покорнейше просить департамент, согласно ходатайству Рушди-паши, не отказать в содействии к передаче таковых русским научным обществам и ученым, занимающимся изучением Востока и Азии, присовокупляя, что египетскому правительству крайне желательно привлечь иностранных ориенталистов к участию в вышеупомянутом научном деле.

Посланник А. Смирнов

АВПР, ф. Турецкий стол (новый), оп. 502б, д. 4223, л. 1.— Подлинник.

№ 19

Письмо А. А. Смирнова Рушди-паше с просьбой оказать содействие Баратынову и Бушуеву, командированным в Египет для изучения системы хлопководства

Каир, 18 (31) октября 1911 г.

Г-н министр.

В связи с тем, что Главное управление землеустройства и земледелия России направило в Египет на трехмесячный срок для изучения исторических и экономических условий хлопководства коллежского советника Баратынова, чиновника Министерства сельского хозяйства, и агронома Бушуева, я имею честь просить Вас о том, чтобы Вы соблаговолили предложить компетентным органам оказать любезное содействие гг. Баратынову и Бушуеву и облегчить выполнение возложенной на них задачи.

Благодаря Вас заранее за Вашу добрую услугу в этом деле, я пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить Вам, г-н министр, уверения в моем высоком уважении.

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 117.— Отпуск на французском языке.

№ 20

Письмо Рушди-паши А. А. Смирнову о готовности оказать содействие Баратынову и Бушуеву

Каир, 15 января 1912 г.

Господин посланник.

Получив письмо вашего дипломатического агентства от 31 октября 1911 г. за № 167, я тотчас же информировал Министерство общественных работ о том, что коллежскому советнику Баратынову и агроному Бушуеву поручено Главным управлением землеустройства и земледелия России изучить в Египте исторические и экономические условия выращивания хлопка, и одновременно просил названное ведомство оказать содействие указанным чиновникам в выполнении возложенных на них задач.

Мой коллега из Министерства общественных работ сообщил мне в ответ, что упомянутые господа после длительной беседы по интересующим их аграрным во-

[1] Записка не публикуется.

просам с генеральным директором администрации сельского хозяйства получили копии всех изданий и т. п. указанного ведомства.

Сообщая это для Вашего сведения, я пользуюсь случаем, чтобы возобновить, г-н посланник, уверения в моем высоком к Вам уважении

Рушди-паша

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 121.— Подлинник на французском языке.

№ 21

Письмо министра общественных работ Египта Измаила Сирри-паши А. А. Смирнову о согласии на предоставление Н. И. Епанчину копий документов, касающихся вопросов орошения

Каир, 12 февраля 1913 г.

Господин дипломатический агент.

В соответствии с пожеланием, выраженным в Вашем письме от 26 октября прошлого года за № 157, я имею честь вручить Вам при этом копии документов по некоторым вопросам орошения, запрошенных г-ном инженером Епанчиным.

В эти документы входят таблицы ротации и карты 5 ирригационных участков Нижнего Египта, где система ротаций действует в течение части года.

К этому прилагаются также копии программ ротации для ирригационных участков Ассиута, Фаюма и четвертого участка в Верхнем Египте.

Примите, господин дипломатический агент, уверения в моем весьма высоком уважении

Измаил Сирри-паша

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 156.— Подлинник на французском языке.

№ 22

Отношение Общества естествоиспытателей А. А. Смирнову об оказании помощи Г. Г. Сумакову в производстве энтомологических исследований в Египте

15 мая 1913 г.

Правление Общества естествоиспытателей при императорском Юрьевском университете, извещая, что действительный пожизненный член общества Григорий Григорьевич Сумаков командирован обществом для энтомологических исследований в Палестину и Египет, обращается к вашему превосходительству с просьбой не отказать в своем содействии Г. Г. Сумакову, за что заранее приносит Вам свою признательность.

Президент [*подпись*][1]
Секретарь [*подпись*][1]

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 160.— Подлинник.

№ 23

Отношение генконсула России в Калькутте Н. В. Набокова А. А. Смирнову об оказании содействия инженеру В. В. Чикову в ознакомлении с оросительными сооружениями Египта

Калькутта, 5 (18) декабря 1913 г.

Милостивый государь Алексей Александрович.

Позволяю себе рекомендовать любезному вниманию вашего превосходительства нашего соотечественника, инженера Валентина Васильевича Чикова, началь-

[1] Подпись неразборчива.

ника орошения Голодной степи. Г-н Чиков только что совершил продолжительную поездку по Индии для осмотра каналов в Пенджабе и Соединенных провинциях, причем мною было ему оказано возможное содействие вследствие предписания от Министерства иностранных дел. В. В. Чиков предполагает прибыть в Каир 16-го или 17 января по новому стилю и просит меня ходатайствовать перед Вами о том, чтобы Вы не отказали в зависящем содействии его поездке по Египту для ознакомления с оросительными сооружениями.

Пользуюсь этим случаем, чтобы просить Вас, милостивый государь, принять уверения в моем отличном почтении и таковой же преданности.

Н. Набоков

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 162.— Подлинник.

№ 24

Отношение и. о. президента Психо-неврологического института С. Гогеля А. А. Смирнову с благодарностью за содействие русской научной экскурсии по Востоку

28 марта 1914 г.

Психо-неврологическим институтом была организована в прошлом году научная экскурсия по Востоку. Экскурсия оказалась вполне успешной.

Несмотря на то, что в распоряжении экскурсии были очень ограниченные средства, членами ее были представлены ценные коллекции в институт, в Этнографический музей императорской Академии наук и в Педагогический музей высших учебных заведений. Кроме того, членами экскурсии был прочитан ряд докладов и публичных лекций.

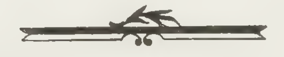
Относя успех экскурсии в значительной степени за счет Вашего просвещенного содействия, выразившегося в исходатайствовании льготного проезда по египетским железным дорогам и льготных условий осмотра достопримечательностей Египта, совет института постановил выразить Вам искреннюю благодарность, о чем было доложено на состоявшемся на днях публичном акте института и помещено в годовом отчете, который по напечатании канцелярия института не преминет выслать Вам.

Считая своим приятным долгом довести об этом до Вашего сведения, прошу принять уверение в искреннем уважении.

И. о. президента института профессор С. Гогель

АВПР, ф. Генконсульство в Египте, оп. 820, д. 574, л. 169.— Подлинник.

(Окончание следует)



ДВА ОТРЫВКА ИЗ НОВГОРОДСКОЙ ПИСЦОВОЙ КНИГИ КОНЦА XV в.

Новгородские писцовые книги конца XV в. принадлежат к ценнейшим источникам по истории феодального землевладения и хозяйства периода создания Русского централизованного государства [1]. Они дают первоклассные по своему значению сведения о формах ренты в первые десятилетия после присоединения Новгорода к Москве, о развитии ремесла и промыслов в различных новгородских землях. В отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ГИМ) хранятся два интересных отрывка из писцовой книги Шелонской пятины 1497—1498 гг., которые до настоящего времени еще не публиковались, хотя представляют несомненный интерес [2].

Первый из отрывков содержит описание дворов Минина конца г. Русы [3]. До сих пор сохранившиеся письменные источники давали слабое представление о размерах русских городов конца XV в. Публикуемый отрывок, наряду с ранее известными материалами, позволяет установить, что Руса, один из центров производства соли, насчитывала, по вычислению Л. В. Даниловой, только тяглых дворов 112, в которых проживало до 339 тяглецов. Крупные владения в Русе принадлежали Юрьеву монастырю и другим новгородским духовным и светским феодалам. Посадские люди платили им как натуральный оброк (солью), так и денежный.

Во втором отрывке интересно описание промысловых угодий, находившихся, очевидно, под Русой.

Оба отрывка хранятся в ГИМ, в собрании Барсова (ф. 450, дело 76, лл. 93—99 об.). Написаны они скорописью конца XV в. на бумаге размером в четвертку: первый — на шести листах, второй на одном листе. Водяной знак — голова быка с крестом между рогов, обвитых змеей (около 1497 г.) [4]. Начальные буквы слов, которыми подводятся итоги владений отдельных феодалов, или начальные буквы наименований отдельных монастырей даются в рукописи вязью (например, «И с[ех]», «Юрьева» [монастыря] и др.). Размер великокняжеского оброка проставлялся в писцовой книге 1497—1498 гг. позднее, чем был составлен ее основной текст, поэтому записи об оброке написаны иными чернилами и почерком, чем основной текст книги.

А. А. Зимин

---

[1] См. публикации: Новгородские писцовые книги, тт. I—VI, СПб., 1859—1910; Окладная книга Вотской пятины 1500 г. «Временник ОИДР», кн. XI, П.— М., 1851—1852; Отрывок писцовой книги Вотской пятины. Изд. А. М. Гневушева. Киев, 1908; Писцовые книги Оболенской пятины 1496 и 1503 гг. М.—Л., 1930.

[2] Оба отрывка обнаружены составителем данной публикации и позднее частично использованы в монографии Л. В. Даниловой (Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV — XV вв. М., 1955, стр. 10, 172 и др.).

[3] Он должен был находиться после л. 158 об. опубликованной ранее писцовой книги Шелонской пятины. Новгородские писцовые книги, т. V, СПб., 1905, стб. 214.

[4] См. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, СПб., 1899, № 1271.

№ 1

...И сех Никольских Неревского дворов 6, а людей 17 человек, а позема гривна з золотником да 24 розмера соли.

А великого князя оброку на них положено шесть гривен новгородцкая, оприч позема *.[1]

Николы Вежитцкого во дворе Илейка Перхов — позема 12 денег.

А великого князя оброку на него положено гривна, оприч позема *.

Николы Косинского дворы: во дворе Васко Нестеров, да Фомка Омельянов, да сын его Рохно, да сусед его Юрка — позема 10 денег; во дворе Грихна Грихнов, да сын его Микулка, да Еска — позему 10 денег; во дворе Бориско Терехов, да сын его Ивашко, да Панфилко сусед его, да его ж сусед Симанко — позема 7 денег; во дворе Якимко Васков да его сусед Овсейко — позема 3 денги.

И сех Никольских Косинского дворов 4, а людей 13 человек — позема 2 гривны и две денги.

А великого князя оброку на них положено четыре гривны новгородские, опричь позема *.

Варвары святые из Новгорода: во дворе Лука Игнатов, да Офоноско, да Ивашко — позема 2 розмера соли; во дворе Малах Борисков, дети его Фомка да Демешко, да сусед его Фешко — позема 2 розмера соли; во дворе Сенка Ивашков да Фешка — позема 2 розмера соли; во дворе Окулко Оксенов да его суседи Кипреянко да Сменко, да Якимко, да сын его Гаврилко — позема 3 розмера соли; во дворе Ивашко Попко да сын его Горошко, да суседи его Илейко да Левка, да Мишко, да Мартюша — позема 2 розмера соли, во дворе Фешко Олухнов, сын его Ивашко да Ондрейко — позема 2 розмера соли.

И сех Варварьских дворов 6, а людей 23 человека, а позема 13 розмер соли.

А великого князя оброку на них положено шесть гривен, оприч позема *.

Воскресенской с поля: во дворе Савка Федотов да сусед его Ивашко — позема гривна.

А великого князя оброку на него положено гривна, оприч позема *.

Николы святого, что из Новагорода с Легощы улицы: во дворе Тимоха Иванов — позема розмер соли.

А великого князя оброку на него положено гривна, оприч позема *.

Юрьева монастыря во дворе Сидко Палкин да Дениско — позема 2 розмера соли; во дворе Сенка Бучов да его суседи Якуш, да Стехно, да Лутко — позема 2 розмера соли.

И сех Юрьева монастыря дворов 2, а людей 6 человек — позема 4 розмера соли.

А великого князя оброку на них положено две гривны, оприч позема *.

Успленской с поля: во дворе Гришка Колачник да его суседи Васко, да Васко ж, да Олекса — позема[2] 5 денег.

А великого князя оброку на них положено гривна, оприч позема *.

Онтонова манастыря: во дворе Гурей Мишин да сын его Яшко, да их суседи Ондрейко да Федор — позема гривна; во дворе Матвейко Мосеев да Дениско, да Фома, да Гриша — позема гривна:

И сех Онтонова манастыря дворов 2, а людей 8 человек, позему 2 гривны:

А великого князя оброку положено две гривны, оприч позема *.

Никольского манастыря с острова, что на Усть-Вишоры: во дворе Олекса Грихнов да Еремка, да их сусед Бориско — позема гривна; во дворе Федко да сусед его Еска — позема гривна; во дворе поп Патруша да сын его Игнат, да суседи его Еска да Минька — позема гривна; во дворе дьяк Михаль да сусед его Сенька — по-

---

[1] Здесь и далее звездочкой отмечены фразы, написанные скорописью, чернилами иного оттенка, чем основной текст отрывка.

[2] В тексте слово «позема» — позднейшая вставка, сделанная теми же чернилами, что и приписка о величине оброка.

зема 7 денег[1]; во дворе Ивашко Клиша да его суседи Якимко да Игнатко, да Лашко, да Стехно, да Ондрей, да Федько — позема 7 денег; во дворе Ивашко Нутренец[2] да его сусед Васко — позема 7 денег; во дворе Ивашко Селиверъстов да огород их же — позема с огорода и з двора 5 гривен, да Ивашковы же суседи Нутрецовы Михаль Литвин да Фешко; во дворе Онисимко Сысоев да сын его Степанко, да Максимко, да за ним же огород Никольской — позема с огорода и с двора полтина; во дворе Фролко Иевль — позема 12 денег; во дворе Демех Назаров да сусед его Микитка — позема 16 денег; во дворе Никон Огафонов — позема гривна; во дворе Яким Карпов да его суседи Сенка да Ивашко — позема гривна: во дворе Левонко Игнатов, дети его Васко да Стешко — позема гривна; во дворе Карп Сысоев, дети его Грихно да Кузьма да его суседи Филимонко, да за Карпом же огород[3] — позема с огорода и з двора полтина; во дворе Лукьянко Грихнов да его суседи Самойлик да Михаль, да Максимко, да за Лукьянком же огород — позема с огорода и з двора 7 гривен; во дворе Васко Яхнов в том же поземе.

И сех Никольского манастыря с острова 16 дворов, а людей пол 50 человек, а позема 2 рубля и шесть гривен з денгою.

А великого князя оброку на них положено рубль новогородской и восмь денег *.

В Минине же конце церковные дворы Мини святого, что в Мине ж конце: во дворе Олексейко Пудов, брат его Палка — позема 5 денег; во дворе Тарас Панфилов, пасынок его Бориско да суседи его Ивашко да Ивашко ж — позема 5 денег; во дворе Огибало скоморох да его суседи Ивашко, да Селиванко — позема гривна; во дворе Машка, вдова Кондратова, да Ивашко, да их суседи Федко да Якуш, да Власко, да Васко — позема 10 денег; во дворе Мишко Семенов да Ивашко — позема[4] 5 денег; во дворе Моисейко Онкудинов да его суседи Васко да Микифор — позема 5 денег; во дворе Терех Исаков, сын его Ондрейко да суседи Кузьма да Олух — позема 10 денег; во дворе Еска Олехнов да его суседи Офоноско — позема гривна; во дворе Стехно Трофимов да его суседи Васко да Костко, да Костя ж, да Шпанко — позема пол 4 деньги; во дворе Зехно Иванов — позема пол 4 денги; во дворе Малах, сын его Микифор, зять его Никитка, сусед его Фомка — позема 7 денег; во дворе Ивашко Софронов да Филка, да их суседи Матюк да Сенка, да Сидор — позема 7 денег; во дворе Васюк да Ивашко Ивановы, да Офонаско Ексин, да сусед Матюк — позема 10 денег; во дворе вдова Федора, Гридинская жена Фатьянова, да ее суседи Олис да Илейка, да Матвейко, да Стешко — позема 10 денег; во дворе Палка Ондронов да Фомка да их суседи Юрка да Ивашко, да Олушко, да Максимко, да Данилко, да Федко, да Ивашко, да Минка, да Дорошко — позема 10 денег; во дворе Еска да Офонаско Бисеровы, зять его Соня, да Паршук — позема 5 денег; во дворе Федко Федов, сын его Левонко, да Грихно, да их же суседи Лаврок да Ивашко, да Филипко, да Васко, да Климко, да Васко, да Палка — позема 7 денег; во дворе Симан Остратов да Васко, да Савка — позема 5 денег; во дворе Яхно Лубошея, да их суседи Савка да Тимоха — позема 5 денег; во дворе Стешко Васков да Ермолка да их суседи Фешка да Юрка — позема 5 денег; во дворе Палка Денисов — позема 10 денег; во дворе Игнат Дмитров, дети его Степанко да Ермолка — позема 4 денги; во дворе Кирилко Иванов да сусед его Ондрейко — позема 4 денги; во дворе Кондратов Соболев да сусед его Мосейко — позема[4] 10 денег; во дворе Митрохнов Лучка да его сусед Яхно, да Митрохно — позема 10 денег; во дворе Еска Псарь да его сусед Иевко — позема 5 денег; во дворе Петрок Лукин да Малашко — позема 5 денег; во дворе Мануха Ивашков да сусед его Насонко — позема 5 денег; во дворе Ивашко Ермаков, зять его Васко — позема 4 денги; во дворе Сидор да Ульянко да их суседи Грихно да Федко — позема 10 денег; во дворе Гаврилко Микитин да Ивашко — позема 5 денег, во дворе Тимохно

[1] В тексте слово «денег» написано над строкой.

[3] Слово «Нутренец» написано по подчищенному, причем «тре» приписано над строкой.

[3] В тексте «оогород».

[4] Слово «позема» повторено дважды.

Игнатов — позема 5 денег; во дворе Тимохно Степанов[1] да сусед его Матюк — позема 5 денег; во дворе Кирилко Иванов, сын его Стехно, зять их Тимохно — позема 5 денег; во дворе Володя Микитин, сын его[2] Ивашко, его же сын Дмитр, да его суседи Ивашко да Дорох — позема гривна, во дворе Олешко Иванов, брат его Захарко да[3] Куземка, да его суседи Левко да Люша, да Олешко — позема 7 денег; во дворе Михаль Онцыфоров да Трошко Тимохин, да их суседи Куземка да Моисейко — позема 7 денег; во дворе Грихно Грихнов же да Грихно же Степанков, да сусед его Ивашко — позема 7 денег; во дворе Тараско Федков — позема 4 денги; во дворе Палка Максимов да его сусед Сменко, да Ермолка, да сябр Палка ж Максимов, да суседи его Тимошко — позема гривна; во дворе Фешко Родивонов да Софонко, да их суседи Микитка да Микитка же — позема 10 денег; во дворе Михайла Иванов да его суседи Тараско да Васко, да Демешко — позема 10 денег; во дворе Ермолка Софонов да сын его Гаврилко, да их суседи Петруша да Грихно, да Ивашко — позема 7 денег; во дворе Максим Кипров да сын его Фома, да Мининьской дьякон[4] Климко; во дворе Кондратко староста да Лука Иванов — позема 10 денег; во дворе Микитка Рак, суседи его — Васко да Савка — позема 5 денег; во дворе Юхно Савин да сусед его Ивашко — позема гривна; во дворе Омельянко Матюков да сын его Офонас — позема 3 денги.

И сех Мини святого дворов 47, а людей 164 человек — позема с них рубль и девять гривен и три денги.

А великого князя оброку на них положено три рубли новогородские и десять денег, оприч позема *.

Юрья святого дворы, что в Минине ж конце: во дворе Омельянко, зять его Яхно да Савка, суседи[5] его Петрок да Яшко, да Ортюша — позема гривна; во дворе Федко Засухин, суседи его Онтонко да Нестер, да в том же дворе поп Мининской Курян, суседи его Кондратко да Ивашко — позема гривна; во дворе Федос да Филка, да Ондрейко Сидоровы, да их суседи Васко да Онашка, да Ивахно, дети его Ермолка да Власко — позема 7 денег; во дворе Юдка Иванов да Тимошка, да их суседи Яшко да Еска — позему 7 денег, во дворе Офонаско да Ивашко Засухины[6], да сын Ивашков Яшко, да сусед их Микитка да Ивашко — позема гривна; во дворе Иевко Лутьянов да Тимошка да суседи его Ортемко да Фомка — позема 7 денег; во дворе Мелех Еремин да брат его Степанко, да Микита, да их суседи Палка да Сенка — позема 7 денег; во дворе вдова Марина да сусед ее Ивашко — позема 7 денег; во дворе дьяк Юрьевской Онанка да Смешко, дети его Левко да Ондрейко...[7], во дворе Сенка Федосов да сын его Тимоха, да сусед их Ивашко — позема 7 денег; во дворе Сенка Ильин сын да сусед их Федко — позема 7 денег; во дворе Ивашко Грихнов да его сусед Митрошка — позема 11 денег; во дворе Ульянко Офромеев да его суседи Левко да Микитка, да Федотко, да Мосейко — позема 7 денег; во дворе поп Филип Егорьевской да его суседи Андрейко да Лучка, да Митя, да Онтишко — позема...[7]; во дворе Федко Лебедь да его суседи Ивашко да Олекса, да Ивашко, да Терех — позема 5 денег; во дворе Марко Васков да Наумко, да сусед Куземка, да Макарко, да Стешко — позема 7 денег; во дворе Зехно Владычка да Ивашко, да Ондрейко — позема 5 денег; во дворе Демид понамарь, сын его Сергейко да сусед его Климко — позема...[7]; во дворе Ощера Лашко да его суседи Фомка да Ивашко, да Фомка ж — позема 5 денег: во дворе Еска Нефедов, суседи его Михал да Климко, да Панфилко дают позема 7 денег; во дворе Оринка вдова да ее суседи Онисимко да Максимка — позема 4 денги; во дворе Ондрейко Рядовкин, суседи его Ивашко да Васко, да Гришка, да Андрейко, да Бориско — позема 11 денег; во дворе Фешко

[1] Слово «Степанов» написано по подчищенному.

[2] В тексте далее «ива», вслед за чем на следующем листе повторено имя «Ивашко».

[3] Слово «да» написано над строкою.

[4] В тексте: «дьяком».

[5] В тексте: «суди».

[6] Можно прочесть как «Зарухины».

[7] В тексте далее пропущено место для одного-двух слов.

Нестеров да сын его Ивашко — позема 3 денги; во дворе Офоноско Трофимов, дети его Офоноско да Сенка, да Федот, да Еска — позема 5 денег; во дворе Ондрейко Ивашков да Фешко Микитин, да брат его Олиско — позема 7 денег; во дворе Фофонко Климов да Кирилко, да Якуш Климов же, да Ермак Осташов, да Федько да их суседи Фомка да Васко, да Моисейко — позема 8 денег; во дворе понамарь Юрьевской Мосяга, да сын его Ортемко, да его суседи Ивашко да Фомка... [1]; во дворе поп Юрьевской Григорей, суседи его Климко да Петрок, да Васко, да Ивашко; во дворе Ивашко Овсяников да сусед его Ортемко, да сын его Гридько, да Ондрейко — позема гривна; во дворе Иван Иевль, племянник его Дмитр, сусед его Овсейко — позема гривна з золотником; во дворе Костко Олферов, сусед его Трошко — позема 7 денег; во дворе Васко Карпов, зять его Петрок да Ортюшка — позема 8 денег; во дворе Левко Исаков, брат его Федотко, сусед его Ивашко да Ивашко ж — позема 7 денег; во дворе Ивашко Кочялов да Окул, да суседи их Еремка да Еремка ж — позему 7 денег; во дворе Гришко Грихнов, сын его Якуш да Овсейко, брат его Марко да Якимко, сын его Якуш да Гридька Шошуй, сусед его Дмитр да Офонко, да Куземка — позема 7 денег; во дворе Осташко Сергеев — позема 7 денег; во дворе Ортемко Захаров, сын Федко да Сенка Минин, да Максимко, да Ортемковы же суседи Якуш да Сенка, да Ивашко, да Сенка, да Ивашко, да Ондрейко — позема пол 2 гривны; во дворе Митроха Моторов до Онтонко портной мастер — позема гривна; во дворе Мишко Петров [2] да Федко, да их суседи Тараско — позема 16 денег; во дворе Михаль да Стехно — позема 7 денег; во дворе Острат Дементьев да сусед его Еска — позема 7 денег; во дворе Тимохно Воронко, дети его Яхно да Ивашко, суседи их Онофрей да Микитка, да Захар — позема 7 денег; во дворе Бориско Ортемов да их суседи Васко да Демех — позема 7 денег; во дворе Гридка Лукьянов да Моисейко — позема 10 денег; во дворе Моисейко Лукин, дети его Палка да Федко, да сусед его Офоноско — позема семь денег; во дворе Микулка Микифоров да Куземка — позема 7 денег; во дворе Олфер да Сенка Демеховы, да их суседи Ивашко да Ереха — позема 4 денги; во дворе Васко Мосеев, сусед его Оникей — позема 4 денги; во дворе Овдокимко Перхин да Еска Грихнов, да сусед их Овсейко — позема 4 денги; во дворе Мартюшка Трофимов да его суседи Ивашко да Сенка, да Терех Павлов, да Ивашко — позема 4 денги; во дворе Кузьма Зехнов, суседи его Савка да Максимко — позему 4 денги; во дворе Ондрейко Омельянов да Степанко, да их суседи Пахомко да Фомка, да Олиско, да Ивашко — позема 4 денги; во дворе Федотка Якушов да Зехно, да их суседи Ивашко да Овдюшка — позему 4 денги, во дворе Савка Кусаков да его суседи Пантелейко Иевль да Костко, да Кондратко, да Тимошко, да Васко, да Михаль, да Васко ж, да Тимоша, да Левка, да два Ивашка, да Тимошка ж, да Онашка, да Филька — позема гривна; во дворе Селиванко Федьков — позема 7 денег: во дворе Игнатко Максимов — позема 7 денег; во дворе Федот-ключник да Федко сын его, да сусед его Овдейко — позема 7 денег; во дворе Лучка Грихнов, да Савостка, да сусед его Гаврилко — позема 7 денег; во дворе Микифор Селиванов, да сусед его Ивашко — позема 7 денег; во дворе Демех Богданов да Харитонко — позема 7 денег; во дворе Сенка Харланов да сын его Грихно, да Степанко, да Михаль — позема 7 денег; во дворе Тимох Огафонов да их суседи Стехно да Нестер, да Михалко — позема 7 денег; во дворе Дмитр Ивашков да Матфейко, да Юрко, — позема 7 денег.

И сех Юрья святого дворов 59, опроче дворов нетяглых, поповских и дьячих, и сторожовых, а людей 232 человека, а позема 2 рубля и 2 гривны и 5 денег.

А великого князя оброку на них положено пол четверта рубля [3] новогородская и пять гривен, оприч позема *.

И всех в Минине конце манастырьских и церковных 180 дворов, и людей 641 человек, а позема 8 рублев з гривною и пол 9 денги [4] да 41 розмер соли.

[1] В тексте далее пропущено место для одного-двух слов.
[2] В тексте буква «т» выскоблена.
[3] В тексте «рубб ля».
[4] Слово «денги» написано по соскобленному.

А оброка великого князя на них положено пол другонатцата рубля и пол третьи гривны з деньгою новогородцкими денгами, опроч позему, манастырских и церковных [1].

В Мининском же конце дворы своеземцовы: Ивашка Иванова сына Цветного: во дворе сам Ивашко да его суседи Захар да Аристко, да Гаврилко, да Поташ, да Офоноско, да Ортюша, да Ивашко — позема гривна.

Лучки Гарманова Рушанина: во дворе дьяк Егорьевской Осташко да сусед его Митя, да Тимох Сенкин, да Терех — позема 10 денег.

Сенки Абрамова Рушанина: во дворе сам Сенка да сусед их Васюк, да сын его Офоноско, да Ондрейко — позема 7 денег.

Ивашка Морозова из Новагорода с Рогатицы: во дворе Ивашка Федьков да его суседи Кондратко да Степанко, да Кондратко ж — позема гривна.

Федосьи Кипровы жены с Красные улицы: во дворе Мелех Симанов...

№ 2

...А оброку им давати пять гривен новгородцкая.

Матфеевская да Васильевъская Базиных пожня в Готкове острове на Полисте. А ставится на ней 100 копен сена. А дана Яхну Савину да Кунку. А оброка им давать 5 гривен.

Пожня Колища возле Климковской путь, что была Михаила святого с Сковородки. А ставится на ней 200 копен сена. А дана в оброк Манухе Федосову. А оброку ему давати пять гривен ноугородцкая.

Пожни, что были Юрьева манастыря, на Юрьевской луке, на Ловоти выше Устьян — да на Парфиньской луке, а ставится на них сена 60 копен. А даны в оброк Ортему Плешивому. А оброку ему давати две гривны ноугородцкие.

Юрьева ж манастыря было озеро Серобра промеж Ловоти и Полисти, а в нем тоней 50, а рыба в нем белая всякая. Да у того ж озера пожни, что были Юрьева ж манастыря: пожня Гребень, пожня Хвостцы, пожня Серебра, пожня Воинятино-Наредье. А ставится сена на тех пожнях на всех 600 копен. А дано то озеро и пожни в оброк Олексе Микифорову Лубнику да Ортему Плешивому, да Ивашку Боярину. А оброку им давати полтретья рубля ноугородцкие.

Пожни, что были Юрьева ж манастыря, на Ловоти ж на острову на Въюце пожня, а другая пожня конец Говенной Лозы. А сена ставится на обеих 300 копен. А даны в оброк Олексею ж Лубнику да Ортему Плешивому, да Ивашку Боярину. А оброку им давати пять гривен ноугородцкая.

Пожни Пречистые, что были Лиситцкого [2] монастыря, пожня Заловоть, выше Устьян, а другая пожня на Усть-Полисты, а третья пожня конец Рдетска. А ставится на них сена 300 копен. А даны в оброк Федотку Гридину да Палке Ивонину, да Креню...

ГИМ, ф. 450, д. 76, лл. 93—99 об.— Подлинник.

[1] Возможно, фраза написана другим почерком.

[2] В слове «Лиситцкого» слог «ли» приписан более светлыми чернилами.

Дневники Воспоминания

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ И БОЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП В НОЯБРЕ 1906 г.

И. В. ШАУРОВ

Автор воспоминаний И. В. Шауров (р. 1886) вступил в Воронежскую организацию РСДРП в 1904 г. и примкнул к большевикам. В 1906 г. состоял членом Воронежского комитета РСДРП и его ответственным секретарем. Был делегатом от Воронежской организации на Первой всероссийской конференции военных и боевых организаций, а также на V Лондонском съезде РСДРП. При возвращении со съезда был арестован на границе и заключен в тюрьму. После освобождения работал в Петербурге; входил в состав Петербургского комитета РСДРП. С лета 1908 до 1911 г. работал в Воронежской организации РСДРП, после чего отошел от активной политической работы. По специальности — электрик и юрист. В настоящее время — пенсионер.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве явилось серьезным уроком для всех социал-демократических организаций. Оно показало неподготовленность организаций к восстанию и в то же время громадные возможности ведения вооруженной борьбы в момент революционного подъема широких народных масс. Поскольку «вооруженное восстание» оставалось лозунгом партии, нашей важнейшей задачей являлась его подготовка, для чего необходимо было создать сильные военные и боевые организации [1], а также подготовить весь аппарат и технику к вооруженному восстанию. Работая в Воронеже, я стал принимать активное участие в выполнении этой задачи. В конце декабря 1905 г. и в первых числах января 1906 г. мною были привезены из Киева от Южно-технического бюро РСДРП два транспорта оружия: один — для донской боевой организации, другой — для воронежской.

Организация РСДРП в Воронеже в это время составляла около 800 чел., рабочих насчитывалось около 10 тысяч. В начале января 1906 г. по директиве ЦК в Воронеже был образован Объединенный комитет РСДРП, значительное большинство в котором составляли большевики. Я вошел в состав комитета и являлся его ответственным секретарем. В первую очередь мы решили создать сильные организации, военную и боевую, под непосредственным руководством комитета. Перед военной организацией была поставлена задача: в кратчайший срок создать организационные центры во всех подразделениях гарнизона (численность которого составляла около пяти тысяч человек), и объединить вокруг них всех революционно настроенных солдат, подготовив их к выступлению; в центры нужно было вовлекать самых

[1] Военные организации РСДРП создавались в 1905—1907 гг. для ведения революционной работы в воинских частях. Боевые организации РСДРП создавались среди рабочих.

активных и авторитетных в солдатской массе лиц, а наиболее сознательных солдат — в социал-демократическую партию; в широкой солдатской массе вести агитацию и пропаганду в пределах программы-минимум, т. е. в пределах основных требований буржуазно-демократической революции.

Во главе военной организации стоял центр, автономный в осуществлении практической работы, в его состав вошли три члена комитета РСДРП, в том числе и я. Ответственным руководителем был назначен П. А. Богданов (впоследствии председатель ВСНХ). В военную организацию выделили наиболее сильных работников.

Задачей боевой организации являлось: создание крепкой, дисциплинированной и хорошо подготовленной дружины, снабженной оружием; боевая подготовка значительного числа рабочих-партийцев, из которых можно было бы быстро развернуть большую дружину в момент выступления; подготовка и план операций в момент выступления, в частности координирование действий боевых дружин с армией; заготовка оружия и других видов боевой техники; обучение подрывному делу и партизанским действиям; налаживание производства бомб. Руководящий центр боевой организации состоял из шести-семи человек, в число которых входили два члена комитета. Начальником боевой организации назначили меня.

Таким образом было обеспечено партийное руководство деятельностью военной и боевой организаций. Мы ясно представляли себе, что в случае обособления военной и боевой организаций от общепролетарского партийного центра они могли бы ослабить свою активность или же, с другой стороны,— чрезмерно увлечься наступательными действиями и боевизмом, что вызвало бы несвоевременные выступления воинских частей и самовольные партизанские выступления. И то, и другое могло бы причинить огромный вред всей организации и даже привести к ее провалу.

К июню 1906 г. мы в основном выполнили поставленные перед собой задачи. Гарнизон был почти полностью охвачен военной организацией: в пехотных войсках были образованы полковые и ротные комитеты; в немногочисленных кавалерийских частях — эскадронные, а в артиллерийских — бригадные комитеты. Даже в казацких сотнях, стоявших в Воронеже, имелись ячейки, но там их влияние было слабее. Из представителей крупных воинских соединений был создан гарнизонный совет, который собирался несколько раз, в наиболее важных случаях. Основной костяк самых активных солдат нашей военной организации насчитывал от 200 до 300 чел., а число революционно настроенных и примыкавших к военной организации солдат составляло от 1500 до 2000 чел. Военная организация пользовалась большим авторитетом в солдатской массе, и у нас не было никаких сомнений в том, что в случае выступления воронежский гарнизон активно перейдет на сторону народа и город можно будет захватить почти без боя.

Боевая организация также была подготовлена. Хотя запасы оружия у нас и были незначительны, но основная дружина была полностью им снабжена; имелись резервные кадры; были намечены и обеспечены способы быстрого получения оружия в нужный момент в большом количестве, а также изготовления бомб. Мы выработали план действий на случай выступления, в котором предусматривалось установление связей с войсками и захват административных учреждений города.

Что касается дальнейших задач, то никаких директив из центра у нас не было. Нам дана была единственная твердая директива — всеми силами стараться не допускать сепаратных выступлений воинских частей до получения общей директивы о выступлении из центра. В случае, если сепаратное вооруженное восстание солдат, несмотря на наши усилия, все же произойдет, стараться возглавить его и в максимальной степени развить. В Воронеже такое положение возникало несколько раз, и нам с трудом удавалось удержать гарнизон от выступления. Какие задачи встали бы перед нами в случае захвата власти в городе, мы не имели никакого представления. Откуда ждать помощи, откуда — нападения и что предпринимать самим,— на эти вопросы у нас не было ответа. Мы не знали даже, откуда получать директивы, к кому обращаться. В таком же положении, как мы, находился и ряд других военных и боевых организаций.

Среди работников военных и боевых организаций, естественно, рождалась мысль о необходимости объединения, координации работы, организованной помощи и авторитетных директив из центра. Нам известны были многократные указания В. И. Ленина об усилении подготовки к вооруженному восстанию, укреплении работы военных и боевых организаций. Эти указания являлись для нас новыми стимулами к усилению работы. Но конкретной помощи и директив из центра мы на местах не получали.

Когда мы выбирали в Воронеже своим делегатом на IV Стокгольмский съезд партии В. И. Невского (т. «Владимир», «Федос Иванович Кривобоков»; после Октябрьской революции — народный комиссар путей сообщения), то в числе наших пожеланий, в виде наказа, поручили ему поставить на съезде вопрос о военных организациях и о созыве Всероссийского съезда военных организаций. От имени Петербургской военной организации Емельян Ярославский огласил на съезде требование немедленного созыва Всероссийского съезда военных организаций; была вынесена резолюция: «Съезд поручает ЦК созвать конференцию всех военных организаций» [2].

После съезда в ЦК стали поступать требования многих организаций о скорейшем созыве съезда или конференции военных организаций, но меньшевистский ЦК, избранный на Стокгольмском съезде, оставался глух и откладывал это не терпящее отлагательства совещание. Наконец, это дело взяли в свои руки три крупнейшие большевистские военные организации (Петербургская, Финляндская и Московская) и Петербургская боевая организация, которые создали Организационное бюро и решили созвать совместно с военными также представителей боевых организаций. В. И. Ленин полностью одобрил созыв такой конференции. Ее созыв поддержали не только все большевистские организации, но и многие меньшевистские боевики (т. е. участники боевых организаций).

Узнав об этом, ЦК зашевелился. Он запретил конференцию военных организаций совместно с боевиками и решил вместо этого созвать в сентябре 1906 г. конференцию только военных организаций.

В последних числах августа 1906 г. мы получили два письменных извещения. В одном из них, полученном из Москвы, областное бюро Центральной области предлагало нам прислать в ближайшее время в Москву делегата от военной организации на областную конференцию военных организаций РСДРП; в другом — ЦК извещал о созыве в сентябре в Петербурге Всероссийской конференции военных организаций и также предлагал прислать своего делегата. На объединенном заседании Воронежского комитета и военной организации избрали на областную конференцию П. А. Богданова, на Всероссийскую — меня.

В первых числах сентября я приехал в Петербург. От Невского, который был тогда членом ПК (Петербургского комитета), я узнал, что намечаются две конференции: на одной из них, созываемой ЦК, будут представлены только военные организации, на другой же, созываемой большевистским Оргбюро, и военные и боевые организации. Об этой последней конференции до моего выезда из Воронежа у нас никаких официальных уведомлений не было, и лишь значительно позже в Воронеж заехал представитель Оргбюро, объезжавший южные военные организации.

В. И. Невский от имени Большевистского центра предложил мне на явку ЦК не являться и свой мандат не предъявлять, а ожидать дальнейших указаний и ехать на конференцию военных и боевых организаций несколько позднее. Он информировал меня о разногласиях, возникших между ЦК и ПК по вопросу о созыве военной конференции, а также о том, что Ленин придает большое значение конференции и сам предполагает выступить на ней с основным докладом о задачах военно-боевой работы.

Около 10 ноября В. И. Невский передал мне, что конференция военных и боевых организаций должна собраться в ближайшие дни, и направил меня за указаниями к Н. К. Крупской, которая в то время пользовалась для явок студенческой

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7, 1954, стр. 137.

столовой Технологического института. Я жил вблизи института, имел пропуск в столовую, почти каждый день в ней обедал и часто видел там Надежду Константиновну. Обратился к ней. Она передала меня своей юной помощнице т. Кате, которая сообщила мне, что я должен срочно выехать в г. Таммерфорс. От нее же я получил пароль, явку в редакцию газеты «Кансан Лехти» и все необходимые указания. На следующий день вечером я выехал поездом на Гельсингфорс.

На станции Рихимяки, не доезжая Гельсингфорса, я сошел с поезда, чтобы пересесть на другой, идущий из Гельсингфорса на север Финляндии. Мне все время приходилось быть начеку, опасаясь, нет ли за мной слежки. Присев в пассажирском зале в уголок с книжкой в руках, я стал наблюдать за сидящими в зале, пытаясь обнаружить шпиков; вместе с тем меня интересовало, нет ли таких, которые могли быть делегатами на конференцию. Почти все пассажиры были финнами, похожих на шпиков я не заметил. В одном русском молодом человеке, сидевшем против меня, я сразу угадал делегата, так как по своему облику от походил на партийного работника и никак не был похож на шпика. Через несколько часов я узнал, что это — делегат Саратовской боевой организации по кличке «Степняк», и лишь много лет спустя мне стало известно, что это был крупный провокатор С. С. Зверев, выдавший нашу конференцию и проваливший много организаций. Он был послан Петербургской охранкой по распоряжению Департамента полиции.

По приезде в Таммерфорс я, со всеми предосторожностями, пришел на явку и был направлен к представителю Оргбюро т. «Виктору» («Победов» — И. Г. Урысон) [3], работавшему в Петербургской боевой организации. Как одному из организаторов конференции, ему было поручено размещать делегатов в Таммерфорсе. Кроме него, в Таммерфорсе находился и другой член Оргбюро — «Николай Иванович Инсаров» («Изаров» — И. Х. Лалаянц), делегат Петербургской военной организации, начавший свою революционную работу еще в восьмидесятых годах. Он производил впечатление старого человека, хотя по возрасту не был еще стар. Многочисленные аресты, ссылки, побеги, жизнь на нелегальном положении,— все это наложило печать на его внешность, и нам он представлялся уже почтенным ветераном революции. Несмотря на значительные разногласия, возникшие у него с большинством делегатов, все относились к нему с большим почтением и вниманием.

Я был очень огорчен, узнав от т. Виктора, что В. И. Ленин не приедет на конференцию по причине якобы его нездоровья. Как выяснилось впоследствии, причина была совершенно иная. Ленин опасался, что его участие в конференции могло быть использовано меньшевиками для обвинения всей большевистской фракции в дезорганизаторской деятельности. Отчет ЦК на V Лондонском съезде РСДРП и прения по отчету, в которых было уделено большое внимание Таммерфорсской конференции военных и боевых организаций, показали, насколько он был прав и предусмотрителен. В. И. Ленин обещал прислать письмо конференции и направить на нее представителя Большевистского центра т. «Остапченко» («Любич» — И. А. Саммер).

По свидетельству организаторов конференции Емельяна Ярославского и М. Н. Лядова, В. И. Ленин, придавая большое значение конференции и проявляя к ней большой интерес, испытывал, однако, серьезное опасение в отношении возможности выявления на ней взглядов и предложений, весьма далеких от социал-демократической точки зрения и могущих быть использованными во вред партии врагами военно-боевой работы из лагеря меньшевиков. Ем. Ярославский вспоминает: «Владимир Ильич очень обстоятельно расспрашивал о том, не затевают ли военные работники создать свой ЦК военный, и что к подобной идее он отнесся бы отрицательно» [4]. По словам М. Н. Лядова — «после того, как у Владимира Ильича побы-

---

[3] Делегатов конференции я называю здесь теми именами, под которыми они выступали на конференции. В протоколах конференции большинство значится под другими именами.

[4] «Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», протоколы, 1932. Редакционная статья С. Познер. Как подготовлялась конференция, стр. XXV.

вали И. Лалаянц и Ем. Ярославский, на собрании Большевистского центра, в состав которого входили Ленин, А. А. Богданов и Л. Б. Красин, Владимир Ильич сообщил о некоторых увлечениях, которые существовали у отдельных организаторов конференции в вопросе о противопоставлении «военно-боевого центра» ЦК партии и об изолировании военно-боевой работы от общепролетарской» [5].

Опасения Владимира Ильича оказались вполне основательными, на конференции пришлось встретиться с высказываниями, абсолютно неприемлемыми. Некоторые из этих выступлений, попавшие в протоколы конференции, В. И. Ленин впоследствии решительно осудил.

Большинство членов конференции собралось за два-три дня до ее открытия. Мы не хотели напрасно терять время и стали устраивать частные совещания для предварительного обсуждения стоявших в порядке дня вопросов, а также для информации о положении дел на местах и о проектах дальнейшей работы.

Вопрос о вооруженном восстании стоял тогда в центре внимания. Все надеялись на близкий новый подъем революционной борьбы и, учитывая горький опыт нашей неподготовленности в прошлом, ожидали конкретных мероприятий по организации боевых сил. Делегаты отразили настроение пославших их организаций, они принесли с собой богатый опыт военно-боевой работы, много различных проектов и предложений. Поэтому работа конференции с первых же дней, когда происходили частные совещания, носила живой, творческий характер и представляла для нас громадный интерес. Ввиду строго конспиративного характера военно-боевой работы нам пришлось здесь впервые узнать много такого, что имело для военно-боевой работы весьма большое значение.

К сожалению, в сохранившихся материалах содержатся далеко неполные данные о работе конференции. Технически она была обслужена прекрасно: секретариат состоял из трех человек, в числе которых были две девушки-стенографистки, так что все официальные заседания должны были полностью стенографироваться. Однако в протоколы конференции, изданные в 1907 г., попала только часть докладов, выступлений и оглашенных на официальных заседаниях конференции документов, к тому же многие выступления были весьма сильно и местами неудачно сокращены.

Чем же это можно объяснить? Во-первых, тем, что материал был очень обширен, выступлений очень много, и печатание всего представлялось крайне затруднительным. Во-вторых, тем, что значительная часть материалов была исключена по конспиративным соображениям [6]. И, наконец, в-третьих, я полагаю, сыграли большую роль тактические соображения, а именно: желание дать поменьше оснований меньшевистскому ЦК для нападок на конференцию и для обвинения ее организаторов в нарушении основных принципов социал-демократии и в стремлении «к боевистской диктатуре». Если даже опубликованные в сокращенном виде протоколы вызвали резко враждебные выпады со стороны меньшевиков, то в случае полного опубликования всех выступлений и предложений можно было ожидать еще более резкой и злобной критики. Очевидно, из этих соображений в протоколы не были включены не только ошибочные выступления, но и контрвыступления, вскрывавшие заблуждения и фантастический характер некоторых предложений.

Отсутствие многих материалов, относящихся к заседаниям конференции, и полное отсутствие данных о частных совещаниях, указывает редакция протоколов издания 1932 г., лишает возможности восстановить во всей полноте работу конференции [7]. Это обстоятельство послужило причиной того, что в редакционной статье к протоколам, содержащей много ценных сведений о конференции, С. Познер высказывает и ряд ошибочных предположений в отношении некоторых моментов ее работы и неправильно освещает разногласия, имевшие место на конференции [8]. Из статьи С. Познер следует, что разногласия эти возникли по вопросам об органи-

[5] «Первая конференция...», стр. XXV—XXVI.
[6] См. там же, стр. XLV.
[7] См. там же, стр. III.
[8] См. там же, стр. XXXIV, XXXV, XXXIX и XL.

зационных центрах в воинских частях и о характере пропаганды в войсках. На самом же деле в основе расхождений между большинством членов Оргбюро и большинством делегатов конференции лежало различное понимание задач военно-боевой работы и характера вооруженного восстания, а также вопроса о взаимоотношениях военно-боевых центров с общепролетарскими организациями. Поскольку мне пришлось принимать живое и активное участие в работе конференции и в моей памяти хорошо сохранилось большинство событий, имевших место на конференции, я постараюсь кратко изложить ход основных ее работ и осветить то, что остается неясным при ознакомлении с текстом протоколов.

Еще на частных совещаниях до начала конференции завязались оживленные дискуссии и наметились резкие разногласия по основным вопросам, стоявшим на конференции.

Оргбюро, подготовившее конференцию, состояло из тт. Инсарова (Лалаянц), «Мурского» (М. А. Трилиссер), Виктора (Урысон) и «Григория Ивановича» (Д. Д. Гиммер). Последний с самого начала частных совещаний отмежевался от позиции остальных членов Оргбюро и солидаризировался с большинством делегатов. Наиболее ярким выразителем точки зрения Оргбюро являлся Инсаров. Результатом этих расхождений, выявившихся до конференции, явилось выдвижение со стороны большинства делегатов своего списка членов президиума, а затем и своего проекта порядка дня в противовес предложенному Оргбюро. Воронежский делегат, предложивший этот проект, выступал по поручению большинства делегатов (это был я). Существенная разница между двумя проектами состояла в следующем: вместо вопроса «Роль партии и военных боевых организаций в вооруженном восстании» в проекте большинства конференции стояло три вопроса: «Характер вооруженного восстания», «Задачи военной и боевой организаций» и «Характер работы военной и боевой организаций».

Чем было вызвано это изменение? На частных совещаниях нам стало известно, что Инсаров проектирует создание таких организаций в армии и таких боевых дружин, которые должны были бы совершить вооруженное восстание независимо от выступления народных масс. Чтобы воспрепятствовать подобной постановке вопроса, мы сочли необходимым выделить вопрос о характере предстоящего вооруженного восстания, которое мы считали возможным только как выступление широких масс, возглавляемое передовыми рабочими и технически управляемое военно-боевыми центрами под руководством общепролетарских организаций партии. Отсюда вытекали и следующие вопросы о задачах военных и боевых организаций и характере их работы, которые должны были решаться в соответствии с признанием указанного характера восстания.

Вторым вопросом, разделявшим делегатов, был вопрос о взаимоотношениях военно-боевых центров с общепролетарскими организациями. Докладчик Оргбюро Инсаров выступил с таким проектом создания военно-боевых центров, который ставил их вне всякого контроля со стороны общепролетарских организаций, а в момент вооруженного выступления — даже выше общепролетарских организаций. Представитель Большевистского центра т. Остапченко полностью солидаризировался с Инсаровым и поддерживал позицию Оргбюро. В указанной выше статье С. Познер по этому поводу сказано: «Остапченко (Саммер), руководивший конференцией, не дал правильной партийной оценки докладу Изарова. Об этом докладе Остапченко высказался так: „Я выслушал доклад т. Изарова, испытал истинное удовлетворение, так что возражения не имел в виду и теперь не имею в виду"» [9].

Нужно заметить, что в статье Познер совершенно неправильно указано, будто Остапченко руководил конференцией. Конференция внимательно прислушивалась к выступлениям представителей партийных центров, однако отнюдь не следовала слепо за ними. Так, по указанному вопросу большинство делегатов решительно отказалось идти по указанному Оргбюро и Остапченко пути, за что и получило лестный отзыв В. И. Ленина. В своей статье «По поводу протоколов ноябрьской военно-

[9] «Первая конференция...», стр. XXXVIII.

боевой конференции Российской социал-демократической рабочей партии» Ленин писал: «И если из фракционных целей нам станут преподносить нелепые увлечения тов. Изарова, то мы попросим подобных „критиков" не забывать, что *большевистская военно-боевая конференция не пошла за изаровскими крайностями!»* [10].

Разногласия, всплывшие на предварительных частных совещаниях, наложили свою печать на весь ход конференции, особенно на ее начало, но отнюдь не помешали продуктивности ее работы и принятию правильных и весьма ценных решений, апробированных затем всей большевистской частью нашей партии. Частные совещания не протоколировались, и потому напрасно было бы искать их документальные следы.

К началу конференции среди большинства делегатов создалось тревожное настроение. Мы считали необходимым, помимо решения принципиальных вопросов, строго продумать ряд животрепещущих вопросов военно-боевой работы и на основе коллективного опыта наметить наиболее целесообразную организационную структуру военных и боевых организаций как для подготовительной работы, так и для момента вооруженного выступления. Между тем сообщения членов Оргбюро на предварительных совещаниях смутили нас. Создалось впечатление, что они собираются предложить нам ряд заранее подготовленных решений, что приглашенные Оргбюро докладчики будут освещать вопросы именно в духе этих решений, а нам останется лишь утвердить их. Это было далеко от того, чего мы ожидали столько времени и о чем просили, обращаясь к высшим органам партии.

Но главной причиной нашего недовольства являлось то, что члены Оргбюро предлагали нам абсолютно неприемлемые решения основных вопросов. Отсюда у большинства делегатов, которое к моменту открытия конференции составило девять из 13 с решающим голосом, появилось намерение обеспечить на конференции свободное обсуждение и разрешение вопросов без всяких помех, для чего нужно было избрать такой президиум, который осуществил бы это.

Все мы относились с глубоким уважением к т. Инсарову, как к старому маститому революционеру и большевику, ценили его труды по созыву конференции, а потому, несмотря на глубокие расхождения с ним, решили избрать его председателем конференции. Остальных двух членов президиума наметили из делегатов, солидарных с большинством по основным принципиальным вопросам,— рижского делегата т. «Петра I» (Ж. А. Шепте) и меня, под псевдонимом «Алиев» [11].

Выше уже отмечалось, что основные положения доклада т. Инсарова не удовлетворили большинство делегатов. Его поддержали лишь т. Виктор и немногие другие. Делегаты военной и боевой организаций Москвы, Риги, Либавы, Казани, Нижнего Новгорода, Кронштадта, так же как и я, решительно отвергали позицию Инсарова. На нашу точку зрения стало и большинство прибывших позже делегатов. Однако солидарность нашей группы не шла дальше указанных выше вопросов, по другим вопросам мы часто придерживались различных точек зрения.

Официальные заседания конференции начались 16 ноября 1906 г. К этому времени приехало большинство делегатов, некоторые прибыли на следующий день. Всего в конференции участвовало 19 делегатов с решающим голосом и девять с совещательным. Кроме упомянутых ранее, присутствовали представители Петербургской и двух уральских боевых организаций, Технического бюро при ЦК, Южно-технического бюро, Севастопольской, Калужской и Финляндской военных организаций и от революционной части финской социал-демократии. С совещательным голосом присутствовали представители Петербургского комитета РСДРП — Р. С. Землячка, Московского комитета — Емельян («Ильян» — Е. М. Ярославский), четыре докладчика Оргбюро, в том числе «Мартын» (Лядов). На второе заседание приехал

---

[10] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 375.

[11] Кстати, считаю нужным отметить, что в протоколах конференции (изд. 1932 г.) псевдоним «Алиев» ошибочно приписан П. А. Богданову. Правильная расшифровка псевдонима дана в книге «Пятый съезд РСДРП». Протоколы, 1933, стр. 733.

Остапченко с письмом от В. И. Ленина, в котором высказывалось пожелание успеха конференции и предостережение против чрезмерного увлечения боевыми вопросами [12].

Все прибывшие на конференцию являлись партийными работниками, посвятившими себя военно-боевой работе. Среди них были видные участники вооруженных восстаний и партизанских выступлений. М. Н. Лядов в своих воспоминаниях пишет: «Почти всем участникам конференции в случае ареста грозила петля» [13]. Действительно, если бы конференция была захвачена на месте, со всеми материалами и документами, то такая участь явилась бы неизбежной для всех ее участников.

Среди военных работников находились рижский делегат т. Петр I — участник партизанской войны в Прибалтийском крае, т. «Ида» (Аллина, Сермус) — участница Кронштадтского восстания, от Московской боевой организации — «Семен Петрович» (В. А. Костицин) — активный участник Московского вооруженного восстания; три уральских делегата — братья Кадомцевы и Локоцков, руководители партизанских отрядов на Урале, участники большого количества партизанских выступлений и экспроприаций; т. Альбин («Артем», «Лейден») [14] — делегат от Южно-технического бюро в Киеве, боевик, совершивший несколько экспроприаций, в том числе Демиевского почтового отделения в Киеве, почтового вагона Севастопольского поезда в районе станции Лозовой, организатор большого вооруженного побега из ростовской тюрьмы. Альбин был на конференции единственным делегатом-меньшевиком. Он явился на конференцию, несмотря на запрещение меньшевистского ЦК, так как признавал, что в военно-боевой работе большевики идут единственно правильным путем.

Кроме перечисленных делегатов, на конференции присутствовал один несколько странный гость, который не имел никакого мандата, и было неясно, как он попал на конференцию. Однако он доказал документами, что являлся участником Свеаборгского восстания. Оргбюро затруднялось, как с ним поступить; его оставили на конференции, но предупредили всех, чтобы относились к нему с осторожностью, так как его личность вызывала сомнение. Звали его «Христиан». Он сделал интересный доклад о Свеаборгском восстании, но в протоколах нет о нем никакого упоминания. Я встретил его снова в Лондоне на V съезде, где он присутствовал в качестве гостя. В протоколах съезда он значится под буквой «Х»; никакой расшифровки, кто он такой, нет [15].

После краткой вступительной речи Инсарова и избрания президиума между Оргбюро и большинством конференции произошел конфликт по вопросу о порядке дня. Конференция приняла предложенный мною от имени большинства делегатов порядок дня, в который был включен вопрос о вероятном характере будущего вооруженного восстания, о задачах военных и боевых организаций. Кроме того, на первое место были поставлены отчеты с мест и доклады об имевших место вооруженных восстаниях; все это должно было дать материал для дальнейших суждений.

Доклады с мест представляли громадный интерес. Кроме фактических данных о постановке работы и состоянии местных организаций, чрезвычайно ценными являлись, если можно так выразиться, неофициальные части сообщений делегатов,

---

[12] Письмо В. И. Ленина не разыскано.

[13] М. Лядов. Из жизни партии, накануне и в годы первой революции. М., 1926, стр. 180.

[14] Настоящее имя «Альбина», «Артема», «Лейдена» — А. Д. Цемах; я узнал это в дубенской тюрьме, куда его, меня и одесского делегата т. Федора посадили после ареста на австрийской границе при возвращении с V Лондонского съезда РСДРП. В протоколах V съезда (на котором присутствовал с совещательным голосом А. Д. Цемах с мандатом Петербургской военной организации) псевдоним «Альбин» неправильно приписан работнику Петербургской военной организации Б. Сапотницкому («Альберт», «Алибей») (см. «Пятый съезд РСДРП». Протоколы, 1933, стр. 16). После V съезда А. Д. Цемах заявил, что порывает с меньшевиками и примыкает к фракции большевиков.

[15] См. «Пятый съезд РСДРП...», стр. 17.

в которых они наглядно рассказывали, в какой обстановке работали, к каким приемам приходилось прибегать, описывали особые трудности, встречавшиеся на пути, и, наконец, делали выводы, к которым они приходили на основании своего опыта. Докладчикам задавали многочисленные вопросы. Затем происходил обмен мнений, высказывались различные суждения. Устраивались частные совещания представителей военных и боевых организаций, а также частные совещания одних только боевиков. Из рассказов уральских боевиков и Альбина о боевой работе на Украине мы черпали богатейший материал для предстоявшей боевой работы. После этого были заслушаны письменные доклады организаций, не приславших делегатов, а затем последовали доклады об имевших место попытках вооруженного восстания.

Наибольший интерес представили доклады о Московском вооруженном восстании. С основным докладом выступили Семен Петрович, являвшийся одним из главнейших руководителей дружин во время восстания. Он нарисовал яркую картину московских событий, дал критическую оценку всех действий в предшествовавшие дни и в момент восстания; говорил о полной неподготовленности местных организаций и об отношении к восстанию населения.

Затем выступили тт. Мартын и Землячка, являвшиеся членами Московского комитета во время восстания. Они обрисовали деятельность Московской партийной организации в момент восстания. Григорий Иванович, находившийся в боевом центре, дополнил эту картину. Все отмечали изумительный героизм участников восстания, подъем и активную поддержку их со стороны населения и вместе с тем полную неподготовленность к восстанию со стороны руководящих организаций. Остапченко оправдывался перед конференцией в том, что, будучи делегированным в Москву как представитель ЦК, он настаивал на начале забастовки, приведшей к вооруженному восстанию. Он доказывал, что события все равно развивались бы в том же направлении независимо от его выступлений и что он лишь выполнял директивы ЦК.

После этого выступали участники других восстаний — Севастопольского, Кронштадтского, Свеаборгского. Вслед за ними был заслушан доклад приглашенного Оргбюро т. «Варина» (В. Ю. Фридолин) — «О бывших попытках вооруженного восстания», представлявший собой обобщение опыта имевших место восстаний и попытку создать как бы теорию вооруженного восстания, наметить наиболее целесообразные его формы. Доклад был весьма интересен, в нем нашли отражение идеи так называемой «большой войны» и «партизанской войны» [16], имевшие сторонников среди некоторых военно-боевых работников. Никакой резолюции по докладу не было вынесено.

Далее следовал хороший и обстоятельный доклад т. Мартына «О текущем моменте», не встретивший никаких возражений; резолюция по докладу была принята единогласно. В ней говорилось, что «настоящий политический момент следует рассматривать как канун новой, еще более грандиозной вооруженной борьбы революционного народа с царским правительством и реакционными силами страны» [17]. В то время мы были твердо убеждены в правильности нашей оценки. Ряды партии росли, революционное настроение в рабочей среде поднималось, казалось, что вот-вот снова разразится буря.

Затем конференция приступила к обсуждению наиболее спорных вопросов, которые вызывали серьезные разногласия — о характере вооруженного восстания и о задачах военных и боевых организаций. Инсаров выступил с докладом «О роли партии в вооруженном восстании вообще». В этом докладе, так же как и в следующем «О создании военно-боевых центров и отношении к общепролетарским организациям» (этот доклад в протоколах отсутствует), т. Инсаров поставил задачу создания таких мощных боевых организаций в армии и рабочей среде, которые дали бы возможность только этими силами, даже при отсутствии общего революци-

---

[16] См. «Первая конференция...», стр. 63.
[17] «КПСС в резолюциях...», ч. I, 1954, стр. 147.

онного подъема и выступления рабочих и крестьянских масс, захватить власть и свергнуть царское правительство. Некоторые из делегатов в большей или меньшей степени поддерживали его. Его взгляды нашли отражение и в докладе т. Виктора по двум следующим вопросам — о создании военно-боевых центров и об отношении военно-боевых организаций к общепролетарским, которые, по моему предложению, конференция постановила рассматривать совместно.

Такие взгляды, явно чуждые духу марксизма, социал-демократии и нашей партийной практике, должны были получить решительный отпор. Большинство делегатов ожидало, что выступит кто-либо из старших товарищей и осудит эти явные заблуждения. Удивило нас и выступление т. Остапченко, который, как уже отмечалось, одобрительно отозвался о первом докладе Инсарова. Тогда, по предложению некоторых делегатов, пришлось мне выступить с критикой инсаровских предложений. Я заявил, что долго не решался выступить, так как ожидал, что по поводу предложений т. Инсарова выступит с критикой кто-либо из старших товарищей, но, поскольку никто из них не выступает, я беру это на себя. Я указал на те положения т. Инсарова, которые считал неверными, противоречащими принципам социал-демократии. Что же касается задачи проведения вооруженного восстания в отрыве от широких народных масс, то это квалифицировалось мною как чистейший бланкизм. Это мое выступление, так же как и некоторые другие, в которых отражались в резкой форме наши разногласия, не вошло в протоколы конференции. Мои критические замечания не встретили возражений.

В. И. Ленин, ознакомившись с протоколами конференции, резко осудил позицию Инсарова. «Т. Изаров,— писал он,— действительно дошел здесь до абсурдов, вроде деления всех партийных организаций на три главные типа: военные, боевые и пролетарские!! Он договорился даже до «планов» составлять «военно-боевые советы» из *равного числа* делегатов от трех этих типов организаций (стр. 95) и т. п. Разумеется, от *такого «боевизма»* мы, большевики отгородим себя *всегда самым решительным образом...»* [18].

Продолжительные прения на конференции возникли по двум следующим вопросам порядка дня — «О характере работы в армии» и «О задачах военных организаций», хотя по существу они не возбуждали принципиальных разногласий.

По вопросу о характере пропаганды в армии все единогласно считали, что необходимо вести в армии социал-демократическую пропаганду для того, чтобы привлекать возможно большее число солдат и офицеров в ряды партии и формировать из них ячейки. Это видно из всех выступлений. Спор шел о том, обязательно ли вести в армии только социал-демократическую пропаганду (т. е. включая программу-максимум) или там, где таковая не может иметь успеха, допустимо вести революционно-демократическую пропаганду (т. е. в пределах программы-минимум). При этом некоторые сторонники чисто социал-демократической работы, как, например, Григорий Иванович, так излагали свою точку зрения, что она ничем не отличалась от точки зрения сторонников допустимости революционно-демократической работы, а другие, как, например, сам докладчик т. Лядов, признавали, что, несомненно, всю нашу программу солдаты не примут.

«Работа должна вестись в плоскости проведения в жизнь пунктов программы-минимум,— говорил первый.— Тем самым мы проводим в жизнь нашу с.-д. программу, мы подготовляем социальный переворот» [19]. «Безусловно,— говорил второй,— масса крестьян, из которых собственно состоит войско, социал-демократами под влиянием нашей агитации не станет,— это мы знаем... Несомненно, всю нашу программу они не примут, примут лишь демократическую часть» [20]. Где же здесь принципиальные разногласия?

Поэтому когда был выработан текст резолюции «Задачи военных организаций в связи с характером работы в них», предложенный Емельяном, Григорием Ивано-

---

[18] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 374.
[19] «Первая конференция...», стр. 132.
[20] Там же, стр. 121.

вичем и «Ольгиной» (калужский делегат Д. А. Гончарова), в котором было указано, что «расслоение армии на монархически-реакционную и демократически-революционную части неизбежно ставит перед военными организациями задачу выяснить перед армией цели и задачи происходящего буржуазно-демократического переворота»[21], а в конце резолютивной части указывалось на необходимость пропаганды и агитации социал-демократических идей в армии, то против такого определения характера пропаганды в армии никаких возражений ни с чьей стороны не последовало. Эта редакция вполне всех удовлетворяла.

Спор возник лишь по одному пункту этой резолюции — о создании организационных центров в подразделениях воинских частей. Резолюция предусматривала создание в них партийных ячеек. Ряд делегатов, в том числе и я, считали, что условия момента требуют уже создания в подразделениях частей революционных центров из лиц, пользующихся наибольшим доверием солдатской массы, наиболее активных и способных к руководству, примыкающих к военной организации РСДРП. Мною была внесена поправка к пункту 1 резолютивной части: вместо «партийных ячеек» сказать просто «центров».

Авторы резолюции возражали мне (правда, очень нерешительно), указывая, что они имеют в виду только подготовительную работу, а предлагаемые мною центры должны будут возникнуть при наличии революционной конъюнктуры. Резолюция была принята без моей поправки. Но вслед за тем, после частного совещания, все три автора резолюции и трое выступавших за поправку внесли совместно на конференцию особое мнение следующего содержания: «Мы считаем, что необходимо организовать *внепартийные,* но примыкающие к РСДРП военные группы там, где нет налицо социал-демократических элементов. В этих внепартийных группах мы укрепляем влияние нашей партии и стремимся закрепить их за РСДРП»[22]. Это совместное заявление ясно говорит о том, что никаких серьезных принципиальных расхождений между нами по этому вопросу не существовало.

В духе полного единомыслия были приняты важные практические резолюции об отношении к организациям (военным и боевым) других партий и беспартийных и о работе среди офицеров.

Наибольшие трудности представил вопрос «О создании военно-боевых центров». В своем докладе Виктор поставил ряд весьма важных вопросов о стратегических центрах, об общем оперативном плане и связи. Однако он не внес никаких конкретных предложений, а в части отношения к пролетарским организациям дал явный крен в сторону Инсарова. Инсаров внес проект резолюции о центрах в духе своих предложений. Прения продолжались долго, вносился ряд резолюций, главным образом в инсаровском духе, но ни одна из них не проходила. Стало ясно, что большинство в 12 человек из 19 решительно отказывалось идти по инсаровскому курсу и настояло на том, чтобы вопрос об этих центрах подробно разработать на местах и, имея подготовленный материал, разрешить на следующей Всероссийской конференции военных и боевых организаций, которую созвать в январе 1907 г.

Последним вопросом, вызвавшим разногласия на конференции, был вопрос об экспроприациях. Не соглашаясь с решением IV Стокгольмского съезда о запрещении всех экспроприаций денежных средств, делегаты считали необходимым поставить перед будущим съездом вопрос о допустимости экспроприации казенных денег. Некоторые же считали также допустимым в известных случаях экспроприацию и частного имущества. Я выступил с решительным протестом против таких анархических предложений, которые могли увлечь партию на опасный путь и подорвать ее авторитет. Значительное большинство конференции отклонило предложение о допустимости экспроприации частного имущества.

---

[21] «КПСС в резолюциях...», ч. I, 1954, стр. 148.

[22] В протоколах конференции издания 1907 г. напечатано вместо «но примыкающие», «не примыкающие». Это, очевидно, опечатка, так как при такой формулировке заявление лишено всякого смысла. Эта опечатка перенесена и в издание 1932 г. (см. упомянутое издание протоколов, стр. 146).

Далее шли вопросы организационного порядка. Было избрано Временное бюро военных и боевых организаций, на которое была возложена задача созыва новой конференции, подготовка доклада ближайшему партийному съезду, издание протоколов конференции и обслуживание местных организаций.

Конференция закончилась дружно, и все были удовлетворены ее результатами. Она принесла большую пользу в дальнейшей работе.

Мы заканчивали обычно вечерние заседания пением «Интернационала). Так, «Интернационалом» закончили мы свое заключительное заседание 26 ноября. С тех пор звуки «Интернационала» всегда воскрешают во мне память о военно-боевой конференции и славных днях нашей борьбы за свободу и счастье народа в период первой русской революции.

Начался разъезд делегатов. Никто из нас не подозревал, что не возбуждавший никаких подозрений боевик «Степняк» тотчас же сообщил все сведения о делегатах и охранка начала за нами охоту. Инсаров был вскоре арестован, некоторые были выслежены, и шпики сопровождали их до места назначения. Со мной получился курьез. Я ехал не прямо на Петербург, а заехал к одному из своих друзей в Гельсингфорс. Там я постарался изменить наружность: коротко остриг свои длинные волосы, сбрил бороду, оставив лишь маленькую бородку, и приобрел другой головной убор. На второй день мне удалось благополучно уехать из Гельсингфорса. Шпики, очевидно, осведомленные о том, что я поеду через Гельсингфорс, приняли за Алиева одного из делегатов заседавшего в Гельсингфорсе сионистского съезда и сопровождали его до Воронежа, после чего в течение нескольких лет следили за ним, делали обыски, допрашивали и слали о нем донесения в Петербург.

В течение 11 дней своих заседаний военно-боевая конференция проделала огромную работу. Резолюции ее встретили общее одобрение всех большевистских и части меньшевистских организаций. Они явились единственными принципиально обоснованными резолюциями социал-демократической партии по вопросу о работе в армии и о работе боевых организаций.

На V Лондонском съезде партии спор о военно-боевой конференции занял значительное место в прениях по докладам ЦК. Меньшевики и бундовцы не остановились перед самыми фантастическими обвинениями конференции вплоть до приписывания ей поощрения экспроприаций частной собственности и стоящей над партией боевой организации. В. И. Ленину бросали нелепые обвинения в том, что, поощряя военно-боевую конференцию, он якобы нарушил партийную дисциплину, вносил дезорганизацию в работу партии, подрывал работу ЦК, стремился подчинить партию диктатуре боевиков и многое другое.

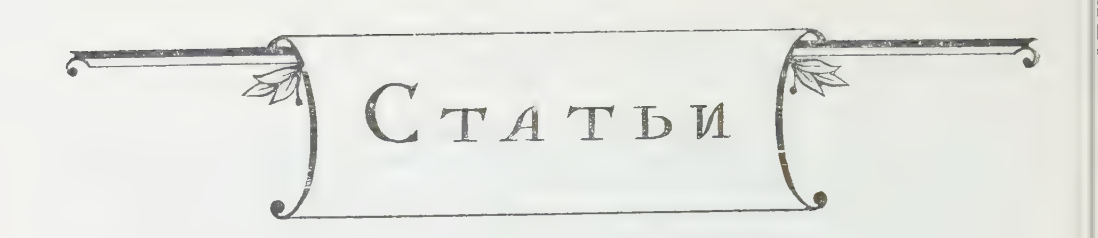
Мы, участники конференции, являвшиеся также делегатами V Лондонского съезда, подали три заявления, в которых указывали на вздорность этих обвинений [23].

В. И. Ленин в речи на V съезде партии о деятельности ЦК, критикуя меньшевиков с их жалобами на осаду большевиками Центрального Комитета, сказал: «Не лучше ли было бы объяснить, чем плохи были решения состоявшейся помимо ЦК конференции, чем отделываться жалобами на осаду?» [24]. Он подчеркнул, что резолюции конференции до сих пор не встретили серьезной критики.

В своей статье по поводу протоколов военно-боевой конференции РСДРП В. И. Ленин дал, по выражению Е. М. Ярославского, «очень положительную,— можно даже сказать — хвалебную характеристику решений этой конференции» [25] и закончил свою статью горячим советом изучать эти решения. Ярославский указывал, что в этих протоколах содержится ценнейший материал для понимания того, как партия большевиков подготовляла свои кадры к решительным боям за пролетарскую революцию.

---

[23] См. «Пятый съезд РСДРП...», стр. 104, 166—167 и 198.
[24] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 399.
[25] «Первая конференция...», стр. XVII.



ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ ЦЕННОСТИ БУХГАЛТЕРСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ АКЦИОНЕРНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ[1]

Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

Методика и принципы экспертизы научной и практической ценности бухгалтерской документации акционерных коммерческих банков, в отличие от всех других видов документальных материалов, совершенно не разработаны. В 1935 г. в журнале «Архивное дело» была опубликована статья Б. Линко «Выделение макулатуры из материалов бухгалтерской отчетности»[2]. В статье, однако, рассматривался вопрос об экспертизе небанковских фондов, в которых, в противоположность фондам банков, бухгалтерские материалы составляют меньшую по объему и второстепенную по значению часть документов, в связи с чем намеченная автором методика проведения экспертизы не может быть распространена на материалы банков. На бухгалтерские материалы, как специфические, не распространяются и новые «Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов», изданные в 1958 г. Главным архивным управлением.

Между тем, фонды акционерных коммерческих банков содержат значительное количество (до 50% по количеству и 80% по объему) материалов, не имеющих ни научной, ни практической ценности. Выделение их для уничтожения способствовало бы очищению и установлению полноценного состава фондов, и тем самым создавало условия для лучшего использования материалов, оставленных на хранение.

Отсутствие научно-обоснованных правил экспертизы бухгалтерской документации банковских фондов ведет к тому, что вопросы хранения и уничтожения этих материалов на практике решаются различно, часто — ощупью. В этих условиях существует объективная опасность необоснованного выделения из состава фондов ценных, а в ряде случаев первостепенных, исторических источников, или, что так же нежелательно, засорения банковских фондов макулатурными материалами. Наиболее распространенным доводом в пользу их уничтожения бывает ссылка на то, что бухгалтерские материалы банков не используются исследователями. При этом не учитывается, что освоение банковских фондов как исторического источника находится в начальной стадии, за которой, естественно, последует расширение круга используемых материалов, в число которых неизбежно войдет и бухгалтерская документация.

В связи с изложенным в настоящее время представляется неотложной и совершенно необходимой разработка принципов и методики проведения экспертизы научной и практической ценности бухгалтерских материалов коммерческих банков.

---

[1] Продолжение обсуждения вопросов экспертизы научной и практической ценности документальных материалов. См. «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 170—180; № 3, стр. 185—194.

[2] «Архивное дело», 1935, № 2 (35), стр. 58—73.

Настоящая статья имеет целью поставить и наметить пути решения лишь некоторых, основных вопросов этой проблемы.

Материалы акционерных коммерческих банков как по объему, так и по своему значению представляют существенную часть Государственного архивного фонда. По данным Центрального фондового каталога Главного архивного управления, в государственных исторических архивах находится на хранении около 800 фондов центральных управлений и местных отделений этих банков. Их документальные материалы являются одним из основных источников для изучения экономической истории России во второй половине XIX в.— начале XX в. Характеризуя роль коммерческих банков в экономике страны накануне Октябрьской революции, В. И. Ленин указывал, что они «представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства»[3].

В составе банковских фондов могут быть намечены пять основных групп документальных материалов: 1) материалы органов управления (дела общих собраний акционеров, протоколы правлений и советов, циркуляры и т. п.); 2) материалы об экономическом положении клиентов банка и переписка об операциях с ними; 3) материалы о деятельности отделений (об открытии и ревизии деятельности отделений, о ходе операций, отчетность); 4) хозяйственные материалы (об имуществе и служащих банка); 5) бухгалтерские материалы.

При всей ее условности указанная группировка имеет то преимущество, что отражает состав громадного большинства фондов банков. При этом материалы последней, пятой группы, представляющие специальный интерес для данной статьи, неизменно входят в состав всех банковских фондов.

Вследствие особенностей структуры и делопроизводства банков все существенные вопросы их деятельности в разных формах получали отражение несколько раз, в материалах первой, второй — четвертой и, наконец, пятой групп. В отличие от документальных материалов первых четырех групп, сокращенно называемых в банковской практике «делопроизводственными», бухгалтерские материалы отражают всю совокупность деятельности банка исключительно в ее денежном выражении. Именно этим вызываются особенности экспертизы научной и практической ценности бухгалтерской документации, отличающие ее от экспертизы остальных материалов.

Систематический учет всех ценностей любого коммерческого предприятия в их денежном выражении предписывался русским законодательством. При этом имелось в виду применение двойной системы бухгалтерии, которая, как известно, предполагает раздельное ведение учета по каждой банковской операции, лицу (фирме), которых они касаются, или родам ценностей в виде их счетов. В основе этой системы бухгалтерии лежит двойной учет каждой операции, так как предполагается, что всякое увеличение (получение) ценностей банка должно быть связано с увеличением и его задолженности или уменьшением задолженности ему его клиентов, и наоборот, всякое уменьшение (передача) ценностей связано с увеличением задолженности клиентов или уменьшением задолженности банка. Поэтому записи о каждой операции заносятся одновременно на два счета, которые в этом случае называются корреспондирующими. При этом в составе каждого счета раздельно ведутся записи, обозначающие должников, дебиторов этого счета — «дебет» и его кредиторов — «кредит». Дебиторами и кредиторами каждого счета являются корреспондирующие с ним счета. Периодически подводился итог состояния каждого счета. Разница между итогами по дебету и кредиту счета (сальдо) определяла отнесение его к числу пассивных (кредит больше дебета) или активных (дебет больше кредита). Таким образом, пассивные счета характеризуют ресурсы банка (средства, поступившие в его распоряжение) и его кредиторов, а активные — вложения банка (средства, предоставленные банком в распоряжение клиентов) и его дебиторов. Сальдо всех общих пассивных и, отдельно, активных счетов[4] составляют баланс на данное число. Превы-

---

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 305.

[4] Общие (балансовые) счета отражают отдельные банковские операции в целом, а частные (аналитические) — детализируют общие.

шение актива над пассивом, образовавшееся в результате деятельности банка, будет составлять его прибыль, которая для установления равновесия баланса записывается в пассив. Наоборот, сумма превышения пассива над активом относится в актив и выражает убыток банка[5].

По видам документов и их характеру бухгалтерские материалы банка могут быть разбиты на три подгруппы.

Первую из них составляют первичные оправдательные и контрольно-информационные документы. По правилам ни одна операция не могла быть проведена по счетам без оправдательного документа. По своему характеру оправдательные документы соответствовали видам оборотов по счетам (поступление и расходование ценностей), которые делились на кассовые, сопряженные с приемом и выдачей наличных денег, и мемориальные, производимые только на основании денежных документов. К ним примыкает переписка банка с клиентами, подтверждающая проведение записей по счетам или содержащая для контроля сведения об итогах этих записей. Как правило, ни оправдательные, ни контрольно-информационные документы сведений по существу совершаемых операций (целях, характере, условиях) не содержат.

Вторую, наиболее многочисленную группу бухгалтерских документов составляют основные и вспомогательные банковские книги, в которых велись всевозможные бухгалтерские счета. По характеру ведения записей книги могли быть хронологические (журнальные) и систематические. В последних записи велись по счетам и только в пределах каждого счета — по хронологии.

К основным книгам относятся: кассовая, мемориал, журнал (все три хронологические) и главная книга (систематическая), включающая все общие счета банка. В кассовую книгу и мемориал ежедневно в суммарном виде заносились все, соответственно кассовые и мемориальные, обороты банка. Вслед затем и кассовые, и мемориальные обороты раздельно проводились по журналу, а оттуда разносились по счетам главной книги.

Система вспомогательных книг в каждом банке была различна, а сами книги крайне разнообразны по своему назначению и составу[6]. Основную часть их составляли аналитические книги — для ведения частных счетов, детализирующих счета главной книги в разных планах: по характеру операций, клиентам, видам ценностей и т. п. Кроме того, к числу вспомогательных книг относятся журнальные, или дневниковые (для предварительной записи и суммирования оборотов за каждый день перед записью итогов в основные книги), срочные (для контроля за сроком уплаты по срочным денежным документам), учетные (для инвентарного или суммарного учета наличия бланков, векселей и т. п.) и контрольные (для контроля правильности подсчетов в беловых книгах).

Третью группу бухгалтерских документов составляют ведомости, представляющие собой выборки из банковских книг на заданную тему. Среди них особенно большое значение имеют отчетные документы, характеризующие результаты операций по счетам банка. Документом, характеризующим состояние операций банка в целом, является ведомость состояния счетов, или, как она чаще называется, баланс.

Наконец, по своему значению бухгалтерские материалы могут быть представлены также в виде трех подгрупп.

В этом случае первую из них составят документы, характеризующие деятельность банка в целом,— балансы и основные книги. Балансы, являясь основным сводным отчетным документом банка, подлежат хранению вне зависимости от дат (перио-

---

[5] Система балансирования счетов каждого банка, а также сравнительное значение в их деятельности отдельных операций могут быть выяснены на основании целого ряда печатных источников; в том числе по печатным отчетам банков, балансам, ежемесячно публиковавшимся в «Вестнике финансов, промышленности и торговли» и «Сводным балансам акционерных коммерческих банков, действующих в России».

[6] В бухгалтерской практике банков вспомогательные книги в большинстве не получили стабильных и общепринятых наименований. В статье они не приводятся.

дичности) их составления. Безусловному хранению подлежат также главные книги, являвшиеся материалом для составления балансов. Так как объем операций банка по каждому из счетов за каждый день может быть установлен на основании главных книг, при условии их сохранности, хронологические основные книги могут быть из состава фонда выделены. При отсутствии в составе фонда главных книг журналы подлежат хранению.

Ко второй подгруппе относится система аналитических вспомогательных книг и построенных на них ведомостей (более чем месячной периодичности), характеризующих деятельность банка по отдельным операциям, клиентам и видам ценностей. Естественно, что научная ценность этих материалов определяется ролью и значением операций, к которым они относятся.

Рассмотрим кратко роль и значение важнейших счетов (операций) банка.

Как мы уже говорили, пассивные счета характеризуют ресурсы банка, то есть средства, находящиеся в его распоряжении. По их источникам они распадаются на четыре основные группы счетов: счета собственных капиталов, счета вкладов клиентов, счета позаимствований у других банков и счета прибыли (точнее — «счета прибыли и убытка»).

Собственные капиталы включали акционерный (складочный, основной) капитал, внесенный акционерами, и записываемые в балансы под разными наименованиями запасные капиталы, возникшие в результате отчислений от прибылей банка.

Вклады клиентов являлись *главным* источником средств банка.

Материалы по вкладной операции характеризуют *недействующие* капиталы клиентуры, которые, как правило, ввиду незначительных размеров и краткого срока нахождения на счете не имели производственного значения.

Позаимствования у других банков («переучет и перезалог») осуществлялись в виде переучета банком векселей и перезалога ценных бумаг и товаров клиентов в других банках при условии соответствующего разрешения клиента.

Счет прибыли и убытка отражает *основной* результат деятельности банка. В зависимости от прибыльности или убыточности операций банка в совокупности счет мог быть пассивным (прибыль) или активным (убыток).

Среди счетов пассива заслуживает внимания также группа корреспондентских (контокоррентных) счетов, которые также могли быть как пассивными, так и активными. (Мы их рассмотрим ниже).

Из числа книг и ведомостей по пассивным операциям представляют научный интерес и подлежат хранению все документы, детализирующие счета собственных капиталов, в том числе содержащие сведения об акционерах банка и о новых выпусках акций, а также счет прибыли и убытка. По вкладной операции представляют интерес сводные ведомости по размерам вкладов и группам вкладчиков по социальному, имущественному и тому подобному положению. Многочисленная группа книг счетов отдельных вкладчиков и другие вспомогательные книги по вкладной операции, а также по перезалогу и переучету ценности не представляют и могут быть выделены из состава фонда.

В составе активных счетов, характеризующих вложения банка, в качестве основных могут быть выделены пять групп счетов: касса и текущие счета, ценные бумаги, принадлежащие банку, учет векселей, ссуды и корреспонденты (контокоррентные счета).

Под кассой имеется в виду оперативный запас денежной наличности банка. Остальные средства, необходимые для расчетов наличными, хранились на текущих счетах в других кредитных учреждениях. Таким образом, оба счета и детализирующие их книги и ведомости отражают чисто подсобную операцию банка и научной ценности не представляют.

Наоборот, следующие четыре группы счетов характеризуют наиболее важные и характерные банковские операции по кредитованию клиентуры по формам кредитов и видам обеспечения. Поскольку кредитование использовалось банками для усиления своего влияния на промышленность и для осуществления сращивания банков-

ского капитала с промышленным, постольку указанные операции представляют первостепенный интерес и в этом отношении.

Смысл операции по учету векселей сводился к предоставлению банком ссуд сроком до девяти месяцев, обеспеченных простыми и переводными векселями (с наличием не менее двух подписей) или соло-векселями с дополнительным обеспечением.

Ссуды, в том числе по специальным счетам до востребования, по характеру обеспечения подразделялись на фондовые (под залог ценных бумаг), вексельные и товарные. По сроку предоставления ссуды могли быть срочными, подлежащими погашению в условленный срок, и бессрочными или по онкольным (on call) счетам, погашение которых могло быть потребовано банком в любое время. Последние получили наибольшее распространение. Постоянная угроза востребования ссуды ставила клиента в зависимое от банка положение. Кроме того, развивая онкольные ссуды, банки создавали для себя возможность использования залогов: дивидендных бумаг — для усиления своего влияния на дела соответствующих предприятий и для игры на бирже, а товаров — для спекуляции в период товарных кризисов.

Как уже говорилось, счета корреспондентов могли быть как пассивными, так и активными. Эта их особенность объясняется тем, что корреспондентские отношения банка с другими банками или торгово-промышленными фирмами предполагали выполнение взаимных поручений. Каждый из корреспондентов открывал отдельные счета для своих поручений корреспонденту (счет Nostro) и для поручений корреспондента ему (счет Loro). Являясь единым счетом для всех операций с данным клиентом, контокоррент представлял наиболее гибкую и удобную форму для долгосрочного кредитования и контроля за состоянием дел кредитуемого предприятия. Долгосрочное кредитование запрещалось законодательством, и формально банк, так же как и по онкольным ссудам, мог в любое время потребовать погашения задолженности, что являлось важным средством для оказания давления на клиента. Фактически же, неоднократно возобновляя контокоррентный кредит близким предприятиям, банк маскировал иммобилизацию своих ресурсов.

Корреспондентские счета лоро в активе различались на обеспеченные и необеспеченные (бланковые). По характеру обеспечения корреспондентские счета совпадали со счетами по операциям выдачи ссуд.

Научное значение книг и ведомостей по перечисленным выше активным операциям может быть определено, исходя из следующих соображений.

Операции с государственными гарантированными ценными бумагами характеризуют направление ресурсов банка в русло государственного кредита.

Операции с негарантированными бумагами являются показателем объема и, особенно, развития операций по долгосрочному кредитованию и прямому финансированию главным образом промышленности. При этом корреспондентские счета под негарантированные бумаги в преимущественной своей части характеризуют операции по участию банков в реализации новых выпусков акций акционерно-паевых предприятий и активной деятельности на бирже.

Корреспондентские счета лоро в активе, обеспеченные векселями и товарами, характеризуют объем контокоррентного промышленного кредита и в значительной мере динамику промышленного кредита вообще. В пассиве корреспондентские счета характеризуют преимущественно задолженность банка иностранным банкам и Государственному банку.

Отсюда следует, что все книги и ведомости, относящиеся к этим операциям, представляют ценный исторический источник и подлежат безусловному хранению.

Книги и ведомости по счетам учета векселей, ссуд под товары и онкольным счетам, обеспеченным векселями и товарами, характеризуют объем и эволюцию форм кредитования торгового оборота. При условии хорошей сохранности первых трех, в начале перечисленных нами, групп банковских материалов, отражающих вексельные и товарные операции банков, эти книги и ведомости могут быть выделены из состава фонда; в противном случае они должны быть оставлены на хранение.

Помимо перечисленных основных пассивных и активных операций, банками

производился и ряд других, имевших подсобное значение и не представляющих научного интереса. К ним относятся операции по счету отделений с правлением (в пассиве) и погашающему его счету правления с отделениями (в активе), комиссионных поручений, хозяйственных расходов, переходящих сумм и т. п. Книги и ведомости по ним подлежат выделению к уничтожению.

Не подлежат хранению также все бухгалтерские материалы банков, составляющие последнюю, третью подгруппу: журнальные, учетные и срочные воспомогательные книги и построенные на них ведомости, поскольку группировка сведений в них делает их фактически недоступными для использования. Нет основания хранить также контрольные книги, предназначавшиеся исключительно для выверки подсчетов в беловых книгах и не имеющие пояснительного текста, а также первичную оправдательную и контрольно-информационную документацию и ведомости оперативной отчетности за период менее месяца, детальность сведений которых в сочетании с отсутствием пояснительного текста по существу операций делает практически невозможным их научное использование.

Перечисленные нами документальные материалы, не имеющие научной ценности, в большей части выделялись для уничтожения еще в банковских архивах через один-три года после завершения делопроизводством. Поэтому до нашего времени, несмотря на значительный объем, они сохранились неполно, преимущественно за последние предреволюционные годы.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что экспертиза научной и практической ценности бухгалтерской документации банковских фондов в значительной мере основывается на применении трех специфичных критериев научной ценности материалов: принадлежности документа к той или иной банковской операции (видоизмененный критерий содержания), степени обобщения сведений и форме построения документа. Применение этих критериев в работе по экспертизе бухгалтерской документации банков позволяет освободить банковские фонды от массы макулатурной документации и вместе с тем обеспечить сохранность всех материалов, представляющих научную ценность.

ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ МАТЕРИАЛОВ ЛИЧНЫХ И ИЗДАТЕЛЬСКИХ ФОНДОВ

Ю. А. КРАСОВСКИЙ

Об экспертизе документальных материалов написано уже не мало; существуют инструкции, накопился большой опыт у экспертных комиссий центральных и областных архивов. И тем не менее ряд вопросов экспертизы еще остается недостаточно разработанным. Это относится прежде всего к экспертизе фондов личного происхождения. Что подлежит выделению из этих фондов для уничтожения, как материал, не представляющий ни научной, ни практической ценности? Имеет хождение даже такое мнение, что из фондов личного происхождения вообще выделять ничего нельзя, так как почти каждый документ там уникален; он не отражен и не поглощен другими материалами.

Безусловно, материалы личных фондов очень сложны для экспертизы. Они требуют, прежде всего, детального знания содержания каждого отдельного фонда. При этом приходится учитывать и то обстоятельство, что личные фонды полностью сохраняются редко, они очень быстро распыляются и дробятся на мелкие части, оседая у разных лиц — ближайших родственников, знакомых, коллекционеров, биографов и исследователей. Играют в этом распылении не последнюю роль и архивохранилища, беспланово собирающие личные фонды. Зачастую личный фонд того или иного деятеля литературы, искусства, науки является собранием отдельных, мало связанных между собой документов. Естественно, что каждый документ такого фонда, как будто не представляющий сам по себе большой научно-исторической ценности, тем не менее очень важен, так как является, может быть, единственным сохранившимся документом, характеризующим тот или иной этап жизни и деятельности фондообразователя.

Прежде всего при экспертизе личных фондов надо учитывать, о каком лице-фондообразователе идет речь: каков его удельный вес, каково его общественное, научное или иное значение в историческом аспекте. Естественно, что подход к материалам исторических деятелей различных «масштабов» должен быть различным. В случае, когда имеешь дело с фондом какого-нибудь второстепенного писателя XIX в.; здесь естественна постановка вопроса об экспертизе его многочисленных черновиков и частичном их уничтожении. Другое дело, когда речь идет о рукописном наследии выдающихся представителей литературного мира, о материалах писателей-классиков, в фондах которых каждый документ будет тщательно изучаться исследователями. Безусловно, специалисты найдут здесь то, что архивист при общем просмотре не всегда сумеет увидеть.

При экспертизе личных фондов документальные материалы могут быть условно разделены на две категории: на подлежащие безусловному выделению и на подлежащие выделению в зависимости от научно-исторического значения фонда и значения самого фондообразователя. К первой категории относятся дублетные материалы — машинописные копии без помет и без правки фондообразователя, всякого рода

незаполненные бланки, почтовые открытки без письменного текста. Вот фактически и все. Все же остальные виды «сомнительной» документации, как-то: записи телефонов и адресов, ученические тетради, вырезки из книг, журналов и газет и даже медицинские рецепты, пригласительные билеты, железнодорожные и театральные билеты, счета, расписки, квитанции и т. п.— все эти на первый взгляд незначительные и как будто бесполезные материалы должны быть оценены прежде всего как часть данного конкретного фонда с точки зрения его научно-исторического значения, содержания, объема, степени сохранности и других соображений.

Приведем несколько показательных примеров. Выдающийся советский писатель А. С. Серафимович, как известно, прожил очень долгую жизнь. Его произведения неоднократно переиздавались. К последнему прижизненному собранию сочинений (Гослитиздат, М., 1948—1950) писатель приложил подробный комментарий. На основании личных указаний А. С. Серафимовича были сообщены первые публикации его произведений и установлены даты их написания. Как будто все было на месте, и историки литературы могли радоваться редкому случаю, когда сам писатель дал исчерпывающие данные о своем творческом пути. Однако, когда после смерти писателя стали готовить новое собрание его сочинений, составители при проверке дат публикаций столкнулись с многочисленными ошибками прежнего, «авторизованного» издания. Оказывается, память сильно изменяла писателю. Началась полная перепроверка библиографических данных — работа очень длительная и трудоемкая. Что же явилось для составителей «якорем спасения»? В архиве писателя сохранились различные записи о «доходах» и «расходах», о получении гонорара, записи телефонов редакций журналов и газет. И вот на основании этих, часто разрозненных, беглых, отдельных записей удалось правильно установить точные даты почти всех публикаций произведений А. С. Серафимовича, причем это было сделано в сравнительно короткий срок.

Приведем другой случай. В «заграничном архиве» А. И. Куприна, недавно поступившем в ЦГАЛИ, имелась рукопись его неоконченного сценария «Моя звезда». Необходимо было установить дату его написания. Никаких данных ни в переписке писателя, ни в историко-литературных трудах о нем не было. Анализ почерка, термины некоторых технических приемов, содержание сценария и другие косвенные данные приводили к мысли, что сценарий мог быть написан не позднее 1917 г. Что окончательно решило этот вопрос? Сценарий был написан на английской бумаге с определенными водяными знаками. В архиве писателя после тщательных поисков было обнаружено несколько листков точно такой же бумаги с незначительными записями, сделанными как рукой самого писателя, так и почерками других лиц. Эти несущественные документы имели точную датировку, что позволило установить время, когда писатель употреблял эту бумагу, а следовательно, и более или менее верную дату написания самого сценария.

Какой вывод из этого следует? В личных фондах любой, порой весьма незначительный, документ может иметь большое значение. Медицинские рецепты в архиве Н. А. Некрасова могут характеризовать его предсмертную болезнь; ученические тетради по химии Д. И. Менделеева важны как показатель будущих научных интересов великого химика; заграничные железнодорожные билеты в фонде С. М. Эйзенштейна помогут установить точные даты его встреч с выдающимися деятелями мировой культуры; счета антикварных и книжных магазинов, адресованные Л. В. Собинову, позволят проследить этапы его работы над тем или иным сценическим образом, отработку его внешнего облика; тексты общеизвестных стихотворений, переписанных рукой молодого Ф. М. Достоевского, помогут охарактеризовать круг его литературных интересов в 40-е годы и т. п. Поэтому в фондах *выдающихся* деятелей литературы, искусства, науки, общественно-политических деятелей выделение для уничтожения материалов фактически производиться почти не должно.

С другой стороны, сохранение многочисленных черновиков литературных работ малозначительного писателя, публициста, исследователя и т. д. (особенно при условии нахождения в их фонде законченных рукописей этих работ) абсолютно нецеле-

сообразно. Армия литературных работников довольно многочисленна, а результаты их творчества бывают весьма обильны, и если собирать и сохранять каждую исписанную ими бумажку, то архивам может очень быстро грозить сильное захламление. В одинаковой степени это относится и к различным мелким биографическим документам, справкам, квитанциям и т. п. Экспертиза документальных материалов личных фондов должна в каждом отдельном случае учитывать индивидуальные особенности каждого фонда.

Второй вопрос, которого следует коснуться,— это экспертиза фондов издательств, редакций журналов и газет. Как известно, эти фонды содержат большое количество рукописей, а также и материалов последующей их обработки: гранок, верстки, сверки и т. п., что делает эти фонды весьма громоздкими.

С точки зрения издательства самым важным, основным документом (из рукописей) является так называемый «оригинал», т. е. рукопись, вернее машинописный текст, с которого производится набор и на котором имеются пометы автора и редактора — «В печать». И действительно,— это основной, я бы сказал «юридический», документ для издательства. Но такое значение он имеет только для издательства. В плане научно-историческом — его значение ничтожно, он полностью совпадает с опубликованным текстом.

Для исследователя же, а следовательно, и для архива важна в первую очередь та подлинная авторская рукопись, которая первоначально поступила в издательство и которая содержит текст, наиболее далекий от печатного издания. Ученый, будущий исследователь архивных документов, может на основании ее анализа получить представление о творческом замысле автора, о первоначальной, авторской редакции его произведения.

Хорошо известно, что рукопись, поступившая в редакцию, проходит иногда очень сложный и многострадальный путь. Над ней работают несколько редакторов, «дотягивают» ее, возвращают автору для переработки; во многих случаях мы имеем несколько авторских редакций и т. п. В результате произведение писателя иногда выходит в свет совсем не в том виде, в каком оно рисовалось автору. В большинстве случаев качество произведения улучшается, а в отдельных случаях в результате редакторской работы искажается. Поэтому важно сохранение первоначальной авторской рукописи. Безусловно, интересны также и те промежуточные стадии, которые она проходит внутри редакции.

Работа над рукописью находит свое отражение в различных видах издательской документации; авторская и редакторская правка может быть и на рукописи, и на перепечатанных машинописных текстах, и на гранках, и даже иногда в верстке. При выделении материалов к уничтожению вопрос решает не характер материала (машинопись, гранки, верстка), а в первую очередь наличие авторской и редакторской правки, последовательность изменений в редакции произведения. Из опыта подготовки собрания сочинений русских классиков мы знаем, какую огромную роль в установлении канонического текста играет анализ сохранившегося текста, установление редакторского и другого вмешательства в авторский текст. Задаче установления канонической редакции и ее подготовительных стадий и должна быть подчинена работа по экспертизе документальных метериалов (рукописей) в издательствах.

Кратко сформулировать принципы экспертизы издательских фондов можно так: на хранении в архиве должна оставаться авторская рукопись и все те материалы, которые характеризуют последующие серьезные изменения авторского текста, отраженные в авторской и редакторской правке; машинопись, гранки, верстка, имеющие только чисто техническую правку, как и издательский «оригинал», сохранению не подлежат. Но, конечно, как и в личных фондах, здесь также должен приниматься во внимание удельный вес автора. Произведение крупного писателя должно быть сохранено в возможно полном виде; любая его правка, даже чисто стилистическая, представит в будущем богатый материал для исследователя его творчества, изучения его языка, стиля. Малозначительный автор, естественно, может быть представлен только одной авторской рукописью.

Особо следует сказать о переизданиях классиков. Если идет речь не о каком-то академическом издании, при подготовке которого велась большая текстологическая работа, а об обычном переиздании с печатного текста, то, на наш взгляд, нецелесообразно оставлять каких-либо «рукописей» этого издания. Спокойно можно полностью уничтожить их все. Факт переиздания будет отражен в других документах и прежде всего в отчетах.

Надо сказать еще о двух видах документации в издательско-редакционных фондах, которые явно недооцениваются экспертными комиссиями. Это — авторские договоры. Они дают полную и конкретную картину литературного пути автора, его публикаций. Следует при этом учесть, что в ряде случаев договоры заключались на произведения, которые так и не появились на свет, и что, следовательно, договор фиксирует не только сделанную работу, но и проектируемую. Договоры очень важны в отдельных случаях для установления времени зарождения творческого замысла, изменения авторского заглавия и т. п. Так, например, из договора А. С. Серафимовича с издательством «Недра» удалось установить, что заглавие его эпопеи «Железный поток» появилось у автора значительно позднее, в первоначальном варианте роман предполагалось печатать под заглавием «Между морем и горами».

Но, конечно, надо иметь в виду, что речь идет только о договорах с творческими работниками, а не о трудовых соглашениях по мелким хозяйственным работам.

Важной документацией в издательско-редакционных фондах является переписка редакции с авторами. Она содержит материалы ценные как с автографической стороны (письма-автографы писателей), так и со стороны их содержания (высказывания авторов о своих произведениях, замыслах и т. п.). Экспертиза таких документов должна производиться с большой тщательностью и осторожностью.

В заключение возникает недоуменный вопрос: почему слово «экспертиза» в архивном мире присваивается фактически только одной операции — выделению макулатуры из архивных фондов?! Ведь понятие научной экспертизы охватывает огромную область работы и знаний. Это — установление подлинности, датировка документов, установление авторства, научно-исторического значения документальных материалов вообще, сравнительной их ценности и т. п. Такая работа ведется в достаточно широких масштабах и при комплектовании архивных фондов, и при их научно-технической обработке, и при публикации. Но все это не находит отражения в соответствующих инструкциях Главного архивного управления. Между тем, экспертиза в архивной практике — это почти синоним выделения макулатуры. Не пора ли вернуть экспертизе ее более широкий смысл и ее подлинное значение и тем самым поднять на более высокую ступень многие виды нашей архивной работы.

ВЕНГЕРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

ДЬЕЗЭ ЭМБЕР

Венгерский национальный архив — крупнейший центральный архив Венгрии. Его история делится на три периода. Первый охватывает 1756—1875 гг., второй — 1875—1950 гг., третий начинается с 1950 г.

«Архив страны» (Archivum regni), иначе Государственный архив (Archivum regnicolare) был создан более 200 лет тому назад, в 1756 г., в эпоху расцвета феодализма в Венгрии. В 1875 г. этот центральный архив был ликвидирован и его материалы влились во вновь организованный, в соответствии с требованиями буржуазной эпохи, новый центральный государственный архив, существующий и теперь под названием Венгерского национального архива. С этого времени материалы государственного архива феодальной эпохи, формально ликвидированного в 1875 г., стали называться «Старым государственным архивом» в отличие от нового Венгерского национального архива, который по сути дела является его историческим преемником и наследником. Венгерский национальный архив был включен в единую организацию централизованных государственных архивов.

Исторические корни Старого государственного архива уходят далеко за 1756 г.

Центральные архивы феодальной эпохи, каковым являлся и «Старый государственный архив», создавались, как правило, в столице при дворах государей как семейные (династические, придворные) архивы и одновременно как архивы государственного управления. В Венгрии развитие архивов также шло по этому пути вплоть до 1526 г.— до года мохачского поражения, когда турецкие войска нанесли поражение Венгрии, что решило дальнейшую судьбу страны.

До 1526 г. архив королевских династий был одновременно центральным архивом страны. Первые сведения о королевском архиве домохачского периода сохранились от конца XII в., времени правления Бела III. По всей вероятности, организация архива была связана с каким-то распоряжением короля, согласно которому все дела должны были решаться при дворе в письменном виде, в результате чего и организовалась королевская канцелярия. В документах, сохранившихся с XIII в., королевский архив упоминается довольно редко, но в документах XIV и XV столетий — уже чаще. Во второй половине XIV в. при короле Людовике «Великом», архив государя был перевезен из Вишеградского дворца в Будайский дворец, где он хранился до времени мохачского поражения. Архив помещался в королевской казне (domus tavernicalis); там хранились не только важные документы, но и сокровища государей (в том числе и королевская корона). Чиновники казначейства назывались хранителями (conservatores) и подчинялись казначею (magister tavernicorum, а затем thesaurarius).

В хаосе, наступившем после турецкого вторжения, а затем в трудных условиях турецкой оккупации документы королевского архива до 1526 г. были расхищены.

В 1526 г. на венгерский престол вступили иноземные государи — Габсбурги, столицей которых была Вена. Династический и одновременно государственный

архив Габсбургов также образовался в Вене. Это обстоятельство оказало решающее влияние на дальнейшее развитие венгерского центрального архива. С этого времени исторические корни «Старого государственного архива» уже не были связаны с королевским архивом. Дальнейшее развитие архива связано с деятельностью «надоров» — так называлась важнейшая должность в стране (comes palatii, palatinus), а также с Сеймом.

Еще до 1526 г. имелись следы оформления отдельных важных документов, например Золотой буллы 1222 г., в нескольких экземплярах, один из которых передавался надору. Последний хранил отдельные важные документы как по внешней политике, так и внутренним делам страны.

Эта практика имела место и после 1526 г. Известно, например, что Тамаш Надашди, будучи надором с 1554 по 1562 г., хранил документы государственной важности в двух маленьких ящиках (capsa) в своем семейном архиве, но отдельно от фамильных документов. После его смерти Габсбурги в XVI в. не заполняли должность надора, вследствие чего эта практика временно прекратилась.

Новый надор был назначен лишь в 1608 г., что явилось одним из достижений освободительной войны Иштвана Бочкая. Прежняя практика хранения государственных документов возродилась и была урегулирована законом. Сопротивляясь иноземной власти, венгерское дворянство сочло нужным заняться документами, обеспечивающими права страны, тем более, что это обеспечивало прежде всего его привилегии по отношению к угнетенным и эксплуатируемым классам. Вопрос о государственных документах был поставлен на повестку дня Сейма. Закон 1613 г. установил, что наследник скончавшегося надора обязан возвратить Сейму находящиеся в его распоряжении государственные документы, а Сейм в свою очередь обязан передать эти документы новому надору. В 1613 г. в «Архиве страны» хранилось всего 11 документов, которые находились в «сундуке страны» (cista regni).

Начиная с этого периода надоры принимали, а после их смерти их наследники передавали государственные документы в архив; однако количество материалов оставалось еще незначительным. Положение не менялось почти в течение полутора веков.

Фактически «архива страны» еще не существовало. Было только небольшое количество хранящихся у надоров документов, но не было ни специального помещения, ни обслуживающего персонала. Только на Сейме 1722—1723 гг., венгерское дворянство признало необходимость создания «архива страны» со специальным штатом. Правда, иноземная габсбургская династия не была заинтересована в существовании в Венгрии архива, но государственный архив был необходим венгерскому дворянству, и сложившаяся после поражения освободительной войны под руководством Ференца Ракоци II политическая обстановка позволила продвинуть этот вопрос. Покорившееся Габсбургам венгерское дворянство позаботилось о сохранении документов, обеспечивающих их права и привилегии.

Решения Сейма по «архиву страны» были утверждены законом 1723 г., который предусматривал учреждение государственного архива (universale archivum regni) в г. Пожонь (теперь Братислава), в здании Сейма. Хранение архива поручалось особому хранителю (conservator archivi). В этом архиве должны были быть сосредоточены документы общегосударственного значения (publica regni acta), иными словами документы по общественному положению страны (acta publicum regni statum tabgentia) вне зависимости от того, у кого они хранились в тот момент.

Несмотря на то, что Сейм назначил семь государственных уполномоченных для выполнения постановлений этого закона, последний был выполнен более чем 30 лет спустя. Создание «Старого государственного архива» в 1756 г. явилось заслугой тогдашнего надора Лайоша Баттьяни. Решающим фактором в организации архива явилось постоянно обостряющиеся противоречия между Габсбургами и покорившимися им, но решительно настаивающими на соблюдении формально признанной конституции и, главным образом, своих собственных прав и привилегий, венгерскими господствующими сословиями.

В 1753 г. надор Лайош Баттьяни развернул широкую деятельность по собиранию документов в «Архив страны». Ссылаясь на закон 1723 г., он предложил всем духовным и светским, официальным органам и частным лицам переслать все важные документы к нему. При этом он сам показал хороший пример, передав всю надорскую документацию в государственный архив. Эта инициатива увенчалась успехом, и документы стали поступать со всей страны.

Возросшее количество документов поставило вопрос о необходимости размещения их в отдельные помещения, а также назначении особого лица для надзора за ними. «Архив страны» и присоединенный к нему новый надорский архив были размещены в двух комнатах Пожоньского старого сейма, а работы, связанные с хранением и использованием архивных документов, поручены надором своему заместителю Имре Чинто, назначенному впоследствии государственным архивариусом. 1 марта 1756 г. был подписан документ об официальном назначении Имре Чинто. Эта дата рассматривается как день рождения Венгерского национального архива. Двухсотлетие со дня создания Венгерского национального архива торжественно отмечалось в 1956 г.[1]

После учреждения архива продолжалось собирание документов; было оборудовано два архивных помещения, началась систематизация документов и составление пособий.

В 1765 г. надор назначил руководителем архива — «архивариуса страны» (ordinarius regni archivarius), в подчинении которого работали вице-архивариус (vice archivarius regni), писарь (concellista) и гайдук (hajdo).

В организационном отношении архив находился в подчинении надора. Он назначал работников архива, устанавливал их штат и оклад, от него они получали служебные распоряжения, ему приносили присягу при поступлении на работу; ему же предоставляли периодические отчеты о своей деятельности. В случаях, когда должность надора была не замещена, архив подчинялся его наместнику, а если не было и наместника — государственному судье.

В 1848 г. после учреждения первого венгерского министерства надор и министр внутренних дел распоряжались архивом совместно, а после ликвидации должности надора архив был передан в распоряжение министра внутренних дел. После подавления освободительной войны 1848—1849 гг. «Старый государственный архив» находился в подчинении различных, уступающих друг другу место, центральных органов власти, но после соглашения между Австрией и Венгрией 1867 г. архив вновь оказался в подчинении министра внутренних дел.

До 1848 г. все личные и прочие расходы архива оплачивались из находившейся в распоряжении Сейма «кассы страны» (cassa regni), а затем — из государственной кассы.

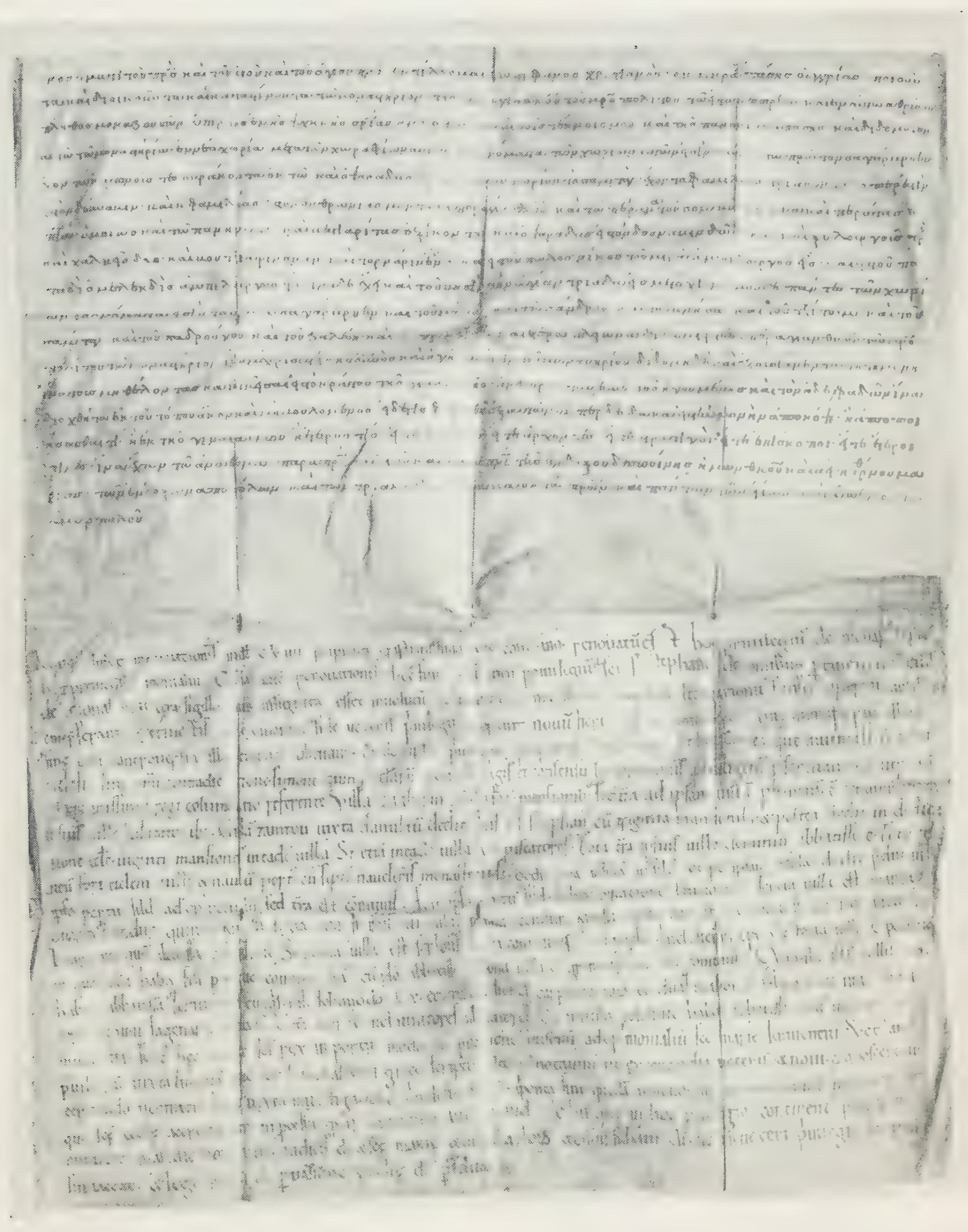
Еще в 1784 г., при Иосифе II, все центральные правительственные власти были переведены из Пожоня в Буду. Сюда же переместился и «Старый государственный архив». В Будайском дворце, в здании Сейма, ему выделили сначала две, а затем три комнаты. Там он находился вплоть до 1875 г., пока не был ликвидирован, вернее влит в Венгерский национальный архив.

«Старый государственный архив» являлся архивом феодально-сословного типа и был призван обеспечивать права и привилегии венгерского дворянства. Распад системы феодальных отношений и развитие буржуазных общественных отношений внесли решающий поворот в историю «Архива страны». В архивах буржуазных государств обеспечение особых прав и привилегий уступало место интересам науки, которая решительно настаивала на новом направлении в развитии архива.

Буржузная революция 1848 г. ликвидировала феодально-сословные отношения в Венгрии, хотя и не до конца. Феодальные правительственные власти были заменены центральными органами буржуазного управления — министерствами. Архивы

---

[1] О праздновании двухсотлетия Венгерского национального архива см. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 2, 1956, стр. 41—47. Примечание *редакции.*



Грамота короля Коломана 1109 г. (древнейший подлинный документ, хранящийся в Венгерском национальном архиве).

Здание Венгерского национального архива (Будапешт)

Хранилище Венгерского национального архива

Часть хранилища Венгерского национального архива (для древнейших документов до 1526 г.)

ликвидированных правительственных учреждений в значительной мере потеряли свое прежнее правовое и управленческое (т. е. в основном практическое) значение и получили научное, в первую очередь научно-историческое, значение. Интересы науки требовали доступности архивных материалов для использования их в целях научных исследований, чему способствовало бы объединение всех архивов в рамках центрального государственного архива.

Первый шаг в этом направлении был сделан еще в 1848 г. Академией наук Венгрии, предложившей правительству учредить «государственный публичный архив». В бурные месяцы освободительной войны 1848—1849 гг. это предложение не могло быть осуществлено, а после подавления освободительной войны габсбургское самодержавие восстановило с небольшими изменениями центральные правительственные органы феодального характера, которые были ликвидированы лишь в 1867 г., когда была снова введена буржуазная министерская форма управления. Тогда же, в 1867 г., Академия наук Венгрии снова выдвинула свое прежнее предложение, встреченное сочувственно как правительством, так и Национальным собранием. В 1875 г., после длительной подготовки и изучения условий работы заграничных архивов, «Старый государственный архив» был преобразован в Венгерский национальный архив, основное ядро которого составляли документальные материалы «Старого государственного архива», к которому были присоединены архивы прежних феодальных правительственных органов. Процесс объединения документов старых учреждений в рамках нового архива продолжался и в последующие годы.

Собранный материал во много раз превысил по объему материалы «Старого государственного архива». Размещение документов вызвало много затруднений. Архив был «втиснут» в одно из зданий Будайского дворца. Согласно записи 1893 г., архив имел в своем распоряжении 83 помещения различного размера, начиная от крошечной комнаты в одно окно вплоть до зала с двенадцатью окнами. Такое размещение серьезно препятствовало архивной работе и во многом затрудняло удовлетворение претензий все растущего числа научных исследователей.

Прошло без малого полвека, пока одна из важнейших проблем каждого архива — вопрос о хранилищах — была решена путем сооружения специального, вполне современного здания Венгерского национального архива. В это здание (также находившееся в Будайском дворце) материалы Национального архива были перемещены в начале 1920-х годов. В настоящее время все хранилища этого здания уже заполнены, в силу чего часть документов находится в другом помещении.

В Венгерском национальном архиве хранятся не только документы центральных органов государственной власти, государственного управления и юрисдикции, но и большое количество семейных архивов и коллекций документальных материалов. Еще «Старому государственному архиву» некоторыми семьями и лицами передавались отдельные документы на временное или постоянное хранение. Эта практика сохранилась и после создания Венгерского национального архива. Наряду с отдельными документами архив принимал и небольшие собрания документов. Однако подавляющее большинство семейств и лиц, желая передать свои документы на хранение, долгое время обращалось к Венгерскому национальному музею, созданному в 1802 г. Большая часть крупнейших и наиболее значительных семейных архивов хранилась в фондах этого музея. Наряду с семейными фондами музей обладал и большими коллекциями документов серьезного научного значения. В 1934 г. архив Национального музея был объединен с Венгерским национальным архивом.

Остановимся вкратце на истории Венгерского национального архива. В 1874 г. он был передан в подчинение Министерства внутренних дел. Это объяснялось тем, что, наряду с удовлетворением запросов научного характера, архив был призван в первую очередь оказывать содействие государственным органам и отдельным лицам в разрешении практических вопросов (главным образом правового характера), что оставалось и впредь решающим фактором деятельности архива, хотя и в изменившейся применительно к буржуазным условиям форме. Именно поэтому архив был подчинен Министерству внутренних дел, а не Министерству вероисповеданий

и просвещения, в ведомстве которого находились тогда все научные учреждения. Вместе с тем научный характер работы архива постоянно повышался, что оказало свое влияние и на его организацию.

В период Венгерской Советской республики — в 1919 г.— архив перешел из подчинения Министерства внутренних дел в подчинение Министерства вероисповеданий и просвещения, но после падения Советской республики, летом того же года, это постановление было отменено. В 1922 г. Венгерский национальный архив был снова передан в подчинение Министерства вероисповеданий и просвещения, в рамках обладавшего известной автономией «Венгерского национального коллекционного объединения», охватывавшего, наряду с архивом, все библиотеки и музеи общегосударственного значения. В 1934 г. «Венгерское национальное коллекционное объединение» получило название «Венгерского национального музея». До этого такое название носили только научные учреждения, организованные в рамках старого Венгерского национального музея, созданного в 1802 г. В число этих научных учреждений входил и архив старого Венгерского национального музея. В 1934 г. этот архив был объединен с Венгерским национальным архивом. Таким образом, семейные архивы и коллекции, ранее находившиеся в двух разных хранилищах, были соединены в Венгерском национальном архиве.

В то время как в рамках «Венгерского национального коллекционного объединения», а затем Венгерского национального музея, Венгерский национальный архив оказался в одной общей организации с библиотеками и музеями общегосударственного значения, он вместе с тем не имел никакой организационной связи с остальными государственными архивами. Это положение изменилось лишь в 1950 г., когда, с учетом опыта советской архивной организации, венгерские государственные архивы были централизованы; это явилось решающим шагом вперед по пути дальнейшего развития венгерского государственного архивного дела. В этом году был ликвидирован созданный в 1934 г. Венгерский национальный музей как учреждение, объединявшее библиотеки, музеи и архивы общегосударственного значения. Организационная связь Венгерского национального архива с библиотеками и музеями была прервана, но зато он оказался в одной организации с территориальными (периферийными) государственными архивами.

В 1950 г. в качестве центрального архивного управления в Венгрии был создан Национальный центр архивов, в ведение которого перешли 20 территориальных государственных архивов, архивы комитетов и городов с местным самоуправлением, а также центральный государственный архив — Венгерский национальный архив. В 1953 г. был образован второй центральный государственный архив — Центральный экономический архив [2].

В настоящее время Венгерский национальный архив находится в подчинении Министерства культуры.

Организационное переустройство венгерских архивов, проведенное в 1950 г., изменение характера и условий архивной работы явились определенным этапом в истории Венгерского национального архива.

Важнейшим условием работы Венгерского национального архива (как и всякого другого архива) является вопрос о его хранилищах. До 1945 г. архив имел лишь восемь оборудованных складских помещений, из которых в этом же году одно сгорело. Позднее было оборудовано еще пять вполне современных архивохранилищ, но, к сожалению, из имевшихся в общей сложности 12 помещений три сгорело в 1956 г. В настоящее время эти помещения восстанавливаются, как и все серьезно поврежденное здание архива. После 1945 г. при Венгерском национальном архиве созданы фотолаборатория, хранилище микрофильмов, мастерская по реставрации документов и переплетная мастерская.

Что касается характера работы, то после 1945 г. Венгерский национальный ар-

[2] Об образовании Центрального экономического архива Венгрии см. статью Антала Сеё. Развитие венгерского архивного дела после 1945 г. Журн. «Исторический архив», № 6, 1958, стр. 171—178.

хив избавился от забот по выдаче удостоверений о дворянском происхождении, которые тяжелым бременем лежали на нем в течение многих десятилетий. Благодаря этому работники архива, число которых постоянно увеличивалось вплоть до 1954 г., получили возможность заниматься разрешением возросших, и во многих отношениях новых, задач, возлагаемых на архивы, в связи с задачами социалистического строительства.

Венгерский национальный архив хранит документальные материалы учреждений, организаций, семейств и отдельных лиц, имеющие общегосударственное значение, прежде всего фонды центральных органов власти, компетенция которых распространялась на всю территорию страны, причем архив хранит материалы как феодальной и буржуазной эпохи, так и периода строительства социализма. Документы народно-демократической эпохи передаются в архив в принципе через пять лет после их появления на свет, но на практике часто бывает, что то или иное учреждение еще не может передать свои документы или что сам Национальный архив не в состоянии принять документы из-за отсутствия свободных хранилищ. Отдельные министерства не сдали даже частично документы за период до 1945 г.

Что касается фамильных материалов и документов частных лиц, то в Венгерский национальный архив передавались и передаются документы лишь тех семейств и лиц, которые играли значительную роль в истории страны, или же документы, которые являются источниками общеисторического значения.

Фонды хозяйственных органов, за исключением материалов дворянских поместий, в Венгерском национальном архиве не хранятся. Документы банков, фабрик, заводов, предприятий и т. д. передавались в государственный архив лишь в период после национализации банков и промышленности. Для хранения хозяйственных документов общегосударственных органов в начале 1953 г. был организован, как было сказано выше, отдельный Центральный экономический архив.

Организационная структура Венгерского национального архива определяется его историей, составом и характером, хранимых в нем документальных материалов. Материалы архива прежде всего делятся на две части, резко отличающиеся между собой по объему: 1) документы периода до освобождения страны от фашизма (1945 г.) и 2) документы последующего периода. Последних значительно меньше, чем первых. Это особенно стало заметно после 1956 г., когда сгорели почти все хранившиеся в архиве материалы послевоенного времени. Конечно, эта группа материалов будет с каждым годом расти, что в конце концов приведет к необходимости создания нового центрального государственного архива для документов периода после 1945 г. Дело не только в количестве материалов: разделение материалов двух эпох обосновано вполне принципиально разницей их характера и содержания.

До 1956 г. документы, датированные позднее 1945 г., хранились в Венгерском национальном архиве, образуя «народно-демократическую группу». После гибели значительной части этих материалов эта группа была ликвидирована; вернее — снова объединена с тем отделением, от которого она отделилась в 1953 г.

Материалы за период до 1945 г. по составу делятся на три части. Первую часть составляют фонды центральных органов государственной власти и государственного управления, которая в свою очередь хронологически делится на две категории: в первую входят фонды центральных органов государственной власти и государственного управления феодальной эпохи (до 1867 г.), во вторую — фонды буржуазной эпохи (1867—1945 гг.). Фонды феодальной эпохи хранятся I отделением, а фонды буржуазной эпохи — II отделением архива. Во вторую часть входят фонды центральных правовых органов, верховных судов (как феодальной, так и буржуазной эпохи). Эта часть является «Судебной группой» Венгерского национального архива.

К третьей части принадлежат бывшие частные фонды, в первую очередь документы семейств и лиц, учреждений и корпораций и т. д., а также коллекции (и здесь материалы феодальной и буржуазной эпох объединены). Отдельные частные фонды содержат документы и за период после 1945 г.; эти материалы входят в III отделение Венгерского национального архива.

Количество и распределение всех документальных материалов, хранимых в настоящее время в архиве, выражаются следующим образом.

Весь документальный материал	25 472	погонных	метра
В том числе:			
документы за период до 1945 г.	25 297	»	»
документы за период после 1945 г.	175	»	»

Документальный материал за период до 1945 г. делится в свою очередь следующим образом:

I отделение	13 789	погонных	метров
II отделение	6 762	»	»
III отделение	3 187	»	»
«Судебная группа»	1 559	»	»
	25 297	»	»

Таким образом I отделение охватывает 54% всех хранимых в архиве документальных материалов и состоит из следующих важных фондов. 1. Фонд *Венгерской королевской придворной канцелярии* периода господства Габсбургов. Канцелярия являлась центральным правительственным органом Венгрии при венском дворе и с кратким перерывом действовала с 1526 по 1867 г. 2. Фонд *Трансильванской придворной канцелярии*, действовавшей примерно с 1690 г. (после падения трансильванского национального княжества, когда Трансильвания оказалась под властью Габсбургов) с небольшим перерывом до 1867 г. В истории Трансильвании эта канцелярия выполняла ту же роль, что Венгерская королевская придворная канцелярия в истории Венгрии. 3. Фонд *Венгерского королевского наместнического совета*. Организованный в 1724 г. Совет (consilium locumtentiale) является верховной государственной властью Венгрии. Местопребыванием Совета был г. Пожонь, а с 1785 — г. Буда с кратким перерывом вплоть до 1867 г. В 1849—1867 гг. он имел другую организационную форму, чем до 1848 года. За исключением фискальных и военных дел круг его деятельности охватывал все отрасли государственного управления. 4. Фонд *Венгерской королевской камеры*, которая существовала с 1526 по 1848 г. (недолгое время в Буде, затем в Пожоне, а с 1785 г. снова в Буде). В круг ее деятельности входили фискальные дела. Этот фонд представляет собой самый ценный источник по истории XVI—XVII вв. 5. Фонд *Трансильванской верховной губернии* (gubernium). В Трансильвании (gubernium) играл роль Наместнического совета в Венгрии. Действовал с 1690-х годов по 1867 г. 6. Фонд *Трансильванского казначейства* (thsaurariatus). В Трансильвании роль венгерской камеры выполняло казначейство, которое существовало с 1690-х годов по 1848 г. под различными названиями.

За период существования Трансильванского национального княжества XVI—XVII столетий сохранилось лишь небольшое количество документов. Самыми ценными из них являются следующие фонды: 7. Фонды *Дьюлафехерварского капитула* (capitulum) и 8. Фонды *Коложмоноштoрского конвента* (conventus).

9. *Архив освободительной войны Текели*, где собраны фонды, связанные с освободительной войной Имре Текели (конец XVII в.). 10. *Архив освободительной войны Ракоци*. Этот архив содержит материалы, связанные с освободительной войной Ференца Ракоци II (начало XVIII в.). Здесь хранятся письма русского царя Петра I князю Ференцу Ракоци II и прочие документы этого периода, связанные с русско-венгерскими отношениями. 11. *Архив «Министерства 1848—1849 гг.»*. «Первое министерство» (буржуазное правительство) Венгрии было учреждено после буржуазной революции в марте 1848 г. Это министерство продолжало существовать до подавления освободительной войны осенью 1849 г. В архиве хранятся фонды этого министерства, а также остальные материалы, связанные с революцией и освободительной войной 1848—1849 гг.

II отделение включает 27% всех материалов архива. Здесь документы Национального собрания после 1867 г., протоколы совещаний Совета министров, фонды Управления премьер-министра и отдельных министерств (Иностранных дел, Внутренних дел, Финансов, Земледелия, Промышленности, Торговли, Труда и транспорта, Вероисповеданий и просвещения, Юстиции и т. д.), документы масонских лож и т. д. Здесь же хранятся фонды центральных правительственных органов Венгерской Советской республики 1919 г. В настоящее время это отделение хранит также пока еще небольшое количество документов, относящихся к периоду после 1945 г.

Материалы III отделения составляют 12% всех документов. Подавляющая часть материалов этого отделения состоит из бывших семейных архивов. Среди них наибольшее значение имеют фамильные архивы Эстергази, Кароли, Фестетич, Баттьяни, Чаки, Сеченьи, Телеки, Орци, Марьяши, Лоняи. Ряд мелких семейных фондов также содержит очень ценные материалы. III отделение хранит также важные коллекции. *«Домохачская коллекция»* содержит документы, составленные до 1526 г., которые были отобраны из других, хранимых в Венгерском национальном архиве, фондов. Здесь свыше 105 000 документов, имеющих большое научное значение не только для истории Венгрии, но и в мировом масштабе.

«Коллекция периода после 1526 г.» содержит ряд мелких и больших коллекций, в числе которых наиболее важным является архив семьи Кошут, охватывающий наряду с фамильными материалами семьи Кошут документы коллекционного характера, связанные с Лайошем Кошутом. *«Коллекция географических карт»* и *«Коллекция планов зданий»* содержат географические карты и планы, отобранные из различных, хранимых в Венгерском национальном архиве фондов. В *«Коллекции фотоснимков»* находятся главным образом фотокопии документов, а в *«Коллекции печатей»* — оттиски и копии печатей.

Документы «Судебной группы» составляют 6% всех материалов архива. Самое большое значение имеет архив курии (curia), являвшийся верховным королевским (придворным) судом эпохи феодальной и буржуазной Венгрии. Здесь же хранится *«Старый государственный архив»*, о котором говорилось выше. Этот архив состоит из *«Архива страны»* (archivum regni), *«Надорского архива»* (archivum palatininale) и *«Архива государственного судьи»* (archivum iudicum curiae). Надоры и государственные судьи были правителями и верховными судьями феодальной Венгрии. В «Старом государственном архиве» хранятся материалы общевенгерских переписей 1715, 1720 и 1828 гг., являющиеся ценными историческими источниками.

В структуру Венгерского национального архива входят также группа микрофильмов, мастерская по консервированию и ремонту документов, переплетная мастерская, исследовательская служба, библиотека, секретариат и хозяйственная часть.

Группа микрофильмов делает съемки важнейших серий документов Венгерского национального архива и отчасти территориальных архивов, что преследует задачи защиты материалов и облегчения исследовательской работы. Специально построенное и современно оборудованное хранилище содержит около пяти миллионов снимков. В коллекцию систематически поступают микрофильмы документов венских архивов, документов по истории Венгрии. Обмен фильмами производится с рядом стран; в первую очередь — с Чехословацкой Республикой.

Мастерская по консервации и реставрации документов также обслуживает не только национальный архив, но и территориальные архивы. До 1945 г. в венгерских архивах такой работы не проводилось. Мастерская была оборудована лишь в 1949 г., а в 1957 г. значительно расширена. Проводится консервация не только документов, но и печатей.

В читальных залах архива ежедневно работает около 40—50 исследователей, в том числе исследователи, прибывающие из зарубежных стран. В распоряжении работников архива и исследователей имеется большая архивная и историческая библиотека. Работы, проводимые в Венгерском национальном архиве, преследуют цель сохранности и доступности документов.

Мероприятия по защите документов от разрушения начинаются еще до поступ-

ления их в Венгерский национальный архив. Последний держит на учете все входящие в сферу его влияния документы, которые в дальнейшем должны быть переданы ему на хранение, и проверяет состояние и порядок их хранения. Особое внимание уделяется контролю над браковкой (экспертизой) документов вне архива, ибо она представляет собой самую большую опасность для сохранности документов. Все эти «внешние», т. е. выполняемые за пределами архива, задачи возлагаются прежде всего на II отделение. В самом архиве работы по сохранности документов проводятся в мастерских микрофильмов, ремонта и консервирования документов и в переплетной мастерской, но в этих работах принимают участие и другие отделения архива.

Среди работ по обеспечению использования документов первое место занимает систематизация. В отношении большей части материалв архив уже добился той степени систематизации, при которой они хранятся в определенном порядке вплоть до мельчайших «складских» единиц (связок, томов и т. д.). Теперь перед нами стоит задача достичь такого положения, когда документы будут приведены в порядок и внутри самих «складских» единиц. Такая «внутренняя» систематизация возможна вследствие того, что в венгерских архивах документы хранятся неподшитыми. При этом «складские» единицы состоят из документов самого разнообразного содержания и каждая из них определена лишь количеством документов, а не их характером.

Необходимо учесть, что в большинстве случаев документы поступают из ведомственных архивов в несистематизированном или в плохо систематизированном виде, в результате чего Венгерский национальный архив вынужден приводить в порядок все вновь поступающие материалы. Этим и следует объяснить, что работа по систематизации документов стоит в центре внимания работников архива, особенно II и III отделений, которые принимают новые материалы. Перед I отделением и «Судебной группой» также стоит задача систематизации документов, однако она не имеет первоочередного значения для исследовательской работы.

Отбор документов, подлежащих уничтожению, проводится лишь по материалам II и III отделений, причем, как правило, одновременно с работами по систематизации. Документы за период до 1867 г. не бракуются вообще.

Другой важной задачей архива является составление архивных пособий (справочников). Значительная часть материалов снабжена пособиями такого типа, в которых перечислены все документы. Однако существуют и составляются заново и другие виды справочников. Значительная работа проведена в интересах учета материалов в области «регистрации фондов». Были составлены инвентарные перечни, включающие в себя следующие сведения: название, время происхождения и объем фондов, а также данные о структурных частях. Кроме этого составляются «фондовые инвентари», где содержание фондов освещается более подробно; здесь даны: название, время происхождения, объем, маркировка фондов, степень систематизации, «архивная система», сведения о наличии пособий по фондам и литературе, относящейся к ним, и т. д., а также указываются задачи, стоящие перед архивом в дальнейшей работе с отдельными фондами [3].

Наши «фондовые инвентари», выдержки из которых публикуются в размноженном виде, во многих отношениях соответствуют путеводителям по советским архивам. За 1951—1957 гг. по материалам Венгерского национального архива было составлено 12 томов «фондовых инвентарей». После составления фондовых инвентарей в I отделении и в «Судебной группе» началось составление так называемых «инвентарей с изложением содержания». Эти инвентари также дают сведения о фондах и частях фондов, но более подробно, чем «фондовые инвентари». При этом подробно излагается история фонда и создавшего его учреждения, а также содержание материалов, дается их оценка как исторического источника. По своему характеру эти инвентари похожи на составляемые советскими архивами «обзоры». Один такой ин-

---

[3] В указанной выше статье Антала Седё «Развитие венгерского архивного дела после 1945 г.» «инвентарные перечни» названы «основными описями», а «фондовые инвентари» — «информационными описями».— *Примечание редакции.*

вентарь уже издан отдельной книгой, рукописи ряда других инвентарей подготовлены или готовятся к печати.

Несколько «инвентарей с изложением содержания» по семейным архивам составлены III отделением, но здесь, как и во II отделении, главной задачей в области подготовки справочных пособий является составление так называемых «реперториев». «Репертории» информируют о содержании «складских» и «предметных» архивных единиц; они соответствуют в основном инвентарным описям, составляемым в советских архивах.

«Репертории» также публикуются. Они составляются, как правило, лишь на важные коллекции, каковыми являются, например, «Коллекция домохачского периода», «Коллекция географических карт», «Коллекция планов зданий», «Архив семьи Кошут».

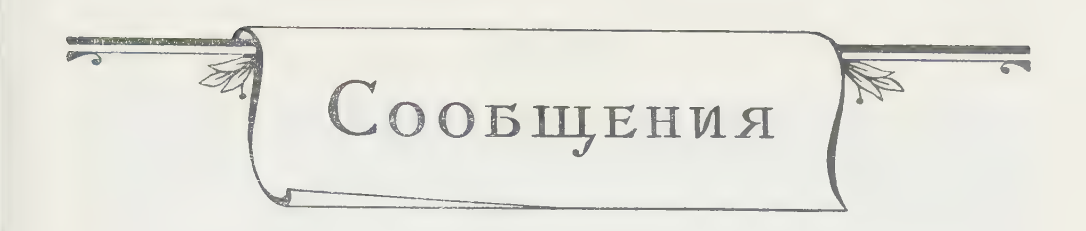
Имеют место и тематические справочники: например, по истории рабочего движения в период между двумя мировыми войнами.

Венгерский национальный архив большое внимание придает созданию научной архивной литературы и подготовке архивных изданий. В этой работе принимают участие все научные работники архива. Наряду с изданием архивных пособий, о которых говорилось выше, архивом публикуются издания по архивоведению (включая и археографию), палеографии, дипломатике, документоведению, сфрагистике, геральдике, истории архива, изданию первоисточников, исторической статистике, истории отдельных учреждений.

Естественно, что мы не можем одновременно и с одинаковой интенсивностью проводить работу во всех областях науки. Основной задачей мы считаем издание источников, хотя и остальное также имеем в виду. С 1945 г. архивом издан целый ряд томов документов, кроме того, подготовлены и готовятся к изданию рукописи ряда новых томов. Всю эту работу Венгерский национальный архив проводит согласованно с остальными историко-научными институтами под руководством и при поддержке Академии наук Венгрии.

Свою работу в области народного образования и распространения научных знаний Венгерский национальный архив осуществляет путем участия в выставках, организации внутренних выставок, предоставления документальных материалов в распоряжение прессы, а также партийных и общественных органов.

Этим, как и всей своей деятельностью, Венгерский национальный архив стремится к тому, чтобы архивная работа не являлась самоцелью, а проводилась в тесной связи с венгерским народом, служила делу его прогресса.



АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА

(К истории второй революционной ситуации в России)

Россия на рубеже 70-х и 80-х годов XIX в. прошла через полосу острого кризиса.

В. И. Ленин, обобщая особенности русской общественной жизни конца 70-х годов XIX в., характеризовал этот период как «время второго демократического подъема в России» [1], как период второй революционной ситуации, не завершившейся революцией [2]. История второй революционной ситуации до сих пор не нашла всестороннего освещения в исторической литературе. Имеется лишь одна опубликованная работа акад. Ю. В. Готье [3], излагающая историю борьбы в правящих верхах в течение первых двух месяцев после убийства народовольцами Александра II. Очень мало опубликовано и источников по истории второй революционной ситуации. «Правительственная политика времени буржуазных реформ 60—70-х годов и следовавшей за ними реакции не нашла себе отражения ни в одном сборнике документов»,— справедливо писал С. Н. Валк [4].

Весьма значительным и мало освоенным источником являются личные архивы государственных и общественных деятелей. Для изучения истории второй революционной ситуации первостепенное значение имеют материалы личного архива М. Т. Лорис-Меликова, с именем которого связан особый курс правительственной политики, обусловленный развитием общенационального кризиса.

Лорис-меликовский режим, при котором сам М. Т. Лорис-Меликов играл роль «министра-премьера» [5], длился с 12 февраля 1880 г. до 30 апреля 1881 г. Историческая функция этого режима заключалась в том, чтобы ослабить антиправительственный лагерь, вывести царизм из кризиса с наименьшими потерями, укрепить коренные устои самодержавно-помещичьего строя. После того как революционный натиск был отбит и революционная ситуация пошла на убыль, лорис-меликовский режим был заменен режимом Игнатьева, служившего прикрытием перехода правительства к открыто реакционному курсу. После опубликования манифеста 29 апреля 1881 г. Лорис-Меликов ушел в отставку (а затем и его единомышленники Милютин и Абаза). До самой смерти в конце 1888 г. бывший диктатор большей частью жил в Швейцарии и только короткими наездами бывал в России.

В связи с ролью Лорис-Меликова в период второй революционной ситуации, безусловно представляет большой научный интерес его личный архив. Об этом свиде-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 251; т. 15, стр. 267; т. 5, стр. 41.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 190.

[3] Ю. В. Готье. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. «Исторические записки», 1938, № 2, стр. 240—299.

[4] С. Н. Валк. Советская археография. М.— Л., 1948, стр. 200.

[5] См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 41.

тельствуют и те немногие документы, которые были опубликованы. В 1893 г. лондонский «Фонд вольной русской прессы» издал брошюру «Конституция Лорис-Меликова», состоящую в основном из некоторых документов архива Лорис-Меликова, переданных им (большей частью в копиях) Н. Белоголовому [6].

Некоторые ценные документы были опубликованы С. Татищевым, Н. Берьманским и Н. Голицыным [7]. Такой важный документ, как доклад Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. впервые был опубликован в официально-секретном издании «Предположения высшего правительства о привлечении избранных от населения лиц к законосовещательной деятельности» в связи с подготовкой проекта Булыгинской думы. Эти документы находились до сих пор в орбите внимания исследователей, их использовал в своей работе и Ю. В. Готье, не зная, очевидно, о существовании архивного фонда Лорис-Меликова.

Известно, что после смерти Лорис-Меликова 12 декабря 1888 г. в Ницце, чиновник русского посольства опечатал его бумаги. Документы были пересланы в Петербург Александру III; после Февральской революции 1917 г. они попали в Государственный архив [8]. Но наследникам Лорис-Меликова, очевидно, удалось сохранить значительную часть его архива, которая и составляет личный фонд Лорис-Меликова, насчитывающий 270 единиц хранения, находящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ, ф. 569). Кроме того, в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ, ф. 866) находится другая часть лорис-меликовского архива (очевидно, изъятая по приказу Александра III), состоящая из 173 единиц хранения. Таким образом, имеются два компактных личных фонда Лорис-Меликова, насчитывающих в общем 443 единицы хранения и содержащих богатейший документальный материал самого разнообразного характера.

«Московский фонд» сложился главным образом из материалов самого Лорис-Меликова и в незначительной части — его наследников, в хронологических рамках 1863—1915 гг. Материалы «ленинградского фонда» почти целиком относятся к деятельности Лорис-Меликова на Кавказе и участию его в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

В целом архивные материалы Лорис-Меликова могут быть отнесены к нескольким группам по времени их возникновения: 1) период службы на Кавказе и участия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.; 2) период астраханского и харьковского генерал-губернаторства 1879 — январь 1880 г.; 3) период всероссийского «диктаторства» — февраль 1880 — апрель 1881 г.; 4) период пребывания в отставке — май 1881 — декабрь 1888 г.

В течение тридцати лет, с 1847 по 1878 г., деятельность Лорис-Меликова протекала на Кавказе. Его послужной список [9] — своеобразная летопись политики царизма

---

[6] Эта брошюра с включением некоторых писем Лорис-Меликова, впервые опубликованных в газете «Освобождение» (1904 г., № 25), была переиздана в Берлине, а в 1906 г. и в Петербурге. Интерес к т. н. «конституционному» проекту Лорис-Меликова был настолько велик, что некий предприимчивый лондонский издатель выпустил в 1904 г. книгу, якобы написанную Лорис-Меликовым, под названием «Сущность и значение конституции», представляющую собой перевод статьи немецкого ученого Роттека. Эта фальсификация была разоблачена в газете «Освобождение» (1904 г., № 53).

[7] С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903 (в книге приведены извлечения из журналов Верховной распорядительной комиссии, программы сенаторской ревизии, некоторые доклады Лорис-Меликова); Н. Берьманский. Конституционные проекты царствования Александра II, «Вестник права», 1905, № 9; Документы, относящиеся к 1881 г., «Русский архив», 1916, № 1—3; Всеподданнейший доклад гр. Валуева и документы, к Верховной распорядительной комиссии 1880 г. касательные. «Русский архив», 1915, № 11—12; «Былое», 1918, № 4—5.

[8] Конституция Лорис-Меликова. СПб., 1906, стр. 3; «Былое», 1918, № 4—5, стр. 125. Кроме этого, как сообщает Н. Голицын, Александр III в 1890 г. передал в Государственный архив для хранения пакет, содержащий официальные материалы, связанные с проектом Лорис-Меликова. Эти документы и были опубликованы Голицыным.

[9] ЦГИАМ, ф. 569, д. 1. Полный послужной список генерал-адъютанта М. Лорис-Меликова. Копии послужного списка хранятся также в ЦГИАЛ (ф. 866, д. 1) и ОРСЩ.

на Кавказе. В его архиве имеются ценные материалы о положении народов Терской области, об их борьбе против местных феодалов и царских властей. Материалы показывают, что Лорис-Меликов, хорошо изучивший социальную и политическую обстановку на Кавказе, умело использовал ее для проведения правительственной политики [10].

В той части фонда Лорис-Меликова, которая хранится в ЦГИАЛ, имеются многочисленные материалы о жизни народов Северного Кавказа, о поземельных отношениях, о классовой борьбе, о действиях царской администрации в этом районе [11]. Здесь же хранятся материалы о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. на Кавказском театре и действиях войск Особого кавказского корпуса под командованием Лорис-Меликова. Ряд документов характеризует подготовку и осуществление ночного штурма турецкой крепости Карс, взятие которой явилось решающей победой русских войск на Кавказском фронте [12].

В январе 1879 г. Лорис-Меликов был назначен астраханским, саратовским и самарским временным генерал-губернатором, а в апреле того же года — временным харьковским губернатором. Документы, отложившиеся в период пребывания его на этих постах, представляют значительный интерес для изучения процесса нарастания второй революционной ситуации в России и деятельности в этих условиях будущего всероссийского диктатора. В частности, документы харьковского периода дают материал для характеристики растущей напряженности внутриполитической обстановки в стране и правительственной политики в этих условиях.

Особое внимание Лорис-Меликова было обращено на борьбу с крестьянскими волнениями и широко распространившимися по всей России слухами о близком всеобщем и уравнительном переделе земли [13]. Большой интерес представляет обширное письмо министра внутренних дел Макова к Лорис-Меликову от 21 мая 1879 г., в котором дается характеристика внутреннего положения России. Больше всего тревожат министра настроения крестьян. «Что касается слухов о предстоящем, будто бы, общем переделе земель, то,— пишет Маков,— к сожалению, это явление почти повсеместное, почти все губернаторы чуть не каждый день пишут об этом» [14].

В докладе царю от 2 февраля 1880 г. о своей деятельности в Харькове Лорис-Меликов отмечал, что основными чертами внутриполитической обстановки к началу февраля 1880 г. является недовольство и возбужденность населения, а также слабость властей. «В обществе,— писал он,— несомненно в значительной части благонамеренном и преданном престолу, обнаруживалось напряженное, тревожное состояние, недостаток энергического отпора преступным проявлениям, граничащее с равнодушием, и заметное отсутствие доверия к представителям правительственной власти» [15]. В связи с этим Лорис-Меликов выдвигает два принципа правительственной политики: беспощадная борьба с революционерами и «успокоение» благонадежных элементов с тем, чтобы «восстановить их доверие к власти». Особенно Лорис-Меликов подчеркивал опасность все возрастающих преступлений против помещичьей собствен-

---

[10] ЦГИАЛ, ф. 866, дд. 32, 34, 38, 41, 140 и др. Об этом же говорят документы, опубликованные в сборнике «Крестьянская реформа в Кабарде» (Нальчик, 1947).

[11] ЦГИАЛ, ф. 866, д. 9 — записки о Сванетии;д. 11 — журнал военных действий чеченского отряда; дд. 22, 24 — о кюринском ханстве; дд. 26, 27 — документы по Терской области; д. 30 — ходатайства кабардинских князей; д. 34 — записка о поземельном устройстве; дд. 56, 60 — о воинской повинности; д. 66 — исторический очерк Карса и ряд других.

[12] ЦГИАЛ, ф. 866, д. 68 — приказы по действующему корпусу, дд. 69, 74, 76—78 — донесения командиров частей, дд. 71, 72, 73 — материалы и записки об осаде Карса, о войне с Турцией, а также дд. 70, 79, 80, 81, 82, 83 и др.; ЦГИАМ, ф. 569, д. 3 — записка о границе Турции и России; д. 5 — записки периода войны; д. 6 — записки Мирского и замечания Лорис-Меликова.

[13] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 24, 28, 136, 156; ценные материалы по этому вопросу находятся в фонде временного харьковского генерал-губернатора (ЦГИАМ).

[14] ЦГИАЛ, ф. 866, д. 125, л. 3.

[15] ЦГИАМ, ф. 569, д. 16; копия доклада имеется в личном фонде П. Щеголева (ЦГИАЛ, ф. 1093, оп. 1, д. 179).

ности и широкого распространения среди крестьян, неосмотря на все принятые меры, слухов о пределе земли.

Основным способом «успокоения и умиротворения страны» и возвращения ее «на путь дальнейшего прогрессивного преуспеяния» является разумно организованный полицейский террор — провозглашает Лорис-Меликов 2 февраля 1880 г. и через 10 дней становится диктатором уже не шести губерний, а всей России [16].

Наиболее ценной частью архива Лорис-Меликова являются материалы периода с февраля 1880 — по апрель 1881 г., когда он, являясь начальником Верховной распорядительной комиссии, а с августа 1880 г.— министром внутренних дел, фактически был руководителем внутренней политики правительства Александра II. Первую группу материалов этой части фонда составляют официальные документы Комиссии и Министерства внутренних дел.

Полугодовая деятельность Верховной распорядительной комиссии и ее начальника фактически свелась к сосредоточению, систематизации и усилению карательного аппарата. Уже через две недели после своего назначения Лорис-Меликов в докладе царю заявляет, что «объединение властей есть единственно верный путь для достижения успеха в мерах противу крамолы». Только при этом условии, по его мнению, можно решить основную задачу разгрома революционного движения и «доказать благодетельную для общего спокойствия силу правительственной власти и тем самым отторгнуть от лжеучений колеблющихся». Затем можно будет заняться изучением «способов к ослаблению восприимчивости населения к революционным началам» [17]. Доклад был одобрен царем и Лорис-Меликову были подчинены III отделение, корпус жандармов и в значительной степени генерал-губернаторы [18]. Эта сторона деятельности нашла свое отражение в журналах заседаний Верховной распорядительной комиссии.

В лорис-меликовском фонде имеются черновые и беловые (в виде печатных оттисков и рукописей нескольких вариантов) экземпляры журналов пяти заседаний комиссии, состоявшихся 4, 11, 24 марта, 15 апреля и 1 мая 1880 г. [19] (после заседания 1 мая комиссия больше не созывалась). Содержание журналов раскрывает всю бюрократическую узость и полицейский кругозор ее членов, призванных вывести из тупика государственную машину царизма.

Первое заседание комиссии Лорис-Меликов открыл программным выступлением, основная идея которого сводилась к объединению «действий всех административных и судебных органов». Здесь же были выделены члены комиссии для разработки предложений по этим вопросам. На заседаниях 11 и 24 марта обсуждался вопрос об административной ссылке и ускорении производства дознания. На заседаниях 15 апреля и 1 мая обсуждался вопрос о работе тюремного ведомства. Изложение в журнале хода заседания 1 мая отражает оживленное обсуждение вопроса о дальнейшей судьбе заключенных, которым не было предъявлено никаких обвинений. Было решено, что наиболее удобным видом репрессий против таких лиц является административная высылка [20].

Особый интерес представляет журнал совещания Лорис-Меликова с представителями столичной думы 5 марта, раскрывающий полицейскую подоплеку демагогического обращения Лорис-Меликова «К жителям столицы» 15 февраля 1880 г. [21].

---

[16] ЦГИАМ, ф. 569, д. 16, лл. 3, 9, 12, 13, 22, 28. Тревожными настроениями проникнут и дневник П. Валуева, изданный в 1919 г. по сокращенному самим автором тексту. Первоначальная полная редакция дневника, известная еще А. Преснякову (См. «Дела и дни», 1921, кн. 2, стр. 228), хранится в ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, дд. 208 и 209. Записи в дневнике относятся к периоду с 12 июля 1876 г. по 14 апреля 1883 г.

[17] ЦГИАМ, ф. 569, д. 33.

[18] Там же, д. 30; ЦГИАЛ, ф. 1318, оп. 1, д. 7, л. 2.

[19] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 36, 37; журналы трех мартовских заседаний комиссии опубликованы в «Русском архиве», 1915, № 11—12. В фонде Милютина имеются печатные экземпляры журналов четырех заседаний.

[20] ЦГИАМ, ф. 569, д. 36, л. 69.

[21] Там же, лл. 11, 12.

Записка, составленная Батьяновым «О задачах Верховной распорядительной комиссии», обобщая опыт ее двухмесячной деятельности, ставит вопрос о необходимости для «упрочения потрясенного государственного порядка» предпринять «преобразования по многим частям», к подготовке которых в качестве экспертов полезно призвать представителей общества, «непосредственно стоящих у дела»[22]. На основе этой записки был составлен доклад, представленный Лорис-Меликовым 11 апреля 1880 г. Александру II[23]. В этих документах была сформулирована идея привлечения либерального общества к борьбе против революционного движения и упрочения государственного строя при помощи ограниченных реформ. В специальном отношении к Макову в мае 1880 г. Лорис-Меликов предлагает подготовить проект реформы земства, но так, чтобы этим «не возбудить излишние ожидания», а затем обсудить этот проект «в особой при Министерстве внутренних дел комиссии» с участием назначенных представителей от земства[24]. В январе 1881 г. мысль о создании комиссии была развита в целую программу реформ.

Для подготовки и осуществления своей правительственной политики Лорис-Меликов добился в начале августа 1880 г. реорганизации государственных органов внутренней политики: ликвидации III отделения и Верховной комиссии, сосредоточения всей власти в руках министра внутренних дел. Подлинный доклад Лорис-Меликова, представленный царю 26 июля 1880 г. и обосновывающий план этой реорганизации, в лорис-мелкиовских фондах отсутствует. Но его копию удалось обнаружить в фонде Валуева (с личным письмом Лорис-Меликова)[25]. В докладе подводились итоги деятельности Верховной распорядительной комиссии, давался анализ внутреннего положения страны и немечались основы того «нового» курса правительственной политики, который расценивался либералами как наступление «новой эпохи» реформ. В действительности это была система посулов, обещания реформ, политического лавирования и социальной демагогии, которая создавала видимость «нового» курса.

В условиях дальнейшего обострения нужды и бедствий угнетенных классов в связи с катастрофическим недородом 1880 г. и начавшимся в ряде отраслей промышленности кризисом[26] правительство вынуждено было прикрывать подлинный характер своей экономической политики лживой фразеологией о «благе» народа, о «защите» интересов крестьян. Одним из важнейших экономических мероприятий лорис-меликовского режима была отмена соляного налога. Если указ от 23 ноября 1880 г. об отмене этого налога был образцом демагогического обмана и лжи[27], то секретный доклад Лорис-Меликова по этому вопросу[28], представленный в октябре 1880 г. царю, раскрывает, что истинной причиной политики «попечительства и заботы о народе» был «полицейский страх перед грозным народным бедствием»[29]

Обобщающим документом, наиболее ярко отражающим кризис правительственной политики в период второй революционной ситуации, является доклад Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. Этот документ стал основой легенды о «лорис-меликовской конституции». Исторический интерес лорис-меликовского проекта заключается не столько в том, что он был «заключительным звеном в ряде аналогичных проектов, последовательно представленных Александру II в 60—70-ых гг.[30], сколько в том, что он

---

[22] ЦГИАМ, ф. 569, д. 84.

[23] Доклад полностью опубликован в журн. «Былое», 1918, № 4—5, а первоначальный его проект, составленный Кахановым,— в «Русском архиве», 1915, № 11—12.

[24] ЦГИАМ, ф. 569, д. 54.

[25] ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 70.

[26] О тревоге в правительственных кругах свидетельствуют «всеподданнейшие» доклады Лорис-Меликова осенью 1880 г. (ЦГИАМ, ф. 102, оп. 166, д. 28). Сентябрьский доклад опубликован. См.: Гр. Лорис-Меликов и Александр II о положении в России в сентябре 1880 г. «Былое», 1917, № 4 (26).

[27] ПСЗ, т. 55, № 61578.

[28] ЦГИАМ, ф. 569, д. 139.

[29] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 233.

[30] Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 244.

отражал степень напряженности классовой борьбы и соотношение общественных сил на данном этапе революционной ситуации.

Материалы архива Лорис-Меликова в сочетании с другими источниками дают возможность проследить историю январского доклада. Идея привлечения общественных экспертов, назначенных правительством, т. е. идея «подготовительных комиссий» проекта 1881 г., была сформулирована в записке Лорис-Меликова по поводу сельскохозяйственных съездов, в его отношении к Макову в мае 1880 г. об особой комиссии при Министерстве внутренних дел с участием земских представителей, в записке Батьянова «О задачах Верховной распорядительной комиссии», в докладе 26 июля о ликвидации Комиссии и III отделения и реорганизации Министерства внутренних дел [31].

В октябре 1880 г. в беседе с Е. Перетцом Лорис-Меликов сообщил, что он не раз обсуждал с А. Абазой проблему привлечения представителей земства к подготовке реформ [32]. В это время он уже прямо говорит о намерении «собрать общую, довольно многочисленную комиссию из выборных от земств» [33]. В общих чертах принципы январского проекта обсуждались Лорис-Меликовым, Абазой, Кахановым и были ими определены в связи с подготовкой программы сенаторской ревизии в начале осени 1880 г. [34].

Основными документами для изучения проекта являются: доклад Лорис-Меликова от 28 января 1881 г., журнал особого совещания, обсуждавшего этот доклад и два варианта (до и после 1 марта 1881 г.) проекта правительственного сообщения о созыве комиссий, наиболее полно представленные в публикации Н. Голицына [35].

В личном фонде Лорис-Меликова имеется книга, в которую вплетены три варианта январского доклада: один, вполне соответствующий опубликованному тексту, и два варианта, представляющие собой его предшествующие редакции. Кроме того, здесь же хранятся и варианты правительственного сообщения [36]. Таким образом, материалы лорис-меликовского архива дают возможность проследить историю написания доклада 1881 г. и выяснить характер и направление редакционной работы над ним в министерстве внутренних дел. В ряде случаев работа над текстом шла по линии смягчения отдельных положений, изыскания более общих и менее определенных формулировок с тем, чтобы устранить всякие обвинения в радикализме и стремлении ввести конституционные начала. Приведем только несколько примеров. В окончательную редакцию доклада не включены такие положения: «правильное течение нашей государственной жизни, временно прерванное анархическою смутою, ныне... восстанавливается»; «реформы такой громадной важности, как освобождение крестьян, земская, городская, судебная, нуждаются в согласовании одна с другой, и в постоянных совершенствованиях сообразно нарождающимся потребностям и выяснившимся недостаткам». В докладе также выброшен текст, указывающий, что ревизия назначена для «изучения настроения общества, его воззрений и пониманий относительно всех реформ». Из предварительной редакции в окончательный текст доклада не попали такие пункты, как «устройство льготного кредита для облегчения крестьянам покупки земель и правильная организация переселения на ближние и дальние земли». В черновых вариантах выборные от земства члены общей комиссии именовались «депутатами», но это слово, напоминающее конституционные порядки, было старательно зачеркнуто кахановским карандашом и заменено более «благозвучными» словами — «выборные» и «избранные». Из предварительного варианта проекта правительственного сообщения, одобренного в общем Александром II утром 1 марта, одна-

---

[31] ЦГИАЛ, ф. 1318, оп. 1, д. 16, л. 1; ЦГИАМ, ф. 569, дд. 54, 84; ЦГИАМ, ф. 544, оп. 1, д. 70.

[32] Е. Перетц. Дневник. М.—Л., 1927, стр. 8.

[33] А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 253.

[34] М. Каханов 22 августа 1880 г. писал Лорис-Меликову в Ливадию: «серьезные дела наши продвигаются», и работа над «большим проектом» идет вполне успешно (ЦГИАЛ, ф. 866, д. 158, л. 62).

[35] «Былое» 1918, № 4—5.

[36] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 40, 96, 97, 99.

ко приказавшим до напечатания обсудить его 4 марта в Совете министров, был опущен пункт, формулирующий задачу «изыскания способов к скорейшему прекращению существующих доныне обязательных отношений бывших крепостных крестьян к своим помещикам» [37].

Таким образом, материалы лорис-меликовского архива дают возможность уточнить ряд вопросов из истории важнейшего правительственного документа, вокруг которого после убийства Александра II разгорелась борьба группировок в правящих верхах.

О событиях и столкновениях правительственных группировок в двухмесячный период с 1 марта до манифеста 29 апреля 1881 г. и отставки Лорис-Меликова и Абазы материалов в лорис-меликовском фонде чрезвычайно мало. Записка о совещании 8 марта 1881 г., на котором обсуждался проект Лорис-Меликова [38], по своему содержанию аналогична опубликованному изложению рассказа Лорис-Меликова об этом заседании редактору «Голоса» В. Бильбасову [39]. Эта записка излагает ход и результаты совещания как бесспорную победу сторонников лорис-меликовского проекта. На совещании 8 марта 1881 г. вопрос о судьбе проекта не был окончательно решен, и поэтому нельзя согласиться с утверждением Ю. В. Готье, будто крушение проекта было предрешено уже в этот день [40]. Из 15 участников совещания — 8 выступили в пользу лорис-меликовского проекта, 5 — против и двое заняли «буферную» позицию. Только к концу апреля победила партия сторонников открытой реакции, «...несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совете министров большинство (7 против 5) высказалось *за* проект Лорис-Меликова» [41].

В ряде дел лорис-меликовского архива отражена деятельность правительства в первые недели после 1 марта, направленная на разгром революционного подполья [42]. Таким образом, официальная часть лорис-меликовского архива имеет важное значение для изучения истории второй революционной ситуации. Существенно дополняет лорис-меликовский архив фонд Канцелярии Верховной распорядительной комиссии. В настольном реестре Судебного отдела Канцелярии зарегистрировано 1576 дел, но сохранилось из них всего 373, остальные дела были уничтожены в 1897 и 1908 г. [43]

Документация органов самодержавно-бюрократического аппарата требует весьма осторожного и критического подхода как для выяснения объективной картины исторической действительности, так и для характеристики самой политики правительства. Положение и борьба народных масс в этих документах регистрировались, излагались и обобщались царскими чиновниками, всегда искажавшими сущность и характер фактов и событий. Поэтому, как указывал В. И. Ленин, необходимо «по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения» [44]. При этом секретные документы, более или менее откровенно, в рамках, доступных для царской бюрократии, освещают положение вещей и дают возможность вскрыть истинные мотивы правительственных мероприятий. Конечно, и в этих документах много лживой фразеологии и бюрократического фарисейства. Характерно, что во всех записках и докладах Лорис-Меликова красной нитью проходит мысль о возможности революционного взрыва и движущим мотивом всех планов выдвигается задача предотвращения революции [45].

Важной и интересной группой документов лорис-меликовского архива являются

---

[37] ЦГИАМ, ф. 569, д. 96, лл. 20, 21—22, 25—26 и др.; д. 97, л. 12.

[38] Там же, д. 98.

[39] «Русский архив», 1906, № 7; «Былое», 1918, № 4—5, стр. 187—193. Подлинник записи рассказа Лорис-Меликова от 12 марта 1881 г. хранится в ОРСЩ, ф. Бильбасова, д. 17/18.

[40] Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 270.

[41] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 41.

[42] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 100, 101, 102.

[43] ЦГИАМ, ф. 94; ЦГИАЛ, ф. 1318.

[44] В. И Ленин. Соч., т. 5, стр. 15.

[45] Сенатор М. Веселовский писал: «припоминаю заседание, касавшееся выкупных платежей. Он (Лорис-Меликов.— *М. Х.*) требовал этой меры под угрозой какой-то народной революции» (ОРСЩ, F. IV, 861, л. 351).

многочисленные записки, проекты, предложения разных лиц с диагнозом недугов русской экономической и политической жизни и различными «рецептами» их излечения.

Панический страх перед угрозой революции, охвативший господствующий класс, сознание шаткости существующего режима, волна недовольства и недоверия к своему правительству, критика правительственной политики — эти характерные черты кризиса общественно-политических верхов нашли яркое выражение в огромном потоке различных записок и проектов, составленных добровольными реформаторами и волонтерами борьбы за укрепление существующего строя. «Масса,— писал Лорис-Меликов в докладе 11 апреля 1880 г.,— полученных мною со всех концов России писем, проектов, записок, указывающих меры к исцелению недостатков нашего общественного строя, свидетельствует, что значительная часть русского общества сознает ненормальность условий настоящего времени и тревожно ищет выхода на пути мирного и законного развития и преуспевания» [46].

Наименее интересной частью этих материалов являются проекты авторов, измышлявших новые охранительно-репрессивные меры [47], и требующих от правительства, чтобы оно более эффективно ограждало интересы и собственность имущих классов. Однако многие представители правящего класса понимали, что одними репрессиями нельзя достигнуть «умиротворения» страны, и обращались к диктатору с планами различных преобразований. Автор анонимной записки «О причинах революционного движения в России и о мерах борьбы с ним» предлагает применять «полицейские и органические» меры. Он предупреждает, что крупное политическое событие, как, например, перемена царствования, «вызвала бы у нас повсеместное грозное движение крестьян за землю» [48]. Автор другой обширной записки «Некоторые мысли по поводу настоящего положения России» предлагает превратить Государственный совет в совещательный орган, состоящий наполовину из членов, назначенных царем, наполовину из выборных на специальных куриях в составе предводителей дворянства, председателей земских управ и городских голов. Он апеллирует к благоразумию правительства и доказывает необходимость реформ реальной угрозой «пугачевщины» и «потрясений» [49].

Целую серию записок составил близкий к славянофильским кругам генерал Р. Фадеев, предлагавший немедленно создать губернские комитеты, которые должны заняться изысканием средств «для облегчения народных масс и улучшения их быта, в пределах разумного и возможного, что рассеет само собой несбыточные ожидания». По поводу записок Фадеева завязалась переписка между министрами и специальное совещание разрешило ему их опубликовать [50]. Имеются и другие записки, в большой части представляющие собой варианты рассмотренных проектов. Ряд документов характеризует экономическое положение страны и подъем стихийного движения угнетенных классов в период второй революционной ситуации [51]. При этом представители имущих классов и правящей верхушки опасались не столько заговорщическо-террористической деятельности народовольцев, сколько революционного переворота, в котором активной силой станут народные массы.

Таким образом, в основных чертах всех этих записок и проектов нашел свое выражение кризис верхов и правительственной политики.

---

[46] «Былое», 1918, № 4—5, стр. 154.

[47] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 32, 43, 45, 69, 93, 104.

[48] Там же, д. 52.

[49] Там же, д. 105

[50] Там же, дд. 58, 59; Р. Фадеев. Письма о современном состоянии России. СПб., 1882. Отметим интересную записку ген. Богдановича «О настроении умов в некоторых слоях населения» (ЦГИАЛ, ф. 1282, д. 369), представленную Лорис-Меликову 9 марта 1880 г.

[51] Там же, д. 73 — доклад временного нижегородского генерал-губернатора; д. 56 — записка о крестьянских волнениях в Киевской губернии; д. 231 — записка предводителя дворянства Тульской губернии, просившего у Лорис-Меликова защиты «прав собственности владельцев» от крестьян; д. 50 — письма временного харьковского генерал-губернатора М. Дондукова-Корсакова и др.

В материалах лорис-меликовского архива сохранилась обширная коллекция адресов, писем и телеграмм [52] либеральных деятелей и земств, которые оказывали поддержку диктатору, питая иллюзии о «новом курсе» правительственной политики. Немало интересных данных в переписке Лорис-Меликова с Маковым, Милютиным, Абазой, Валуевым, Игнатьевым, Дрентельном, Толстым, Половцевым, Дондуковым-Корсаковым, Святополком-Мирским и другими правительственными деятелями этого периода [53].

Следующая группа материалов хронологически относится к последнему периоду жизни Лорис-Меликова (май 1881 г.— декабрь 1888 г.), когда он уже находился в отставке. Состав этой группы, естественно, резко отличается от материалов предшествующего периода: здесь нет официальных материалов, деловой переписки, различных проектов и записок.

Историков и публицистов давно интересовал вопрос — существуют ли мемуарные записки М. Т. Лорис-Меликова. Известно, что Лорис-Меликов по выходе в отставку писал мемуары, но в 1886 г. он сообщил доктору Н. Белоголовому, что «уничтожил массу записок и воспоминаний, набросанных мною за последние 5 лет; оставил в целости лишь подлинные документы в бумагах и письмах», ибо, по его словам, «получил какое-то отвращение к мемуарам, запискам и разным воспоминаниям», которые «обратились в какой-то шантаж и самообеление» [54]. Фрагменты мемуарных записок, относящиеся главным образом к периоду войны 1877—1878 гг., сохранились в отрывочном и бессистемном виде в четырех записных книжках Лорис-Меликова, из которых вырвано большое количество листов. Они не представляют большого интереса и не дают чего-либо нового [55].

Из опубликованых мемуаров Н. А. Белоголового, А. Ф. Кони, В. И. Немировича-Данченко [56] известно, что после отставки Лорис-Меликов жил за границей и охотно делился своими воспоминаниями о минувших временах, когда он находился у кормила власти. Кое-что из этих воспоминаний, так сказать, «вторичного порядка» — записи устных рассказов Лорис-Меликова, сделанные различными лицами, опубликовано. Уже не раз публиковался рассказ Лорис-Меликова о заседании 8 марта, сообщенный им 12 марта 1881 г. В. Бильбасову [57]. Известен и другой вариант его рассказа о том же заседании [58]. В беседе с М. Семевским Лорис-Меликов сообщал много интересных сведений; М. Семевский подробно записывал все услышанное от опального диктатора. Кроме рассказа о совещании 8 марта, из архива Семевского были опубликованы и некоторые другие записи воспоминаний Лорис-Меликова [59].

---

[52] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 198, 241, 255, 257, 258, 287 и др.

[53] Там же, дд. 26, 50, 136, 144, 158, 200, 215 и др.; ЦГИАЛ, ф. 866, дд. 125, 126, 147 и др. Ю. В. Готье в 1938 г. высказывал сожаление по поводу того, что «письма Александра III к Лорис-Меликову не изданы» и не разысканы (Ук. соч., стр. 252). Удивительно, что такой прекрасный знаток источников не знал, что эта переписка была опубликована еще в 1925 г. и хранится в фонде Лорис-Меликова («Красный архив», 1925, № 1 (8); ЦГИАМ, ф. 569, д. 143 а).

[54] ОРБЛ, ф. Белоголового, д. 6.

[55] ЦГИАМ, ф. 569, дд. 127, 128.

[56] Н. А. Белоголовый. Граф М. Т. Лорис-Меликов. «Русская старина», 1889, № 9; Воспоминания и другие статьи, М., 1897; А. Ф. Кони. Гр. М. Т. Лорис-Меликов (отрывочные воспоминания). «Голос минувшего», 1914, № 1; На жизненном пути, т. III, ч. I, Ревель — Берлин, 1923; В. И. Немирович-Данченко. На кладбищах. Воспоминания, Ревель, 1921.

[57] Впервые он был опубликован в эмигрантской газете «Общее дело», затем перепечатан в «Русском архиве», 1906, № 7, и вновь в журн. «Былое», 1918, № 4—5.

[58] «Как в 1881 г. погибла конституция». Запись рассказа Лорис-Меликова, сделанная М. Семевским 7 ноября 1881 г., «Каторга и ссылка», 1926, № 4(25).

[59] См. «Знакомые». Альбом М. Семевского, СПб., 1888, стр. 115; Гр. Лорис-Меликов об упразднении III отделения. «Красная газета», вечерний выпуск, 12 ноября 1924 г.; Гр. Лорис-Меликов о черных кабинетах, там же, 26 ноября 1924 г. Ср.: Л. Пантелеев. Мои встречи с гр. М. Т. Лорис-Меликовым. «Голос минувшего», 1914, № 8; Его же. Из воспоминаний прошлого. М.— Л., 1934; В. Немирович-Данченко. На кладбищах. Воспоминания. Ревель, 1921; А. Кони. На жизненном пути, т. III, ч. I.

В фонде Н. А. Белоголового (ОРБЛ) хранятся 33 письма Лорис-Меликова за период с 15 апреля 1884 г. до 11 декабря 1888 г. (последнее письмо написано за день до смерти)[60]. Письмо от 20 октября 1886 г., частично опубликованное[61], представляет собой целый мемуарный очерк на 48 страницах. Значительный интерес имеют записи Белоголового, озаглавленные им «Выписки из моего дневника о Лорисе»[62]. Такой же характер имеет лорис-меликовский материал в фонде А. Ф. Кони: письма Лорис-Меликова[63] и «Материалы к статье „М. Т. Лорис-Меликова"»[64].

Письма мемуарного характера Лорис-Меликова и записи его устных воспоминаний в значительной степени восполняют отсутствие его личных мемуаров. При работе над воспоминаниями такого характера к поправке на тенденциозность рассказчика необходимо добавлять поправку на погрешности, вольные или невольные, слушателя и передатчика. Кроме того, эти материалы из лорис-меликовского фонда и восходящие к Лорис-Меликову носят апологетический характер и изображают диктатора прогрессивным и гуманным правителем.

Мемуарные материалы о Лорис-Меликове более всего интересны не автобиографическими заметками, а рассказами автора о своих противниках, о закулисной придворно-правительственной борьбе в период второй революционной ситуации. Так, например, он говорил, что Александр II «вовсе не любил Россию» и на реформы шел с неохотой, с целью самоохранения. Когда Лорис-Меликов представил свой проект, Александр II строго сказал: «Да ты подумал ли хорошо, что мне предлагаешь? Ведь это États generaux», но назавтра согласился с предложением и одобрил доклад[65]. Многочисленные письма отставного диктатора полны неприязни к «Митрофанушке», как он называет Александра III, к Победоносцеву, Толстому, к придворной камарилье, к «победоносно торжествующим свиньям» и сожалений по поводу наступившего после его отставки «скорбного и позорного периода русской истории», который может привести к революционным потрясениям[66].

К материалам Лорис-Меликова мемуарного и эпистолярного характера с полным основанием можно отнести замечание В. И. Ленина: «Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие...»[67]. При всем том обширная и разнообразная документация архива Лорис-Меликова (те «подлинные документы в бумагах и письмах», которые он оставил в целости) представляют значительно бóльшую ценность в качестве исторических источников, чем личные воспоминания, даже если бы они были сохранены в своем полном первоначальном объеме.

К документам последнего периода относятся автографы — подлинники четырех писем великого революционно-демократического писателя и общественного деятеля М. Салтыкова-Щедрина к Лорис-Меликову за 1881—1886 гг., опубликованные по копиям[68]. Необходимо подчеркнуть, что добрые отношения между Лорис-Меликовым и Салтыковым-Щедриным и их встречи за границей отнюдь не означали политического

---

[60] ОРБЛ, ф. Белоголового, д. 6.

[61] «Конституция Лорис-Меликова», СПб., 1906.

[62] ОРБЛ, ф. Белоголового, д. 2/5.

[63] Институт литературы (Пушкинский дом), ф. 134, оп. 3, дд. 983, 984, 985.

[64] Там же, ф. 134, оп. 1, д. 52.

[65] ОРБЛ, ф. Белоголового, д. 2/5, л. 3; очевидно, к Лорис-Меликову восходит версия А. Леруа-Болье, будто Александр II на каком-то совещании назвал общую комиссию «генеральными штатами» («L'empire des tsars et le Russes», v. II, Paris, 1893, стр. 609—610).

[66] ОРБЛ, ф. Белоголового, п. 6, письма от 5 января 1895, 11 декабря 1888. Летом 1881 г. «экс-вице-император» заявил адмиралу Шестакову, что, «по его мнению, все Романовы гроша не стоят, но необходимы для России» (ОРСЩ, И. Шестаков. Воспоминания, ч. 7, л. 101), имея в виду, конечно, помещичье-чиновную Россию.

[67] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 32.

[68] ЦГИАМ, ф. 569, д. 230. См. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Неизданные письма 1844—1889. М.—Л., 1932, стр. 79, 189, 210, 212; Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. XIX, М., 1939, стр. 252, 253, т. XX, М., 1937, стр. 194, 234—236, 475, 477.

единомыслия. В период лорис-меликовской диктатуры Щедрин не раз выступал с разоблачением необоснованных иллюзий либералов в связи с «новым» курсом правительственной политики, раскрывал содержание «новой теории умиротворения, но не без участия строгости и скорости»[69].

В лорис-меликовском фонде имеется значительная коллекция вырезок из русских и иностранных газет с отзывами о деятельности Лорис-Меликова. Здесь же хранятся некоторые материалы и письма на армянском, арабском и турецком языках.

Последняя группа материалов носит семейно-биографический характер (документы о земельных владениях, расчеты расходов и доходов, планы хозяйственной эксплуатации поместий, завещание и т. д.) и дают возможность выяснить ряд моментов в биографии, имущественном положении и в личной характеристике Лорис-Меликова[70].

Таким образом, лорис-меликовский архив состоит из различных по своему происхождению и неравноценных по своему содержанию и значению документов и материалов. Основное и наиболее ценное ядро архива составляют подлинные официальные документы (копии, редакции, черновики бумаг и многочисленные докладные записки) и обильно представленная продукция сановно-бюрократического и либерально-реформаторского прожектерства периода второй революционной ситуации. В этих документах содержится много ценного материала для изучения внутриполитической обстановки, для анализа процесса обострения социальных и политических противоречий, для изучения истоков и характера кризиса политики правительства.

Документы органов самодержавно-помещичьего правительства и материалы царских сановников дают одностороннее тенденциозное, со своих классовых позиций освещение событий и явлений. Историческая правда в них всячески извращается, фальсифицируется, поскольку действительные факты и события истолковываются людьми пристрастными, принадлежащими к правящей верхушке. Стало быть, необходим сугубо критический подход к источникам такого рода.

При всем этом документы лорис-меликовского архива имеют первостепенное значение для изучения особенностей русской общественной жизни периода второй революционной ситуации. Но только совокупность различных по своему происхождению и характеру материалов может дать исследователю основную сумму фактов для изучения такой сложной и многопроблемной темы, какой является история второй революционной ситуации.

В комплексе разнообразных архивных источников по истории второй революционной ситуации важное место занимают документы и материалы личного фонда всероссийского диктатора, «министра-премьера» Лорис-Меликова, хранящиеся в центральных государственных исторических архивах в Москве и Ленинграде.

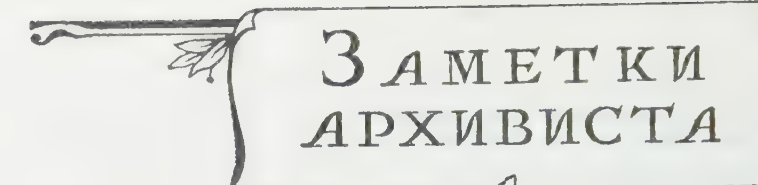
М. И. Хейфец

---

[69] Н. Щедрин. Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 151; т. XIX, стр. 170, 171 и др. Ср. там же, т. XX, стр. 64. Сам Лорис-Меликов чувствовал отличие своего брюзжания разжалованного фаворита от принципиальной враждебности Щедрина к существующим порядкам: «Беседа с ним (Щедриным.— *М. X.*) признаюсь не представляет ничего заманчивого или приятного; одна только желчь и огульное порицание всех и каждого» (1885 г., письмо к А. Кони; Архив Ин-та русской литературы, ф. 134, оп. 3, д. 983, л. 19).

[70] Лорис-Меликов имел имущество стоимостью около полумиллиона рублей, земельные владения общей площадью более 12 000 десятин (д. 131, завещание, д. 127, записная книжка). ЦГИАЛ, ф. 866, дд. 161, 162, 163, 168, 169, 170, 171 — материалы об имениях, переписка с управляющими и т. д. ЦГИАМ, ф. 569, дд. 192, 133 и др.— материалы по хозяйственным вопросам. В делах 120, 121, 123, 125 содержатся материалы о владикавказском ремесленном училище, которое опекал Лорис-Меликов.

Материалы, относящиеся к наследникам Лорис-Меликова, занимают ничтожное место и не представляют исторического интереса.



ИЗ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853—1856 гг.

Публикуемая записка известного русского военного деятеля XIX в. Д. А. Милютина «Об опасности продолжения в 1856 г. военных действий» написана, судя по ее содержанию, в конце 1855 — начале 1856 г., когда автор, в качестве «состоящего по особым поручениям при военном министре», имел в своем распоряжении достаточно веские документы для оценки положения русской армии и России в целом. Это делает документ особенно ценным. Кроме того, записка носит характер не просто высказывания против продолжения войны, а скорее — мнения эксперта, пытающегося дать обоснованный ответ на вопрос: «возможно ли нам, с некоторым вероятием успеха, продолжать... борьбу с целою Европою?». Наконец, говоря о ценности записки, не следует забывать о личности автора. Правда, тогда никто еще не подозревал в 39-летнем генерал-майоре Генерального штаба Д. А. Милютине — будущего военного реформатора, руководителя военного ведомства России 60—70-х годов XIX в. Но уже и в то время Милютин заметно выделялся среди генералитета николаевской России как талантливый военный историк и теоретик, боровшийся за сохранение и развитие в русской армии и флоте прогрессивных традиций. Он был широко известен в военных кругах как автор капитальных трудов по военной статистике и многотомной «Истории войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.» (тт. I—V, СПб., 1852—1853), доставившей ему почетное звание «отца суворовской литературы». Д. А. Милютину принадлежало также несколько трудов по тактике сухопутных войск, а во второй половине 1854 г. он принял деятельное участие в работе комиссии по вопросам обороны Балтийского побережья от англо-французского флота, представив ряд серьезных стратегических соображений, которые помогли более эффективно организовать оборону Прибалтики.

Все это придает публикуемой записке Д. А. Милютина характер авторитетного источника, скупо, но чрезвычайно ярко рисующего положение страны на третьем году Крымской войны и помогающего выяснению подлинных причин поражения в ней феодально-крепостнической России. В документе убедительно, с привлечением фактического и цифрового материала доказывается, что для продолжения войны Россия не имела ни обученных кадров войск (особенно офицеров), ни людских ресурсов вообще, ни оружия, ни боеприпасов, ни продовольственных ресурсов, не было, наконец, транспортных и финансовых средств. Другими словами, экономика отсталого феодально-крепостнического государства оказалась не в состоянии выдержать тяжесть продолжительной войны большого масштаба.

Записка Д. А. Милютина освещает положение России в начале 1856 г. далеко не всесторонне. Автор ни словом не упоминает ни о разорении крестьянства, ни о росте крестьянского движения в годы Крымской войны, ни об усилении оппозиции правительству со стороны известной части правящего класса, т. е. об усилении разногласий в верхах. Но и тот материал, который содержится в источнике, нагляд-

но раскрывает банкротство феодально крепостнической системы хозяйства и неопровержимо обличает охранителя этой системы — царизм как подлинного виновника поражения России в Крымской войне.

Записка Д. А. Милютина — яркая иллюстрация известного высказывания В. И. Ленина о том, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [1]. В этом ее главная ценность для историка.

Документ сохранился в архивах Москвы в трех экземплярах. В Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в фонде Д. А. Милютина (п. 20, д. 41) имеется его черновой автограф, набросанный карандашом, с многочисленными переделками и исправлениями, озаглавленный «Записка, приготовленная для военного министра к совещанию, происходившему в Зимнем дворце, о том, соглашаться ли или нет на мир». Тут же проставлена дата: «1856 г., март?» Вопросительный знак указывает на то, что эта дата была поставлена автором много позднее, когда он, очевидно, пытался хотя бы приблизительно вспомнить о времени составления записки.

Нетрудно, однако, определить и более точную дату написания публикуемого документа. Известно, что в начале 1856 г. имели место три совещания в Зимнем дворце по вопросу о заключении мира. Первое из них состоялось 20 декабря 1855 г. (1 января 1856 г. по новому стилю). На совещании, кроме царя, присутствовали канцлер К. В. Нессельроде, князь М. С. Воронцов, граф П. Д. Киселев, граф А. Ф. Орлов и граф Блудов. Военный министр кн. В. А. Долгоруков на совещание приглашен не был. На последнем (третьем) совещании 27 февраля (11 марта) 1856 г. вопрос «соглашаться ли или нет на мир» уже не стоял: на мир уже согласились, и обсуждался лишь окончательный вариант текста мирного договора, выработанного на конгрессе держав в Париже. Следовательно, обе крайние даты отпадают. Остается второе совещание, которое произошло 3 (15) января 1856 г. Действительно, для участия в нем, кроме лиц, присутствовавших на первом совещании, были приглашены великий князь Константин, барон П. К. Мейендорф и князь В. А. Долгоруков. И так как на предыдущем совещании выявилось резкое расхождение взглядов (А. Ф. Орлов, П. Д. Киселев и М. С. Воронцов высказались за перемирие, а Блудов — за продолжение войны до победного конца), то вполне естественно предполагать, что от вновь приглашенных сановников ожидались веские, мотивированные доводы в пользу той или иной точки зрения — доводы, способные склонить продолжавшего еще колебаться Александра II к принятию определенного решения.

Содержание публикуемой записки целиком подчинено такой задаче. Таким образом, наиболее вероятно, что Д. А. Милютин составил публикуемую записку по поручению В. А. Долгорукова именно для второго совещания, т. е. в конце декабря 1855 — начале января 1856 г. (по новому стилю). В связи с этим следует отметить, что публикуемая записка представляет огромный интерес и еще в одном отношении. Известно, что упомянутые выше «особые совещания» проходили в секретном порядке, причем на них не велось даже протоколов. Потэому сведения о содержании выступлений на этих собраниях очень скудны и не всегда заслуживают доверия. Правда, о ходе второго совещания мы имеем более точное представление благодаря одному из писем Мейендорфа, в котором сравнительно подробно рассказывается об этом событии [2]. Но Мейендорф в своем письме излагает содержание далеко не всех выступлений. В частности, он не приводит выступления В. А. Долгорукова. Публикуемая записка восполняет этот пробел. Она позволяет весьма определенно судить о точке зрения военного министра и доводах, которые он приводил в ее защиту. Окончательный вариант записки в виде переписанного набело чернилами автографа под заглавием «Об опасности продолжения в 1856 г. военных действий»

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

[2] Письмо Мейендорфа явилось основным источником, позволившим академику Е. В. Тарле осветить ход «особого совещания» 3(15) января 1856 г. См. Е. В. Тарле. Крымская война, изд. 2-е, т. II. М.— Л., 1950, стр. 548—550.

хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве (ВУА, д. 6004). Текст этого варианта и приводится в данной публикации.

Наконец, в том же архиве, в фонде А. М. Зайончковского, хранится сделанная писарской рукой копия этой записки (ф. 69, д. 61, лл. 44—45). Это можно считать признаком того, что А. М. Зайончковский намеревался опубликовать записку в приложениях к последнему тому своей монографии «Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой». Намерение осталось невыполненным, так как автор прервал работу над монографией после издания второго тома, в котором излагались события первого года войны (до обороны Севастополя).

И. В. Бестужев

Об опасности продолжения в 1856 г. военных действий

Если, сверх настоящих наших врагов, мы будем иметь против себя еще Швецию, Австрию, а может быть, и целую Германию,— то возникает вопрос: возможно ли нам, с некоторым вероятием успеха, продолжать подобную борьбу с целою Европою,— борьбу морскую и сухопутную одновременно?

Для решения этого вопроса необходимо привести в известность: какими военными средствами мы обладаем и надолго ли станут нам эти средства?

Если взять одну числительную силу всех наших армий, растянутых на всех театрах войны,— от Торнео до Баязета,— то общая цифра покажется довольно грозною; но цифрою этою мы не должны обольщать себя; напротив того, необходимо со всею искренностью отдать себе отчет в том, каковы эти армии и могут ли они почитаться равносильными тем свежим и благоустроенным войскам, которые континентальная Европа выставит против нас?

1. Состав армий. С тех пор, как началась настоящая война, числительная сила наших сухопутных войск возросла в чрезвычайной соразмерности и, несмотря на огромную убыль, понесенную в течение трех кампаний как на полях сражений, так и в госпиталях, наличный состав войск поддерживается и до настоящего времени. Но результат этот не мог быть иначе достигнут, как посредством усиленных наборов и призыва ополчения; а потому в настоящем составе армии, естественно, наибольшее число составляют рекруты и ратники. От некоторых корпусов, как известно, сохранены только кадры, в которые вливается масса рекрут, еще не обученных. Некоторые из ополчений, только что призванные к оружию, не могут еще быть надежным войском; даже и те дружины, которые присоединены к действующим полкам, не могут равняться с войсками регулярными.

2. Офицеры. При таком составе частей еще чувствительнее недостаток в офицерах, число которых не могло умножиться в одинаковой соразмерности с массою войск. По недостатку же в офицерах не может быть успешно и образование молодых войск, вновь сформированных.

3. Средства комплектования. Для поддержания числительной силы армий в течение трех лет войны Россия должна была уже выставить рекрутами и ратниками до 800 тысяч человек. Число это ужасает, если принять в соображение, что все количество народонаселения, которое по законам действительно несет рекрутскую повинность, не превышает 1 800 000 чел.[1]). Из этого очевидно, что для дальнейшего пополнения армий источник уже почти истощен, так что в случае продолжительной войны силы наши уже не могут возрастать, а, напротив того, должны неизбежно ослабевать.

4. Переходя затем к материальным средствам, от которых зависит благоустройство армий и возможность поддержания долговременной войны,— мы должны сознаться в том, что нам трудно в этом отношении меряться с неистощимым обилием средств западной, промышленной Европы. Война застигла нас в такое время, когда мы только готовились еще к измене-

нию вооружения наших войск; при всей усиленной деятельности наших оружейных заводов, не было никакой возможности снабдить в столь короткое время всю массу наших армий таким усовершенствованным оружием, какое имеют враждебные нам армии. Поэтому приняты были все меры для приобретения этого оружия за границею, даже в Америке; сделаны были огромные заказы; но, к сожалению, только самое ничтожное количество заказанного оружия проникло в наши пределы; ныне сделалось еще труднее провозить оное через Германию; а в случае общей войны европейской нельзя будет и вовсе получать что-либо извне.

Кроме того, при огромной потребности в оружии для новосформированных частей и ополчений, равно и по причине весьма большой утраты и порчи оружия во время войны,— и самый запас старого нашего оружия ныне уже истощился [2]).

Независимо от недостатка оружия, надобно еще заметить, что пехота наша, особенно вновь сформированная, не могла иметь и достаточного обучения в цельной стрельбе, как от поспешности, с которою рекруты, по необходимости, приготовляются к поступлению в ряды, так и от беспрерывных передвижений частей, от переходов людей из одной части в другую и по недостаточности определенных для учебной стрельбы припасов,— которые мы неминуемо должны ограничивать при настоящем огромном потреблении оных для войны.

5. Количество пороха и снарядов, потребленное в течение этой войны, особенно в продолжение 11-месячной обороны Севастополя,— столь огромно, что все деятельнейшие меры, принятые к увеличению производства на наших заводах оказались недостаточными [3]). На всех наших пороховых заводах выделывалось перед началом войны от 60 до 80 тысяч пудов пороха; в 1854 г. выделка усилилась уже до 150 тысяч; в 1855 г.— до 300 тысяч; в будущем году она могла бы еще усилиться,— но при всем этом едва ли можно ручаться, что в случае какой-либо новой осады, подобной Севастопольской, не встретится снова недостаток в военных припасах, тем более что и выделка пороха может быть приостановлена по недостатку материалов: селитры и серы. В этом отношении также приняты были деятельнейшие меры для получения этих продуктов из-за границы; но и тут препятствия с каждым днем умножаются, а в случае общей войны с Германиею надобно совсем отказаться от внешнего привоза продуктов. Что же касается до попыток, деланных уже для увеличения добывания означенных продуктов внутри империи, то все они могут доставить результаты не непосредственно, а только разве чрез несколько лет.

6. Снабжение армий продовольствием также становится постепенно более затруднительным. С истощением полосы, ближайшей к театру войны, сказывается чрезвычайный недостаток в перевозочных средствах, а доставка из внутренних губерний будет обходиться дороже и потребует больше времени.

7. К этому затруднению надобно присоединить несовершенство путей сообщения не только для подвоза запасов, но и для передвижения войск. Между тем, при обороне непомерного протяжения берегов наших против флотов и десантов, весь стратегический расчет основывается на быстроте передвижений войск, которые одни должны нести всю тягость этой обороны, не ожидая содействия от наших морских сил, ибо Черноморский флот уже не существует, а Балтийский вынужден держаться под прикрытием укреплений, требующих сухопутных же войск для своей защиты.

8. Для поддержания войны в настоящих ее размерах, естественно, требовались значительные финансовые средства. На будущий год бюджет военный возрос уже до 300 миллионов рублей серебром, но если война должна принять еще большие размеры, то и эти средства окажутся недостаточными [4]). Если б

даже и предвиделись какие-либо источники для покрытия столь огромных издержек еще на несколько лет, то можно ли надеяться, что эти пожертвования выкупятся хоть несколько выгоднейшим заключением мира[3], и нельзя ли, напротив того, опасаться, что после нескольких неудачных кампаний условия мира будут еще тягостнее для нас; в таком случае и все пожертвования будут только напрасным истощением последних сил России.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6004, лл. 1—5. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) По рекрутскому уставу 1831 г. (Свод военных постановлений 1838 г., т. V, ч. 2, кн. 1) в России рекрутской повинности подлежало 25 млн. чел. взрослого мужского населения, но из них 5 млн. чел. освобождались по различным льготам и 12 млн.— по состоянию здоровья (ЦГВИА, ф. I-л, св. 1597, д. 29, лл. 1 и др.). Из оставшихся 8 млн. примерно 1,4 млн. чел. числились в армии и флоте накануне войны и 400 тыс. были призваны в ходе войны (еще около 400 тыс. чел. были призваны не в качестве рекрутов, а в качестве ратников ополчения). Таким образом, получается 1,8 млн. чел., которые «действительно несут рекрутскую повинность». Остальные 5,2 млн. чел., подлежащие рекрутской повинности, не могли быть взяты в армию по экономическим соображениям: производительность крепостного труда была очень низкой, и слишком большое отвлечение рабочих рук в армию грозило стране хозяйственным крахом.— 206.
2) Снабжение русской армии оружием вследствие чрезвычайной слабости военной промышленности крепостной России производилось в основном за счет государственных запасов. Но к 1856 г. из миллиона с лишним ружей, хранившихся на складах, осталось в наличности лишь 90 тыс.; из 1656 полевых орудий — лишь 253 и т. д. (ЦГВИА, ф. I-л, св. 1687, д. 22604, лл. 17—19).— 207.
3) За одиннадцать месяцев обороны Севастополя защитниками его были израсходовано свыше 250 тыс. пудов пороха (ЦГВИА, ф. 173, д. д. 1, л. 224).— 207.
4) За 1854—1855 гг. Россией на войну было затрачено 800 млн. руб., что равнялось трехлетнему доходу государства. В результате к 1856 г. дефицит бюджета превысил 300 млн. руб. Таким образом, военные расходы, о которых говорит Милютин, покрывались почти исключительно новыми выпусками бумажных денег, в связи с чем в стране разрасталась инфляция (ЦГИАЛ, ф. 722, д. 215, лл. 1—6; ЦГВИА, ф. 69, д. 20, лл. 4—5).— 207.

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО ДЕКАБРИСТА А. О. КОРНИЛОВИЧА

Публикуемое письмо видного историка-декабриста А. С. Корниловича[1], не вошло в том «Сочинений и писем» этого автора, вышедший в свет в 1957 г.[2].

Письмо, адресованное брату декабриста Михаилу, было написано 13 октября 1832 г. в Петропавловской крепости, задержано жандармами и ныне обнаружено в фонде III отделения е. и. в. канцелярии.

Как известно, чтение античных авторов с их классическими образцами республиканских добродетелей и патриотизма сыграло значительную роль в формировании мировоззрения русских революционеров первой четверти XIX в.— Пестеля, Рылеева, Муравьева и др. Известно также, что декабристы переводили некоторых из античных авторов. Однако очень мало сведений о том, каких принципов они придерживались в своей переводческой работе. Вновь найденное письмо Корниловича помогает ответить на этот последний вопрос.

---

[3] В тексте ошибочно: «войны».

[1] В «Историческом архиве» было опубликовано письмо Корниловича к известному археографу П. М. Строеву. 1956, № 4, стр. 255—259.

[2] А. О. Корнилович. Сочинения и письма. Издание подготовили Б. Б. Кафенгауз и А. Г. Грумм-Гржимайло. М.— Л., 1957, стр. 474.

Корнилович, который «первые мысли»[3] своего свободолюбия почерпнул в ранней юности из древних авторов, вернулся к ним и в период своего пребывания в Петропавловской крепости в конце 20-х — начале 30-х годов. Находясь в заключении, он усиленно занимался переводами Тацита, а затем Тита Ливия.

Перед «великим Тацитом», которого «одушевляло негодование» против императорского деспотизма, преклонялись Никита Муравьев, Федор Глинка и многие их товарищи. С восхищением читали члены тайного общества и сочинения панегириста республиканского Рима Тита Ливия. Несколько переводов из его книг опубликовал еще в 1817—1818 гг. Ф. Н. Глинка[4]. А. О. Корнилович высоко ценил обоих римских историков и, хорошо понимая разницу их стилей, стремился отразить эту разницу в своих переводах — «в Таците сжатость и силу, в Тите Ливии блеск, плавность, полноту»[5].

Мысли о необходимости верно передавать не только смысл, но и все оттенки слога римских историков и притом строго соответствующим духу древности языком Корнилович и развивает в публикуемом ниже письме.

Переводы А. О. Корниловича и в особенности перевод Тита Ливия, отрывки из которого он собирался уже опубликовать, видимо явились бы значительным шагом вперед в области научного перевода античных историков, однако эти переводы, оставленные при отъезде декабриста на Кавказ в Петербурге, впоследствии затерялись.

Ниже публикуется текст письма[6].

С. С. Волк

Письмо декабриста Александра Корниловича своему брату Михаилу[7]

13 октября 1832 г.

Люди в именины получают подарки, а ты, любезный Михайла,[1)] сам меня даришь. Спасибо тебе за письмо. Не имев от тебя два месяца вести, я было совсем приуныл; уже собирался писать к Балтазару[2)], с вопросом: цел ли ты? Ибо, кроме дружбы нашей, ты теперь глава, одна опора всей семьи; у тебя ищут совета, у тебя пособия; что сталось бы со всеми нами, если б, чего боже сохрани, ты, покинув нас, вздумал нас осиротить? Прошу тебя, милый, вперед пожалей обо мне, не томи столь долгим молчанием. Воображаю, как ты был рад посещению Андрея Кузьмича[3)]. Почтенный старик! Будешь писать к нему, скажи ему мою любовь и уважение; между тем, дай мне знать, в который корпус помещены его дети?

Друг мой! Я послал к тебе сестрино письмо в надежде, что оно примирит тебя с Августином[4)]; но с горестию вижу, что твои предубеждения против него всегда те же. Странное дело! Это у тебя с самого малолетства, и думаю, причиною тому был едва ли не покойный Степан Иванович[5)]. В бытность мою дома я пригляделся к быту Августина; не говорю, что он безгрешен, но и то правда, что ты также к нему несправедлив. Мне легко было бы оправдать его в упреках, какие ему делаешь, но разуверю ли я тебя? Ты останешься при своем мнении и меня же назовешь пристрастным. Скажу одно, я неведь чего бы не дал, чтобы искоренить твою неприязнь к нему, поселить между вами такую привязанность, какая связывает нас двух.

---

[3] ЦГИАМ, ф. 48, д. 421, л. 12 об.

[4] Ф. Глинка. Рассуждение о необходимости деятельной жизни. СПб., 1818, стр. 24; Н. Муравьев. Мысли об «Истории государства Российского» Карамзина. «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 586.

[5] А. О. Корнилович. Сочинения и письма, стр. 344.

[6] Сверка текста публикуемого ниже письма с оригиналом была произведена Л. М. Шалагиновой, за что приношу ей благодарность.

[7] Над текстом документа жандармская резолюция: «Удержать», сделанная темными чернилами.

Благодарю тебя за шубу. Вместе с тем прошу тебя, друг мой, научи меня, каким образом положить меру или дать по крайней мере другое направление твоей щедрости? У меня, сверх твоей, две шубы, одна волчья, одна енотовая, калмыцкий тулуп, один халат на вате и два летних. Впрочем, не будь у меня этого ничего, спрашиваю: к чему мне шуба? В дорогу я не отправляюсь[6], а иначе куда мне с нею? Ведь я живу же не в подвале, а в топленой, теплой комнате[8], и согласись, что в этакой шубе слишком жарко. Я все-таки принял подарок с признательностью, ибо он от тебя; но спрашиваю: не лучше ли было бы, если у тебя завелись лишние деньги и ты хотел их непременно употребить на меня, приберечь их до времени и дождаться, пока я объясню тебе мои нужды, вместо того чтоб лишать себя удовольствия оказать мне услугу полезную и у меня отнимать смелость искать твоего пособия? Я писал к тебе не один раз, что я сыт, обут, одет, и одно, чем ты можешь меня одолжить,— присылка книг, и тех с разбором. Но ты, бог тебя ведает почему, мне не веришь. Между тем мне, не далее как при нынешней моей работе, весьма бы пригодилось для справок несколько сочинений, о которых я и хотел просить тебя; но теперь и не упоминаю, и, гневайся — не гневайся, не упомяну об них ни слова, во-первых, в наказание тебя за недоверчивость, во-вторых, потому, что не хочу брать на душу греха, что тебя разоряю.

Верю очень, друг мой, что непогода тебе помехой в занятиях. Впрочем, думаю, они скоро и совсем прекратятся: зима на дворе. Скажи мне, имел ли ты время среди своих поездок помыслить о сердечных обстоятельствах? Сбудутся ли мои надежды? Обрадуешь ли меня в конце нынешнего года сестрою? Моя работа помаленьку подвигается.

Я уже перевел полторы книги Тит-Ливия, более 150 страниц; в конце месяца надеюсь сбыть с рук первый том. Не дивись медленности; две тому причины: одна, что дорожа здоровьем, не смею трудиться, сколько бы хотел, другая — свойство работы. Говорят, что писать труднее, чем переводить. Согласен, в таком сочинении, где, не думая, машинально перелагаешь на свой язык смысл подлинника, но совсем не то, когда имеешь дело с писателем образцовым. В сочинении мне только нужно хорошо ознакомиться с предметом, обойми я его со всех сторон, слог, мысли придут сами собою, но тут я чувствую своим чувством, думаю своим умом. В переводе же, кроме труда выливать свой язык в формы языка, с которого переводишь, приискивать равнозначащие, равносильные слова, выражения, надобно поставить себя в положение автора, сродниться с его духом, принимать все впечатления, под влиянием которых он писал свою книгу. Там я полный себе господин, здесь рабски должен следовать за прихотями переводимого писателя. Эти трудности, общие всем переводчикам хороших книг, гораздо значительнее при переводе древних писателей. Древние жили совершенно в отличном мире; имели свои обычаи, уставы, веру, образ воззрения на предметы. Многое из их быта утрачено или не довольно объяснено, а от этого и множество комментаторов, и неуверенность в переводчике, что он совершенно понял своего автора. Наконец, затруднение, принадлежащее нам, русским, что у нас не образовался еще язык для перевода древних писателей. Тебе покажется странным сие выражение, но оно не менее справедливо. Объясню тебе это примером. Переводя Жомини[7], я могу поместить слова авангард, арриергард, траншея и пр., но в Тит-Ливие, где одно из главных достоинств — чистота языка, должно мне будет употребить передовой полк, сторожевой полк, закопы и пр. Этаких слов множество, но они не вошли еще в употребление, потому что у нас не было еще оригинальных военных писателей. Приискивать сии слова, при недостатке наших пособий, чрезвычайно трудно. У меня есть академический словарь, который до невероятности неполон.

---

[8] Подчеркнуто темными чернилами.

Самых обыкновенных слов не находишь, подавно таких, кои только и отыщешь в древних, старинных книгах. Впрочем самые сии трудности имеют свою приятность. Я, любезный, провожу время с удовольствием и нередко имею счастливые минуты. А потому прошу тебя, не беспокойся обо мне и помолись богу за начальство, коего снисхождению я обязан этой радостью.

Александр

ЦГИАМ, III отд., Секр. архив, бумаги Корниловича, 1831—1832 гг. д. 36, лл. 32—33 об.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) М. О. Без-Корнилович (1796—1856), брат декабриста. Впоследствии был известен как историк Белоруссии.
2) Корнилович Балтазар Андреевич — троюродный брат декабриста.
3) Корнилович Андрей Кузьмич — двоюродный дядя декабриста.
4) Корнилович Августин Иванович — муж сестры декабриста.
5) Корнилович Степан Иванович — дядя декабриста.
6) А. О. Корнилович не предполагал, что уже через месяц будет в пути на Кавказ.
7) А. Жомини — историк, на русской службе с 1813 г. Это единственное и к тому же не вполне определенное упоминание о том, что Корнилович переводил его труды.

Критика
Библиография

ДОКУМЕНТЫ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНА[1]

Начавшийся после XX съезда КПСС творческий подъем сказался и на росте публикаторской работы по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Следует отметить, что хотя в последнее десятилетие появилось несколько сборников документов по истории социалистического преобразования промышленности и истории советского рабочего класса, но сделано в этой области еще очень мало. Начатая в Ленинграде в 30-х годах работа по изданию документов по истории таких заводов, как Путиловский,— не получила своего развития. Между тем публикации подобного рода способствовали бы не только созданию научной истории отдельных предприятий и целых промышленных районов, но и помогли бы изучению истории рабочего класса.

О формировании в 1918—1920 гг. продотрядов в старых промышленных районах РСФСР, о субботниках 1919—1920 гг., о трудовом героизме рабочих в годы гражданской войны было издано немало документов в журналах. По этому периоду имеется и несколько сборников документов. Хуже обстоит дело с опубликованием источников периода восстановления и реконструкции народного хозяйства. Плохо освещаются изданными материалами вопросы индустриализации, коллективизации сельского хозяйства.

Тем более ценен почин научных работников Института истории Азербайджанской Академии наук, Азербайджанского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Архивного управления МВД Азербайджанской ССР, подготовивших фундаментальный сборник документов и материалов о социалистической индустриализации Азербайджана. Хронологические рамки сборника (1926—1932 гг.), разумеется, не позволяют составить законченное представление о процессе индустриализации этой советской республики в целом, но избранный составителями период после XIV съезда ВКП(б) и до конца первой пятилетки является решающим в социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. В структуре сборника правильно сочетается историко-хронологический и тематический принципы группировки материала.

Сборник состоит из трех разделов: первый — «Начало социалистической индустриализации в Азербайджане (1926—1928)» —носит вводный характер; второй, основной раздел — «Рабочий класс Азербайджана в борьбе за выполнение плана первой пятилетки (1928—1932)», на который приходится 58% всего объема книги и, наконец, третий, заключительный раздел — «Итоги первой пятилетки в промышленности Азербайджана».

Опубликованные документы показывают, как социалистическими методами решалась труднейшая проблема строительства современной крупной, тяжелой по преимуществу, промышленности — проблема накопления. Ленинская идея о строжайшей экономии средств для развития тяжелой промышленности нашла отражение в ряде партийных и правительственных документов, приведенных в настоящем сборнике (см. док. № 19 и др.).

Рабочие были кровно заинтересованы в осуществлении социалистической индустриализации. В силу этого стала возможной рационализация производства и сокращение непроизводительных расходов при участии широких рабочих масс. Одной из важнейших форм участия тру-

[1] Социалистическая индустриализация Азербайджана (1926—1932 гг.). Документы и материалы под редакцией М. С. Искандерова и Е. А. Токаржовского. Изд. АН Азербайджанской ССР. Баку, 1957, 627 стр.

дящихся в улучшении производства являются производственные совещания. Партийные комитеты заботились о том, чтобы руководители предприятий со всей серьезностью отнеслись к рабочим предложениям и решениям производственных совещаний. В директиве Бакинского комитета партии от 8 декабря 1926 г. говорилось: «Добиться решительного поворота в деле проведения решений производственных совещаний в жизнь. Ни одно из решений производственных совещаний не должно попадать под сукно. О судьбе каждого решения рабочая масса должна своевременно получать подробный и обстоятельный ответ — проведено ли оно в жизнь и, если не проведено, то что этому препятствовало» (док. № 22).

Социалистический характер индустриализации Азербайджана сказался и в том, что одновременно с развитием промышленности повышалось и благосостояние рабочих. К этому следует добавить такой существенный фактор, как быстрое сокращение безработицы и ликвидация ее в основном к третьему году пятилетки. В обзоре деятельности правительства Азербайджанской ССР за 1929—1930 гг. говорится: «Рост и развитие промышленности и народного хозяйства, а также строительство новых фабрик и совхозов вызвало большую потребность в рабочей силе и привело в основном к ликвидации безработицы» (док. № 438).

Опубликованные в сборнике документы свидетельствуют о достижениях в росте реальной заработной платы, обусловленных, в первую очередь, значительным снижением розничных цен и вытеснением из товарооборота частника (док. №№ 447, 453, 479, 480), об улучшении медицинской помощи и охране труда (док. №№ 449, 483), о введении 7-часового рабочего дня (док. №№ 455, 456, 460, 461, 462), о жилищном, коммунальном строительстве (док. №№ 457, 464, 465, 472, 473, 476), о строительстве школ, клубов и переходе к всеобщему начальному обучению (док. №№ 485, 486, 488, 489 и др.). Показательны данные о росте грамотности населения Азербайджанской ССР (док. № 486) с 18,5% в 1926 г. до 50% в 1933 г. (в 1917 г. процент грамотности достигал лишь 9,3%).

Все это было достигнуто под руководством большевистской партии, при братской помощи русского народа, в борьбе с сопротивлением эксплуататорских элементов.

Курс партии на социалистическую индустриализацию встретил сопротивление также и врагов ленинизма внутри партии — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и прочих оппозиционеров, но рабочие Азербайджана сплотились вокруг партии и ее ленинского ЦК и дали должный отпор оппозиционерам. В обращении в ЦК и в Бакинский комитет партии рабочие механического завода имени П. Монтина писали: «Никакие клеветнические обвинения правых оппортунистов не смутят нас и не поколеблют нашего доверия ленинскому ЦК ВКП(б). Фракционерам-оппортунистам дадим жестокий отпор. Никакие трудности нас не пугают. Мы знаем, что шли и идем по верному пути» (док. № 136).

Правые оппортунисты выступали против напряженных темпов индустриализации страны. Нефтяники Баку понимали необходимость ускоренных темпов хозяйственного строительства и единодушно поддерживали политику партии и в этом вопросе. «...Генеральная линия партии на быстрый темп индустриализации,— писали нефтяники бухты имени Ильича,— есть наша общая пролетарская линия, и мы от нее не отступим ни на шаг. Мы нашу бухту создали на месте, где бушевало Каспийское море. Темп, с которым мы воздвигали за эти 5 лет свыше 200 буровых на дне моря, выше американского темпа — это наш пролетарский темп. Мы должны перегнать все передовые капиталистические страны. Эту дерзкую задачу мы выполним» (док. № 119).

Рецензируемый сборник, показывающий решающую роль рабочего класса и его партии в индустриализации Азербайджана, несомненно имеет большое познавательное и воспитательное значение. Документы сборника позволяют сделать вывод, что восстановление народного хозяйства в Азербайджане было завершено к началу 1927 г.

В резолюции XVI Бакинской партийной конференции констатируется, что в хозяйстве Азербайджана «восстановительный период нужно считать законченным» и что народное хозяйство республики (промышленность Баку, в первую очередь) вступило в полосу перестройки на более высокой технической основе (док. № 23). Важнейшим моментом технической реконструкции нефтяной промышленности был переход от допотопного способа добывания нефти желонками — тартанья к глубоконасосной добыче ее. Уже в первые годы индустриализации СССР стало ясно, что может дать сочетание передовой техники с передовым общественным строем, с социалистическими производственными отношениями, порождающими трудовой героизм рабочего класса.

Документы показывают, как претворялась в жизнь ленинская идея электрификации всей страны, ведущую роль электрификации в социалистической реконструкции всего народного хозяйства. В сборнике приведен ряд документов об электрификации новых, ранее отсталых промышленных районов Азербайджана, об электростанциях не только районного, но и местного значения (док. № 305), о строительстве электростанции в Ленкорани (№ 84— постановление Совнаркома от 2 января 1928 г. о постройке Ганджинской электростанции).

В Гандже, Нухе, Кубе реконструирова-

лись и строились главным образом предприятия легкой промышленности: хлопчатобумажной, суконной, шелкомотальной, кожевенной, швейной (док. №№ 85, 294 и др.). Развертывание тяжелой промышленности характеризуют директивы о мероприятиях по развитию нефтяного промысла Лок-Батан (док. № 367), о строительстве Дашкесинского металлургического комбината, а также сообщение о вновь построенном нефтепроводе Баку — Батум (док. №№ 306, 307).

Среди документов второго раздела большой интерес представляют материалы о подъеме промышленного производства в ходе выполнения первой пятилетки, неразрывно связанные с материалами о массовом социалистическом соревновании и ударничестве, социалистическое соревнование было душой первой пятилетки. В собранных здесь документах показано, что социалистическая индустриализация, будучи воплощением ленинских планов и решений XIV съезда партии, в то же время была массовым движением миллионов трудящихся, строящих новую жизнь.

В группе документов, открывающих раздел о социалистическом соревновании, наибольший интерес представляет «Хозяйственно-политический договор на соцсоревнование между нефтяниками промыслов Новогрозненского и Сураханского районов» (док. № 181). К сожалению, в рецензируемом сборнике соревнованию-перекличке между нефтяниками Баку и Грозного уделено мало места. Лучше освещены последующие этапы социалистического соревнования — лето 1930 г. (соревнование в связи с XVI съездом ВКП(б) и соревнования в сентябре 1930 — марте 1931 гг., когда решался успех борьбы за выполнение пятилетки по добыче нефти в 2,5 года). Исходным пунктом этого этапа было обращение ЦК ВКП(б) 3 сентября 1930 г. (док. № 237). Представляет интерес док. № 148, в котором отражены непосредственные отклики рабочих на обращение ЦК ВКП(б) (см. также док. № 244). О выполнении пятилетки в 2,5 года нефтяниками Баку говорится в их рапорте ЦК ВКП(б) (док. № 342).

Хорошо показано в сборнике соревнование как форма товарищеской помощи передовых предприятий отстающим. Ряд документов ярко и убедительно свидетельствует о товарищеской помощи передовых коллективов нефтепромыслов Баку нефтяникам Грозного, Майкопа и других отстающих по выполнению производственной программы районов. Очень интересен договор «круговой социалистической поруки» за выполнение пятилетнего плана по нефти, заключенный 16 октября 1930 г. между нефтяниками Азербайджана, Северного Кавказа и Дагестана (док. № 250). Социалистическая взаимопомощь сыграла огромную роль в выполнении нефтяной пятилетки в 2,5 года. В док. №№ 262 и 266 показано, как нефтяники Баку с апреля 1931 г., т. е. после выполнения нефтяной пятилетки, организовали помощь донецким шахтерам. Подобного рода документы характеризуют «внутренние пружины» хозяйственных успехов СССР, новые стимулы и тенденции развития экономики, новые закономерности. Социалистическая взаимопомощь и взаимоподдержка — вот что характерно для новых, товарищеских, братских взаимоотношений между республиками и народами, вставшими под знамя социализма.

Бакинские нефтяники поддерживали тесные дружеские связи не только с нефтяниками соседних республик и областей, но и с рабочими Германии. В сборнике помещен ряд документов, характеризующих тесные связи между редакциями бакинской газеты «Вышка» и берлинской «Роте фане». Делегация берлинских рабочих в мае 1931 г. привезла в Баку знамя газеты «Роте фане». Рабочие первого и второго участков третьего промысла Судаханского района 12 июня 1931 г. писали: «Приветствуем постановление пленума краевого комитета Союза нефтяников и призыв «Вышки». Включаемся в борьбу за знамя «Роте фане».

Мы обещаем принять все меры к выполнению намеченного оперативного плана за июнь, бороться не только за новые, но и за старые скважины. Социалистическое соревнование, закрытие прорыва, поголовный охват рабочих, служащих и административно-технических работников подпиской на заем Третьего, решающего года пятилетки — вот путь нашей борьбы за знамя германских пролетариев» (док. № 269).

Сборник имеет большое познавательное и воспитательное значение, так как в нем языком документов убедительно говорится о преимуществах советского строя, о роли рабочего класса как ведущего класса советского общества, подлинного хозяина страны. Документы сборника убедительно свидетельствуют о сплочении рабочих масс вокруг партии, об их поддержке ленинского Центрального Комитета в его борьбе против оппортунистов, ревизующих теорию марксизма-ленинизма.

Тем не менее сборник документов не лишен недостатков, в числе которых следует отметить почти полное отсутствие в нем документов, характеризующих индустриализацию таких районов Азербайджана, как Ганджинский, Нухинский и Кубинский. Девять десятых документов сборника посвящены нефтяникам Баку. Крайне незначителен удельный вес документов, говорящих об индустриализации отсталых районов Азербайджана, где в годы Советской власти быстрыми темпами развивалась главным образом легкая промышленность. Для нового социалистического развития Азербайджана характерно приближение хлопчатобумажной промышленности к ее сырьевой базе. В центре хлопкового района Азербайджана — Ган-

дже в эти годы возник второй промышленный центр республики. На Ганджинской прядильно-ткацкой фабрике к 1932 г. было установлено 60 тысяч веретен и 2400 автоматических ткацких станков. «Создание в отсталой крестьянской стране,— говорится в итоговом документе о выполнении плана первой пятилетки,— мощного текстильного предприятия по последнему слову техники является крупнейшим достижением последней пятилетки и событием большого хозяйственно-политического значения в истории советского Азербайджана» (док. № 400).

Шерстяная и шелко-мотальная промышленность республики была реконструирована и поднята до уровня современной крупной индустрии; тот же процесс шел и в кожевенной промышленности. «В результате реконструкции кожевенные заводы превратились из полукустарных мастерских в предприятия, отвечающие требованиям современной техники» (там же).

Если темпы развития азербайджанской промышленности в целом были выше общесоюзных, то темпы развития легкой промышленности в Ганджинском, Нухинском и Кубинском районах были выше, чем в нефтяной промышленности Баку. Так шел процесс ликвидации вековой отсталости в этих характерных для Азербайджана районах, где состав рабочих был иной, национально более однородный, чем в многонациональном Баку. Здесь наиболее интенсивно шел процесс формирования национальных кадров азербайджанского рабочего класса.

Слабый показ этого процесса является одним из существенных пробелов рецензируемого сборника. Об изменениях в составе рабочего класса республики ничего не говорится и во вводной статье. Лишь один документ освещает вопрос об изменениях в национальном составе членов профсоюзов Азербайджанской ССР за 1931—1934 гг. (док. № 446).

К недостаткам структурного порядка следует отнести чрезмерную дробность тематических групп (параграфов), особенно во втором разделе. В результате — необъяснимый разрыв между взаимосвязанными документами. Так, обращение Центрального Комитета 3 сентября 1930 г. дано на стр. 314 (док. № 237), а отклики на него 13—16 сентября на стр. 213 (док. № 148), т. е. раньше. Переписка между редакциями газет «Роте фане» и «Вышка» (апрель 1931 г.) дана на стр. 436 и 450 (док. № 346 и 356), а отклики на присылку берлинскими рабочими в Баку знамени газеты «Роте Фане» даны выше — стр. 346 и 347 (док. № 208 и 209), т. е. опять-таки отклики на факт даны раньше, чем сообщается самый факт.

В произвольном порядке помещена в сборнике группа документов о выполнении пятилетки по нефти в 2,5 года. Сначала в док. №№ 260 и 262 о выполнении пятилетки говорится, как о совершившемся факте, а затем — в док. №№ 341, 342 помещены основные документы по этому вопросу (рапорт бакинских нефтяников и постановление ЦИК СССР 31 марта 1931 г.), что не может не вызвать недоумения у читателей.

В предисловии перечислены архивы, из которых извлечены публикуемые в сборнике документы. Но о том, какие фонды были изучены составителями, не сказано ничего. Не оговорено, в каких случаях и в силу каких обстоятельств материалы периодической печати восполняют пробелы в архивных фондах.

В предисловии не оговорены также способы передачи текста документов (например, какие сокращения слов даны в полном написании без квадратных скобок). В списке сокращений (стр. 626—627) часто встречаются мало употребительные названия организаций —«КУКАФ», «Каспар» и т. п. Их следовало бы расшифровать в тексте или в подстрочных примечаниях. Не оговорены в предисловии принципы датировки документов. Читателю неясно, когда он имеет дело с датой самого документа, когда она заменена датой его публикации или примерной датой, установленной редакцией по его содержанию. В легендах дано название архива и точный шифр, но нигде не оговорено, воспроизводится ли текст по подлиннику, машинописной копии, типографскому оттиску и т. п. В предисловии нет никакого упоминания о купюрах. В подстрочных примечаниях также не оговорено, какая часть публикуемого документа и по каким мотивам опущена.

Предисловие к сборнику скорее носит характер вводной статьи, а элементы археографического предисловия («от составителей») крайне недостаточны. Научный аппарат сборника весьма легковесен. Указатели отсутствуют, а примечания носят случайный характер. Почему-то первые девять примечаний (из 17) носят характер биографических справок.

Следовало бы подумать, правильно ли давать документы на азербайджанском языке без перевода их на русский язык или хотя бы без подстрочного примечания о содержании этих документов.

В целом же сборник заслуживает одобрения.

Желательно, чтобы примеру бакинских историков (избежав их недочетов) последовали научные работники других союзных республик и осветили в документах крайне важную тему о социалистической индустриализации советских республик.

Д. А. Баевский

* * *

Присоединяясь к положительной оценке сборника о социалистической индустриализации Азербайджана, мы считаем необходимым сделать ряд дополнительных замечаний по вопросу об археографической обработке публикуемых документов.

Многие заголовки к документам неправильно отражают их содержание. Так, в док. № 376 говорится не о выполнении производственной программы Азнефтью (как называют его составители), а только об улучшении работы (план выполнен на 91,2%), главное же содержание документа — сведения о награждении передовых предприятий — вообще не отражено в заголовке. Док. № 311 является не резолюцией бюро партийной организации, а резолюцией общего собрания рабочих и служащих завода им. Джапаридзе. В док. № 163 речь идет не о «вызове на соревнование рабочих Сталинского, Ворошиловского, и Шаумяновского районов» (как сказано в заголовке), а о требовании добиться перелома в реализации займа. Док. № 183 озаглавлен договором о соревновании, в то время как его следует назвать обязательством рабочих.

В заголовках ряда документов отсутствует авторский признак (док. №№ 44, 87, 149, 151, 371, 398, 400 и др.). Автор док. № 295 указан в подстрочном примечании.

Несколько замечаний относительно датирования документов: некоторые важные документы датированы приблизительно (док. №№ 238, 318, 328, 329, 340 и др.), между тем как путем привлечения дополнительных источников и анализа содержания эти документы можно было бы датировать точнее. Обоснования датировки не даются ни в одном случае, поэтому непонятно, какими соображениями руководствовались составители при датировании документов, извлеченных из книг и статистических сборников. Так, например, документы из книги «Азербайджанская нефтяная промышленность в 1933 г.» (год издания 1935) датированы 1933 г. (док. № 389), 1935 г. (док. № 399) или вообще не датированы (док. № 480).

Имеется ряд и прямых ошибок в датировке. Грубая ошибка, например, допущена в док. № 204: вместо января 1931 г. он датирован январем 1930 г., к тому же, документ неправильно озаглавлен. В рапорте идет речь не о перевыполнении плана третьего года пятилетки, а о перевыполнении плана особого квартала 1930 г. и о включении во Всесоюзный конкурс на лучшее предприятие. Очевидные ошибки в датировке (или в тексте документов) имеются и в док. №№ 252, 469, в которых упоминаются постановления с датами, более поздними, чем даты публикуемых документов.

При таком большом количестве и разнообразии документов особенно заметно почти полное отсутствие научно-справочного аппарата. В сборнике отсутствуют даже перечни опубликованных документов и использованных источников. Необходимо было бы дать указатели предприятий и географический.

Приложенные к сборнику список сокращений и примечания выполнены весьма небрежно. Некоторые сокращения раскрыты неправильно. Например: БСПО — «союз (а не «совет») потребительских обществ», Баксовет — Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (а не «депутатов трудящихся»), ИТС — инженерно-техническая секция (а не «силы»). Ряд непонятных сокращений вообще не включен в список: «Гимбослужба», «Убекокаспий» (док. № 18), «ОШП» (док. № 151), «КАСТПО» (док. 252) и т. д. (док. №№ 308, 384, 412, 423, 437, 475 и др.).

Ко всему сборнику составители сделали только 17 примечаний (кроме того, к док. № 420 дана ссылка 18, однако соответствующее примечание почему-то отсутствует). В примечаниях не нашли объяснения многие события и факты, непонятные или забытые и требующие обязательного комментирования: например, упоминаемое в документах №№ 278 и 279 обращение ленинградских ударников, в док. № 310 решения ЦК ВКП(б) о реорганизации управления промышленностью. Вызывает удивление сноска к док. № 264, где упоминаются «ударные бригады имени 518». Вместо беспомощного оправдания «так в документе» составители должны были дать здесь развернутый комментарий о том, что по призыву тульских рабочих в апреле 1931 г. по всей стране развернулось движение по оказанию помощи в строительстве новостроек третьего года пятилетки — 518 новых предприятий и 1040 МТС (ср. док. №№ 157, 158, 362, 374 и др.).

Под изданием подписались технический редактор и три корректора, однако книга пестрит опечатками, грубыми ошибками в датах, бросающимися в глаза. Вот грубейшие из опечаток: в док. № 368 напечатано «НКПТ» (следует «НКТП»), в док. № 400 — «Портроп» следует «Нортроп», в док. 425 должна быть дата не «20 мая», а «20 апреля» 1930 г., в док. № 443—«НРКИ», а должно быть «НК РКИ» и т. д. Нарушен алфавит в списке сокращений. Этот перечень можно было бы продолжить, но и так достаточно ясно, что всех этих досадных ошибок при внимательной сверке можно было легко избежать.

Разобранные недостатки не могут поколебать общей положительной оценки сборника. Он является нужной и интересной книгой, занявшей свое место среди изданий документов и материалов по истории советского общества.

А. С. Дубин, В. И. Старцев

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СССР, вып. V

Академия наук СССР. Институт истории. Редколлегия: А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, Л. Н. Пушкарев. Изд. АН СССР, М., 1957, 877 стр.

Рецензируемый выпуск «Материалов по истории СССР» включает девять обширных публикаций документов, посвященных различным вопросам русской истории XVIII в. Документы, входящие в сборник, можно разделить на три категории: во-первых, характеризующие экономическое развитие России, во-вторых, классовую борьбу, в-третьих, историю культуры и быта. Значение освещаемых вопросов, полнота публикаций, самостоятельное научное значение большинства вводных статей не может не привлечь внимания исследователей.

Выпуск открывается большой группой документов, освещающих развитие в XVII—XVIII вв. одной из малоизученных и своеобразных отраслей производства — кирпичной. Вводная статья Н. В. Воронова имеет вполне самостоятельное научное значение. В ней излагаются особенности кирпичного производства, краткая история учреждений, управлявших этим видом производства, и характеризуется документация, исходящая из этих учреждений. Публикация дает сведения о размерах и характере частного и казенного кирпичного производства, ценах на кирпич, об инвентаре и оборудовании кирпичных заводов, нормах выработки, социальном составе работных людей, их положении и условиях труда, роли мелких, средних и крупных частных предприятий в производстве кирпича, об истории Каменного приказа и тому подобные вопросы. Автор справедливо ограничил публикацию документами, характеризующими кирпичное производство только в Москве, так как по Петербургу имеется довольно большой опубликованный материал, а в других городах кирпичное производство было очень ограничено.

Археографическая обработка документов проведена тщательно. Единственное замечание вызывает то обстоятельство, что Н. В. Воронов не всегда указывает номера описей материалов «Дворцового отдела» ЦГАДА, в то время как «Дворцовый отдел» является очень сложной по составу коллекцией и без таких указаний трудно найти нужное дело. Кроме того, ни во вводной статье, ни в примечаниях не указывается, по какой причине документы о частном производстве отложились в Дворцовом архиве рядом с материалами Оружейной палаты и других дворцовых учреждений.

В публикации П. К. Федоренко приводятся документы по малоизученному в исторической литературе вопросу о железных заводах — «руднях» Левобережной Украины XVIII в. В интересной и содержательной вводной статье составитель дает представление о географии распределения рудень, их истории до XVIII в. и социально-экономическом характере этого производства в XVIII в. Основное внимание как во вводной статье, так и в документах уделяется помещичьим рудням. Автор освещает вопросы обеспечения рудень рабочей силой, условий труда, экономического положения работников, рынков сбыта продукции. На основании публикуемых документов автор правильно характеризует рудни XVIII в. как одну из начальных форм крупной железной мануфактуры. Здесь же читатель находит характеристику литературы по истории вопроса. Почему-то автор не сообщает о своей же статье «„Рудни“ XIV—XIX вв.» (см. «Исторические записки», кн. 57), послужившей основой для исторической части введения к публикации. Публикация содержит 42 документа из фондов Киево-Печерской лавры, Черниговского кафедрального монастыря, Генеральной описи Малороссии, „дел монастырских“, хранящихся в бывшем Киевском архиве древних актов и других хранилищах; 38 из них печатаются впервые. В приложении помещены сведения о ценах на железо в XVIII в., выбранные из фондов Петропавловского монастыря и Стародубовского магистрата Черниговского областного исторического архива, а также из некоторых других фондов.

Ряд документов воспроизводится из архивных фондов, целиком или частично погибших во время Великой Отечественной войны. Это обстоятельство повышает ценность публикации и в то же время требует от составителя более подробной характеристики документов, чем данная во вводной статье.

Известная трудность публикуемого текста требует сопровождения его комментариями отдельных слов, терминов. К сожалению, такие комментарии отсутствуют.

Несомненный интерес представляет ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, подведомственных Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторе, опубликованная Е. И. Заозерской. Это первая по времени сводная ведомость, содержащая сведения о времени основания, размерах и оборудовании предприятий, видах вырабатываемой продукции, рынках сбыта, рабочей силе, социальном положении владельца, размерах затраченного капитала и других вопросах, относящихся к состоянию казенных и частных промышленных предприятий первой трети

XVIII в. Вне всякого сомнения это ценный источник для исследования характера и размеров производства того времени. Документы вносят некоторые уточнения в представления исследователей по отдельным вопросам. Так, в работе Е. И. Заозерской «Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в.» (М., 1953) на стр. 330 утверждается, что московский кожевенный «завод» В. Зайцева возник в 1723 г., в то время как в публикуемых документах содержится указание на возникновение этого предприятия в 1722 г. (стр. 275).

Публикации предпослан словарь устаревших слов и технических терминов, но, к сожалению, не полный. В частности, не объяснено понятие «юфть хлеба», слова «готелист», «баселист» и некоторые другие.

Важное значение для изучения вопроса о генезисе капитализма в России имеет публикация А. М. Разгона, включающая в себя «описания» шереметевских промышленно-торговых сел Иванова и Васильевского, составленные «земскими» (выборными крестьянами) вотчинных правлений. «Описания» сел, составленные самими крестьянами, представляют один из самых ценных видов документов по истории крестьянства, тем более, что они очень редко встречаются в архивохранилищах. Последнее обстоятельство, видимо, послужило причиной того, что подобные «описания» в целом виде ранее никогда не публиковались. Несмотря на то, что «описания» хронологически относятся к XIX в. (составлены в 1802 г.), они дают ясное и достаточно полное представление о процессах, происходивших в помещичьей деревне нечерноземной полосы конца XVIII в. Читатель находит в них интересные сведения о количестве населения в селах, размерах и качестве земельных наделов, урожаях, посевных культурах и ценах на сельскохозяйственные продукты, о крестьянских повинностях, а главным образом, о неземледельческих занятиях крестьян, их работах на фабриках, промыслах, торговле и о классовом расслоении крестьян, основанном по преимуществу на неземледельческих занятиях. Публикация сопровождается хорошо составленными комментариями.

В публикации Ф. Г. Сафронова приводятся ведомости о посеве, урожаях хлеба, составе и соотношении посевных культур, обеспечении хлебом крестьян русских селений и ясачных якутов Олекминского уезда за 1804—1810 гг. Эти документы вновь подтверждают, что распространенное ранее в исторической литературе мнение о позднем (с середины XIX в.) развитии земледелия в Якутии является ошибочным. Подборка свидетельствует о большом распространении земледелия в одном из трех уездов Якутии в первом десятилетии XIX в. Несмотря на несомненный общий интерес публикуемых документов, помещение их в сборнике, посвященном XVIII в., представляется сомнительным.

Публикации Е. П. Подъяпольской и Н. Ф. Демидовой посвящены истории классовой борьбы XVIII в. Несмотря на то, что к настоящему времени издано большое количество документов о восстании под предводительством К. А. Булавина, многие вопросы, относящиеся к этому восстанию, еще не выяснены. В частности, осталась нераскрытой деятельность ряда руководителей восстания. Колоритная фигура Булавина заслонила от исследователей его сподвижников, спорным является вопрос о гибели Булавина. Ответы на эти вопросы частично имеются в ценной публикации Е. П. Подъяпольской. Она содержит 10 документов, хранящихся в фондах ЦГАДА и ЦГАВМФ, а также сообщение о поражении восставших под Азовом и о гибели Булавина, изданное в 1708 г. на латинском и немецком языках и оставшееся неизвестным библиографам восстания.

Особенно большой интерес для исследователей представляют два первых документа — «послужные списки», или подробные отчеты руководителя подавления восстания В. В. Долгорукого о «донском походе» в апреле — сентябре 1708 г. и «донецком походе» против Н. Голого в сентябре — ноябре 1708 г. Мы находим в них связную и сравнительно полную фактическую историю восстания. Хотя большинство сообщаемых сведений уже известно из опубликованных ранее источников и документов, но в данных документах содержится много новых важных моментов, имеющих значение для уяснения хода восстания, деятельности его руководителей, района движения. Мы узнаем из них о бахмутском есауле Михаиле Скоробогатом, Петре Федорове, Николае Колычеве, Семене Селиванове, Иване Рысколове, о которых в ранее опубликованных документах упоминалось лишь вскользь. Ярко освещается деятельность ближайшего сподвижника Булавина — Н. Голого. Интересен материал о движении в районах, удаленных от главного театра действий восстания — в Борисоглебском, Тамбовском, Козловском и Тверском уездах.

Во вводной статье, наряду со сжатым историко-библиографическим очерком восстания, содержится небольшой исследовательский этюд о причинах гибели Булавина. На основании данных настоящей публикации и других источников автор приходит к выводу о недостоверности распространенной в литературе версии о самоубийстве Булавина и убедительно доказывает, что Булавин был убит Н. Зернщиковым и другими представителями казацкой старшины, изменившей делу восстания.

Вторая публикация по истории классовой борьбы содержит ведомости об уча-

сти нерусского населения Башкирии и в крестьянской войне 1773—1775 гг. Вопрос об участии народов Поволжья в крестьянской войне Е. И. Пугачева неоднократно освещался в исторической литературе, однако публикуемые Н. Ф. Демидовой четыре ведомости, извлеченные из находящихся в ЦГАДА фондов Канцелярии оренбургского губернатора Рейнсдорпа, Исетской провинциальной канцелярии и личного фонда Паниных, вносят новые данные о степени участия различных социальных групп нерусского населения Башкирии в крестьянской войне, о взаимоотношениях русского правительства с башкирскими и мишарскими феодалами, о расколе внутри башкирских, мишарских и татарских общин. Две последние ведомости имеют непосредственное отношение к подготовке изменений в управлении башкирским краем в связи с общей реформой управления, как реакцией правительства на крестьянскую войну.

Обе публикации по истории классовой борьбы в XVIII в. сопровождаются исчерпывающими примечаниями, свидетельствующими о большой исследовательской работе составителей.

Несомненный интерес для историков представляют опубликованные С. Н. Валком первоначальный татищевский список Русской Правды в редакции 1740 г. и последний по времени список в редакции 1749—1750 гг. Во вводной статье С. Н. Валк освещает историю возникновения различных редакций татищевских списков Русской Правды, дает их критический анализ, связывая его с политическими и историческими воззрениями В. Н. Татищева, рассматривает литературу вопроса. Эта публикация, как и вводная статья, является ценным вкладом в историографию выдающегося русского законодательного памятника.

Заключает выпуск публикация В. И. Самсонова с вводной статьей Ф. И. Лаппо. Она содержит дневник курского помещика И. П. Анненкова за 1745—1766 гг., в котором читатель найдет сведения об урожаях, ценах на хлеб и другие продукты, о связи помещичьего хозяйства с рынком, применении наемного труда в хозяйстве помещика, о бегстве крестьян, а также сведения по истории помещичьего быта, интересов, культурного уровня русского провинциального помещика. Во вводной статье освещается краткая история рода Анненковых и дается представление о дневнике как историческом источнике. Обращение к такого рода источникам, как помещичьи дневники, проливающие свет на внутреннюю историю вотчины, следует всячески приветствовать.

В выпуске имеется именной и географический указатели, составленные З. Н. Бочкаревой. Прежде, чем давать общую оценку сборника, необходимо отметить одну досадную деталь — недосмотры составителей сборника, приведшие к некоторым неладам с элементарной арифметикой. В небольшой статье «От редакции» на стр. 3 говорится, что «выпуск заканчивается тремя подборками, также представляющими интерес для изучения истории России». Однако имеются в виду лишь две подборки — татищевские списки Русской Правды и дневник Анненкова. Во вводной статье П. К. Федоренко на стр. 129 говорится, что «отобрано для данного собрания 42 документа, которые публикуются впервые... Кроме них, четыре документа... взяты из печатных изданий». Таким образом, получается, что опубликовано 46 документов, а в действительности всего 42.

В целом настоящее издание широтой поставленных вопросов, обстоятельным подбором документов, целеустремленностью проблематики представляет значительную научную ценность. За последние годы вышло пять выпусков «Материалов по истории СССР», зарекомендовавших себя как серьезное, стоящее на современном научном уровне, издание исторических источников.

С. И. Волков

ДОКУМЕНТЫ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИРИИ В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.[1]

На протяжении почти четверти века ведется большая и плодотворная работа по выявлению и публикации материалов по истории Башкирии XVII—XVIII вв. Начало этому было положено покойным А. П. Чулошниковым, и в 1936 г. вышел в свет подготовленный под его руководством I том, часть 1 «Материалов по истории Башкирской АССР», посвященный социально-экономическим отношениям и башкирским восстаниям XVII — первой половины XVIII вв. В 1940—1941 гг. им был подготовлен к печати II том «Материалов» о башкирском восстании 1755 г., но в связи с начавшейся войной книга не была выпущена в свет. В 1942 г. А. П. Чулошников умер в осажденном Ленинграде,

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50—70-х гг. XVIII в., т. IV, ч. 1 и ч. 2. М., 1956. Составитель Н. Ф. Демидова, редактор А. Н. Усманов, ответственный редактор Н. В. Устюгов.

и издание материалов по истории Башкирской АССР временно прекратилось.

В послевоенное время работа была возобновлена старшим научным сотрудником ЦГАДА Н. Ф. Демидовой под руководством Н. В. Устюгова. Было решено первоочередное внимание обратить на публикацию документов социально-экономического характера. Поэтому в 1949 г. был выпущен III том «Материалов» об экономических и социальных отношениях в Башкирии в первой половине XVIII в., а в 1956 г. вышел рецензируемый IV том, части 1 и 2, характеризующий экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50—70-х годах XVIII в.

Выделение материалов 50—70-х годов XVIII в. в специальный том является вполне оправданным. В третьей четверти XVIII в. в экономике и социальных отношениях Башкирии произошли значительные изменения, обусловленные массовым захватом башкирских общинных земель русскими помещиками и заводчиками, постепенным переходом к земледелию значительной части кочевого и полукочевого населения края, углублением процесса феодализации и все усиливающейся утратой черт патриархальности, которыми характеризовались башкирские феодальные отношения в предыдущий период.

Кроме того, в народных массах непрерывно зрело недовольство постоянно усиливающимся гнетом царизма, колониальной администрации, русских помещиков и заводчиков и «своих» феодалов — все это в конечном счете привело народы Башкирии к активному участию в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. И. Пугачева и Салавата Юлаева.

Рецензируемый том подразделяется на две части. В первой части опубликована 351 запись крепостных контор Оренбурга, Уфы, Каракулина и Челябинска за 1751—1775 гг. из фондов ЦГАДА. По своему содержанию эти документы тесно примыкают к актам аналогичного характера за 1701—1750 гг., опубликованным в III томе «Материалов».

Материалы первой части тома можно условно разбить на шесть групп:

1. Купчие крепости, договорные письма, приговоры башкирских общин, закладные документы, поступные записи о покупке, продаже, перепродаже, закладе, передаче по наследству башкирских вотчинных земель помещиками, заводчиками, военнослужащими, чиновниками и членами их семейств. Почти половину этой группы документов составляют акты о приобретении земель владельцами горных заводов Мясниковым и Твердышевым (31 док.), Мосоловыми (6 док.), Демидовыми (5 док.), Осокиными (4 док.), Шуваловым и фон-Сиверсом (по 2 док.), Глебовым (1 док.).

2. Записи поверенных башкир, договорные письма, расписки, доверенности о сдаче в оброк различным лицам сроком от пяти до 60 лет общинных земель, бортей, мельничных земель, рыбных ловель и других угодий, принадлежащих башкирам.

3. Документы о займах денег или товаров и о возвращении ссуды с процентами или об отработке процентов, в том числе житейские записи, заемные записи и разновидности других кабальных документов, значительно обогащающие наши представления о различных формах ростовщичества и кабалы в конце XVIII в. в Оренбургском крае среди башкир, татар, мари и других представителей нерусского населения. Эти документы занимают в сборнике большое место.

4. Купчие, поступные, духовные, отпускные записи о покупке, продаже, передаче по наследству, отпуске на волю крепостных башкир, принадлежавших помещикам, военнослужащим, чиновникам, членам их семейств.

5. Записи о припуске на башкирские вотчинные и общинные земли помещиков, тептярей, русских крестьян и других категорий местного и пришлого населения.

6. Мировые записи, расписки о возмещении убытков, отдельные записи, отпускные письма и другие документы об имущественных и социальных отношениях внутри башкирской общины и между различными народностями, жившими в крае.

Все документы в этой части тома расположены в строго хронологическом порядке, снабжены комментариями и указателями. В приложении даны фотокопии ряда документов на языке тюрки и башкирские тамги XVIII в.

Документы, включенные во вторую часть тома, систематизированы по предметному признаку. Всего в эту часть включено 166 документов. Большинство из них взято из следующих фондов ЦГАДА: Сенат и его департаменты; Берг-, Мануфактур- и Коммерц-коллегии; Оренбургская губернская канцелярия; Уфимская провинциальная канцелярия. Несколько документов извлечено из фонда Секретной экспедиции Военной Коллегии (ЦГВИА).

Вторая часть тома разбита на два раздела:

1. Экономика и социальные отношения в Башкирии: население, землевладение и землепользование, урожайность, хлебная торговля и цены на сельскохозяйственные продукты, производственные и промысловые предприятия, организация и развитие горнозаводской промышленности (постройка и действие заводов, рабочая сила), социальные отношения и классовая борьба.

2. Управление Оренбургским краем и организация военной службы населения.

В приложении даны фотокопии печатей, тамги XVIII в., сводные ведомости о ценах на продукты питания и фураж, списки мельниц, железоделательных и медеплавильных заводов, ведомость о количестве продукции, выпускаемой заводами Южного Урала в третьей четверти XVIII в., вы-

держки из законодательства XVIII в. о заводском строительстве, комментарии и указатели.

Большую ценность имеют опубликованные материалы о развитии уральской промышленности, имевшей всероссийское значение. Это первый опыт издания подобных материалов.

Отличительной чертой всего тома является умелый отбор документов, тщательность их археографической обработки и комментирования. Хорошее впечатление оставляет справочный аппарат. Хотя IV том «Материалов» и является частью многотомной публикации, которая еще чрезвычайно далека от своего завершения, однако он представляет большой самостоятельный интерес не только для изучающих прошлое Башкирии, Заволжья и Южного Урала, но и для всех работающих над проблемами феодализма в России конца XVIII в. Немало полезного найдут в нем экономисты, изучающие социальные проблемы докапиталистических формаций, юристы, анализирующие различные формы юридических взаимоотношений и документацию (особенно всякого рода закладные, заемные, долговые и кабальные операции, договоры и купчие крепости), а также лингвисты, интересующиеся историей складывания современного башкирского литературного языка.

Отдавая должное достоинствам рецензируемого сборника, необходимо вместе с тем высказать некоторые соображения как об издании в целом, так и о недостатках, имеющих место в четвертом томе «Материалов». Подготовка к печати документов по истории Башкирской АССР началась еще в 1934 г. За 24 года было издано всего три тома. Судя по предисловию к III тому, всего предполагается выпустить шесть томов (хотя, по-видимому, число их придется увеличить). Если они будут выходить нынешними темпами, то есть основания опасаться, что завершение всей серии затянется на десятки лет. Поэтому необходимо, чтобы Институт истории и Башкирский филиал Академии наук СССР и ЦГАДА максимально ускорили работу по выпуску в свет остальных томов.

При публикации многотомных серий документов чрезвычайно важно сохранить единство плана и археографических приемов от первого и до последнего тома с тем, чтобы все издание представляло собой законченное целое. К сожалению, этот принцип при издании «Материалов» не вполне выдержан. Это прежде всего относится к плану серии. Первоначально намечалось, что подготовленные А. П. Чулошниковым документы о башкирском восстании 1755 г. составят II том, а в 1949 г. было решено включить их в V том издания. В 1949 г. предполагалось IV том посвятить материалам Оренбургской экспедиции и башкирским восстаниям 1735 г., однако в 1956 г. этот том был выпущен в свет с материалами об экономических и социальных отношениях в Башкирии в 50—70-х годах XVIII в., хотя они должны были быть сюжетом шестого тома. Таким образом, общий план издания изменялся буквально с каждым вышедшим в свет томом. Поэтому желательно, чтобы составители опубликовали в очередном томе «Материалов» окончательный план серии и в дальнейшем твердо его придерживались.

То, что публикация затянулась на много лет, оказало отрицательное влияние и на единство археографических приемов, причем это имело место не только в отношении томов, подготовленных разными составителями. Тома III и IV, подготовленные Н. Ф. Демидовой, также не свободны от некоторого разнобоя. Так, IV том снабжен обширным предисловием, комментариями и тематическим указателем, в то время как в III томе ничего этого нет. В III томе и в первой части IV тома разделы не озаглавлены, а во второй части IV тома даны заголовки разделов. В III томе в именном указателе национальности указаны полностью: башкир, татарин, удмурт, а в IV томе сокращенно: б-р, т-н, у-т. То же примерно произошло и с географическими указателями. Все это, разумеется, частности, но при издании последующих томов следует избегать такого разнобоя.

Не всегда соблюдается составителем единообразие отдельных элементов заголовков. В заголовках док. №№ 189, 190, 192, 196 указаны названия заводов, которыми владели И. Б. Твердышев и И. С. Мясников, а в док. №№ 18, 201, 204, 208, 214 они названы просто заводчиками, без указания принадлежащих им предприятий. На наш взгляд, во втором случае составитель поступил правильнее, так как во второй части IV тома есть приложение, в котором перечислены все заводы этих предпринимателей, и не было нужды загромождать заголовки названиями заводов и нарушать единство археографического оформления документов.

Ряд непоследовательностей допустил составитель, давая заголовки документам, связанным с военнослужащими. В некоторых случаях указывается чин и название полка (док. №№ 7, 19, 23, 38, 58, 59, 73, 100, 131, 180), иногда, когда дело касается гарнизонных полков, составитель ограничивается только названием гарнизона (док. №№ 24, 25, 26, 41, 211, 234); имеет место путаница названий гарнизонных полков с наименованием населенных пунктов, где они несли гарнизонную службу: в док. № 41 указано, что подполковник П. Я. Петрашевич был в Уфимском гарнизоне, а на самом деле он служил в Уфимском гарнизонном драгунском полку, который находился в составе Оренбургского гарнизона (ср. док. № 26); в заголовке док. № 236 Д. В. Погорский назван просто драгуном, а в заголовке док. № 292 указано, что он служил в Уфимском полку.

В ряде случаев составитель ограничивается только формальным признаком документа, не раскрывая в заголовке его реального содержания: житейская запись (док. №№ 134, 150, 217, 225, 228, 277, 281, 283, 284, 289, 312, 344); заемная запись (док. №№ 193, 212, 265, 271, 272, 340, 350); работная запись (док. № 287) Это неправильно, заголовок должен давать представление не только о форме, но и о конкретной сущности каждого документа.

Нельзя согласиться с тем, что в сборнике в ряде случаев под одним номером помещено несколько документов (под №№ 359 и 446 — по четыре документа, под №№ 406, 466, 471, и 494 — по три документа; под №№ 401, 402, 403, 404, 408, 414, 440, 447, 452, 465, 469, 488 — по два документа).

Однако все это не меняет общей положительной оценки данной работы, которая является большим вкладом в дело изучения истории башкирского народа.

М. Д. Рабинович

НОВОЕ УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ АРХИВНОГО ДЕЛА

Главное архивное управление выпустило в свет новое учебное пособие — коллективный труд по теории и практике архивного дела в СССР [1]. Это — не первый учебник по архивоведению. До Великой Отечественной войны была издана книга Г. А. Князева «Теория и техника архивного дела» (Л., 1935), а вскоре после окончания войны — учебник К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела» (М., 1946).

В отличие от прежних работ, рецензируемое издание охватывает большинство новейших актуальных проблем советского архивоведения, среди которых следует отметить вопросы организации использования микрофотокопирования, публикации документальных материалов и др. Безусловно положительным моментом учебного пособия является показ единства теории и практики архивного дела в нашей стране. Структура пособия в целом продумана неплохо. Вначале рассмотрены основополагающие проблемы о Государственном архивном фонде, делопроизводстве в государственных учреждениях, комплектования архивов, а затем — вытекающие из них вопросы. Близкие по содержанию темы, как правило, излагаются логически одна за другой, что помогает усвоению материала.

Первые три главы (автор К. Г. Митяев) освещают общие вопросы научной организации Государственного архивного фонда СССР (ГАФ). В I главе дается краткая история создания ГАФ. Автор убедительно показывает, что существующая государственная организация всей совокупности документальных материалов страны является следствием победы Великой Октябрьской социалистической революции и осуществления ленинских принципов централизации архивного дела. Впервые в истории человечества трудящиеся массы получили возможность использовать документальные материалы в своих интересах. Здесь же кратко излагается система построения сети государственных архивов: основными источниками комплектования ГАФ являются архивы действующих учреждений, документация которых отражает многогранный исторический процесс, связанный с деятельностью советского народа в борьбе за построение социализма и победу коммунизма.

Естественно, что для правильного комплектования ГАФ исключительное значение имеет постановка делопроизводства в действующих учреждениях. Эти вопросы освещаются во II главе. Автор останавливается на самом делопроизводстве, рассматривает вопросы его организации и значения в деятельности государственного аппарата, анализирует основные делопроизводственные виды документов, организацию их учета и классификацию, порядок формирования и оформления дел перед сдачей их в архив и некоторые вопросы современной документационной техники.

В III главе освещаются основные принципы комплектования архивов СССР. В ней совершенно правильно отмечается, что основой научной организации документальных материалов ГАФ является их историзм, основанный на марксистско-ленинской методологии. При этом автор предлагает три основных принципа комплектования государственных архивов: деление документальных материалов по эпохам, недробимость архивного фонда, недробимость комплексов архивных фондов. Рассматривается также система распределения документальных материалов между государственными архивами СССР, порядок комплектования архивов действующих учреждений и общие принципы

---

[1] Теория и практика архивного дела. Учебное пособие. Под ред. Г. А. Белова, А. И. Логиновой, К. Г. Митяева, Н. Р Прокопенко. М., 1958.

организации работ по комплектованию ГАФ.

В целом глава дает ясное представление о вопросах комплектования советских государственных архивов. Вместе с тем в ней встречаются некоторые нечеткие положения. Так, например, автор говорит, что «принцип недробимости архивных фондов не должен применяться формально» и поясняет эту мысль таким образом: если в составе материалов фонда обнаруживаются «вкрапления материалов из другого фонда, то их следует оттуда удалить». Но выделение из фонда чужеродных «примесей» не означает нарушения целостности его материалов, поскольку это соответствует принятому в советском архивоведении понятию «фонд». Это отмечает также и сам автор главы: «никакого дробления в этом случае... не будет» (стр. 51).

Специально следует остановиться на вопросе о принципе недробимости комплексов архивных фондов. Таким комплексом является исторически сложившаяся совокупность фондов, возникшая в результате совместной деятельности учреждений одного определенного ведомства или объединенных общностью местонахождения фондообразователя, временем их существования или другими общими существенными признаками. Совершенно естественно, что соблюдение принципа недробимости (т. е. совместного хранения) таких комплексов облегчает работу с документальными материалами, способствует лучшему их использованию. Однако в огромном большинстве случаев архивы комплектуются на иных основаниях, поскольку принцип недробимости комплексов архивных фондов приходит в противоречие со сложившейся практикой распределения материалов между архивами. Действительным критерием комплектования является значение, которое придается материалам фонда в настоящее время. Поэтому на практике фонды объединяются в комплексы всесоюзного, межреспубликанского, республиканского и местного значения независимо от их исторической общности, «независимо от признаков их образования», как выражают эту мысль «Основные правила комплектования государственных архивов документальными материалами» (М., 1957, § 20). Следовательно, в практике комплектования архивов возобладал второй принцип, что объясняется стремлением создать на местах необходимую документальную базу для обслуживания интересов народного хозяйства и местных исследователей, хотя бы за счет нарушения исторически сложившихся комплексов фондов. Такие нарушения происходят в значительной мере вследствие неоднократного изменения административно-территориальных единиц, что, в свою очередь, ведет к разделению, ликвидации или образованию новых архивов и переброскам фондов в другие административные центры.

Поэтому напрасно автор пишет, что архивы комплектуются «в соответствии с принципом недробимости комплексов архивных фондов» (стр. 53). Они комплектуются комплексами фондов иного рода, образуемыми по значению. Автор сообщает и об этом, но изложен им этот вопрос так, будто он хочет сблизить принцип недробимости и практику дробления комплексов архивных фондов.

IV—VII главы составляют второй раздел пособия и освещают комплекс работ по научной организации документальных материалов: их научно-техническую обработку, экспертизу научной и практической ценности, описание и учет в архивах общего типа (т. е. хранящих материалы делопроизводственного и личного происхождения).

В IV главе (автор А. А. Новикова) совершенно правильно отмечается, что состояние документальных материалов характеризует научный уровень работы архивов. Естественно, если документальные материалы содержатся в беспорядке, то плодотворная научная работа над ними серьезно затрудняется. Автор правильно рассматривает научно-техническую обработку как комплекс нескольких видов архивных работ. В этой связи следовало бы отметить, что некоторые из них имеют научное содержание (изучение истории фондообразователя и составление методических указаний для последующей работы с материалами; их описание и т. д.), а другие — чисто технический (нумерация листов, шифровка, брошировка, картонирование и др.), что и дает основание называть всю совокупность этих мероприятий «научно-технической» обработкой. Между прочим, А. А. Новикова включает в эту совокупность и систематизацию документов внутри единиц хранения. Это, конечно, правильно, хотя и применяется довольно редко, но почему-то автор главы систематизацию единиц хранения внутри фонда выделяет особо и ставит вне рамок научно-технической обработки, для чего нет достаточных оснований.

Конечно, в учебном пособии можно выделять отдельные важные вопросы для особого, более пристального рассмотрения (правильно, например, что систематизации «россыпи» и материалов личного происхождения посвящены отдельные параграфы главы), но при этом нельзя искусственно разделять тесно связанные между собой вопросы.

В конце главы говорится о принципах размещения материалов в архивохранилищах. Очень важно, что автор уделил место вопросам, связанным с карточным методом научно-технической обработки, который в значительной мере экономит силы и время сотрудников, и получил широкое применение в современной практике архивного дела в качестве вспомогательного технического приема. Известно, что составляющиеся ранее в некоторых

архивах карточные инвентарные описи как документы учета не оправдывают себя: они не обеспечивают сохранности ни материалов, ни самих карточек. Поэтому автор совершенно правильно делает вывод о необходимости замены карточных описей листовыми инвентарными описями.

V глава под названием «Экспертиза научной ценности документальных материалов» (авторы В. С. Коновалова и Л. И. Отливанова) непосредственно примыкает по содержанию к предыдущей, ибо в практике советского архивного дела экспертиза ценности документальных материалов часто осуществляется одновременно с научно-технической обработкой фондов. Однако в ряде случаев экспертиза проводится и как самостоятельный вид работы. Авторы главы подчеркивают, что «экспертиза документальных материалов — это прежде всего определение ценности тех документов, которые должны оставаться на постоянное или длительное хранение в составе Государственного архивного фонда» (стр. 83). Стало быть, работа по экспертизе ценности документов должна иметь подлинно исследовательский характер.

Советское законодательство об архивах устанавливает меры, обеспечивающие сохранность документальных богатств страны от незаконного уничтожения.

В рассматриваемой главе авторы обосновывают некоторые методические приемы непосредственной экспертизы фондов и работы над отраженными и поглощенными категориями документальных материалов, а также освещает организацию экспертизы в государственных и ведомственных архивах. Большой интерес представляет изложение вопроса о перечнях документальных материалов и составлении типовых перечней на группы однородных фондов в государственных архивах. Разработка перечней является научной работой, требующей от составителей глубоких знаний истории учреждений, развития государственного аппарата и особенностей постановки делопроизводства того или иного ведомства. Широкое применение перечней в работе по отбору документальных материалов, не подлежащих хранению, является одним из крупных достижений советского архивоведения.

Однако в последнее время все чаще наблюдается опасная тенденция рассматривать установки перечней в качестве обязательных норм при проведении экспертизы. Было бы полезно предупредить читателя, что наличие перечней не отменяет обязательного просмотра дел «в натуре» и творческого подхода к этой работе.

VI глава (автор Л. Н. Кривошеин) рассматривает один из вопросов научно-технической обработки документальных материалов — их описание. Инвентарное описание служит, с одной стороны, задачам учета и обеспечения сохранности документальных материалов, а с другой — задаче раскрытия их содержания.

Автор высказывает совершенно правильную мысль о необходимости творческого подхода к работе по описанию при соблюдении общих норм и единых требований, отмечая одновременно, что «даже самая подробная инструкция не может предусмотреть всех особенностей описания» (стр. 98). Далее рассматриваются две основные стороны этой работы: описание единиц хранения и составление описей.

В VII главе под названием «Учет, проверка наличия и состояния документальных материалов» (автор Т. Г. Коленкина) излагаются основные принципиальные положения, связанные с важнейшими видами архивной работы по обеспечению сохранности документов ГАФ. При этом совершенно справедливо подчеркивается, что «Централизация архивного дела в нашей стране обеспечила централизованный учет всех документальных материалов, его динамичность, единство системы учета» (стр. 117).

Создание централизованной системы учета явилось важным достижением советского архивоведения, способствовавшим обеспечению сохранности и организации всестороннего использования документальных материалов в масштабах всего Союза.

Рассматривая организацию учета, начиная с первичного его осуществления в государственных архивах, где при помощи описей учитываются отдельные единицы хранения в пределах фонда, и кончая задачей создания Центрального фондового каталога на все документальные комплексы ГАФ, автор показывает неоспоримое преимущество советского архивного дела. Он подробно разбирает организационные формы учета документальных материалов и показывает единство методики учета в государственных и ведомственных архивах. Последнее особенно важно, так как основным источником пополнения ГАФ являются документы текущего делопроизводства. Далее излагается порядок заполнения основных форм «книги поступлений», «списка фондов», «листа фондов», «реестра описей» и оформления «дела фонда», что позволяет составить довольно полное представление о методике организации учета документальных материалов. Содержание главы существенно дополняется приложенными (в конце книги) образцами заполненных учетных форм. Затем показано, как учитываются в Главном архивном управлении сведения об изменениях в составе и объеме фондов всех государственных архивов и каким образом центральный фондовый каталог пополняется новыми данными. Глава заканчивается описанием методики проверки наличия документальных материалов в государственных архивах.

Три последующие главы (VIII—X, автор

К. И. Рудельсон) посвящены вопросам научно-справочного аппарата архивов (частично, как уже отмечалось, эти вопросы затрагивались ранее, в VI главе, где шла речь о методике составления описей). Автор обращает внимание читателей на то, что без научно-справочного аппарата невозможно целеустремленное изучение документов и пользование ими. Создав существующую систему описания, советские архивисты достигли единства этих двух основных тенденций в развитии архивного дела.

В основном VIII глава посвящена вопросу о создании каталогов разного вида: систематических, предметных и предметно-тематических (последнему уделяется наибольшее внимание). Необходимо учесть, что для сотрудников многих архивов составление каталогов — работа нового типа. Даже центральные архивы еще не накопили достаточного опыта в этой области. Каталогизация же в масштабах всей сети государственных архивов СССР — задача будущего. По-видимому, это обстоятельство и явилось причиной того, что глава о каталогах носит характер теоретических наметок, и автор, не обобщая незначительного опыта отдельных архивов, предпочитает говорить о том, «как будет».

Это «заглядывание» вперед является одновременно и достоинством и недостатком главы. С одной стороны, автор предлагает некоторые пути, облегчающие работу по составлению каталогов, и это хорошо, а с другой — он абстрагируется от уже существующего материала, и это ведет к отрыву от того, что уже сделано в этом направлении.

IX глава посвящена составлению путеводителей и обзоров документальных материалов. Существует два типа обзоров — тематический (раскрывающий состав и содержание материалов разных фондов по одной теме) и фондовый (раскрывающий состав и содержание материалов конкретного фонда). Автор ставит задачей разобрать методику составления обзоров обоих типов, но вместо методики освещает главным образом технику работы.

Из всех видов научно-справочного аппарата лишь в обзорах факты могут быть не только собраны и систематизированы, но и обобщены в виде научных выводов информационного характера. Автор таких целей перед обзорами не ставит. Он ограничивает эти цели задачей «дать обобщенную характеристику документальных материалов», а признавая необходимость «серьезного исследования» (стр. 142), не предлагает методики самого исследования. Последнее заключается, по мнению автора, в следующем: определить, насколько может быть использован каталог по данной теме (фактически это вопрос будущего), насколько материалы архива позволяют вообще заниматься намеченной темой; изучить литературу по теме («что значительно облегчает работу по составлению обзора»); изучить научно-справочный аппарат архива; составить план обзора; заполнить специальные карточки о содержании документов по данной теме. При этом «просмотр», а не изучение дел, предусматривается в качестве *дополнительной* работы, в основном же карточки должны заполняться при изучении каталогов, описей и т. д. Далее предусматривается систематизация карточек и выбор сведений из них для написания обзора. Составитель должен затем дать пояснения, «в которых уточняется и сопоставляется [с чем? — *Авт.*] содержание документов, дается источниковедческий анализ документов» (стр. 144). Процитированное место — единственное, где говорится об исследовательском элементе в работе.

Такими же недостатками отличается и раздел главы об обзорах фондов. В свое время в журнале «Вопросы истории» отмечалось, что составлявшиеся выпускниками Историко-архивного института обзоры фондов носят чисто описательный характер, что в них отсутствует элемент исследования[2]. С тех пор прошло 10 лет, и мы снова встречаемся, но теперь уже в учебном пособии, со старой неправильной позицией. А между тем, можно привести немало примеров хороших обзоров, где элемент «описательности» подчинен задачам научного исследования состава и содержания документальных материалов[3]. Эти обзоры, подчас своеобразно построенные, не учтены автором, который в качестве примера хороших работ такого рода ссылается на две давно изданные работы (стр. 145).

Вопрос о методике составления путеводителей еще и сейчас является предметом оживленного обсуждения[4]. В учебном пособии он изложен на уровне общепринятых положений и в целом не вызывает возражений.

---

[2] См. рецензию Л. В. Черепнина на «Труды Историко-архивного института», т. 4, М., 1948 («Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 112—114).

[3] См., например: М. Петров. Документальные материалы Треста нефтяной и газовой промышленности Восточной части СССР. Обзор архивного фонда. Уфа, 1953; Н. А. Ивницкий. Фонд Колхозцентра СССР и РСФСР и его значение для изучения истории колхозного движения в СССР (1927—1932 гг.). «Проблемы источниковедения», т. IV, М., 1955; В. А. Петров. Обзор Собрания Воронцовых, хранящегося в Архиве Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР. Там же, т. V, М., 1956 и др.

[4] См. «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 193—204; 1958, № 4, стр. 179—190.

В X главе разбирается вопрос о составлении справочного аппарата к различным архивным изданиям (не публикациям); историко-археографического предисловия, указателей, списка сокращенных слов, библиографии, перечня фондов и оглавления.

На примерах исключительно серьезного отношения, которое проявлял В. И. Ленин к вопросу о составлении указателей к научным книгам, в главе показано, как важен для всякого научного издания хорошо составленный указатель.

Отдельный параграф X главы посвящен научно-справочным библиотекам архивов: задачи, состав, характер работы библиотек. Эти вопросы безусловно полезно осветить в учебном пособии, но связь этого параграфа с содержанием всей главы чисто формальная. К тому же автор не показал, каким образом работники научно-справочных библиотек должны организовывать свою работу с целью максимального использования книжных фондов в плане выполнения общих задач, стоящих перед архивом в целом. Он предусматривает лишь пассивную роль библиотечных работников, ставя перед ними лишь общие задачи, свойственные вообще всем библиотекам, независимо от их профиля: комплектование, оформление, расстановка, пополнение карточек.

Глава XI (автор А. А. Кузин) рассматривает специфические вопросы работы технических архивов. Государственная собственность на архивные материалы позволяет максимально использовать технические материалы в интересах науки и народного хозяйства. Автор указывает, что существующее законодательство обязывает все проектные организации, прежде чем начать какую-либо новую проектную работу, изучать соответствующие материалы технических архивов (стр. 161 и 183). В связи с этим было бы целесообразно поставить перед работниками этих архивов вопрос о необходимости своевременно информировать проектные организации об имеющихся у них документах и добиваться их полного освоения.

Кроме разбора общих задач технических архивов, автор рассматривает отдельные виды технической документации (чертежи, диаграммы, расчеты, технологические карты, картографические материалы и т. д.), процесс ее создания и оформления, вопросы научно-технической обработки и учета технических материалов, вопросы их использования и экспертизы. В более широкой форме все эти вопросы были освещены тем же автором в специальном учебном пособии, изданном несколько лет назад [5].

В целом специфические вопросы деятельности технических архивов в главе изложены ясно и доходчиво.

Нельзя, однако, не отметить и некоторые недостатки главы. Так, автор не дал определения термина «единица хранения» по отношению к техническим материалам, а это понятие в разных архивах трактуется по-разному: в одних случаях единицей хранения считают каждый чертеж, в других — весь проект, в третьих — комплекс чертежей какого-либо узла и т. д. Автор неоднократно указывает на наличие видов систематизации технической документации (попроектный и поточный), но при этом он не характеризует их сущности, их преимуществ и недостатков и не связывает их применение с характером деятельности фондообразователя и использования материалов.

Не освещен важный вопрос о работе с технической документацией в государственных архивах, между тем, как в главе правильно указывается, что технические архивы должны сдавать свою документацию именно в государственные архивы. Между прочим, этот же упрек делался А. А. Кузину еще при выходе в свет его прежнего учебного пособия [6].

В главе XII (автор С. Т. Плешаков) рассматриваются вопросы хранения, научной обработки и использования материалов кино-фото-фоноархивов. Глава включает в себя большой познавательный материал, хотя нельзя не отметить, что автор исходит в основном из опыта ЦГАКФФД СССР и мало учитывает опыт других архивов этого профиля. В тексте встречаются нечеткие формулировки, которых следовало избежать. Не вполне может удовлетворить такое определение негатива — «изображение лиц и предметов в обратном (перевернутом) порядке с противоположными цветами» (стр. 190), поскольку негативы бывают не только черно-белые, но и цветные, а цветной негатив это изображение, выраженное в *дополнительных* цветах (красное выглядит голубым, зеленое — пурпурным и т. д.).

Предлагая в целях обеспечения долговременной сохранности пленочных документов широко внедрить метод периодически повторяющегося копирования (контратипирования) этих документов (стр. 202), автор не учитывает, что этот способ сильно снижает качество фотоизображения: при многократном повторении контратипирования изображение теряется вообще. По-видимому, следует добиваться создания таких технических условий хранения пленки, при которых она не подвержена порче.

Не нашли в главе достаточного места вопросы экспертизы ценности кино-фото-фонодокументации: между тем, это теоретически мало разработанный и больной вопрос в работе архивов.

[5] А. А. Кузин. Технические архивы. Учебное пособие под ред. К. Г. Митяева. М., 1956.

[6] Л. А. Гольденберг, Р. В. Овчинников. Пособие по техническим архивам. «Исторический архив», 1957, № 2, стр. 206.

Наконец, нельзя принять положение автора, что при описании кино-фото-фонодокументов следует руководствоваться «Основными правилами...», составленными, как известно, для текстовых материалов. Из приводимого здесь же материала (стр. 205—216) видно, что изобразительная и звуковая документация настолько специфична, что описание ее ведется при помощи особых приемов, не свойственных документации общего типа.

Большой интерес представляет глава XIII, посвященная использованию документальных материалов в народнохозяйственных и научных целях (автор Л. Н. Кривошеин). В ней разбираются следующие вопросы: организация работы по тематическому выявлению материалов, составление информационных документов, работа читальных залов, использование документальных материалов в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных целях, выдача справок, копий и выписок, а также выдача документальных материалов из архивов во временное пользование.

В этой главе обобщен опыт работы государственных архивов последних лет. В разделе о составлении информационных документов (информационных сообщений, справок-ориентировок, тематических перечней, списков-справочников и др.) подчеркивается совершенно верная мысль, что «основой правильного планирования и организации работы по использованию документальных материалов должна быть тесная деловая связь архивов с учреждениями, организациями и предприятиями, заинтересованными в выявлении и использовании архивных материалов» (стр. 223). Отсутствие такой связи приводило в недавнем прошлом к тому, что архивы зачастую выявляли материалы, не представляющие практического интереса для хозяйственных организаций и лишенные актуального интереса для разных отраслей науки.

Нельзя не отметить, что XIII глава досадно мала по объему. Видимо, поэтому не нашли в ней место такие вопросы, как организация вечеров встреч архивистов с представителями советской общественности (которые получили за последнее время широкое распространение в практике центральных и местных государственных архивов). Хотелось бы также найти здесь более подробное освещение вопросов использования документальных материалов через периодическую печать, радио, телевидение и документальное кино. Вопросы эти настолько важны, что следовало бы осветить их в специальной брошюре.

Ряд глав пособия посвящен вопросам публикации исторических документов (главы XIV, XV, XVI — автор А. И. Логинова). Перед автором стояла довольно трудная задача — в предельно краткой форме изложить основы методики публикаторской работы. Содержание трех глав позволяет судить об удачном в целом решении этой задачи, хотя ряд вопросов смог получить лишь схематическое отражение.

Большое политическое и научное значение работы по публикации источников раскрывается в главе «Выявление и отбор документов для публикации». В методологическом отношении эта глава является определяющей, так как касается основных теоретических положений советской археографии. Здесь поставлены вопросы о назначении изданий исторических документов и их месте в советской историографии. В этой же главе автор, показывая отличительные черты советской археографии, приводит сведения из истории ее зарождения.

То обстоятельство, что из всех первых советских публикаций здесь названы только публикации дипломатических документов Н. Г. Маркина, не вызывает возражений, ибо эти публикации имели действительно международное значение и хорошо характеризуют боевой наступательный характер советской археографии. Однако вряд ли целесообразно было в пункте «Публикаторская деятельность Н. Г. Маркина» рассказывать о следующих шагах в истории издания дипломатических документов, в частности, об изданиях НКИД 20-х годов. В главе схематично изложены вопросы предварительной работы археографа, установление видов и формы публикации документов, определяющие весь последующий процесс публикаторской работы.

Процесс выявления и отбора документов охарактеризован по основным этапам. В выявлении документов подчеркнута необходимость исторического подхода, рассмотрена работа по определению архивных фондов и печатных источников.

Думается, что при той краткости, которая характерна для изложения материала о выявлении документов, именно здесь следовало акцентировать внимание на основных моментах: составлении списка фондов и периодической печати, использовании при выявлении научно-справочного аппарата архивов, значении работы с описью. Не подчеркнуто, что археограф должен стремиться к наиболее исчерпывающему и полному выявлению документов.

Задачи отбора документов, содержание этой работы изложены в соответствии с требованиями «Правил издания исторических документов» [7]. Здесь охарактеризованы основные категории источников, из которых отбирает археограф документы к печати. К сожалению, среди категорий источников не названы изобразительные материалы (кино и фотодокументы, техническая документация).

[7] Правила издания исторических документов. Изд. АН СССР, М., 1955.

Не поставлен также вопрос о соотношении печатных и архивных источников в публикациях. Неудачно в редакционном отношении сформулировано положение о том, что источниковедческий анализ текста проводится «в случае отсутствия или сомнений в достоверности» внешних признаков документа (стр. 243). Источниковедческий анализ должен проводиться всегда при изучении и отборе документов для печати, а не только в случае сомнений в достоверности.

Глава «Передача текста документа» содержит краткое изложение наиболее важных методических вопросов, связанных с выбором основного текста документа, критикой исправности текста и его передачей. Критерии выбора основного текста документов для печати изложены применительно к источникам различного происхождения. Следовало бы, говоря о выборе текста телеграмм для публикации, подчеркнуть важность привлечения обоих источников текста (входящего и исходящего) для более точной передачи текста. Характеристику источников текста (стр. 249) можно было бы сократить за счет отсылки к главе II § 2 «Организация делопроизводства и общая характеристика документов в советских учреждениях», оговорив при этом своеобразие термина «оригинал» в работе археографа.

В целом глава нацеливает на необходимость точного воспроизведения источника, недопустимость вольного обращения с текстом. Примеры из отрицательной практики «редактирования» текста должны послужить предостережением от повторения подобного рода искажений источника. Вместе с тем, автор правильно подчеркивает, что критика явных неисправностей текста — одна из основных задач, которую археограф не должен перекладывать на читателя (стр. 251). Глава была бы более полноценной, если бы автор указал на необходимость исторического подхода к передаче текста документов, на изменения в приемах передачи текста документов в зависимости от времени их происхождения и от назначения издания. Встречаются в главе и нечеткие положения. В частности, неудачно сформулировано положение о публикации текстов в извлечениях (стр. 257). Нельзя допускать, чтобы опускались части документа «малозначительные, мешающие понять главное в нем». Это положение не соответствует взглядам автора, который на стр. 258 предостерегает археографа о том, что публикация с большим числом отточий недопустима.

В главе «Археографическое оформление и расположение документов в сборнике; научно-справочный аппарат» раскрывается как содержание работы археографа по археографическому оформлению каждого документа в отдельности (составление заголовков и контрольно-справочных сведений), так и всей совокупности публикуемых документов (составление научно-справочного аппарата).

Более детально автором характеризуется работа по составлению заголовков. К сожалению, в главе не отражен вопрос о передаче содержания документа в заголовке в зависимости от темы издания, не оговорены особенности археографического оформления газетных источников. Между тем это — весьма актуальные вопросы современной практики.

Из состава научно-справочного аппарата наибольшее внимание уделено примечаниям. О них говорится в разных главах (глава XIV — пункт «Примечания, составляемые в процессе выявления», глава XV — пункты «Разночтения», «Устранение погрешностей текста», «Раскрытие содержания упоминаемых в тексте, но не публикуемых документов» и др., и гл. XVI, § 5 «Примечания»). Если § 5, посвященный общей характеристике задач и видов примечаний, ввиду краткости изложения, мало чем отличается от «Правил издания исторических документов», то части, посвященные составлению примечаний в главах XIV и XV представляют большой интерес. Этот материал окажет непосредственную помощь в практической работе по комментированию источников. Нельзя не отметить, однако, что изложение этого материала не очень четко. Так, к числу примечаний на стр. 242 отнесены и данные о сохранности документа в целом (они должны войти в состав легенды), о пометах и резолюциях (последние даются в текстуальных примечаниях лишь в том случае, если относятся к отдельной части текста, а не ко всему документу).

В целом главы учебного пособия по археографии в основном базируются на «Правилах издания исторических документов» (1955 г.) и только в некоторых случаях выходят за их рамки.

Учебное пособие окажет несомненную пользу широкому кругу начинающих археографов в ознакомлении с процессом подготовки документов к публикации. Жаль только, что в пособии не получили своего освещения особенности публикации документов по истории советского общества. а ведь в этом сборнике сейчас больше всего нуждаются наши археографы.

Современный этап развития архивного дела характерен внедрением в практику работы новейших технических достижений. Всё в большей степени применяется микрофотокопирование документальных материалов, чему и посвящен специальный раздел учебного пособия (глава XVIII, автор Е. А. Букатин). Здесь разбираются виды микрофотокопирования, применяющаяся с этой целью аппаратура и технология и, наконец, вопросы практического применения микрофотокопий в архивах. Автор отмечает ряд преимуществ, которыми обладают зафиксированные на пленке копии документов: сокращение

объема хранилищ в 40—100 раз, что приводит к резкому удешевлению хранения документов, возможность пересылки копий для использования в других городах, облегчение создания научно-справочного аппарата и т. д. Разрушающиеся документы могут быть изъяты из практической работы и заменены дешевыми микрокопиями; защита документов от разрушения путем микрофотокопирования и изъятия оригиналов из употребления «в десятки раз дешевле химических методов консервации документов» (стр. 285).

В структуре главы есть недостаток: сначала говорится о самом понятии микрофотокопирования и лишь через несколько страниц — о целевой направленности этой работы, тогда как с последнего надо начинать.

В главе XVIII «Здания архивов и их оборудование» автор И. Д. Воронин касается вопросов планировки и конструкции архивных строений, освещения и оборудования хранилищ, температурно-влажностного режима и кондиционирования воздуха, противопожарных мероприятий. Соблюдение всех необходимых технических условий является залогом обеспечения сохранности документальных материалов, что является важнейшей задачей архивов. Поэтому материал, изложенный в XVIII главе, ценен для всех архивистов.

Автор сосредоточивает внимание на новейших технических достижениях в области строительства и оборудования архивных зданий. Но, как известно, большинство архивохранилищ в нашей стране размещается не в специально построенных, а в приспособленных зданиях (и в ближайшие годы предполагается замена далеко не всех из них), и автору следовало бы остановиться на вопросах усовершенствования устройства таких хранилищ.

Учебное пособие завершается XIX главой, посвященной вопросам организации инструктажа и инспектирования архивов (автор И. Н. Фирсов). В ней подытоживается большой опыт, накопленный советскими архивными органами, по оказанию практической помощи в налаживании работы государственных и ведомственных архивов, а также по проверке исполнения решений Коммунистической партии и Советского правительства в области архивного дела, приказов и инструкций ГАУ, действующих положений, правил, инструкций и других нормативных документов. Автор рассматривает цели и организацию инспектирования, методику этой работы и порядок обобщения результатов обследования. Все это представляет большой интерес, поскольку постоянно совершенствующиеся методы инспекторской работы до сих пор являлись предметом изучения в литературе по архивному делу.

К учебному пособию приложены образцы заполненных форм учетных документов и список литературы. Последний построен применительно к главам книги, и поэтому в нем встречаются отдельные повторения. Но главный недостаток предложенной библиографии заключается в том, что она ориентирует читателя в основном не на новейшую, а на довоенную литературу. Правда, архивисты долгое время не имели своего печатного периодического органа, но это только подчеркивает необходимость отметить основные архивоведческие работы, опубликованные в «Трудах Московского историко-архивного института», журнале «Исторический архив», в бюллетенях ГАУ и архивных управлений союзных республик. Некоторые разделы библиографии особенно бедны. Так, по вопросам экспертизы указаны: декрет СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел», «Правила экспертизы...» 1957 г. и три «перечня» документальных материалов с указанием сроков их хранения, хотя только в послевоенные годы было опубликовано несколько серьезных статей на эту тему еще до завершения работы над учебным пособием[8]. По вопросам использования самой «новейшей» работой в библиографии показана короткая информация об имевшей в свое время место выставке документов, помещенная в журнале «Архивное дело» в 1933 г. (!). Но даже и те разделы библиографии, которые указывают новую литературу, сплошь и рядом вызывают удивление своей непродуманностью. Так, по описанию документальных материалов предложены: «Основные правила описания...» 1951 г., учебное пособие К. Г. Митяева 1946 г. (без указания глав, в которых раскрывается эта тема) и... работа о научно-технической обработке картографических материалов, которой место в разделе IV главы, где она не названа (как, между прочим, не названо ни одной другой послевоенной работы).

В целом рецензируемая книга представляет собой удачу авторского коллектива. Достоинство этой коллективной работы налицо: в форме учебного пособия здесь собран и подытожен громадный опыт советских архивистов по обеспечению сохранности, приведению в порядок и использованию материалов ГАФ в научных и народнохозяйственных целях.

---

[8] И. С. Назин. К вопросу об экспертизе документальных материалов в государственных и ведомственных архивах. «Труды Историко-архивного института», т. IV, М., 1948, стр. 200—216; Е. Н. Суслова. Экспертиза ценности документальных материалов (Из опыта Архива Академии наук СССР). Изд. АН СССР, 1955; А. В. Елпатьевский. О некоторых практических вопросах экспертизы ценности документальных материалов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, 1957, № 6, стр. 34—37, и др.

Вместе с тем следует сделать и некоторые замечания по общему содержанию пособия. По сравнению с учебным пособием К. Г. Митяева в нем значительно слабее выражен исторический подход к разрешению отдельных проблем архивного дела. Почти совершенно отсутствует критика взглядов буржуазных архивистов. В то же время не показаны имеющие место на Западе достижения в области внедрения технических усовершенствований в области архивного дела. Серьезным недостатком является отсутствие анализа методики работы архивистов стран народной демократии.

Выпали и такие вопросы, как организация научно-методической работы в архивах и роль методических кабинетов, виды и формы работы по повышению деловой квалификации архивистов, изобретательство и рационализация. В области использования документальных материалов не нашли отражение организация вечеров встреч с представителями общественности, телевизионных и радиопередач.

Как уже отмечалось, структура книги в целом не вызывает возражений. Однако следует заметить, что глава VII (учет, проверка наличия) «вклинивается» в главы об описании, научно-справочном аппарате, обзорах и путеводителях по архивам, а в главе X неправомерно объединены вопросы справочного аппарата к изданиям и работы библиотек при архивах.

Тексту пособия следовало предпослать исторический очерк, освещающий состояние архивной работы и отдельных ее видов в дореволюционной России, в частности, упомянуть о работах Н В. Калачева и Д. Е. Самоквасова в области архивоведения. В учебном пособии не только опущены эти имена, но даже ничего не сказано о заслугах советских архивистов Б. И. Анфилова, М. С. Вишневского, Н. А. Фомина и др., внесших серьезный вклад в развитие теории и практики советского архивоведения.

Однако отмеченные общие и частные недостатки не могут повлиять на общую положительную оценку рецензируемого труда.

Заканчивая критический обзор учебного пособия, нельзя не отметить, что перед советскими архивистами стоят серьезные задачи в деле дальнейшего развития архивоведения.

Новое «Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР», утвержденное Советом Министров СССР 13 августа 1958 г. ставит перед архивистами ряд новых задач, для практического выполнения которых требуется предварительная теоретическая разработка. К числу таких задач относится создание единого тематического каталога документальных материалов ГАФ, научная организация передачи документов из рукописных отделов музеев и библиотек в государственные архивы, разработка вопросов отнесения архивных фондов к материалам всесоюзного, межреспубликанского и республиканского значения, вопросов экспертизы научной и практической ценности документальных материалов и т. д. Важную роль в этом деле должны сыграть специальные архиповедческие издания — «Исторический архив», «Труды Московского государственного историко-архивного института», бюллетени архивных органов и прежде всего научно-информационный бюллетень ГАУ МВД СССР — «Вопросы архивоведения».

Совместными усилиями всех архивистов будет достигнут новый сдвиг в развитии советского архивоведения.

В. Н. Автократов, Т. В. Батаева, Г. В. Богданов

Научная информация

КОЛКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Аннотация

1 мая 1935 г. на Волыни, под местечком Колки, Луцкого повета, фашистским правительством Пилсудского при поддержке украинских буржуазных националистов была расстреляна мирная демонстрация крестьян, боровшихся за свое освобождение, за воссоединение с Украинской ССР. Борьбу трудящихся Западной Украины против эксплуатации, против фашистского террора, против национального угнетения возглавляла Коммунистическая партия Западной Украины.

Документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Волынской области, позволяют установить подробности расстрела первомайской демонстрации у местечка Колки, а также отклик на этот расстрел в Западной Украине.

В апреле 1935 г. Луцкий окружной комитет КПЗУ выпустил первомайскую листовку, в которой призывал трудящихся выступить в день международной солидарности трудящихся — 1 Мая на борьбу с угрозой новой войны, против польского фашизма, против жестокого террора, жертвам которого была посвящена часть листовки [1].

С первомайской листовкой обратился к молодежи Западной Украины и Луцкий окружной комитет Коммунистического союза молодежи. Отметив в ней достижения трудящихся и молодежи Советского Союза и рассказав о положении в оккупированных областях Западной Украины, комитет призывал в день 1 Мая выступить с антифашистскими и антиоккупационными демонстрациями [2].

Донесение коменданта полиции в Колках в следственный отдел полиции г. Луцка [3] и показания участника демонстрации крестьянина Сидора Тарасюка [4], чья 15-летняя дочь умерла от ран, нанесенных ей полицейскими во время демонстрации, говорят о деятельной подготовке коммунистов Колковского района к выступлению, о проведении нелегальных собраний крестьян, распространении листовок, подготовке транспарантов и флагов. На собраниях крестьян принимались единогласно резолюции об участии в демонстрации, избирались праздничные комитеты для подготовки похода на Колки. Активное участие в подготовке и проведении демонстрации принимали комсомольцы и молодежь.

О подготовке полиции, которой удалось узнать о готовящемся выступлении, к разгону демонстрации, о попытках сорвать ее свидетельствует донесение Волынского воеводского управления в политический департамент Министерства внутренних дел от 8 мая 1936 г.[5]. В этом же донесении сообщалось и о расстреле демонстрации, в которой принимало участие 800 человек. 5 человек было убито и 8 ранено. «Как раненые, так и убитые,— говорилось в заключение донесения,— были перевезены в Луцк с целью избежать демонстрации при похоронах...» [6].

Известие о кровавой расправе с мирными крестьянами всколыхнуло всю Западную Украину и центральную Польшу. В знак солидарности с демонстрантами по стране прошли митинги, собрания, на которых трудящиеся выражали свой решительный протест против фашистской диктатуры Пилсудского, против злодеяния, совершенного в день 1 Мая под Колками. Центральным Комитетом Коммунистической партии Польши была выпущена листовка, посвященная расстрелам первомайских демонстраций на Волыни [7], основное место в которой отведено

[1] Ф. 57/46, оп. 1, д. 1965, л. 36.
[2] Ф. 100/191, оп. 2, д. 18, л. 7.
[3] Там же, оп. 1, д. 397, л. 9.
[4] Ф. 57/46, оп. 1, д. 476, лл. 51—53.
[5] Там же, лл. 67—69.
[6] Ф. 57/46, оп. 1, д. 476, л. 69.
[7] Ф. 57/46, оп. 2, д. 361, л. 19 и др.

расстрелу под Колками. В листовке указывалось, что в демонстрации принимало участие 2000 человек, что в результате расстрела было 20 убитых и около 50 раненых. ЦК КПП призывал трудящихся Польши и Западной Украины еще активнее сплотиться и решительнее вести борьбу против кровавого фашистского террора.

В городах и селах Западной Украины в течение мая — июля месяцев вывешивались транспаранты, распространялись листовки протеста против расправы с участниками демонстрации, о чем весьма ярко свидетельствуют телеграммы и донесения комендантов государственной полиции в Волынское воеводское полицейское управление [8].

Несмотря на репрессии и карательные экспедиции (вся Волынь была объявлена на осадном положении), рабочие и крестьяне Волыни продолжали вести борьбу под руководством КПЗУ против ненавистного фашистского режима.

Л. М. Будникова, З. И. Жаворонкова

[8] Ф. 1/1, оп. 1, д. 1028, л. 6; д. 2767, лл. 25, 26, 75; д. 5245, лл. 21, 69, 74; д. 5703, лл. 31, 106, 125, 139; оп. 2, д. 5775, л. 3 и др.

ЛИСТОВКИ КПЗУ ПРОТИВ ФАШИЗМА И ВОЙНЫ В 1932—1936 гг.

Аннотация

В Государственном архиве Львовской области, в фонде «Прокурора окружного суда во Львове» (ф. 139, оп. 1), обнаружены листовки Центрального Комитета Коммунистической партии Западной Украины, отражающие борьбу КПЗУ против фашизма и войны, за создание Народного фронта в 1932—1936 гг.

В мае 1932 г. в связи с усилением провокаций империалистических держав против Советского Союза (провокационное убийство французского президента Барту) ЦК КПЗУ обратился с призывом к трудящимся Западной Украины выступить в защиту СССР против империалистических поджигателей войны [1]. В листовке отмечалось, что отечество трудящихся всего мира — Советский Союз — в опасности,— это означает угрозу трудящимся всего мира. Разоблачая провокационную роль фашистской и социал-фашистской прессы, распространявшей клевету на Советский Союз, а также руководителей украинских буржуазно-националистических партий, призывающих к крестовому походу против Советской Украины, ЦК призывал трудящиеся массы Западной Украины ответить на войну против СССР войной против буржуазии и помещиков, против оккупации, за землю без выкупа, за диктатуру пролетариата. Отметив агрессивную политику японского империализма, ЦК писал: «чем Манчжурия является с востока, тем Западная Украина будет с запада. Фашистская Польша заключила с Японией военный договор!» (д. 162, л. 2).

Центральный Комитет КПЗУ призывал сломать планы империалистов, не допускать создания и перевозки военных материалов, организовывать демонстрации солидарности с Антивоенным конгрессом, создавать единый фронт борьбы против нападения на СССР, выбирать на фабриках, шахтах, в фольварках и селах антивоенные комитеты.

В 1933 г. потерпел позорное банкротство Лейпцигский процесс, организованный гитлеровскими поджигателями. В декабре 1933 г. ЦК Коммунистической партии Западной Украины выпустил листовку (д. 1060, л. 6), в которой разъяснялось, что только под влиянием протеста трудящихся масс всего мира гитлеровцы вынуждены были оправдать тов. Димитрова и других коммунистов; но нет уверенности в том, что героические революционеры, освобожденные по приговору, не будут убиты. Касаясь значения процесса в борьбе с фашизмом и войной, в борьбе украинского народа за свое освобождение против режима Пилсудского, листовка призывала трудящихся Западной Украины присоединить свой голос протеста к голосу международного пролетариата — защитить Димитрова и его товарищей. В листовке разоблачалась попытка украинских буржуазных националистов представить Гитлера как друга Украины и выдвигалось требование о самоопределении Западной Украины вплоть до отделения.

Сохранилась листовка ЦК КПЗУ, выпущенная в июле 1934 г. (д. 1065, л. 18), призывающая трудящихся Западной Украины к массовым стачкам и уличным демонстрациям 1 августа, в день борьбы против империалистической войны и нападения на Советский Союз. Отмечая 20-ю годовщину со дня начала первой мировой войны, стоившей человечеству 10 миллио

[1] Ф. 139, оп. 1, д. 162, л. 2 (Далее номера дел и листов см. в тексте).

нов убитых, ЦК КПЗУ призывал к активной борьбе против опасности новой войны. В листовке разоблачалась украинская буржуазия и ее крайне националистическая и контрреволюционная партия ОУН (организация украинских националистов). Выступая против войны, КПЗУ выступала против шовинизма, национализма, антисемитизма, за международную солидарность трудящихся масс, против фашистского оккупационного режима и концентрационных лагерей, за создание массовой рабоче-крестьянской самообороны, за объединение всех прогрессивных сил вокруг КПЗУ. В этой же листовке выдвигалось требование об освобождении из тюрем вождя немецкого пролетариата Э. Тельмана и всех политических заключенных.

Борьбе против угрозы новой войны посвящена листовка ЦК КПЗУ к солдатам польской армии, выпущенная в мае 1935 г. (д. 1507, л. 12). Особый интерес представляет Манифест ЦК КПЗУ к трудящимся Западной Украины в ноябре 1936 г. (д. 2231, лл. 7—14). В документе подводится краткий итог 18-летнего периода белопольской оккупации западно-украинских земель: нищета и вымирание рабочих и крестьян, национальный гнет, предательская политика украинских националистов, которая помогала польским магнатам натравливать трудящихся Западной Украины на Советскую Украину. «Время, наконец, чтобы украинский трудящийся народ сам взял в свои собственные руки дело борьбы за улучшение своей тяжелой доли. Время. чтобы на Западной Украине поднялся могучий антиоккупационный народный фронт, который соединит все живые лучшие силы народа... в борьбе за свободу, землю, хлеб, и мир»,— говорилось в Манифесте. Манифест подробно характеризует жизнь Советской Украины, исторический опыт которой учит борьбе за лучшее будущее Западной Украины. ЦК КПЗУ призвал народ на борьбу за самоопределение Западной Украины и воссоединение с Советской Украиной, за широкий народный фронт в борьбе с оккупационным режимом.

Манифест заканчивается словами: «Рабочие, крестьяне, трудящиеся интеллигенты, украинский народ! Всех вас без различия политических и религиозных взглядов мы зовем к объединению, к общей борьбе под знаменем антиоккупационного фронта... за свободную рабоче-крестьянскую Западную Украину!».

Кроме этих листовок ЦК КПЗУ, в том же фонде хранится и листовка ЦК Красной помощи в Польше, изданная в августе 1936 г., с призывом к созданию широкого народного фронта помощи сражающимся антифашистам (д. 2253, л. 5). Отметив, что испанские фашисты пользуются поддержкой германского и итальянского фашизма, что испанский народ собственными силами вынужден бороться «с мятежниками, с итальянскими и немецкими подкреплениями, с многочисленным наемным сбродом иностранного легиона», ЦК Красной помощи в Польше указывал, что борьба испанского народа — это борьба за демократию и свободу широких масс трудящихся всего мира.

«Победа Испании — подлинной Испании человека труда, а не страны накапливающих богатство священников, засевших в громадных имениях грандов, офицериков, выходцев из аристократических семей — будет также нашей победой... Ее поражение — это наше поражение. Испанское дело — это наше дело». Далее в листовке говорится о революционных традициях польского народа, о необходимости активных выступлений в поддержку революционной Испании путем массовых митингов и собраний солидарности, путем сбора пожертвований. «Каждый грош важен,— писалось в заключение,— он дает возможность приобретения оружия, закупки продовольствия, медикаментов, устройства госпиталей для раненых... Мы должны помочь испанскому народу победить!».

В. И. Котельникова,
Р. Б. Плоткина

РОЛЬ СОЮЗА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ЛЕСНЫХ РАБОЧИХ В ПРОВЕДЕНИИ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1930 г.

Аннотация

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР СССР), в фонде ЦК союза сельскохозяйственных и лесных рабочих (ф. 5466, оп. 12) выявлен целый ряд документальных материалов, характеризующих участие сельскохозяйственного пролетариата в проведении сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса в Средне-Волжском, Нижне-Волжском и Северо-Кавказском краях, т. е. в районах, входивших в первую группу коллективизации, согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г.

Докладные записки Нижне-Волжского

крайкома союза сельскохозяйственных и лесных рабочих (ССХЛР) от 27 февраля 1930 г.[1], Хоперского окружкома ССХЛР от 25 февраля (лл. 16—22), а также доклад Северо-Кавказского крайкома от 29 марта (д. 172, лл. 43—50) об участии в подготовке к весенней посевной кампании показывают организационные мероприятия, проведенные в краях и в округе, состояние и качество подготовки к весеннему севу, с указанием ошибок и недочетов в проделанной работе. Большое место в них отводится созданию батрацких бригад и их деятельности. Так, по Северо-Кавказскому краю было создано 1228 бригад, в которые вошло 7882 человека; в Балашовском округе Нижне-Волжского края за две недели собрали 653 500 руб. задаточных сумм на тракторы и 61 122 пуда семенного материала; 6549 батраков этого округа вошли в колхозы. В Северо-Кавказском крае в колхозы вступило 106 169 батраков.

Значительная часть докладной записки Хоперского окружкома посвящена организации батрачества на борьбу с кулаком. В докладных записках говорится также об улучшении жилищных и бытовых условий батраков, об их выдвижении на руководящую работу в колхозах. Например, по Северо-Кавказскому краю в органы управления колхозов по Адыгейскому, Донскому, Майкопскому, Терскому и Шахтинскому округам избраны 1198 батраков (л. 50).

Вовлечению батрачества в колхозы были посвящены информационная сводка краевого комитета (д. 175, лл. 25—28) и отчет президиума Кубанского окружного комитета (д. 76, лл. 94—106) союза СХЛР, составленные в апреле 1930 г. В сводке указывалось, что по данным на 2 апреля, в колхозы вступило 35 319 человек, или 55,3%, но эти цифры, по мнению автора сводки, далеко не полные: в колхозы уже вовлечено 70—80% батрачества. Далее приводились сообщения из отдельных районов края, в которых отмечалась высокая активность батрачества в проведении коллективизации. Так, из Потуловского сельского рабочего комитета союза СХЛР Самарского округа Средне-Волжского края писали: «Батраки и батрачки с первого батрацкого собрания все в два дня записались в колхозы, и ни один батрак не сказал, чтобы отказаться от колхоза. Все вошли с охотой и говорят: „Пришла наша жизнь, наша власть“» (л. 26).

В Кубанском округе на 1 апреля 1930 г. из 17 919 батраков-членов союза вступили в колхозы 16 090 чел. и из 19 068 нечленов союза — 15 455 батраков. 1330 батраков-членов союза были выдвинуты на руководящую работу в колхозы. Для улучшения положения колхозников-батраков им было передано 888 конфискованных кулацких домов и часть кулацкого имущества. Вместе с достижениями в сводке и особенно в отчете отмечались существенные недостатки в организации работы среди батрачества.

Проведению весенней посевной кампании 1930 г., участию в ней батрачества и дальнейшей работе по сплошной коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса посвящены доклады Северо-Кавказского краевого (д. 184, лл. 154—164) и Донского окружного (д. 177, лл. 147—152) комитетов союза СХЛР, составленные в конце апреля — в мае 1930 г. На основании этих докладов можно установить, что число батраков, вовлеченных в колхозы по Северо-Кавказскому краю, возросло до 148 тыс. чел., что только по Донскому округу ликвидировано 6000 кулацких хозяйств и 1600 кулаков высланы за пределы края; в колхозы вошло 91,8% крестьянских дворов. Создание колхозов, а также активная помощь, которую они получили от МТС и рабочих совхозов, позволили достичь больших успехов в проведении весеннего сева. По одному Донскому округу было засеяно 837 440 га, из них пшеницей 658 622 га.

О деятельности союза СХЛР в Нижне-Волжском крае в 1930 г. говорится в кратком докладе краевого комитета 23 декабря 1930 г. (д. 25, лл. 10—20). В начале доклада приводится динамика создания колхозов в Нижне-Волжском крае: на 1 октября 1928 г. их было 2474; они объединяли 35 107 хозяйств, а к 5 декабря 1930 г. число их возросло до 3901 с 492 340 хозяйствами. Конфискованные у кулаков сельскохозяйственный инвентарь и другое имущество в сумме на 27 млн. руб. были переданы в неделимый фонд колхозов.

В докладе освещаются участие сельскохозяйственных рабочих в подготовке и проведении весеннего сева, а затем уборочной кампании, большое место уделяется работе среди батрачества (в 1930 г. в колхозы вступили 74 710 батраков) и организационно-хозяйственной и культурной деятельности крайкома, а также вопросам подготовки кадров для колхозов и совхозов.

Г. П. Петровская

---

[1] Ф. 5466, оп. 12, д. 184, лл. 6—8 (Далее номера дел и листов см. в тексте).

ПОСТУПЛЕНИЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ В ЦГАЛИ

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР непрерывно пополняется новыми материалами по истории русской культуры. За 1955—1858 гг. на хранение поступило более тридцати фондов, насчитывающих свыше восьмидесяти тысяч документов.

Отделом литературных фондов были приняты личные архивы С. А. Басова-Верхоянцева, В. О. Броуна (Стамбулова), Н. А. Венкстерн, Б. Л. Горбатова, Б. С. Житкова, А. А. Игнатьева, А. С. Кочеткова, С. А. Обрадовича, К. Осипова (М. О. Купермана), Л. П. Пасынкова, С. Г. Розанова, Н. Я. Рощина, Б. И. и Г. И. Ярхо и других писателей, поэтов, драматургов и журналистов.

Писатель-революционер С. А. Басов-Верхоянцев — автор многих сатирических памфлетов, сказок и лирических стихотворений. Главное место в его писательском наследии занимают рукописи поэтической обработки известной русской народной сказки «Конек-Горбунок», названной автором «Коньком-Скакунком». Об этой злой сатире на самодержавный строй и об отношении к ней со стороны царской цензуры друг К. Маркса и первый переводчик «Капитала» на русский язык Г. А. Лопатин писал в одном из писем к сестре: «„Конька-Скакунка" отбирают всюду, как бомбу, я, конечно, „черкнул" и получил экземпляр для своей коллекции, но, во-первых, жаль немножко и даже нельзя поступиться единственным экземпляром, а, во-вторых,— как пошлешь? Ведь сконфискуют по почте». Среди материалов архива Басова-Верхоянцева интерес представляют и другие сатирические сказки-памфлеты, а также рукописи стихотворного переложения «Слова о полку Игореве».

В литературное наследство Б. Л. Горбатова входят рукописи романов «Донбасс» и «Алексей Гайдаш», повести «Ячейка», пьеса «Одна ночь»; здесь имеются многочисленные блокноты и тетради с творческими записями, а также дневники и переписка.

Фонд писателя генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева дает полное представление о жизни этого крупного военного деятеля и выдающегося мемуариста. В составе фонда имеется автограф книги «Пятьдесят лет в строю», статьи, переводы, записные книжки, альбомы фотографий, письма И. Э. Бабеля, В. В. Вишневского, А. С. Новикова-Прибоя, Е. В. Тарле, Т. Л. Щепкиной-Куперник и других. Вместе с материалами А. А. Игнатьева в архив поступили неопубликованные рукописи его жены Н. В. Трухановой — ее театральные воспоминания «Огни рампы», воспоминания о выдающихся современниках, названные «Галерея портретов» и «Летопись жизни А. А. Игнатьева».

В небольшом по объему фонде детского писателя Б. С. Житкова имеются дневники о его пребывании в служебной командировке в Англии и письма к жене Е. Р. Бахаревой за 1911—1929 гг., содержащие сведения о творческих планах писателя и литературной жизни Ленинграда.

Более двух тысяч документов насчитывается в фонде поэта, члена творческого объединения писателей 20-х годов «Кузница» С. А. Обрадовича. Здесь представлены стихотворения разных лет, обширная переписка, редкие фотографии двадцатых годов, собранная С. А. Обрадовичем коллекция литературных рукописей и книг с автографами.

В течение многих лет поэт и переводчик А. С. Кочетков трудился над переводами западных классиков и поэтов братских республик. В его фонде переводы Гёте, Шиллера, Петефи, грузинских, туркменских и узбекских поэтов, оригинальные стихи и поэмы. А. С. Кочетков выступал и как драматург. В его пьесе «Николай Коперник», поставленной в тридцатые годы Театром Московского планетария, с большой психологической глубиной воссоздан образ великого польского ученого. Автограф этой пьесы также входит в рукописное наследие, оставленное А. С. Кочетковым.

Около тысячи документов составляет фонд драматурга Н. А. Венкстерн. Это — инсценировки классических произведений Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского, Чарльза Диккенса, оригинальные пьесы, дневники и переписка.

От вдовы драматурга Н. Н. Шаповаленко получены в дар рукописи пьес, письма, фотографии и другие документальные материалы личного архива.

Литературно-документальное наследие известного детского писателя, художественного руководителя и режиссера Московского театра для детей С. Г. Розанова было получено в дар от его жены А. И. Розановой. На государственное хранение поступили рукописи таких популярных произведений, как повесть «Приключения Травки» и пьеса «Негритенок и обезьяна», а также воспоминания об А. П. Гайдаре, о брате писателя Н. Огневе (Н. Г. Розанове) — авторе книг «Республика Шкид» и «Дневник Кости Рябцева».

Архив детского писателя М. В. Муратова, переданный в дар женою писателя Т. Г. Муратовой, состоит из рукописей его произведений «Юность Ломоносова», «Жизнь Радищева», «Фонвизин», дневников и биографических документов.

В фонде Л. П. Пасынкова имеются воспоминания об А. М. Горьком и В. В. Маяковском, рукописи художественных произведений и книги с дарственными надписями А. М. Горького, А. Виноградов, А. Фадеева и многих других писателей. В своих

воспоминаниях Л. П. Пасынков рассказывает, как однажды он посетил великого писателя и тот познакомил его со своей рабочей библиотекой. А. М. Горький любил дарить книги. Так он поступил и в этот раз, о чем Л. П. Пасынков пишет в следующих строках воспоминаний:

«— Что Вам преподнести из этого ералаша? Предупреждаю: с некоторыми, хоть бейте, не расстанусь...»

В ответ на мое растерянное молчание Алексей Максимович сказал:

«— Может, на сей раз уговоримся, что я вручу Вам свою книжку?»

— Но только с Вашей надписью,— неожиданно для себя выпалил я.

— Вот видите,— шутливо нахмурясь, сказал хозяин библиотеки,— уже первое «но». Извольте! И он написал своими четкими, стоячими, широко расставленными буквами: «Льву Павловичу Пасынкову на добрую память. М. Горький». Такова история автографа на небольшом томике «Детства». Сейчас эта книга нашла свое место в научно-справочной библиотеке архива.

Писатель-публицист В. О. Броун длительное время заведовал бюро печати при советском посольстве в Анкаре. В архив поступили его обзоры политической и экономической жизни Турции и письма Р. Роллана, С. Прокофьева, А. Толстого.

Для изучения истории русской журналистики могут оказаться любопытными документальные материалы редактора-издателя газеты «Неделя» П. А. Гайдебурова и среди них фотографии писателей, сотрудников «Недели», на большинстве которых имеются дарственные надписи. Здесь фотографии А. М. Жемчужникова, Ц. А. Кюи, Н. С. Лескова, С. Я. Надсона, Я. П. Полонского, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В составе большого архива писателя И. А. Данилина (1870—1941 гг.), полученного в дар от сына писателя Ю. И. Данилина, находятся рукописи его произведений, среди которых имеются и неопубликованные, а также материалы о кассе взаимопомощи литераторов и ученых конца XIX и начала XX вв., имеющие большое справочное значение. Обширная переписка писателя представлена письмами А. М. Горького, А. С. Серафимовича, Н. Н. Ляшко, А. И. Куприна, Ф. Д. Нефедова, И. А. Белоусова, И. А. Бунина, Н. Д. Телешова и многих других писателей.

Документальное наследие писателя Н. Я. Рощина составляют материалы о его жизни во Франции в период эмиграции. Большинство страниц «Парижского дневника» писателя посвящено трагическим для французского народа дням гитлеровской оккупации.

Имя В. В. Недоброво как автора многочисленных сценариев («Жила-была девочка», «Златые горы» и др.) тесно связано с историей советской кинематографии. Кинодраматург оставил обширное наследие — сценарии и либретто фильмов. Из материалов его фонда следует особо отметить творческие записи по созданию незавершенного сценария «Ленин в двадцатые годы».

К. Осипов известен как автор исторических романов, о чем и говорят рукописи книг, находящихся в его личном архиве: «Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», «Богдан Хмельницкий».

Фонд Б. И. и Г. И. Ярхо содержит неопубликованные труды исследователя литературы западного средневековья Б. И. Ярхо и переводы произведений Рабле, Лесажа, Сореля, сделанные Г. И. Ярхо.

В самое последнее время архив приобрел у К. А. Куприной (дочери писателя) около шестидесяти рукописей рассказов, очерков, статей, фельетонов и стихотворений, публиковавшихся в основном только в зарубежной печати, а частично еще совершенно не видевших света. В классическом наследии А. И. Куприна киносценарий «Моя звезда», рассказы «Строчка Ивановна», «Ральф», «Одиночество», «Ночная фиалка», статьи и фельетоны «Дюма-отец», «Прелестный принц», «Стена», «Зов», «Тульский левша», стихотворения «Маныч», «Колыбельная», «Жакомино». Для исследователей творчества выдающегося писателя-реалиста представят интерес и главы из романа «Юнкера», не опубликованная и не вошедшая в окончательный текст глава из романа «Яма» и более пятисот писем. Среди корреспондентов А. И. Куприна — И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, И. Е. Репин, Р. Роллан и многие другие выдающиеся деятели литературы и искусства.

Новыми материалами пополнились фонды А. С. Новикова-Прибоя и С. Г. Скитальца. В фонд автора «Цусимы» переданы рукописи ранних очерков и рассказов, черновые записи о цусимском сражении, рукописи произведений, созданных писателем в период пребывания за границей в 1907—1913 гг. в качестве политического эмигранта, его записные книжки и фотографии.

Из дополнительного поступления материалов С. Г. Скитальца могут быть названы рукописи романов «Кандалы» и «Дом Черновых», стихотворения, фотографии писателей и артистов.

Из других материалов новых поступлений ценны шесть писем Г. И. Успенского к А. И. Иванчину-Писареву за 1882—1895 гг., небольшой альбом юношеских стихотворений В. И. Лебедева-Кумача, стихи, письма и редкие фотографии Демьяна Бедного.

В 1956 г. архив приобрел у одной из английских букинистических фирм несколько автографов А. И. Герцена. Автор «Былого и дум» находился в добрых отношениях с французским писателем и историком Жюлем Кларети, которого называл «очень милым и дельным человеком». В числе приобретенных автографов А. И. Герцена имеется его письмо Ж. Кларети,

написанное за три месяца до смерти. В нем А. И Герцен выражает большое удовлетворение трехтомным изданием своих воспоминаний, предпринятым Ж. Кларети, и обращается к нему с предложением о выпуске исправленного и дополненного издания этих воспоминаний в двух томах. Другим автографом является надпись А. И. Герцена на книге «Camicia Rossa», подаренной им Кларети несколькими днями позднее письма «Жюлю Кларети в знак глубокой симпатии от Ал. Герцена. 6 окт. 1869 г. Париж».

Другим новым поступлением из-за границы явились рукописи и переписка П. И. Бирюкова, биографа и друга Л. Н. Толстого. Эти документы были приобретены у дочери П. И. Бирюкова, живущей в Швейцарии. Особое значение среди них имеет рукопись статьи П. И. Бирюкова «Дионисий и пифагорейцы» со значительной собственноручной правкой Л. Н. Толстого. В дневнике П. И. Бирюкова имеются записи разговоров с Л. Н. Толстым и более тридцати писем любимой дочери Толстого Марии Львовны, в которых содержатся постоянные упоминания о здоровье, занятиях и творческой работе отца. Строки писем Н. С. Лескова свидетельствуют о его большой любви к Толстому, искренней преданности ему и взаимных ответных чувствах автора «Войны и мира». В письмах Н. С. Лесков делится с П. И. Бирюковым своими литературными планами и выражает глубокое негодование по поводу негласной цензуры, процветавшей в годы господства обер-прокурора Синода Победоносцева и митрополита Филарета. Н. С. Лесков подробно излагает историю с негласным запрещением его повести «Зенон златокузнец», похороненной в редакции журнала «Русская мысль». Писатель дает уничтожающую характеристику Победоносцеву, Филарету и некоторым редакторам «Русской мысли». В письмах Р. Роллана имеются интересные сведения о работе писателя по изучению произведений великих индийских мыслителей, об освободительном движении и проекте автономии Индии, об отношении к Ганди и по другим, не менее интересным вопросам.

Отдел фондов искусств за этот же период времени принял на хранение документальные материалы композиторов, художников, деятелей театра, кино и цирка.

Творческое рукописное наследие С. С. Прокофьева, переданное архиву в дар М. А. Мендельсон-Прокофьевой и детьми композитора, включает автографы нотных рукописей оперы «Война и мир», балетов «Золушка», «Ромео и Джульетта», «Сказ о каменном цветке», кантаты «Александр Невский», шестой и седьмой симфоний, концертов, детских музыкальных сказок и других произведений. Фонд содержит также богатую и содержательную переписку композитора.

Нотные рукописи-автографы опер «Гюльсара» и «Шах-Сенем», балетов «Красный цветок», «Медный всадник», «Дочь Кастилии», симфонических и камерных произведений представлены в фонде Р. М. Глиэра. При этом важно, что имеются не только беловые рукописи, но также первоначальные наброски и варианты.

Ценным пополнением фондов ЦГАЛИ является фонд И. О. Дунаевского, переданный в дар вдовой композитора З. А. Дунаевской. Здесь имеются клавиры и партитуры оперетт «Сын клоуна», «Соломенная шляпка», музыка к кинофильмам «Веселые ребята», «Светлый путь», «Волга-Волга», «Весна» и другим, нотные рукописи популярных советских песен, а также личная переписка.

Большое количество записей и обработок народных песенных мелодий, романсы на слова русских классиков, музыка к спектаклям на пушкинские темы представлены в творческом наследии композитора Г. Г. Лобачева.

Профессор Московской консерватории, выдающийся флейтист В. Н. Цыбин долгие годы занимался разработкой методики преподавания игры на флейте. Записи по этому вопросу сохранились среди других документов его творческого наследия. Сюда также относится клавир оперы «Фленго» и оперы «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», специально сочиненной для организованной В. Н. Цыбиным детской музыкальной школы в городе Пушкино Московской области. Фонд дополняют фотографии с дарственными надписями А. К. Глазунова, С. В. Рахманинова, Р. М. Глиэра.

Кроме названных материалов по истории музыки, в архив поступили нотные рукописи, переписка, фотографии и биографические документы профессора Московской консерватории В. В. Нечаева и заслуженного деятеля искусств РСФСР ростовского композитора и дирижера И. К. Шапошникова.

Вновь приобретенные художественные фонды представлены именами академика живописи П. И. Котова, секретаря Союза русских художников В. П. Бычкова, искусствоведов М. В. Бабенчикова и А. Н. Турунова. В этой группе материалов обращают внимание рисунки П. И. Котова, письма А. Е. Архипова, братьев А. М. и В. М. Васнецовых, А. С. Голубкиной и библиографические сведения о русских художниках, собранные А. Н. Туруновым.

В личном архиве М. В. Бабенчикова сохранились рукописи работ по истории русского изобразительного искусства, письма П. П. Кончаловского, И. С. Остроухова, Н. К. Рериха, А. А. Фадеева, А. В. Щусева, С. М. Эйзенштейна, К. Ф. Юона, статьи и воспоминания о писателях, художниках, артистах: А. А. Блоке, М. А. Врубеле, А. М. Горьком, В. Н. Давыдове, С. А. Есенине, В. Ф. Комиссаржевской,

В. Э. Мейерхольде, И. Е. Репине. Самостоятельными группами представлены материалы художника Е. Е. Лансере, академиков архитектуры В. А. Щуко и А. В. Щусева, документы по истории художественного образования в России. Особую группу составляет большая коллекция рисунков, гравюр и литографий выдающихся художников Армении, Грузии, Украины.

Историки театрального и циркового искусства могут ознакомиться с поступившими в архив материалами народного артиста СССР В. В. Ванина, народного артиста РСФСР М. Ф. Ленина, заслуженных артистов Российской федерации В. Ф. Лебедева и В. Е. Лазаренко.

Среди материалов В. В. Ванина — бывшего художественного руководителя Московского драматического театра им. А. С. Пушкина — имеются театральные мемуары, письма и фотографии В. В. Вересаева, В. И. Качалова, Л. В. Собинова, Н. Д. Телешова, А. И. Южина.

В фонде М. Ф. Ленина хранится дневник фронтовой театральной бригады за 1942 г. Здесь же хранятся письма А. П. Ленского и некоторые его автографы.

Большой интерес представляют воспоминания о жизненном пути В. Ф. Лебедева «Годы, города, клубы». Его перу принадлежат также неопубликованные воспоминания о Л. Н. Толстом.

Личный архив известного мастера циркового искусства В. Е. Лазаренко содержит богатое собрание фотографий деятелей цирка и автографов выдающихся деятелей литературы и театра М. М. Блюменталь-Тамариной, В. И. Качалова, А. И. Куприна, А. В. Луначарского, В. Э. Мейерхольда, А. В. Неждановой, Б. С. Ромашова, М. М. Тарханова и многих других. Большой любитель цирка и неизменный поклонник таланта Лазаренко А. И. Куприн оставил три записи в альбоме артиста. Вот одна из них:

«Милый Лазаренко,— пишет А. И. Куприн,— цирку уже много тысяч лет. И цирк еще много тысячелетий проживет, пока в людях не умрет уважение к ловкости, смелости, красоте тела и к свободной шутке». Ярким и своеобразным документом является рукопись неопубликованной книги В. Е. Лазаренко «Жизнь клоуна».

Документы из фонда кинорежиссера, основоположника советского документального кино Д. А. Вертова содержат сведения по истории советской кинематографии. Исследователи смогут ознакомиться с работами Д. А. Вертова, сценариями фильмов «Три песни о Ленине», «Симфония Донбасса» и др., с его статьями по вопросам кино.

В 1958 г. в ЦГАЛИ передала материалы своего личного архива народная артистка СССР А. А. Яблочкина. Он содержит около восьми тысяч документов. Среди них биографические материалы, роли, статьи и выступления, воспоминания о М. Н. Ермоловой, А. П. Ленском, А. И. Южине, письма К. С. Станиславского, В. И. Немировича-Данченко, А. И. Южина, Г. Н. Федотовой и многих других режиссеров и артистов Малого и Художественного театров, фотографии А. А. Яблочкиной в жизни и ролях, а также документы, характеризующие творчество и большую общественную деятельность актрисы.

В 1959 г. ЦГАЛИ продолжает работу по комплектованию материалами личных фондов.

Е. Н. Насокина, Н. Д. Черников

К ЧИТАТЕЛЯМ

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР обращается ко всем читателям журнала «Исторический архив» с просьбой сообщить известные им сведения о личных архивах деятелей литературы и искусства, находящихся у частных лиц.

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТАТЬИ

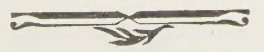
СООБЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Аннотации



CONTENTS